Томас Харрис

Ганнибал

Часть I
ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

ГЛАВА 1

Подумать можно, день такой
Дрожит, боясь начаться...

"Мустанг" Клэрис Старлинг с ревом съехал по въездной дорожке в гараж рядом со входом в БАТО на Массачусетс Авеню, штаб-квартира которого располагалась в доме, в целях экономии арендованном у преподобного Сон Мен Муна.

Оперативная группа уже ждала, разместившись в трех машинах - помятом, неказистом микроавтобусе, который пойдет первым, на грязно-белых бортах которого были наклеены рекламные щиты с надписью "Крабы Мэрселла", и в двух черных автобусах спецчастей СВАТ, которые пойдут следом. Все были готовы, моторы работали на холостом ходу, урча в похожем на пещеру гараже.

Сквозь распахнутые задние двери микроавтобуса за Старлинг наблюдали четверо мужчин. Даже в камуфляжной форме она выглядела тоненькой и стройной. Она быстро шла, склоняясь под тяжестью снаряжения, и волосы ее блестели в мертвенно-бледном свете люминисцентных ламп.

- Ох уж эти мне бабы! Вечно опаздывают! - произнес офицер полиции округа Колумбия.

Группой командовал специальный агент БАТО Джон Бригем.

- Она не опаздывает, я позвонил ей, только когда мы получили команду, - сказал он. - И ей пришлось тащиться сюда из Квонтико. Эй, Старлинг, давайте сумку!

Старлинг помахала ему рукой:

- Привет, Джон!

Бригем сказал что-то сидевшему за рулем неряшливо одетому агенту в штатском, автобус тронулся, прежде чем закрылись его задние двери, и выехал на улицу, освещенную послеполуденным осенним солнцем.

Клэрис Старлинг, давно привыкшая к автобусам наружного наблюдения, поднырнула под наглазник перископа и села в задней части салона, поближе к глыбе сухого льда весом фунтов в сто пятьдесят, которая заменила кондиционер воздуха, когда приходилось сидеть в засаде с выключенным двигателем.

В старом микроавтобусе воняло, как в обезьяннике - запах страха и пота, от которого невозможно избавиться. За свою жизнь он сменил немало рекламных наклеек, да и нынешние приделали всего полчаса назад. Пулевые пробоины заткнуты лейкопластырем.

Затемненные задние окна снаружи были зеркальными. Изнутри же Старлинг могла видеть сквозь них, как следом движутся черные автобусы СВАТ. У нее была надежда, что им не придется часами сидеть в закрытом автобусе.

Специальный агент ФБР Клэрис Старлинг, выглядела на свои тридцать два года, но ей всегда удавалось сделать так, чтобы она смотрелась как можно

лучше, даже когда надевала камуфляжную форму.

Бригем достал с переднего пассажирского сидения блокнот.

- Как это получается, Старлинг, что вас всегда суют в такое дерьмо?

- Да потому что вы сами вечно требуете именно меня.

- Да, сегодня мне нужны именно вы. А то в последнее время вы, черт побери, только и занимаетесь тем, что разносите повестки да приказы на операции. Не мое дело, конечно, только вот, как мне кажется, кое-кто в Баззардз-Пойнт вас очень не любит. Вам бы надо переходить ко мне. Это мои ребята - агенты Маркес Берк и Джон Хар, а это Болтон из Полицей-ского управления округа Колумбия.

Осуществление операций силами смешанных групп из оперативников Бюро по контролю оборота алкоголя, табачных изделий и оружия, СВАТ, Управления по борьбе с наркотиками и ФБР явилось вынужденным результатом бюджетных ограничений. В нынешние времена даже Академия ФБР была закрыта по причине отсутствия финансирования.

Берк и Хар выглядели как настоящие оперативники. Полицейский из округа Болтон больше напоминал судебного пристава. На вид ему было около сорока пяти - грузный и нервно-возбужденный.

Мэр Вашингтона, после того, как оказался замешан в скандале с наркотиками, желавший всеми средствами продемонстрировать жесткость по отношению к наркодельцам, настоял на том, чтобы полиция округа Колумбия принимала непосредственное участие в каждом крупном антинаркотическом рейде, проводившемся в городе. Отсюда и Болтон.

- Сегодня охотимся на Драмго, - сказал Бригем.

- Эвельда Драмго, так я и знала, - без всякого энтузиазма отозвалась Старлинг.

Бригем кивнул:

- У нее лаборатория по изготовлению "льда" рядом с рыбным рынком "Фелисиана", возле реки. Наш источник сообщает, что сегодня она варит новую партию "дури". И у нее уже заказаны билеты на Каймановы Острова. Так что времени у нас почти не осталось.

Кристаллический метамфетамин, который уличные торговцы наркотой называют "снежок" или "лед", дает мощный кратковременный "балдеж" и создает убийственную наркотическую зависимость.

- "Дурь" - это забота УБН, но Эвельда и нам нужна - по делу о перевозке автоматического оружия между штатами. В ордере на арест указаны пара автоматов "беретта" и несколько "МАК-10", а она знает, где спрятана еще более крупная партия. Старлинг, вы займетесь Эвельдой. Вы ведь с ней уже имели дело. А ребята будут вас прикрывать.

- Нам досталась легкая работенка, - с некоторым удовлетворением произнес Болтон.

- Думаю, вам надо бы рассказать им об Эвельде, Старлинг, - сказал Бригем.

Старлинг переждала, пока микроавтобус с грохотом переехал через железнодорожные пути.

- Эвельда будет сопротивляться, - сообщила она. - На вид она совсем не такая - она ведь фотомоделью была, но она обязательно будет сопротивляться. Она - вдова Дижона Драмго. Я ее дважды арестовывала по обвинению в рэкете и

коррупции, в первый раз вместе с Дижоном.
В последний раз у нее в сумочке был девятимиллиметровый пистолет с
тремя запасными обоймами и газовый баллончик да еще нож-бабочка в лифчике.
Даже и не знаю, чем она вооружена сегодня.
Во время второго ареста я очень вежливо попросила ее сдаться, что она и
сделала. А потом, в тюрьме округа Колумбия, она убила другую заключенную по
имени Марша Валентайн, убила заточенной ручкой ложки. По ней никогда не
скажешь... ее лицо почти ничего не выражает... Большое жюри пришло к
заключению, что это была самооборона.
Она сумела отбиться от первого обвинения в рэкете и коррупции, а по
второму представила смягчающие обстоятельства. Обвинения, связанные с
оружием, были сняты, поскольку у нее был новорожденный ребенок, да к тому же
ее мужа только что убили на автостоянке на Плезант Авеню, скорее всего
бандой "сплиффов".
- Я и сегодня предложу ей сдаться. Надеюсь, она пойдет на это - мы
выглядим очень внушительно. Но слушайте внимательно: если Эвельду Драмго
придется брать силой, мне понадобится реальная помощь. Спину мне прикрывать
не надо, мне нужна реальная помощь, грубая мужская сила. Джентльмены, не
воображайте, что вам предстоит любоваться, как мы с Эвельдой занимаемся
мад-рестлингом.
Были раньше времена, когда Старлинг вполне могла положиться на опыт
таких людей, как эти оперативники. Но сейчас им явно не понравилось то, что

она им сообщила. Она успела насмотреться за свою жизнь такого, что теперь ей
было почти все равно.

- Эвельда Драмго через Дижона была связана с бандой "крипсов", -
заметил Бригем. - У нее и охрана есть от "крипсов", так говорит наш человек,
а "крипсы" занимаются продажей наркотиков по всему побережью. В основном,
это ее крыша против "сплиффов". Не знаю, что предпримут "крипсы", когда
увидят нас. Обычно они стараются не связываться с полицией, если этого можно
избежать.

- Вам еще нужно помнить, что у Эвельды ВИЧ-положительная реакция, -
добавила Старлинг. - Дижон заразил ее шприцем. Это обнаружилось, когда она
была в тюрьме, и она словно с цепи сорвалась. В тот день она и убила
заключенную по имени Марша Валентайн и подралась с охраной. Если сегодня она
будет без оружия, но начнет сопротивляться, от нее можно ожидать чего
угодно: будет плеваться, кусаться, может напустить или наложить в штаны,
когда вы будете пытаться ее взять. Так что надевайте перчатки, маски - весь
стандартный набор. Если будете сажать ее в патрульную машину и положите ей
руку на голову, чтоб пригнуть, остерегайтесь иглы, спрятанной в волосах, и
свяжите ей ноги.

У Берка и Хара вытянулись лица. Полицейский Болтон выглядел очень
озабоченным. Он кивнул своим двойным подбородком на основное оружие Старлинг
- хорошо послуживший пистолет "кольт" 45 калибра, модель
"гавермент-спешиэл", с приклеенной к рукоятке полоской светоотражающей

пленки, который торчал у нее за правым бедром из открытой кобуры типа "яки":

- Вы так и ходите повсюду? Со взведенным курком? - Это его больше всего заинтересовало.

- На боевом взводе и на предохранителе, в любое время дня, - ответила Старлинг.

- Опасно, - сказал Болтон.

- Приходите как-нибудь на стрельбище, я вам покажу, что это вовсе не опасно.

Тут вмешался Бригем:

- Болтон, я сам тренировал Старлинг, когда она три года подряд выигрывала соревнования между агентствами по стрельбе из боевого пистолета. Так что насчет ее оружия можешь не беспокоиться. Кстати, эти ребята из Группы по освобождению заложников, эти ковбои хреновы, как они вас прозвали, Старлинг, когда вы их всех обставили? Энни Оукли?

- Гадюка Оукли, - ответила она и отвернулась к окну.

В этом провонявшем микроавтобусе наружного наблюдения, набитом мужчинами, под их пронизывающими взглядами Старлинг чувствовала себя страшно одинокой. Запахи мужских дезодорантов - "Чапс", "Брют", "Олд Спайс", - да еще пота и кожи. Ощущала она и страх - на вкус он был как медная монетка под языком.

Образ в памяти: отец, от которого пахнет табаком и дешевым мылом, чистит апельсин складным ножом, у которого кончик лезвия отломан, и делится с нею. Огни задних фонарей отцовского пикапа исчезли в ночи, когда он отправился в последний ночной объезд, во время которого и был убит. Его

одежда в шкафу. Его ковбойка.

Несколько хороших вещей в ее нынешнем шкафу, которые она так ни разу и не надела. Грустные выходные платья на вешалках, как заброшенные игрушки на чердаке...

- Через десять минут будем на месте, - обернувшись, сообщил водитель.

Бригем глянул вперед сквозь лобовое стекло и проверил по часам время.

- Поглядите все на план, - сказал он. План квартала был грубо и поспешно изображен фломастером. Еще у Бригема имелся смазанный поэтажный план дома, присланный по факсу из Департамента строительства. - Здание рыбного рынка расположено в сплошной линии магазинов и складов вдоль реки. Парсел-стрит вот здесь упирается в Риверсайд Авеню, там небольшая площадь, прямо перед рыбным рынком.

Видите, здание рыбного рынка задами выходит прямо к воде. У них там есть причал, он тянется вдоль всего заднего фасада, вот здесь. Рядом с рыбным рынком, на первом этаже лаборатория Эвельды. Вход вот здесь, спереди, рядом с навесом рыбного рынка. У Эвельды наверняка выставлена наружняя охрана, пока она варит "дурь", по крайней мере возле ближайших домов. Они ее прежде предупреждали о приезде полиции, так что у нее всегда было время, чтобы спустить весь товар в сортир. Поэтому сегодня группа захвата из УБН, та, которая в третьем автобусе, подходит к дому на рыбачьей лодке со стороны причала - в пятнадцать ноль-ноль. Мы в нашем автобусе можем подъехать ближе, чем кто-либо другой, прямо ко входу с улицы - за пару минут до начала рейда.

Если Эвельда выйдет через переднюю дверь - мы ее берем. Второй автобус -
наше прикрытие и резерв, семь ребят подъезжают к пятнадцати ровно, если мы
не вызовем их раньше.
- Как входить будем? - спросила Старлинг.
Ответил ей Берк:
- Если там все тихо - выбиваем дверь. А если услышим выстрелы или
увидим вспышки - тогда "привет из Эйвона". - Берк похлопал по своему
дробовику.
Старлинг видела такое. "Привет из Эйвона" - это мощный патрон с гильзой
длиной в три дюйма, заряженный мелкими свинцовыми опилками. Он предназначен
для вышибания дверных замков так, чтобы не ранить никого из находящихся
внутри людей.
- Как насчет детей Эвельды? Где они? - спросила Старлинг.
- Наш информатор видел, как она их отвезла в детский садик, - ответил
Бригем. - Он хорошо знает все их семейные дела, вроде бы даже близок с нею -
насколько можно быть близким при безопасном сексе.
Заговорила рация Бригема - у него в наушнике зачирикало, и он, вытянув
голову, попытался осмотреть часть неба, видимую сквозь задние стекла.
- Может, они снимают автомобильную аварию, - произнес он в микрофон.
Потом сказал водителю: - Вторая группа минуту назад засекла вертолет службы
новостей. Ты что-нибудь видел?
- Нет.
- Ох, лучше бы это было дорожно-транспортное происшествие. Ладно,
давайте приготовимся. Все в седло, сабли к бою.
Сто пятьдесят фунтов сухого льда не в состоянии охладить пять

человеческих тел в металлической коробке автобуса да еще в жаркий день,
особенно если на них надета противопульная броня. Когда Болтон поднял руки,
лишний раз стало понятно, что прыскать под мышками дезодорантом "Каноэ"
совсем не то же самое, что принять душ.

Клэрис Старлинг уже давно вшила толстые "плечики" в свою камуфляжную
рубашку, чтобы облегчить тяжесть кевларового бронежилета, хоть какой-то
защиты от пуль. Жилет утяжеляли еще и металлокерамические пластины на спине,
равно как и на груди.

Трагические случайности в прошлом доказали ценность такой пластины на
спине. Силовая операция, когда вламываешься в помещение вместе с группой, с
которой раньше никогда не работал, с людьми разного уровня подготовки, -
дело очень опасное. Прешь напролом впереди испуганных парней в зеленом, и
вдруг получаешь заряд прямо в позвоночник - от собственных коллег.

Не доезжая трех миль до реки, третий микроавтобус свернул в сторону,
чтобы забросить группу захвата УБН к месту их рандеву с рыбачьей лодкой, а
второй автобус отстал на приличное расстояние от первого.

Район здесь запущенный. Треть домов стоит с заколоченными окнами,
остовы сожженных автомобилей у тротуаров поставлены вместо колес на ящики.
Молодые люди слоняются у входов в бары и магазинчики. Дети играют на
тротуаре вокруг горящего матраса.

Если охранники Эвельды находятся снаружи, то хорошо маскируются под
местных. Рядом с винными магазинчиками и на парковочных площадках возле
бакалейных лавок в машинах сидят люди, разговаривают.

Открытая, низко посаженная "импала" - в ней четверо молодых афро-американцев - отъехала от стоянки и влилась в поток редких машин. Едет следом за первым микроавтобусом. Пассажиры "импалы" впрыгнули на передок машины прямо с тротуара, уступая дорогу проходящим мимо девицам; от грохота их стерео-магнитолы дрожат металлические стенки микроавтобуса.

Наблюдая за ними сквозь зеркальные задние окна, Старлинг скоро убедилась, что эти молодые люди в открытой машине опасности не представляют. "Криспы" в качестве "канонерки", как называют машины охраны и прикрытия, почти всегда используют мощный четырехдверный седан или универсал, достаточно старый, чтобы вписаться в местный антураж; задние окна в нем можно открывать полностью. В нем помещается трое, иногда четверо. Баскетбольная команда в "бьюике" производит гораздо более угрожающее впечатление, если, конечно, у тебя уже поехала крыша.

Пока ждали зеленого сигнала светофора, Бригем снял чехол с наглазника перископа и похлопал Болтона по колену.

- Глянь вокруг, может, заметишь на тротуаре кого из местных знаменитостей, - сказал он.

"Глаз" перископа замаскирован вентиляционными отверстиями под крышей автобуса. Через него видна только одна сторона улицы.

Болтон повел перископом от упора до упора и оторвался от него, потирая глаза.

- Слишком сильно эта дура трясется, пока мотор работает, - произнес он.

Бригем связался по рации с группой в лодке.

- Им еще метров четыреста вниз по реке. Они на подходе, - сообщил он

своей группе.
    Еще через квартал, на Парсел-стрит, автобус опять встал на красный свет
и стоял там, напротив рыбного рынка, как всем им показалось, очень долго.
Водитель повернулся, будто поправляя правое зеркало заднего вида, и сказал
Бригему, едва двигая губами:
    - Вроде там немного народу, на рынке-то. Так, поехали.
    Сменился сигнал светофора, и в 14-57, ровно за три минуты до "часа
Икс", разболтанный микроавтобус остановился рядом с рыбным рынком
"Фелисиана", в отличном месте возле тротуара.
    И они услышали скрежет - это водитель "врубил" ручной тормоз.
    Бригем уступил Старлинг место у перископа:
    - Проверьте все вокруг.
    Старлинг прошлась перископом по всей улице перед фасадом здания.
Расставленные на тротуаре столы и прилавки, заполненные рыбой во льду,
сверкали под холщовыми навесами. Снэпперы, выловленные на песчаных отмелях у
берегов Каролины, были искусно разложены в углублениях между стружками льда,
крабы шевелили ногами в открытых корзинах, а омары в баке лезли один на
другого. Хитрый рыботорговец приделал влажные куски губки над глазами
крупных рыбин, чтобы те продолжали сверкать до того момента, когда вечером
сюда хлынет, принюхиваясь и крутя носами, толпа домохозяек, перебравшихся
сюда из карибских стран.
    Старлинг заметила маленькую радугу в брызгах воды возле разделочного
стола, где типичный латиноамериканец с мощными бицепсами изящными взмахами
своего кривого ножа разделывал и чистил акулу-мако, а затем подставил ее под

мощную струю, бьющую из шланга. Окрашенная кровью вода хлынула в канаву, и
Старлинг услышала, как она течет под днищем автобуса.

Старлинг видела, как водитель заговорил с рыботорговцем и спросил того
о чем-то. Торговец поглядел на часы, пожал плечами и ткнул пальцем в
направлении местной закусочной. Водитель с минуту потолкался по рынку,
закурил сигарету и пошел к кафе.

Магнитола на рынке играла популярную песенку "Ля Макарена", достаточно
громко, так что Старлинг ясно слышала каждую ноту сквозь стенки автобуса;
потом она на всю жизнь возненавидит эту мелодию.

Нужная им дверь располагалась справа, двустворчатая металлическая дверь
в металлической же раме, перед ней - одна бетонная ступенька.

Старлинг хотела было оставить перископ, когда дверь вдруг распахнулась.
Из нее вышел крупный белый мужчина в гавай-ской рубашке и сандалиях. На
груди у него висела матерчатая хозяйственная сумка. И одна рука пряталась за
этой сумкой. Следом за ним появился курчавый чернокожий. Этот нес на руке
плащ.

- Внимание! - произнесла Старлинг.

А за двумя мужчинами появилась Эвельда Драмго - за их спинами виднелись
ее длинная, как у Нефертити, шея и красивое лицо.

- Эвельда выходит, идет позади двоих мужчин, они, кажется, вооружены, -
сказала Старлинг.

Она не успела быстро отодвинуться от перископа, и Бригем задел ее. Она
надела защитный шлем.

Бригем уже командовал в микрофон:

- Первый - всем группам. Начинаем! Начинаем! Она вышла с нашей стороны,

мы пошли.

- Положить всех на землю, максимально тихо и быстро, - приказал Бригем. Он передернул затвор своего дробовика. - Лодка будет здесь через тридцать секунд. Вперед!

Старлинг первая соскакивает на мостовую. Косички Эвельды взлетают в воздух, когда она поворачивается в ее сторону. Старлинг ощущает рядом с собой присутствие мужчин, оружие у них наготове, и они кричат: "Все на землю! Всем лежать!"

Эвельда выходит вперед.

У Эвельды на груди - ребенок в рюкзачке "кенгуру".

- Нам не надо никаких неприятностей, - говорит она человеку, стоящему рядом с нею. - Подождите, подождите! - Она выходит вперед, королевская осанка, держит ребенка высоко перед собой, на всю длину ремней рюкзачка, одеяльце свисает вниз.

Надо дать ей дорогу. Старлинг на ощупь сунула пистолет в кобуру, вытянула руки вперед.

- Эвельда! Сдавайся. Иди сюда.

Позади Старлинг рев мощного восьмицилиндрового мотора и визг шин. Вот тебе и прикрытие!

Эвельда не обращает на нее никакого внимания, идет прямо на Бригема, и тут свисающее с ребенка одеяло начинает дергаться и вибрировать - из-под него стреляет автомат "МАК-10", и Бригем падает, прозрачный щиток его шлема весь забрызган кровью.

Грузный белый мужчина отбросил хозяйственную сумку. Берк увидел у него автомат и выстрелил - заряд бесполезных свинцовых опилок, "привет из

Эйвона", которым было заряжено его ружье. Он передернул затвор, но не успел.
Грузный мужчина дал очередь, буквально перерезав Берка пополам ниже
бронежилета, на уровне паха, повернулся к Старлинг, но она уже выхватила
пистолет из кобуры и, прежде чем он успел выстрелить, всадила две пули прямо
в середину его гавайской рубашки.
Выстрелы позади Старлинг. Курчавый чернокожий сбросил плащ со своего
автомата и, пригнувшись, прыгнул обратно в дом, но тут удар в спину, как
мощным кулаком, швырнул Старлинг вперед и выбил весь воздух у нее из легких.
Она резко обернулась и увидела, что "канонерка" "криспов" стоит боком к ней,
это "кадиллак"-седан, стекла опущены, двое стрелков сидят прямо на оконных
проемах с противоположной от нее стороны, что называется "по-чейеннски", и
ведут огонь над крышей машины, а третий стреляет с левого заднего сиденья.
Вспышки огня и дым из трех стволов, пули свистят вокруг нее.
Старлинг присела между двумя припаркованными машинами, заметила, что
Берк корчится на дороге. Бригем лежит неподвижно, под его шлемом
расплывается лужа крови. Хар и Болтон вели огонь, засев между машинами
где-то на противоположной стороне улицы, а там разлетались вдребезги
автомобильные стекла, звеня по асфальту, потом грохнула лопнувшая
автомобильная шина, потом плотный огонь из "кадиллака" прижал их к земле.
Старлинг, стоя одной ногой в канаве, высунула голову из-за машины.
Двое стрелков сидят в окнах машины и стреляют над крышей, водитель тоже

стреляет, держа пистолет в свободной руке. Четвертый, что сидит на заднем сиденье, открыл дверцу и втаскивает внутрь Эвельду с ребенком. Хозяйственная сумка теперь у нее в руке. Стреляют в сторону Болтона и Хара, через улицу, дым из-под задних колес "кадиллака", машина тронулась с места. Старлинг поднялась на ноги, повернулась вслед за движущейся машиной и всадила пулю водителю в голову. Дважды выстрелила по стрелку, что сидел в окне переднего сиденья, и того отшвырнуло назад. Выбросила магазин из пистолета и мгновенно вставила новый, пустой еще не упал на землю, не отрывая взгляда от машины.

"Кадиллак" вильнул вправо, со скрежетом цепляя припаркованные на той стороне улицы машины, и остановился, уткнувшись боком в одну из них.

Старлинг уже двигалась по направлению к "кадиллаку". На подоконнике дальней от нее задней двери по-прежнему сидел стрелок, дико выкатив глаза и пытаясь оттолкнуться руками от крыши машины, грудь зажата между "кадиллаком" и припаркованным автомобилем. Его пистолет соскользнул по крыше. Из ближнего к ней заднего окна высунулись руки без оружия. Человек в синем головном платке выскочил из машины, подняв руки вверх, и бросился прочь. Она не стала обращать на него внимания.

Выстрелы справа, и бегущий бросается на землю головой вперед, проехавшись лицом по мостовой, потом пытается заползти под стоящую машину.
Лопасти вертолетного винта стрекочут над головой.

Кто-то орет в помещении рыбного рынка: "Лежать! Всем лежать!" Люди

прячутся под прилавками, вода из брошенного возле разделочного стола шланга
фонтаном лупит в воздух.

Старлинг приближается к "кадиллаку". Движение на заднем сиденье. Машина
раскачивается. Внутри орет ребенок. Выстрелы, и заднее стекло рассыпается
вдребезги и падает внутрь.

Старлинг подняла левую руку и крикнула, не оборачиваясь:

- Прекратить огонь! Не стрелять! Следите за дверью! Вы, там, сзади,
следите за выходом из здания!

- Эвельда! - Движение на заднем сиденье машины. Ребенок орет внутри. -
Эвельда, высуни руки из окна!

Эвельда Драмго вылезает из машины. Ребенок продолжает орать. "Ля
Макарена" с грохотом несется из динамиков в помещении рыбного рынка. Эвельда
вылезла и идет по направлению к Старлинг, наклонив свою прекрасную голову,
руки обнимают тело ребенка.

Берк дернулся, лежа на земле между ними. Теперь это уже слабые
конвульсии - он почти истек кровью. Ритм "Ля Макарены" дергается словно
вместе с Берком. Кто-то, сильно пригнувшись, подбежал к нему, лег рядом,
зажал ему рану.

Старлинг направила ствол пистолета в землю перед Эвельдой.

- Эвельда, покажи руки, ну, давай же, покажи руки!

Одеяло оттопыривается. Эвельда подняла голову, лицо в обрамлении
косичек, темное, как у египтян, и посмотрела на Старлинг.

- А, это ты, Старлинг... - произнесла она.

- Эвельда, не стреляй! Подумай о ребенке!

- Сука! А давай махнемся жизненными соками!

Одеяло завибрировало и задергалось, ударила воздушная волна. Старлинг

выстрелила Эвельде в лицо, пуля попала в верхнюю губу, и задняя часть черепа словно взорвалась.

Старлинг обнаружила, что она почему-то сидит, голову сбоку жутко саднит, дыхание перехватило. И Эвельда тоже сидит на мостовой, склонившись вперед, головой к ногам, изо рта у нее хлещет кровь, прямо на ребенка, ребенок орет, но его крики заглушает нависшее над ним тело матери. Старлинг подползла к ней и ухватилась за скользкие от крови застежки рюкзачка. Потом достала у Эвельды из лифчика нож-бабочку, открыла его не глядя и перерезала лямки. Ребенок был весь красный от крови и скользкий, Старлинг с трудом удерживала его в руках.

Прижимая его к себе, Старлинг подняла измученный взгляд. Увидела, что из шланга, брошенного возле рыбного рынка, все еще бьет вода, и кинулась туда, неся окровавленного ребенка. Смахнула в сторону ножи и рыбьи потроха, положила ребенка на разделочный стол и направила на него струю из шланга.
Темнокожий ребенок на белой столешнице посреди ножей и рыбьих внутренностей, рядом с ним отрубленная акулья голова, вода смывает с него зараженную спидом кровь, и кровь Старлинг тоже капает на него и смывается вместе с кровью Эвельды в общем потоке, соленом, как морская вода.

Бьет струя воды, и в брызгах возникает радуга, словно Дар Господень, словно сверкающий символ над результатами удара Его слепого молота. Ни одной раны на теле мальчика Старлинг не видит. Из динамиков грохочет "Ля

Макарена", и все время щелкает лампа-вспышка, пока Хар не оттаскивает фотографа в сторону.

ГЛАВА 2

Тупик в рабочем районе Арлингтона, штат Вирджиния. Недавно пробило полночь. Теплая осенняя ночь после дождя. Воздух нехотя движется, подталкиваемый холодным фронтом. В гуще опавших листьев на сырой земле скрипит сверчок. Он замолкает, когда до него докатывается мощная вибрация, приглушенный рев 5-литрового двигателя "мустанга" со стальным трубчатым передним бампером; "мустанг" заворачивает в тупик, сопровождаемый машиной федерального маршала. Обе машины въезжают на дорожку, ведущую к аккуратному дуплексу, и останавливаются. "Мустанг" еще несколько минут подрагивает на холостом ходу. Когда его двигатель выключается, сверчок ждет немного, а потом снова начинает свою песню, свою последнюю песню перед наступлением холодов, послед-нюю песню в своей коротенькой жизни.

Федеральный маршал в форме вылезает из-за руля "мустанга". Обходит машину и открывает пассажирскую дверь, выпуская Клэрис Старлинг. Она вылезает из машины. Белая повязка на голове удерживает огромный тампон, закрывающий ухо. На шее, над воротником зеленой хирургической блузы, которая надета на ней вместо верхней рубашки, видны красно-оранжевые пятна бетадина.

У нее пластиковая сумка с молнией; в ней несколько пластинок мятной жвачки, ключи, удостоверение специального агента Федерального Бюро

Расследований, скорозарядное устройство для револьвера с пятью патронами и небольшой газовый баллончик. Вместе с сумкой она несет ремень с пустой кобурой.

Маршал протягивает ей ключи от машины.

- Спасибо, Бобби.

- Если хотите, мы с Паттоном зайдем и немного посидим с вами. А может, вам Сандру прислать?.. Она у меня убирает. Я ее быстренько привезу, вам не следует оставаться одной...

- Нет, я сразу же лягу. Да и Арделия скоро вернется. Спасибо, Бобби.

Маршал садится в ожидающую машину, и после того, как они с напарником видят, что Старлинг вошла в дом и теперь в полной безопасности, машина с федеральными опознавательными знаками отъезжает.

В прачечной в доме Старлинг тепло и пахнет смягчителем для белья. Шланги от стиральной машины и от сушилки убраны на место и закреплены пластиковыми полосками, которыми пользуются вместо наручников. Старлинг кладет свои вещи на крышку стиральной машины. Ключи от "мустанга" громко звякают о металлическую крышку. Она вынимает охапку чистого белья из машины и засовывает ее в сушилку. Потом снимает с себя камуфляжные штаны и бросает их в барабан; за ними следуют зеленая блуза и перепачканный кровью лифчик. Потом она включает машину. На ней только носки и трусики, да еще револьвер 38 калибра с кожухом на курке, засунутый в кобуру на голени. На спине и на ребрах свежие царапины, на локте содрана кожа. Правый глаз и щека под ним припухли.

Стиральная машина нагревается, и в ней начинает плескаться вода.
Старлинг заворачивается в большое пляжное полотенце и шлепает в гостиную.
Потом возвращается со стаканом в руке - в нем на два дюйма виски "Джек Дэниэлс", чистого, без содовой. Она садится на резиновый коврик перед стиральной машиной, опершись на нее спиной. В прачечной темно и слышно лишь, как теплая стиральная машина вздыхает и плещет водой. Она сидит на полу, подняв голову, и из горла у нее вырываются рыдания; лишь потом начинают течь слезы. Обжигающие слезы текут по щекам, заливают лицо.

Арделию Мэпп доставил домой ее приятель, с которым она встречалась; она приехала ночью, примерно без четверти час, после долгой езды из Кейп-Мэй; они попрощались у дверей и она пожелала ему спокойной ночи. Мэпп добралась до ванной и услышала, как течет вода в прачечной, а затем гул в трубах, когда стиральная машина начала новый цикл работы.

Она пробралась в заднюю часть дома и включила свет в кухне, которую делила со Старлинг. Оттуда было видно, что делается в прачечной. И она увидела Старлинг, сидящую на полу с повязкой на голове.

- Старлинг! Ох, бедненькая моя! - Арделия опустилась возле подруги на колени. - Что с тобой?

- У меня ухо прострелено, Арделия. Уже заштопали - в больнице Уолтера Рида. Не зажигай свет, ладно?

- Хорошо. Я сейчас что-нибудь приготовлю. А я ничего и не слыхала - мы радио не включали, только магнитолу... Давай, рассказывай.

- Джон погиб, Арделия.

- О Господи! Только не Джон! - Мэпп и Старлинг обе "неровно дышали" к Бригему, когда он был их инструктором по огневой подготовке в Академии ФБР. И все пытались тогда выяснить, что изображает его татуировка... Старлинг кивнула и вытерла глаза тыльной стороной ладони, как ребенок. - Эвельда Драмго и "крипсы". Эвельда его застрелила. И еще Берка убили, Маркеса Берка, из БАТО. Мы вместе участвовали в операции. Эвельду кто-то предупредил, да еще телевидение нагрянуло одновременно с нами. Эвельду следовало брать мне. Но она не пожелала сдаться. Не пожелала, а у нее на руках был ребенок. И мы начали стрелять друг в друга. И я ее застрелила.

Мэпп еще никогда не приходилось видеть Старлинг плачущей.

- Арделия, я сегодня пятерых убила.

Мэпп села на пол рядом со Старлинг и обняла ее. Они вместе откинулись на работающую стиральную машину.

- А что с ее ребенком?

- Я смыла с него кровь, у него не было ни единой царапины, я ничего такого не заметила. В больнице сказали, что физических повреждений никаких. Они его через несколько дней отдадут матери Эвельды. Знаешь, что сказала мне Эвельда в последний момент? "Давай махнемся жизненными соками, сука!"

- Пойду я что-нибудь приготовлю.

- Что? - спросила Стаарлинг.

ГЛАВА 3

Вместе с серым рассветом пришли газеты и начались ранние новостные программы по телевидению.

Мэпп принесла булочки, услыхав, что Старлинг уже встала, и они вместе посмотрели программу новостей.

СиЭнЭн и другие телекомпании все перекупили съемку, сделанную
операторами ВФУЛ-ТВ с вертолета. Съемка была исключительная - она велась
прямо сверху, над головами участ-ников перестрелки.

Старлинг посмотрела запись. Ей хотелось лишний раз убедиться, что
Эвельда выстрелила первой. Потом она обернулась к Арделии - у той на лице
было написано возмущение.

Старлинг пришлось бежать в ванную - ее вырвало.

- Тяжело на это смотреть, - сказала она, когда вернулась, бледная и с
трясущимися ногами.

Как обычно, Мэпп сразу взяла быка за рога:

- У тебя, естественно, один вопрос - что я думаю по поводу того, что ты
застрелила эту афро-американку, которая держала на руках ребенка. Так вот
тебе ответ: она первой в тебя выстрелила. А мне очень хочется, чтобы ты
оставалась в живых. Подумать только, какие кретины разрабатывают эту
идиотскую политику! Каким дебилом надо быть, чтобы свести вас с Эвельдой
один на один, чтобы вы в этом проклятом месте решали проблему
распространения наркотиков с помощью стрельбы! Умники проклятые! Ты бы
подумала, стоит ли дальше быть пешкой в их идиотских играх! - Мэпп налила
себе чаю, чтобы паузой подчеркнуть значение сказанного. - Хочешь, я с тобой
посижу? Могу взять отпуск за свой счет.

- Спасибо, не стоит. Просто позвони мне, ладно?

"Нэшнл Тэтлер", больше всех других заработавший на буме желтой прессы,
разразившемся в девяностые годы, выпустил специальное приложение, что было

чрезвычайным событием даже для этого таблоида. Попозже, днем, кто-то подбросил им под двери экземпляр газеты. Старлинг обнаружила его, когда пошла выяснить, кто глухо стукнул в дверь. Она ожидала самого худшего и получила действительно по полной программе.

"АНГЕЛ СМЕРТИ: КЛЭРИС СТАРЛИНГ - МАШИНА ДЛЯ УБИЙСТВ ИЗ ФБР" - кричал заголовок в "Нэшнл Тэтлер", набранный жирным готическим шрифтом в 72 пункта.
На первой полосе три фото: Клэрис Старлинг в камуфляже стреляет на соревнованиях из пистолета 45 калибра; Эвельда Драмго сидит на мостовой, нависая над ребенком, голова склонилась как у Мадонны на картине Чимабуэ, мозги выбиты напрочь; и снова Старлинг - кладет голого темнокожего ребенка на белый разделочный стол посреди ножей и рыбьих внутренностей, рядом с головой акулы.

Подпись под фото гласит:

"Специальный агент ФБР Клэрис Старлинг, которая положила конец карьере серийного убийцы Джейма Гама, может добавить еще пять зарубок на рукоятку своего пистолета. Мать с грудным ребенком на руках и двое офицеров полиции убиты в результате полного провала операции против наркодельцов".

В основном материале расписывались делишки Эвельды и Дижона Драмго, появление банды "крипсов" на горизонте раздираемого гангстерскими войнами Вашингтона. Было там вкратце рассказано и о военной карьере убитого в схватке офицера полиции Джона Бригема, перечислены его боевые награды.

Со Старлинг они разобрались "на всю катушку", дав о ней обширный
материал под снимком, сделанным скрытой камерой в ресторане: платье с
глубоким вырезом, оживленное лицо.

"Клэрис Старлинг, специальный агент ФБР, заработала себе недолгую
известность, когда застрелила семь лет назад серийного убийцу Джейма Гама,
прозванного Буффало Биллом. А теперь ее, видимо, ждет служебное
расследование и гражданские иски в связи со смертью жительницы Вашингтона,
которую обвиняли в нелегальном производстве амфетамина. (См. статью на
первой полосе.)

"Это может стать концом ее карьеры, - заявил наш источник в Бюро по
контролю оборота алкоголя, табачных изделий и оружия, родственной ФБР
организации. - Мы пока еще не знаем подробностей того, как это все
произошло, но Джон Бригем должен был остаться в живых. После катастрофы в
Руби Ридж ФБР совершенно не нужны подобные провалы," - подчеркнул этот
источник, пожелавший сохранить анонимность.

Стремительная карьера Клэрис Старлинг началась вскоре после того, как
она стала курсантом Академии ФБР. Она с отличием окончила университет штата
Вирджиния по психологии и криминологии, поэтому ей дали задание провести
опрос маньяка-убийцы д-ра Ганнибала Лектера, которого наша газета прозвала
Ганнибалом-Каннибалом. Она получила от него кое-какую информацию, которая
помогла ей потом в поисках Джейма Гама и в спасении взятой им заложницы -

Кэтрин Мартин, дочери бывшего сенатора США от штата Теннесси.

Агент Старлинг три года подряд была чемпионом по стрельбе из боевого пистолета в соревнованиях между различными правоохранительными организациями, прежде чем перестала принимать в них участие. По иронии судьбы Джон Бригем, который участвовал вместе с ней в этой операции и погиб, был инструктором огневой подготовки в Квонтико, когда Старлинг училась в Академии, а потом ее тренером на соревнованиях.

Представитель ФБР заявил, что Старлинг отстранена от исполнения служебных обязанностей с сохранением жалованья до вынесения решения по результатам служебного расследования. Слушание ее дела ожидается в конце недели; оно будет проводиться Инспекцией личного состава, собственной внутренней инквизицией ФБР, которой все страшно боятся.

Родственники покойной Эвельды Драмго заявили, что они подают гражданский иск о взыскании убытков к правительству США и лично к Клэрис Старлинг по обвинению в неправомочных действиях, повлекших за собой смерть.

Трехмесячный сын Эвельды Драмго, которого видно на руках у матери на фотоснимках трагической перестрелки, не пострадал.

Адвокат Телфорд Хиггинс, который выступал защитником семьи Драмго на многочисленных судебных процессах, заявил, что оружие специального агента Клэрис Старлинг - модифицированный автоматический пистолет "кольт" 45 калибра - не разрешен для использования в качестве табельного оружия в органах охраны правопорядка города Вашингтона. "Это смертельное и опасное

оружие, совершенно не подходящее для использования в правоохранительных органах, - подчеркнул Хиггинс. - Само его использование подпадает под статью о безответственной угрозе человеческой жизни", - отметил известный адвокат".

Журналисты из "Тэтлера" сумели купить у одного из информантов Старлинг номер ее домашнего телефона и звонили по нему до тех пор, пока Старлинг не сняла трубку с аппарата и не оставила ее лежать рядом. Для связи с конторой она воспользовалась выданным ФБР сотовым телефоном.

Ухо и вспухшая щека болели не особенно сильно, если до них не дотрагиваться. По крайней мере, не было дергающей боли. Помогли две таблетки тайленола. Она не стала принимать сильнодействующий перкосет, прописанный врачом. В конце концов она задремала, привалившись спиной к изголовью кровати. "Вашингтон пост" упала на пол, на руках осталась пороховая копоть, на щеках - следы высохших слез.

ГЛАВА 4

"Вы можете полюбить Бюро, но Бюро
может и не полюбить вас".
Афоризм, который обычно
приводят в ФБР при "отлучении
сотрудника от должности".

Спортивный зал ФБР в здании имени Эдгара Гувера в этот ранний час был почти пуст. Двое мужчин среднего возраста медленно бежали по внутренней дорожке. Позвякивание грузов тренажера в дальнем углу, возгласы и удары ракеток эхом отражались от потолка огромного зала.

Голоса бегущих мужчин были почти не слышны. Джек Крофорд сегодня бегал

вместе с директором ФБР Танберри - по просьбе самого директора. Они
пробежали две мили и уже немного запыхались.
- У Бэйлока из БАТО нет выбора, он вынужден уступить давлению, -
говорил директор. - Это все из-за провала в Уэйко. Конечно, произойдет это
не сразу, но он конченый человек, и он знает об этом. Он уже может послать
преподобному Муну уведомление об освобождении снимаемого помещения. - Тот
факт, что Бюро по контролю оборота алкоголя, табачных изделий и оружия
снимает в Вашингтоне офис у преподобного Сон Мен Муна, служил в ФБР поводом
для бесконечных шуточек.
- И Фарридей тоже скоро вылетит - за Руби Ридж, - продолжал директор.
- Не вижу связи, - сказал Крофорд. Он служил вместе с Фарридеем в
Нью-Йорке в семидесятых, когда толпа пикетировала местное отделение ФБР на
углу Третьей Авеню и 69-й Стрит. - Фарридей - отличный работник. И не он
устанавливал правила проведения операций.
- Я ему это говорил вчера утром.
- Он тихо уходит? - спросил Крофорд.
- Скажем так, он уходит с сохранением всех привилегий. Скверные нынче
времена, Джек.
Оба теперь бежали, откинув головы назад, чуть прибавив ходу. Боковым
зрением Крофорд заметил, что директор поглядывает на него оценивающе.
- Вам уже сколько стукнуло, Джек, пятьдесят шесть?
- Совершенно верно.
- Еще год - и обязательный выход на пенсию. Масса людей выходит в
отставку в сорок восемь, в пятьдесят, когда еще можно найти другую работу. А

вот вы так и не захотели. Да-да, я знаю, вы хотели полностью занять себя работой, когда умерла Белла.

Когда Крофорд ничего на это не ответил, директор понял, что допустил бестактность.

- Мне не хотелось бы, чтобы это прозвучало легкомысленно, Джек, но Дорин тут мне как-то говорила, насколько...

- Мне еще многое надо сделать в Квонтико. Мы хотим до конца отладить систему доступа к электронной информации в Сети, чтобы любой полицейский мог ею пользоваться. Вы сами знаете, это предусмотрено в бюджете.

- У вас никогда не возникало желания стать директором, Джек?

- Я всегда считал, что не подхожу для такой должности.

- Именно, Джек. Вы ничего не смыслите в политике. Из вас директор просто не получится. Из вас никогда не вышел бы ни Эйзенхауэр, ни Омар Брэдли. - Он махнул Крофорду рукой, предлагая остановиться, и они встали, тяжело дыша, в стороне от дорожки. - Вот Паттон из вас вполне получился бы. Вы способны вести за собой людей в любой ад, и они все равно будут вас любить. Это особый дар, у меня такого нет. Мне приходится просто всех погонять. - Танберри быстро огляделся по сторонам, взял со скамейки полотенце и накинул его на плечи словно судейское облачение перед вынесением смертного приговора. Глаза его блестели.

Некоторым людям приходится прямо-таки выжимать из себя ярость, чтобы выглядеть жесткими, подумал Крофорд, наблюдая за движениями губ Танберри.

- Теперь о деле покойной мисс Драмго с ее автоматом, лабораторий по

производству амфетамина и прочими штучками, убитой с ребенком на руках.
Юридический комитет Палаты представителей требует кровавой жертвы. Жирного
тельца. Средства массовой информации тоже. УБН должно будет им кого-нибудь
отдать. И БАТО должно им кого-нибудь отдать. И мы тоже должны. Однако, что
касается нас, то они, вероятно, удовлетворятся малой кровью. Крендлер
считает, что мы можем отдать им Клэрис Старлинг, и они оставят нас в покое.
Я с ним согласен. БАТО и УБН получат порку за бездарное планирование
операции. Но на спусковой крючок нажимала Старлинг.

- Она стреляла по убийце офицера полиции, которая вы-стрелила в нее
первой.

- Это никого не интересует. Вы же все прекрасно понимаете, не так ли?
Публика не видела, как Эвельда Драмго застрелила Джона Бригема. Они не
видели, что Эвельда первой стреляла в Старлинг. Они такого никогда не
замечают, если их носом не ткнуть - надо же знать, куда смотреть. Двести
миллионов человек - а десятая часть из них это избиратели! - видели, как
Эвельда Драмго сидит на мостовой, прикрывая собой ребенка, и у нее мозги
вышибло пулей. Молчите, Джек, я знаю, что вы некоторое время считали
Старлинг своей протеже. Но у нее слишком острый язычок, Джек, и она с самого
начала не сумела наладить кое с кем отношения...

- Крендлер - настоящий засранец.

- Слушайте, что я вам говорю, и молчите, пока я не закончил. Карьера
Старлинг и так в любом случае окончена. Она получит увольнение без суда и

всяких последствий. Возня с бумагами ничуть не хуже, чем пустое отсиживание
в офисе от звонка до звонка, а она вполне может найти работу. Джек, вы
сделали для ФБР огромное дело - вы создали Отдел психологии поведения. Очень
многие считают, что если бы вы немного больше занимались собственной
карьерой, то давно стали бы крупной шишкой, гораздо выше, чем начальник
отдела, что вы заслуживаете гораздо большего. Да я первый готов это
подтвердить. Джек, вы выйдете на пенсию заместителем директора ФБР. Даю вам
слово.

- Вы хотите сказать, если я не стану вмешиваться в это дело?

- Джек, пусть все идет своим чередом. Когда мир воцарится во всем
королевстве, так оно и будет. Джек, посмотрите мне в глаза.

- Слушаю вас, директор.

- Это не просьба, это приказ, четкий и недвусмысленный. Не вмешивайтесь. Не бросайтесь такой возможностью. Иногда ведь приходится
просто отвернуться и смотреть в другую сторону. Мне вот приходилось.
Послушайте, я знаю, что это тяжело, поверьте, я знаю, что вы сейчас
чувствуете.

- Что я чувствую? - переспросил Крофорд. - Я чувствую, что мне надо
принять душ.

ГЛАВА 5

Старлинг была хорошей хозяйкой, но не дотошно аккуратной. В ее части
дуплекса всегда царила чистота, и Клэрис в любой момент могла найти то, что
нужно, но вещи у нее имели тенденцию скапливаться кучами - неразобранное
белье после стирки, больше журналов, чем места для их хранения. Она могла бы

занять призовое место на чемпионате мира по глажению в последнюю минуту, но ей никогда не нужно было слишком наряжаться и прихорашиваться, так что в целом она со всем этим справлялась.

Когда ей хотелось полного порядка, она проходила через общую кухню на другую сторону дуплекса, принадлежавшую Арделии Мэпп. Если Арделия была у себя, можно было воспользоваться этим, чтобы получить совет, который всегда оказывался полезен, хотя иной раз бывал более резок, чем ей хотелось. Если же Арделии не было, Старлинг - по молчаливому соглашению между ними - могла посидеть в этой атмосфере абсолютного порядка, царившего в жилище Мэпп, поразмышлять, при условии, что не оставит там никаких следов своего пребывания. Здесь она сегодня и сидела. Это было одно из тех жилищ, в котором всегда пребывает дух его владельца, присутствует тот физически или нет.

Старлинг сидела, глядя на страховой полис бабушки Арделии, который висел на стене, заключенный в красивую рамку, точно так же, как он висел когда-то в сельском домике самой бабушки, а потом в многоквартирном доме, когда Мэпп была еще ребенком. Бабушка Арделии занималась выращиванием овощей и цветов на продажу и экономила на всем, чтобы платить страховые взносы, зато потом получила возможность взять кредит в счет оплаченной страховки, чтобы помочь Арделии в самый критический момент, когда та грызла гранит наук в колледже. Рядом висела и фотография бабушки - маленькая старушка, не

сделавшая даже и попытки улыбнуться, белый крахмальный воротник и древняя мудрость в сверкающих черных глазах под соломенной шляпкой-канотье.

Арделия всегда сознавала, из какой среды она вышла, она ежедневно черпала в этом силы. И сейчас Старлинг пыталась сделать то же самое, чтобы взять себя в руки. Лютеранский приют в Бозмене дал ей пищу и одежду, задал ей модель приличного поведения, но то, что ей было нужно сейчас, она могла найти только в собственной генетической памяти.

Чем ты располагаешь, если происходишь из бедной белой семьи? Да еще из такого района, где Реконструкция завершилась только к концу 1950-х годов? Если происходишь из той социальной среды, которую в университетских городках обычно именуют "скопищем голодранцев" или "деревенщиной", а даже если и снисходят, то называют "синими воротничками" или "белой беднотой Аппалачских гор"? Если даже при ощущении некоторого родства всех южан (которые вообще-то считают недостойной любую физическую работу) твою родню и там называют "беднотой", то где искать опору, с кого брать пример? Ну, да, мы как следует наложили северянам в первой битве при Булл Ран, ну и что? Да, прадедушка здорово дрался во время осады Виксберга, да, часть Национального парка Шиллох навеки останется у всех в памяти как Язу-сити, ну и что?

Много чести и еще больше гордости, если сумел выжить с тем, что у тебя осталось после всего этого - жалкие сорок акров земли да тощий грязный мул, - но надо еще уметь это понять. А ведь никто тебе об этом не скажет.

Старлинг добилась успеха во время учебы в Академии ФБР, потому что ей некуда было отступать. Она сумела пережить удары судьбы в государственных организациях, научившись уважать, четко и твердо следуя всем установленным ими правилам. Она всегда двигалась вперед и вверх, она добилась стипендии, она была хорошим товарищем в любой команде. И ее неудача в продвижении по служебной лестнице в ФБР после такого блестящего старта стала для нее внезапным и страшным потрясением. Оказалось, что она, как муха, попавшая в бутылку, бьется о стеклянную стенку.

У нее было четыре дня, чтобы оплакать Джона Бригема, убитого у нее на глазах. Давным-давно он ее кое о чем попросил, но она сказала "нет". И тогда он спросил ее, останутся ли они друзьями, уже не вкладывая в это никакого другого смысла, и она сказала "да", подразумевая именно это.

Ей теперь еще предстояло смириться с тем фактом, что она сама застрелила пятерых возле рыбного рынка "Фелисиана". Перед ее мысленным взором вновь и вновь возникала картина того, как один из "крипсов", которого сплющило между столкнувшимися машинами, судорожно хватается за крышу "кадиллака", а его пистолет скользит по крыше.

В один из этих дней, просто чтобы отвлечься от тяжких дум, она поехала в больницу проведать ребенка Эвельды. Там была мать Эвельды, держала своего внучонка на руках, собираясь везти его домой. Она узнала Старлинг по фотографиям в газетах, передала ребенка медсестре и, прежде чем Старлинг

поняла, что она собирается сделать, влепила ей пощечину - прямо по замотанной бинтом щеке.

Старлинг не стала отвечать тем же - просто выкрутила ей руку за спину и сунула лицом в стекло, отделявшее детскую палату от приемной, и держала в жестком захвате, пока та не перестала дергаться, тыкаясь расплющенным носом в стекло, заплеванное ее слюнями и пеной изо рта. У Старлинг по шее текла кровь, от боли кружилась голова. В отделении "скорой помощи" ей наложили на ухо новые швы. Она отказалась подавать заявление в полицию. Санитар из "скорой помощи" сообщил об инциденте в редакцию "Тэтлера" и заработал на этом три сотни долларов.

Ей пришлось выезжать из дома еще дважды - чтобы все подготовить к похоронам Джона Бригема и на сами похороны на Арлингтонском Национальном кладбище. У Бригема почти не осталось родственников, да и те дальние, а в завещании он назначил Старлинг своим душеприказчиком.

Лицо у него было сильно повреждено, так что потребовался закрытый гроб, но она по мере возможности проследила за тем, чтобы его все же привели в соответствующий вид. И покойного уложили в гроб в безукоризненной синей форме морского пехотинца, с орденом Серебряной звезды и орденскими планками вместо других наград на груди.

После погребальной церемонии командир Бригема передал Старлинг шкатулку, в которой лежало личное оружие Бригема, его значки и некоторые вещи из его вечно переполненного стола, включая дурацкую птичку, которая все

время раскачивается и пьет из стаканчика с водой.

Через пять дней Старлинг предстояло слушание ее дела, что могло окончательно ее уничтожить. За исключением одного сообщения от Джека Крофорда, ее рабочий телефон все эти дни молчал, а Бригема больше не было, и поговорить теперь было не с кем.

Она позвонила секретарю профсоюза сотрудников ФБР. Он дал только один совет: не надевать на слушание длинные серьги или открытые босоножки.

И каждый день пресса и телевидение продолжали шумиху вокруг истории с Эвельдой Драмго и трепали ее, как такса треплет схваченную крысу.

Здесь, в идеальном порядке дома Арделии Мэпп, Старлинг пыталась думать.

Что может уничтожить любого человека - это червь сомнений, желание согласиться с обвинителями, чтобы добиться их расположения.

Какой-то звук мешает...

Старлинг пыталась точно припомнить свои слова там, в микроавтобусе. Может быть, она сказала что-то лишнее? Какой-то звук мешает...

Бригем велел ей проинформировать остальных об Эвельде. Может быть, она изначально проявила враждебность, сказала о ней что-то гнус...

Какой-то звук все время мешает думать!

Она пришла в себя и поняла, что это звонят в ее дверь, на той стороне дуплекса. Наверное, какой-нибудь репортер. Еще могли принести повестку в суд по гражданским делам - она ожидала ее. Она отвела в сторону занавеску на окне в гостиной Мэпп и выглянула наружу - как раз вовремя, чтобы успеть заметить почтальона, уже возвращавшегося к своему грузовичку. Она открыла парадную дверь и перехватила его и, повернувшись спиной к машине прессы,

дежурившей на той стороне улицы с теле- и фотообъективами наготове,
расписалась в получении заказного письма. Конверт был лиловато-розового
цвета, с вплетенными в дорогую плотную бумагу шелковыми нитями. Хотя она
сейчас думала совсем о другом, конверт ей кое-что напомнил. Оказавшись снова
внутри, подальше от чужих глаз, она глянула на адрес. Великолепный
каллиграфический почерк.

Несмотря на постоянный страх, от которого у нее в голове все время
гудело, Старлинг ощутила сигнал тревоги. И почувствовала, как по коже на
животе пошли мурашки, словно она облилась чем-то холодным.

Она взяла конверт за края и отнесла его в кухню. Из сумочки извлекла
всегда лежавшие там белые перчатки для работы с вещдоками. Прижала конверт к
твердой поверхности кухонного стола и весь его прощупала. Хотя бумага была
толстая и плотная, она бы сразу выявила наличие батарейки для часов,
подсоединенной к листу пластиковой взрывчатки С-4 и готовой взорвать его.
Она прекрасно знала, что ей следовало бы проверить конверт под флуороскопом.
Если его открыть прямо здесь, это может кончиться плохо. Плохо? Это уж
точно. Чушь все это.

Она вскрыла конверт кухонным ножом и извлекла из него шелковистый
листок бумаги. И сразу поняла, еще не успев взглянуть на подпись, кто автор
этого послания.

Дорогая Клэрис!

Я с огромным интересом следил за тем, как вас бесчестят и подвергают

публичному шельмованию. То, как это делали со мной, меня никогда не задевало, исключая, конечно, неудобства, вызванные тюремным заключением, а вот вам может не хватить умения смотреть вперед.

В ходе наших дискуссий там, в тюремном подвале, мне стало совершенно ясно, что ваш отец, погибший ночной сторож, занимает весьма значительное место в вашей шкале ценностей. Думаю, что ваш успех в пресечении карьеры Джейма Гама в качестве закройщика и портного доставил вам наибольшую радость именно потому, что вы могли себе представить, что это сделал ваш отец.

А теперь вы на плохом счету в ФБР. Вы, наверное, всегда воображали, что вами там командует ваш отец, воображали его начальником отдела или даже выше, чем Джек Кроформ, - ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ДИРЕКТОРА ФБР, воображали, как он следит за вашими успехами и гордится вами. Не так ли? А что теперь? Теперь вы, видимо, представляете себе, как он стыдится вас, как сокрушается в связи с вашим бесчестьем, вашим поражением, бесславным и печальным концом вашей многообещающей карьеры. Так? Может быть, вы уже предствляете себе, как вы сами занимаетесь такой же унизительной работой, на которую вынуждена была пойти ваша мать после того, как наркоманы укокошили вашего ПАПОЧКУ? А? Как вы думаете, ваш провал отразится на них? Может быть, люди теперь всегда будут считать их - пусть даже несправедливо - отбросами и мусором, которые торнадо уносит из трейлерного лагеря? Ответьте мне откровенно, специальный агент Старлинг.

Сделаем на минутку перерыв, прежде чем продолжить.

А теперь я укажу вам на то качество вашего характера, которое поможет вам: слезы сейчас не застилают вам глаза, у вас хватит пороху, чтобы читать дальше.

Вот вам упражнение, которое может оказаться для вас полезным. Я хочу, чтобы вы проделали это прямо сейчас, немедленно, вместе со мной.

У вас есть чугунная сковородка? Вы же с юга, из горных районов, не могу себе представить, чтоб у вас такой не было. Поставьте ее на кухонный стол. Включите верхний свет.

Мэпп получила почерневшую чугунную сковородку в наследство от своей бабушки и часто ею пользовалась. У сковородки было черное блестящее дно, которого никогда не касалось мыло. Старлинг поставила ее на стол перед собой.

Теперь, Клэрис, смотрите прямо в сковороду. Наклонитесь и смотрите вниз, на ее дно. Если это сковорода вашей матери - а вполне может оказаться, что это именно так, - то она наверняка хранит в своих молекулах следы вибрации от всех разговоров, которые велись в ее присутствии. Всех обменов мнениями, мелких ссор, жутких откровений, недвусмысленных сообщений о несчастьях, ворчанья, поэтических выражений любви.

Сядьте к столу, Клэрис. Посмотрите в сковороду. Если она хорошо прокоптилась, она выглядит как черный омут, не так ли? И смотреть в нее - все равно что в глубокий колодец. Ваше четкое отражение не на самом дне, оно

вырисовывается неясно, словно в тумане, так? Источник света - позади вас, и вот вы видите себя на черной поверхности, а вокруг головы - свечение, словно волосы загорелись.

Мы все - лишь соединения углерода, Клэрис. И вы, и сковородка, и ваш папочка, давно умерший и лежащий в земле, холодный, как эта сковорода. И все вибрации по-прежнему хранятся все там же. Прислушайтесь. Как в действительности звучали их голоса, как они на самом деле жили, ваши всю жизнь боровшиеся родители? Нужны конкретные воспоминания, а вовсе не образы, которые переполняют вашу душу.

Почему так случилось, что ваш отец не был помощником шерифа, одним из тех, что заполняют залы суда? Почему ваша мать служила уборщицей в мотелях, чтобы содержать вас, хотя и не сумела сохранить семью, пока вы не выросли?

Какое у вас осталось самое живое воспоминание о кухне? Не о больнице, а о кухне?

Как мама смывает кровь со шляпы отца.

Какое у вас самое светлое воспоминание, связанное с кухней?

Как отец чистит апельсины своим старым складным ножом, у которого отломан кончик лезвия, и раздает нам дольки.

Ваш отец, Клэрис, был ночным сторожем. А ваша мать - уборщицей.

Чья это была мечта, что вы сделаете блестящую карьеру на федеральной службе, ваша или их? В какой мере ваш отец мог прогибаться и пресмыкаться, чтобы уцелеть в застойном бюрократическом болоте? Был ли он готов ради этого лизать задницы своим начальникам? Вы хоть раз в жизни видели, чтобы он лизоблюдствовал или раболепствовал?

А ваши начальники - они-то хоть раз продемонстрировали какие-нибудь высокие моральные качества? А ваши родители, может быть, они их демонстрировали? Если так, то совпали ли эти качества?

Посмотрите на честный черный чугун и ответьте мне. Вы подвели своих умерших родителей? Может быть, они предпочли бы, чтобы вы подлизывались? Как они относились к стойкости и силе духа? А ведь вы можете быть сильной и стойкой - стоит лишь захотеть.

Вы воин, Клэрис. Враг убит, ребенок спасен. Вы воин.

Самые стабильные химические элементы, Клэрис, расположены в середине периодической системы, грубо говоря, между железом и серебром.

Между железом и серебром. Думаю, это как раз относится к вам.

Ганнибал Лектер

P.S. За вами по-прежнему должок, вы сами знаете, кое-какая информация. Сообщите, по-прежнему ли вы просыпаетесь ночью, слыша блеянье ягнят. В любое воскресенье дайте объявление в общенациональном издании "Таймс", в "Интернэшнл Геральд Трибьюн" и в "Чайна Мэйл". Адресуйте сообщение А.А.Аарону, чтобы оно пошло первым. И подпишите его "Ханна".

Читая письмо, Клэрис слышала все эти слова, произносимые тем же самым голосом, который насмехался над нею и язвил ее, копался в ее жизни и просвещал ее в отделении строгого режима Спецбольницы для невменяемых преступников, когда ей пришлось продать Ганнибалу Лектеру свои воспоминания в обмен на важную информацию о Буффало Билле. Металлический скрежет этого редко звучавшего голоса она и сейчас все еще слышит в своих снах.

В углу кухни висела свежая паутина. Старлинг сидела, уставившись на нее, пока ее мысли мешались в полном беспорядке. Радость и сожаление, сожаление и радость. Радость от того, что получила помощь, радость, что увидела путь к исцелению. Радость и сожаление, что доктор Лектер послал свое письмо через службу пересылки в Лос-Анджелесе, а там, видимо, пользуются услугами дешевой рабсилы - на сей раз на конверте стоял штемпель почтового отделения. Джек Кроформ будет страшно рад этому штемпелю, да и почтовые работники тоже, и лаборатория.

ГЛАВА 6

В комнате, где теперь проходит жизнь Мэйсона, тихо, но здесь звучит свой собственный пульс - вдохи и выдохи респиратора - аппарата искусственного дыхания, который дает ему возможность дышать. Здесь темно, если не считать мерцания в огромном аквариуме, в котором великолепный угорь, не переставая, выписывает бесконечные восьмерки, а отбрасываемая им тень словно лента движется по стенам комнаты.

Заплетенные в косу волосы Мэйсона, свернутые в толстый жгут, лежат на крышке аппарата искусственного дыхания, закрывающей его грудь. Перед ним висит сложное устройство из многочисленных трубок, похожее на флейту Пана.

Длинный язык Мэйсона просовывается в щель между зубами. Он проводит языком по кончику одной из трубок и дует в трубку вместе с очередным циклом работы аппарата.

Из динамика на стене немедленно слышится ответ на его сигнал: "Да,

сэр?"

- "Тэтлер"! - Начальное "т" не произносится, но голос сильный и звучный, как у радиодиктора.

- На первой полосе...

- Не надо мне читать. Дайте на монитор. - В речи Мэйсона отсутствуют звуки "д", "м" и "т".

Щелкает высоко поднятый монитор. Его зелено-голубой экран становится розовым, когда на нем появляется первая полоса "Тэтлера".

"АНГЕЛ СМЕРТИ - КЛЭРИС СТАРЛИНГ, МАШИНА ДЛЯ УБИЙСТВ ИЗ ФБР", - читает Мэйсон, три раза медленно вдыхая и выдыхая с помощью аппарата. Фотографии он может увеличивать на экране.

Только одна его рука торчит из-под одеяла, которым накрыта его высоко поднятая кровать. Он может немного ею двигать. Рука эта передвигается как бледный паук, больше с помощью перемещения пальцев, чем силой мускулов локтя и предплечья. Поскольку Мэйсон почти не может поворачивать голову, чтобы больше видеть, указательный и средний пальцы действуют как антенны, ощупывая пространство, пока большой палец, безымянный и мизинец передвигают ладонь.
Вот ладонь нащупывает пульт дистанционного управления, с помощью которого он может увеличивать изображение и переворачивать страницы.

Мэйсон читает медленно. Специальное приспособление, укрепленное на линзе над его единственным глазом, два раза в минуту издает шипение и выпускает тонкую струйку увлажняющей жидкости на лишенное века глазное яблоко, но часто затуманивает стекло линзы. Ему требуется двадцать минут,

чтобы до конца дочитать основную статью и дополнительные материалы на ту же тему.

- Поставьте рентгенограмму, - сказал он, закончив читать.

Это заняло всего секунду. Огромная рентгенограмма потребовала специальной подставки с подсветкой, чтобы ее было хорошо видно на мониторе. Человеческая ладонь, видимо, покалеченная. Еще один снимок, на нем вся рука вместе с ладонью. Стрелка, приклеенная к рентгенограмме, указывает на старый сросшийся перелом кости посредине между плечом и локтем.

Мэйсон смотрел на экран в течение многих вдохов и выдохов.

- Поставьте письмо, - произнес он наконец.

На экране возник великолепный каллиграфический почерк, буквы абсурдно огромные в результате увеличения.

Дорогая Клэрис! - читал Мэйсон. - Я с огромным интересом следил за тем, как вас бесчестят и подвергают публичному шельмованию... - Ритм чтения пробудил в нем давно дремавшие думы, которые закрутили и завертели его самого, его кровать, всю комнату, содрали струпья с его отвратительных мечтаний, которые невозможно выразить словами, заставили сердце биться быстрее, опережая работу дыхательного аппарата... Машина ощутила его возбуждение и начала быстрее наполнять воздухом его легкие.

Он прочел письмо до конца, медленно, болезненно, читая в такт работе респиратора, читая, словно верхом на скачущей лошади. Мэйсон не мог закрыть свой глаз, но когда он закончил чтение, его мозг отрешился от того, на что смотрел глаз, чтобы некоторое время подумать. Аппарат замедлил ритм работы.

Потом Мэйсон опять дунул в трубку.
- Да, сэр?
- Соедините меня с конгрессменом Велмором. Телефон дайте сюда. Динамик отключите.
- Клэрис Старлинг, - произнес он, словно разговаривая сам с собой, когда следующий вдох аппарата позволил ему произнести это. В этом имени не было взрывных согласных, и он хорошо сумел его произнести. Ни один звук не пропал. Пока он ждал телефонного звонка, он на минутку задремал. Тень угря продолжала скользить по его простыне, по лицу и по свернутым в жгут волосам.

ГЛАВА 7

Баззардз-Пойнт, штаб-квартира отделения ФБР по Вашингтону и округу Колумбия, был так назван по сборищу хищных птиц, которые во множестве слетались к военному госпиталю, располагавшемуся на этом месте во время Гражданской войны.
Сегодняшнее сборище руководящих лиц среднего звена из Управления по борьбе с наркотиками, Бюро по контролю оборота алкоголя, табачных изделий и оружия и ФБР посвящено определению дальнейшей судьбы Клэрис Старлинг.
Старлинг в одиночестве стояла на толстом ковре в кабинете своего босса. Она ощущала, как бьется пульс под повязкой на голове. Несмотря на это, она все же слышала мужские голоса, приглушенные дверью с матовым стеклом, ведущей в соседний конференц-зал.
На стекле в орнаменте из золотых листьев красовался огромный герб ФБР с его девизом "Верность, Мужество, Честь".

Голоса за дверью с гербом звучали то громче, то тише в зависимости от напряженности разговора. Несколько раз Старлинг слышала свою фамилию, остальные слова разобрать не могла.

Из окна кабинета открывался прекрасный вид на гавань яхт-клуба и стоящий за нею Форт МакНэр, где когда-то были повешены заговорщики, участвовавшие в покушении на Линкольна.

Перед мысленным взором Старлинг возникли когда-то виденные ею фотографии Мэри Саррет - как она идет по Форту МакНэр мимо приготовленного для нее гроба и взбирается на помост под виселицей, стоит на крышке люка с уже напяленным на голову колпаком, а юбки обвязаны вокруг ног, "чтобы не допустить непристойности", когда она провалится вниз с громким хрустом шейных позвонков навстречу вечному мраку.

В соседней комнате раздался скрип стульев - мужчины вставали. И вот они вышли в кабинет. Кое-кого она узнала. Господи, да это сам Нунан, помощник Директора, курирующий работу всего следственного управления.

И тут же, рядом - ее извечная Немезида, Пол Крендлер из Департамента юстиции - длинная шея и круглые уши, высоко посаженные на черепе, как у гиены. Крендлер делал успешную карьеру, и нынче его считали серым кардиналом при Генеральном инспекторе. С тех пор, как Клэрис семь лет назад опередила его в раскрытии наделавшего много шума преступления и сама вышла на серийного убийцу Буффало Билла, он при любой возможности подливал яду в ее личное дело и все время нашептывал на ушко членам Совета по работе с кадрами

разные гадости про нее.

Ни один из этих людей никогда не участвовал вместе с нею в операциях, не вручал повестки и ордера на арест, не был вместе с ней под огнем и не вытаскивал, как она, осколки стекла из волос.

Ни один из этих мужчин не взглянул на нее, а потом вдруг все разом подняли на нее глаза, как волки в стае внезапно все разом поворачивают головы в сторону больного теленка в стаде.

- Садитесь, агент Старлинг. - Ее собственный босс, специальный агент Клинт Пирсел, потер запястье, словно ему мешали часы.

Стараясь не встретиться с нею глазами, он указал ей на стул, повернутый к окну. Стул для допроса - отнюдь не самое почетное место.

Семеро мужчин остались стоять, черными силуэтами выделяясь на фоне ярко освещенных окон. Старлинг теперь не было видно их лиц, но, несмотря на яркий свет, она могла разглядеть их ноги. Пятеро носили мокасины с кисточками, на толстых подошвах - излюбленная обувь провинциальных стиляг, которым удалось пробиться в Вашингтон. Еще одна пара - макановские туфли с украшенными перфорацией носами и с подошвами фирмы "Корфэм" и последняя, седьмая, - ботинки от "Флорсхайма", тоже с перфорированными носами. В воздухе стоял запах гуталина, нагревшегося от горячих ног.

- Если вы не знаете кого-то из присутствующих, агент Старлинг, то это помощник Директора Нунан, я думаю вам известно, кто он такой, это - Джон Элдридж из УБН, далее - Боб Снид из БАТО, Бенни Холком, он помощник мэра, и Ларкин Уэйнрайт, инспектор из Инспекции личного состава, - произнес Пирсел.

- Пол Крендлер, вы ведь знаете Пола, присутствует здесь неофициально, представляя Отдел Генерального инспектора Департамента юстиции. Пол просто делает нам некоторое одолжение, так что он как бы присутствует и не присутствует; просто он хочет нам помочь отвести неприятности, если вы понимаете, о чем я.

Старлинг отлично знала, что говорят в их конторе по поводу федеральных инспекторов: это те, кто прибывает на поле битвы после того, как сражение окончено, чтобы добить раненых.

Некоторые из силуэтов кивнули головами в знак привет-ствия. Семеро мужчин вытянули шеи и наклонили головы, рассматривая молодую женщину, судьбе которой посвящено их сборище. В течение нескольких ударов сердца все молчали.

Молчание нарушил Боб Снид. Старлинг помнила его - это был тот самый "специалист по работе с прессой", который пытался нейтрализовать жуткую вонь, поднятую прессой после закончившейся катастрофой операции против секты "Ветвь Давидова" в Уэйко. Он был приятелем Крендлера и тоже считался восходящей звездой.

- Агент Старлинг, вы сами видели реакцию газет и телевидения и знаете, что вас считают убийцей Эвельды Драмго. К несчастью, вас некоторым образом демонизировали.

Старлинг ничего не ответила.

- Что вы думаете по этому поводу?

- Я не имею отношения к подготовке новостей, мистер Снид.

- У женщины на руках был ребенок, вот в чем проблема.

- Не на руках, а в рюкзачке "кенгуру", на груди, а руки были спрятаны за ним, под одеяльцем, а в руках она держала автомат "МАК-10".

- Вы видели протокол вскрытия? - спросил Снид.

- Нет.

- Но вы никогда не отрицали, что это был ваш выстрел?

- Вы что же, думаете, я стану это отрицать только потому, что вы не нашли пулю? - Она повернулась к своему шефу: - Мистер Пирсел, это ведь дружеская встреча, правильно?

- Совершенно верно.

- Тогда почему у мистера Снида работает диктофон? Технический отдел уже сто лет назад перестал пользоваться такими микрофонами в виде булавки для галстука. А у него в нагрудном кармане диктофон, и он записывает каждое слово. Мы что, всегда теперь все записываем, когда идем в офис к коллегам?

Пирсел побагровел. Если Снид действительно все записывает, это с его стороны самое гнусное предательство. Но кто же захочет, чтобы на пленке остался его голос, как он говорит Сниду, чтоб тот выключил свой диктофон...

- Нас не интересуют ни ваши соображения, ни ваши обвинения, - заявил Снид, бледный от ярости. - Мы собрались, чтобы вам помочь.

- Помочь мне?! В чем? Ваше агентство обратилось в наш отдел и затребовало меня, чтобы помочь вам в проведении этой операции. Я два раза предлагала Эвельде Драмго сдаться. Она держала в руках автомат, прикрывая его детским одеялом. К тому времени она застрелила Джона Бригема. Мне очень жаль, что она не сдалась добровольно. Но она не сдалась. Она выстрелила в

меня. Я выстрелила в нее. И вот она мертва. Можете проверить счетчик вашего
диктофона, в каком месте это записано, мистер Снид.

- Вы заранее знали, что Эвельда Драмго там будет? - задал вопрос
Элдридж.

- Заранее? Агент Бригем сообщил мне, когда мы ехали в микроавтобусе,
что Эвельда Драмго занимается изготовлением амфетамина   в охраняемой
гангстерами подпольной лаборатории. И дал мне задание заняться ею.

- Но Бригем мертв, - сказал Крендлер. - И Берк тоже. А ведь отличные
были агенты, черт возьми! И они теперь не могут ничего ни подтвердить, ни
опровергнуть.

Старлинг чуть не стошнило, когда он произнес имя Бригема.

- Я вряд ли смогу забыть, что Джон Бригем мертв, мистер Крендлер. Он
действительно был прекрасным оперативником и к тому же моим другом. Но факт
остается фактом - он дал мне задание лично заняться Эвельдой.

- Бригем дал вам такое задание, несмотря на то, что вы раньше
сталкивались с Эвельдой Драмго, - сказал Крендлер.

- Да перестаньте, Пол, - произнес Клинт Пирсел.

- Сталкивалась? - переспросила Старлинг. - Да ничего подобного - это
был самый обычный арест. Она, конечно, имела раньше столкновения при аресте
- с другими офицерами. Мне же она сопротивления не оказывала, когда я ее
арестовывала в предыдущий раз, мы даже поговорили немного - она ведь была
неглупая женщина. Мы были вполне друг с другом вежливы. И я надеялась, что и
на этот раз мне удастся все проделать тихо-мирно.

- Так вы четко заявили, что "займетесь ею"? - спросил Снид.

- Я подтвердила полученное приказание.

Холком из мэрии наклонился к Сниду. Снид поправил манжеты.

- Мисс Старлинг, у нас есть информация, поступившая от полицейского
Болтона из Управления полиции Вашингтона, что вы делали подстрекательские
заявления по поводу миссис Драмго в автобусе по пути на место, где произошла
перестрелка. Хотите что-нибудь сказать по этому поводу?

- По приказанию агента Бригема я сообщила остальным, что у Эвельды были
в прошлом случаи сопротивления властям, что она обычно вооружена и что она
заражена ВИЧ-инфекцией. Я сказала, что мы дадим ей возможность сдаться. Я
попросила о физической помощи, чтобы справиться с нею, если дело дойдет до
этого. Могу еще добавить, что добровольцев не нашлось.

Клинт Пирсел сделал над собой явное усилие:

- После того, как машина "крипсов" разбилась и один из преступников
убежал, вы заметили, что машина качается, и вы услышали, что внутри плачет
ребенок, не так ли?

- Он не плакал, он кричал, - ответила Старлинг. - Я подняла руку, давая
знак остальным прекратить огонь, и вышла из-за прикрытия.

- Это нарушение правил проведения операций, - сказал Элдридж.

Старлинг проигнорировала его реплику.

- Я приблизилась к машине, готовая стрелять, оружие в руке, стволом
вниз. Между мною и машиной на земле лежал Маркес Берк, он уже умирал. Кто-то
подбежал к нему и наложил тампон на рану. Эвельда с ребенком вылезла из
машины. Я попросила ее показать мне руки. Я сказала что-то вроде: "Эвельда,
не надо стрелять".

- Она выстрелила, вы выстрелили. Она сразу упала?

Старлинг кивнула:

- У нее подкосились ноги, и она осела на мостовую, наклонившись вперед,

над ребенком. Она была мертва.

- И вы схватили ребенка и побежали туда, где была вода, - заметил Пирсел. - Продемонстрировали всем, какая вы заботливая...

- Не знаю, что я там продемонстрировала. Он был весь залит кровью. Я не знала, заражен он ВИЧ-инфекцией или нет. Она-то была инфицирована.

- И вы подумали, что его могла задеть ваша пуля, - сказал Крендлер.

- Ничего подобного. Я прекрасно знала, куда попала моя пуля. Я могу говорить свободно, мистер Пирсел?

Он отвел взгляд в сторону, и она продолжала:

- Операция кончилась полным провалом. Я была поставлена в условия, когда у меня был очень простой выбор: погибнуть или застрелить женщину с ребенком. Я сделала свой выбор, и то, что мне пришлось совершить, до сих пор жжет меня как огнем. Мистер Снид, вы можете еще раз посмотреть на счетчик вашего диктофона и отметить место, где я признаю все это. Меня тошнит от того, что меня поставили в такое положение. И меня тошнит от того, что я теперь чувствую. - Перед глазами мелькнула картина: Бригем лежит лицом вниз на дороге; и тут ее прорвало: - И еще меня тошнит от того, что вы все струсили!

- Старлинг!.. - Пирсел пришел в такую ярость, что в первый раз посмотрел ей прямо в глаза.

- Я знаю, вы еще не успели написать рапорт по форме 302, - произнес Ларкин Уэйнрайт. - Когда мы проанализируем...

- Я уже все написала, сэр, - заявила Старлинг. - Один экземпляр отослан в Инспекцию личного состава. У меня с собой есть еще один. Если не хотите

ждать, можете его получить прямо сейчас. Там записано все, что я сделала и
что увидела там. Мистер Снид, у вас было полно времени...

Все предметы перед нею вдруг приобрели очень четкие очертания, Старлинг
поняла, что это сигнал опасности, и резко сбавила тон.

- Эта операция закончилась полным провалом - по двум причинам. Стукач
БАТО соврал, что ребенка отвезли в дет-ский сад, потому что ему ужасно
хотелось ускорить этот рейд, чтобы его провели до того, как ему придется
предстать перед большим федеральным жюри штата Иллинойс. А Эвельда Драмго
знала, что мы к ней едем. Она вышла из дома с деньгами в одной сумке и с
амфетамином в другой. На ее пейджере горел номер телефона студии ВФУЛ-ТВ.
Она получила предупреждение за пять минут до нашего прибытия. Вертолет
компании ВФУЛ прилетел туда одновременно с нами. Добейтесь ордера на выдачу
пленок с записями телефонных разговоров ВФУЛ и увидите, откуда произошла
утечка. Джентльмены, это сделал тот, чьи интересы связаны с местными делами.
Если бы утечка произошла из БАТО, как это было в случае с операцией в Уэйко,
или из УБН, то сообщение попало бы в общенациональную прессу, а не в местную
телевизионную компанию.

Бенни Холком решил вступиться за родной город:

- Нет никаких доказательств, что утечка произошла из государственных
учреждений Вашингтона или из полицейского управления города, - заявил он.

- А вы добейтесь ордера и увидите, - сказала Старлинг.

- Пейджер Драмго у вас? - спросил Пирсел.

- Опечатан и хранится на складе в Квонтико.

Тут раздался сигнал пейджера помощника Директора Нунана. Он нахмурился,
увидев номер на экране, и, извинившись, вышел из кабинета. Через минуту он
вызвал к себе Пирсела.

Уэйнрайт, Элдридж и Холком, засунув руки в карманы, смотрели в окно на
Форт МакНэр. Так обычно стоят и ждут выхода врача в приемной отделения
интенсивной терапии. Пол Крендлер перехватил взгляд Снида и мотнул головой в
сторону Старлинг.

Снид положил руку на спинку стула Старлинг и наклонился к ней:

- Если вы на слушании дадите показания, что ФБР временно направило вас
в распоряжение БАТО для проведения этой операции и что Эвельда Драмго была
убита из вашего оружия, в БАТО готовы подписаться под заявлением, что это
Джон Бригем велел вам... обратить особое внимание на Эвельду, чтобы взять ее
под стражу без боя. Она была убита из вашего оружия, так что все шишки за
это посыпятся на вашу контору. Но мы тогда не станем проводить межагентские
соревнования вроде "кто кого переписает" в связи с нарушением правил
проведения операций и нам не придется привлекать вас к ответственности за
подстрекательские или враждебные заявления, которые вы делали в
микроавтобусе по поводу того, что эта Эвельда из себя представляет.

Перед глазами Старлинг на миг возникла Эвельда Драмго - как она выходит
из дверей дома, как вылезает из машины, Старлинг вновь увидела, как гордо
она держит голову и, несмотря на всю глупость и бездарность ее смерти, как
решительно она настроена - идет с ребенком на руках прямо на смерть и вовсе

не намерена бежать.
Старлинг наклонилась над микрофоном на галстуке Снида и четко произнесла:
- Я очень рада признать, каким именно человеком она была, мистер Снид. Она была куда лучше вас.
Пирсел вернулся в кабинет уже без Нунана и закрыл за собой дверь.
- Помощник Директора Нунан пошел к себе. Джентльмены, я объявляю перерыв в нашем заседании. Я свяжусь с каждым по отдельности по телефону, - сказал он.
Крендлер поднял голову. Он сразу понял, что дело запахло политикой, и насторожился.
- Но нам же надо принять какое-то решение... - начал было Снид.
- Нет, не надо.
- Но...
- Боб, поверьте мне, не надо нам ничего решать. Я вам позвоню. И еще одно, Боб...
- Да?
Пирсел сунул руку за галстук Снида, ухватил провод и резко дернул, оборвав пуговицы на рубашке и отодрав клейкую ленту от кожи.
- Если вы еще раз заявитесь сюда с подслушкой, получите хорошего пинка в задницу.
Никто из них, выходя из кабинета, не оглянулся на Старлинг. За исключением Крендлера.
Продвигаясь к двери, не отрывая подошв от пола, чтобы можно было не глядеть, куда идешь, Крендлер до предела вывернул свою длинную шею в ее сторону - так гиена поворачивает морду в сторону стада, выискивая очередную жертву. На лице Крендлера на миг мелькнуло голодное выражение, точнее,

какая-то смесь разных видов голода. Это вполне соответствовало его натуре: и любоваться ножками Старлинг, и высматривать, как бы половчее дать ей подсечку.

ГЛАВА 8

Отдел психологии поведения - это подразделение ФБР, которое занимается серийными убийствами. Внизу, в подвальных помещениях отдела, воздух прохладный и неподвижный. Маляры с валиками для краски в последние годы пытались сделать эти подземные помещения несколько более яркими. Результат был не более выдающимся, чем при косметической обработке трупа в похоронном бюро.

Кабинет начальника отдела так и остался коричневого цвета, его окна - высоко под потолком - были закрыты клетчатыми занавесками, как в дешевом кафе. Здесь, в окружении папок с их жутким содержимым, сидел за своим столом и писал Джек Кроφорд.

Стук в дверь, Кроφорд поднял взгляд и увиденное обрадовало его - в дверях стояла Клэрис Старлинг.

Кроφорд улыбнулся и встал со стула. Они часто разговаривали со Старлинг стоя; это была одна из неписанных формальностей, которые они вынуждены были соблюдать в своих отношениях.

- Мне сказали, что вы приезжали в больницу, - сказала Старлинг. - Жаль, что мы не увиделись.

- Я был очень рад, узнав, что вас так быстро отпустили домой, - ответил он. - Как ваше ухо, в порядке?

- Отлично, если кому-то нравится цветная капуста. Врачи говорят, что

опухоль спадет, во всяком случае, б?ольшая ее часть. - Ухо было закрыто волосами. Она не стала его демонстрировать.

Они немного помолчали.

- Мне пришлось отдуваться за провал операции, мистер Крофорд. За смерть Эвельды Драмго, за все. Они набросились на меня как гиены, а потом вдруг отвалили назад. Что-то их остановило.

- Может, у вас есть ангел-хранитель, Старлинг?

- Может быть. Чего это вам стоило, мистер Крофорд?

Крофорд отрицательно покачал головой:

- Дверь закройте, пожалуйста, Старлинг.

Крофорд вытащил из кармана салфетку "клинекс" и протер очки.

- Я бы сам это сделал, если бы мог. Но у меня нет того веса. Вот если бы сенатор Мартин по-прежнему занимала свой пост, у вас было бы хорошее прикрытие... Они впустую потеряли Джона Бригема в этом рейде, просто выбросили его как мусор... И было бы уж совсем бездарно выкинуть еще и вас, как они выбросили Джона. У меня было такое чувство, словно я вас обоих засунул в похоронный катафалк - и Джона, и вас.

У Крофорда порозовели щеки, и она вспомнила, каким было его лицо на резком ветру над могилой Джона Бригема. Крофорд никогда не говорил с ней о своих сложных отношениях с начальством.

- Но вы что-то все же сделали, мистер Крофорд.

Он кивнул:

- Кое-что я действительно сделал. Не знаю, насколько я вас обрадую, но это новая работа для вас.

Работа. Работа - это всегда было очень хорошее слово в их приватном лексиконе. Оно означало конкретное и немедленное задание, оно как бы очищало

воздух. Они никогда не обсуждали - если, конечно, можно было без этого
обойтись - проблемы бюрократических взаимоотношений внутри Федерального Бюро
Расследований. Крофорд и Старлинг вели себя как врачи-миссионеры - у них не
было времени на теологию, каждый концентрировал все внимание на больном
ребенке, что лежал перед ним, прекрасно зная (хотя и не произнося это
вслух), что Господь не сделает ровным счетом ни хрена, чтобы им помочь. Как
это было тогда в Нигерии - Он даже и не подумал послать дождь, чтобы спасти
пятьдесят тысяч детишек из племени ибо.

- Вашим спасителем, Старлинг, выступил ваш недавний корреспондент.
Косвенным образом, конечно.

- Доктор Лектер! - Старлинг давно подметила нелюбовь Крофорда называть
некоторых людей по имени.

- Он самый. Все эти годы он умудрялся ускользать от нас, его было не
достать - и вдруг он пишет вам письмо! С чего бы это?

Прошло уже семь лет, как доктор Лектер, уличенный в убийстве десяти
человек, сбежал из заключения в Мемфисе, прикончив попутно еще пятерых.

Нынче все выглядело так, словно Лектер вообще исчез с лица Земли. Дело
в ФБР оставалось открытым и будет оставаться открытым всегда или до того
момента, как его поймают. Точно такое же положение было и в
правоохранительных органах штата Теннесси, и в других местах, но никто не
создавал специальной оперативной группы для поимки Лектера, хотя
родственники его жертв пролили немало слез ярости перед законодателями штата

Теннесси, требуя активных действий.

В библиотеках скопились многочисленные тома ученых догадок и предположений относительно его психики. Их авторы в большинстве своем были психологи, никогда не соприкасавшиеся с доктором лично. Появилось также несколько работ психиатров, которых он когда-то успел смешать с грязью в профессиональных журналах и которые, видимо, теперь считали, что могут вполне безопасно отыграться. Некоторые из них утверждали, что помешательство Лектера в итоге доведет его до самоубийства и, вполне вероятно, он уже мертв.

В электронном пространстве, по крайней мере, интерес к доктору Лектеру оставался на том же высоком уровне. На плодородной почве Интернета как мухоморы произрастали и цвели пышным цветом различные теории относительно Лектера, и его светлый образ по числу появлений конкурировал с изображением самого Элвиса Пресли. В "чатниках" возникали многочисленные самозванцы, а в фосфоресцирующем пространстве на темной стороне Сети нелегальные продавцы вовсю впаривали коллекционерам всяких гнусностей и отвратительных тайн полицейские фотоснимки надругательств и преступлений доктора. Эти снимки уступали по популярности только жутким изображениям казни Фу Чули.

Всего один след доктора за семь лет - его письмо к Клэрис Старлинг, в то самое время, когда ее распинали таблоиды.

На письме не было никаких отпечатков пальцев, но в ФБР с полным

основанием считали, что оно настоящее. Клэрис же была в этом просто уверена.

- Зачем он это сделал, Старлинг? - Кроуфорд, похоже, рассердился на нее.

- Я ведь никогда не претендовал на то, что понимаю его лучше, чем все эти идиоты-психиатры. Сами-то вы что об этом думаете?

- Он считает, что то, что со мной произошло... порушит... разрушит все мои иллюзии относительно Бюро, а он всегда испытывает наслаждение, когда видит, как рушится чья-то вера, это его любимое развлечение. Это для него то же самое, что коллекционировать случаи с рухнувшими церквами. Как тогда, в Италии, когда рухнула церковь и все старухи, пришедшие к Рождественский мессе, погибли под обломками, а потом кто-то поставил на руинах новогоднюю елку... Он обожает такие вещи. Я для него развлечение, он играет со мною. Когда я с ним беседовала в спецбольнице, он развлекался тем, что тыкал меня носом в дыры в моем образовании; он вообще считал, что я очень наивный человек.

- А вам никогда не казалось, что вы ему нравитесь, Старлинг? - Кроуфорд говорил с высоты своего возраста и одиночества.

- Думаю, я просто его развлекаю. Его либо что-то интересует, развлекает, либо нет. Если же нет...

- У вас хоть раз возникало ощущение, что вы ему нравитесь? - Кроуфорд продолжал настаивать на четкой границе между тем, что она думает, и тем, что она чувствует, как истово верующий баптист требует полного погружения в святую воду при крещении.

- Мы ведь очень недолго общались, и за это время он сообщил мне

множество подробностей обо мне самой, которые оказались правдой. Мне
кажется, очень легко спутать понимание с сопереживанием - нам ведь всем так
нужно сопереживание! Может быть, умение различать эти две вещи и есть
признак взросления... Это же очень тяжело и крайне неуютно - сознавать, что
кто-то тебя видит насквозь и полностью понимает, но при этом вовсе не
испытывает к тебе теплых чувств. Когда тебе ясно, что это понимание он
использует как оружие против тебя. Вот что самое скверное. Я... я не имею
никакого понятия о том, какие чувства испытывает ко мне доктор Лектер.

- А какие именно подробности он вам сообщил, вы можете мне сказать?

- Он говорил, что я честолюбивая и пробивная деревенская бабенка и
глаза у меня горят как дешевые камушки, что дарят на день рождения. Говорил,
что у меня дешевые туфли, но все же есть некоторый вкус, хотя и не очень
много.

- И вас поразило то, что все это соответствует действительности?

- Ага. Может, и сейчас еще соответствует. Правда, туфли я теперь
покупаю получше.

- Как вам кажется, Старлинг, может быть, посылая вам это письмо со
словами поддержки, он был заинтересован в том, чтобы вы его поймали?

- Он знает, что я его все равно поймаю; для него же лучше - знать это.

- Он убил шестерых уже после того, как суд вынес ему приговор, - сказал
Крофорд. - Он убил Миггза в больнице за то, что тот швырнул вам в лицо свою

сперму. И еще пятерых при побеге. При нынешней политической ситуации, если
доктора поймают, он получит иглу. - Кроफорд улыбнулся при мысли об этом. Он
был пионером в изучении серийных убийств. А теперь ему предстоял
принудительный выход на пенсию, в то время как монстр, который истрепал ему
столько нервов, пребывал на свободе. Перспектива смерти доктора Лектера
доставляла ему огромное удовольствие.

Старлинг понимала, что Крофорд специально упомянул об инциденте с
Миггзом, чтобы обострить ее внимание, вернуть ее обратно в те ужасные дни,
когда она пыталась допрашивать Ганнибала-Каннибала в подвальном помещении
Балтиморской спецбольницы для невменяемых преступников. Когда Лектер играл с
нею, а захваченная Джеймом Гамом девушка в это время дрожала от ужаса в
колодце под его домом, ожидая смерти. Обычно Крофорд заострял внимание
собеседника именно тогда, когда подходил к сути дела, как это он сделал и
сейчас.

- А вы знаете, Старлинг, что один из тех, кто в числе первых стал жертвой доктора Лектера, остался в живых?

- Да, тот богач. Его семья предложила награду за поимку Лектера.

- Верно, Мэйсон Верже. Он сейчас живет в Мэриленде, на аппарате
искусственного дыхания. Его отец умер в этом году и оставил ему гигантское
состояние. Мясная промышленность. И еще старый Верже оставил Мэйсону в
наследство связь с одним конгрессменом и членом Юридического комитета Палаты
представителей, который без помощи этих мясников просто не может сводить

концы с концами. Мэйсон сообщил, что у него есть нечто, что может нам помочь
найти доктора. Он желает поговорить с вами.
- Со мной.
- С вами. Именно с вами. И все сразу же решили, что это очень даже
неплохая мысль.
- А Мэйсон захотел поговорить со мной после того, как вы это ему
предложили?
- Начальство намеревалось вышвырнуть вас вон, Старлинг. Вытереть об вас
ноги, словно вы коврик у дверей. И сгинули бы вы ни за что, как Джон Бригем.
Только для того, чтобы спасти нескольких чинуш из БАТО. Страх. Давление.
Нынче они ничего другого и не знают. Ну я и попросил одного из ребят
позвонить Мэйсону и сообщить ему, что если вас выкинут, это плохо отразится
на продолжении охоты на Лектера. Что произошло после этого, кому Мэйсон
звонил, мне наплевать на это. Скорее всего, конгрессмену Велмору.
Всего год назад Крофорд ни за что не стал бы разыгрывать партию таким
образом. Старлинг тщетно пыталась отыскать у него на лице следы безумной
спешки, свойственной обычно тем, кому уже немного осталось, кого скоро
выпихнут на пенсию. И ничего такого не обнаружила, только то, что он
выглядит усталым.
- Мэйсон - урод, Старлинг, и я имею в виду не только его физиономию.
Выясните, чем он сумел разжиться. И привезите сюда, мы с этим сами
поработаем. Наконец-то.
Старлинг было прекрасно известно, что многие годы, с тех самых пор, как

она окончила Академию ФБР, Крофорд пытался добиться ее назначения в Отдел психологии поведения.

Теперь же, когда она уже была ветераном службы в ФБР, ветераном многих второстепенных операций, она ясно понимала, что ее первый успех еще на ранней стадии карьеры, когда она обезвредила серийного убийцу Джейма Гама, был частью ее неправильного поведения в Бюро. Она стала восходящей звездой, застрявшей на полпути. Обезвредив Гама, она нажила себе по меньшей мере одного могучего врага и вызвала зависть многих своих коллег-мужчин. Это, да плюс еще и некоторая неуживчивость, привело к постоянным на протяжении многих лет назначениям в группы быстрого реагирования, выезжающие по тревоге на ограбления банков, регулярным развозам повесток и ордеров на арест, к положению, когда смотришь на все исключительно сквозь прорезь прицела. В конечном итоге, начальство, видимо, решило, что она слишком вспыльчива, чтобы работать в составе групп, и сделало ее техническим агентом - установка "жучков" на телефоны и автомобили гангстеров и разных подонков, занимающихся, например, детской порнографией, бесконечные дежурства в одиночку возле подслушивающих устройств... И еще ее то и дело "временно направляли" в распоряжение других правоохранительных организаций, когда тем требовался опытный оперативник для проведения очередного рейда. Она была крепкая и выносливая, да и стреляла быстро и метко.

Крофорд решил, что теперь ей выпал реальный шанс. Он, видимо, считал,

что она всегда мечтала заняться Лектером. На самом же деле все обстояло гораздо сложнее.

Крофорд смотрел на нее изучающе.

- Вы так и не вывели эти порошинки со щеки, - заметил он.

Крошечные точки - сгоревшие порошинки от выстрела покойного ныне Джейма Гама - черным пятнышком выделялись у нее на щеке.

- Да все как-то времени не было, - ответила Старлинг.

- А вы знаете, как французы называют такое пятнышко, такую мушку на щеке? Знаете, что она означает? - У Крофорда была огромная подборка литературы по татуировкам, по символике различных знаков на теле и по ритуальной скарификации.

Старлинг отрицательно покачала головой.

- Они называют это "courage", - сказал Крофорд. - И вы с полным правом можете носить этот знак. Я бы на вашем месте носил.

ГЛАВА 9

Поместье Маскрэт-Фарм окутано ореолом какой-то колдовской прелести. Это владение семейства Верже недалеко от реки Саскуэханна на севере штата Мэриленд. Семейство мясопромышленников Верже купило его в 1930-х годах, когда они решили перебраться из Чикаго на Восточное побережье, чтобы быть поближе к Вашингтону, а они вполне могли себе это позволить. Выдающиеся деловые и политические качества позволяли Верже наживаться за счет поставок мяса в армию США еще со времен Гражданской войны.

Скандал с тухлыми мясными консервами во время испано-американской войны 1898 года Верже почти не затронул. Когда Эптон Синклер со своими "разгребателями навоза" изучал чудовищные условия производства на одном из

мясных комбинатов Верже в Чикаго, то обнаружилось, что несколько рабочих этого предприятия по случайности были однажды переработаны в лярд, расфасованы по консервным банкам и проданы покупателям под маркой "Лучшего лярда Дарэма", который так любят использовать пекари. Но обвинения к Верже не пристали. И они не потеряли на этом ни единого государственного контракта.

Верже умудрились избежать всех возможных последствий этого скандала, равно как и многих других, раздавая деньги политикам. Единственным поражением, которое они потерпели на протяжении многих лет, было принятие в 1906 году Закона об инспекции мясных предприятий.

Сегодня на предприятиях Верже ежедневно забивается 86 тысяч голов крупного рогатого скота и примерно 36 тысяч свиней; эти цифры несколько меняются в зависимости от времени года.

Свежеподстриженные газоны Маскрэт-Фарм, буйное цветение лилий, колышащихся на ветру, - все это пахнет совсем иначе, чем скотный двор. Единственные животные здесь - это пони для посещающих поместье детей, да стада гусей, пощипывающих травку на газонах, низко опустив головы и покачивая гузками. Собак здесь нет. Жилой дом и конюшня расположены почти в центре национального парка, занимающего площадь в шесть квадратных миль, и будут оставаться там до скончания веков в соответствии со специальным разрешением, выданным Департаментом внутренних дел.

Подобно многим поместьям очень богатых людей, Маскрэт-Фарм нелегко

найти, если едешь туда впервые. Клэрис Старлинг пропустила нужный съезд с шоссе, и ей пришлось возвращаться по боковой дороге. Сперва она наткнулась на служебный въезд - огромные ворота в высоченном заборе, огораживающем часть леса, запертые на цепь с замком. За воротами виднелась служебная подъездная дорога, исчезающая в зарослях. Телефона, чтобы связаться с охраной, здесь не было. Еще через две мили она обнаружила роскошную въездную дорожку и привратницкую, отстоящую ярдов на сто в глубь поместья. Охранник в униформе быстро отыскал ее фамилию у себя в блокноте.

Еще две мили по въездной дороге, аккуратной, словно наманикюренной, и она добралась до дома.

Старлинг остановила свой рычащий "мустанг", чтобы пропустить стадо гусей, пересекавших дорогу. Отсюда ей была видна группа детей на толстеньких шетландских пони, выезжающих друг за другом из симпатичного амбара с конюшней, находящегося в четверти мили от дома. Огромный дом, построенный явно по проекту Стэнфорда Уайта, прекрасно вписывался в ландшафт среди невысоких холмов. Здесь все говорило о солидности и больших деньгах, этакая воплощенная в жизнь мечта. Это раздражало Старлинг.

У Верже хватило ума сохранить дом в первоначальном виде и сделать к нему единственную пристройку - ее Старлинг пока не было видно: современное крыло, торчащее из высокой восточной части дома подобно третьей ноге, пришитой к телу в ходе какого-то чудовищного медицинского эксперимента.

Старлинг остановила машину под центральным портиком. Она выключила двигатель, и ей стало слышно собственное дыхание. В зеркало заднего вида она заметила, как кто-то подъехал к ней верхом на лошади. По дорожке рядом с машиной застучали подковы, и она вылезла из "мустанга".

Широкоплечая личность с короткими светлыми волосами спрыгнула с седла и отдала поводья слуге, даже не посмотрев на него.

- Отведи его на конюшню, - произнесла личность скрипучим и низким голосом. - Я Марго Верже.

При ближайшем рассмотрении личность оказалась женщиной. Она протянула руку, поднимая ее прямо от плеча. Марго Верже, совершенно очевидно, занималась бодибилдингом. Массивные плечи и мощные руки сильно растягивали сетчатую тенниску. Глаза ее сухо сверкали, словно от какого-то раздражения, как будто она страдала недостатком слезной жидкости. На ней были грубые диагоналевые бриджи и сапоги для верховой езды, но без шпор.

- Что это у вас за телега? - спросила она. - Старый "мустанг"?

- Ага. Выпуска восемьдесят восьмого года.

- С пятилитровым движком? Он будто припадает на передние колеса, как кошка перед прыжком.

- Точно. Это "рауш-мустанг".

- Он вам нравится?

- Очень.

- И сколько миль он дает?

- Не знаю. Думаю, много.

- Боитесь его?

- Уважаю. Скажем так, я вожу его с большим уважением, - сказала Старлинг.

- Вы раньше знали, что он собой представляет, или просто так купили?

- Я достаточно о нем знала, чтобы сразу обратить на него внимание на аукционе и купить его. Позже я узнала о нем больше.

- Как думаете, он обойдет мой "порше"?

- Смотря какой модели "порше". Мисс Верже, мне надо поговорить с вашим братом.

- Его сейчас моют. Закончат минут через пять. Мы можем пройти в дом.

Диагоналевые бриджи, обтягивавшие мощные ляжки Марго Верже, шуршали и посвистывали на ходу, когда она поднималась по ступенькам. Ее светлые волосы были настолько редкими, что Старлинг подумала, что когда-то она, видно, принимала стероиды.

На взгляд Старлинг, выросшей в лютеранском сиротском приюте, дом выглядел, как музей, - огромные свободные пространства, крашеные балки под потолком, стены, увешанные портретами давно умерших людей, выглядевших очень важными. Лестницы украшены китайскими перегородчатыми эмалями, полы устланы длинными марокканскими ковровыми дорожками.

При переходе в новое крыло стиль резко менялся. Это современное и строго функциональное сооружение соединялось с остальным домом двойными дверями с матовым стеклом, плохо сочетающимися со сводчатым потолком зала.

Марго Верже остановилась перед этими дверями. И по-смотрела на Старлинг своими покрасневшими и блестящими от раздражения радужки глазами.

- Некоторым людям трудно разговаривать с Мэйсоном, - сказала она. - Если его вид вас угнетает или вы не сможете долго выдержать в его

присутствии, я могу потом дополнить информацию, вдруг вы забудете его о чем-то спросить.

Есть такое общее для всех нас ощущение - мы все о нем знаем, но до сих пор не придумали для него конкретного названия - это счастливое предвкушение собственной способности испытывать к кому-то презрение и неуважение. Именно такое выражение Старлинг заметила сейчас на лице Марго Верже. Но обронила лишь:

- Благодарю вас.

К удивлению Старлинг, первое помещение в новом крыле оказалось просторной и хорошо оборудованной игровой комнатой. Здесь, среди огромных чучел животных, играли двое афро-американских детей; один катался на трехколесном велосипеде с огромным передним колесом, другой возил по полу игрушечный грузовик. По углам стояло несколько трехколесных велосипедов и тележек, а в центре был установлен большой гимнастический комплекс, пол под которым был застлан толстыми матами.

В углу комнаты на кушетке сидел мужчина в одежде мед-брата и читал журнал "Вог". На стенах было установлено несколько телекамер, одни повыше, другие на уровне глаз. Одна, висевшая высоко в углу, следила за Старлинг и Марго Верже, и ее объектив вращался, автоматически наводясь на фокус.

Старлинг уже миновала точку, с которой ей был виден один из темнокожих детей, который вызвал у нее какое-то пронзительное чувство жалости, но она все время явственно ощущала присутствие этих детей. Было все же отрадно

смотреть, идя с Марго Верже через игровую комнату, на все это игрушечное великолепие.

- Мэйсон любит наблюдать за детьми, - сказала Марго Верже. - Они, конечно, боятся на него смотреть, кроме самых маленьких, поэтому он за ними вот так наблюдает. Потом они катаются на пони. Это детишки из бесплатного детского сада в Балтиморе.

В комнату Мэйсона Верже можно попасть только через его ванную комнату, помещение, достойное самого лучшего курорта и занимающее пространство во всю ширину этого крыла здания. Выглядит здесь все, как в лучшей лечебнице, - сплошная хромированная сталь, ковровые покрытия, широкие двери душевой, ванны из нержавеющей стали с подъемными устройствами над ними, свернутые бухтами оранжевые шланги, парилки и огромные стеклянные шкафы с мазями из Farmacia di Santa Maria Novella во Флоренции.

Воздух в ванной до сих пор был насыщен паром и запахами бальзамов и хвои.

Старлинг видела полоску света под дверью, ведущей в комнату Мэйсона Верже. Свет погас, как только Марго взялась за ручку двери.

Предназначенная для посетителей часть комнаты Мэйсона Верже очень ярко освещалась сверху. Над кушеткой висел вполне приемлемый эстамп - копия офорта Уильяма Блейка "Первый день творения" - Господь меряет землю циркулем. Рама была задрапирована черным - знак траура по недавно усопшему патриарху рода Верже. Остальная часть комнаты была погружена во тьму.

Из этой тьмы доносился звук ритмично работающей машины, вздыхающей при начале каждого цикла.

- Добрый день, агент Старлинг. - Звучный голос, усиленный механически. Звуки "д" и "т" отсутствуют.

- Добрый день, мистер Верже, - произнесла Старлинг в темноту. От яркого света сверху голове стало жарко. День был где-то еще, не здесь. День не мог сюда войти.

- Присаживайтесь.

Мне надо все это выдержать. Это хороший шанс. Долго же мне пришлось его ждать!

- Мистер Верже, наш разговор - это, по сути дела, дача показаний, и мне придется его записывать на диктофон. Вы не возражаете?

- Совсем нет. - Голос прозвучал между двумя вздохами аппарата, звук "с" отсутствовал. - Марго, я думаю, ты можешь нас оставить.

Не взглянув на Старлинг, Марго Верже вышла, шурша бриджами.

- Мистер Верже, я вам сейчас прикреплю микрофон к... одежде или к подушке, если это удобно. Или позвать сестру, чтобы она это сделала, как вам больше нравится?

- Будьте как дома, делайте, как хотите, - ответил он. Звуки "б" и "м" отсутствуют. Он подождал следующего цикла работы аппарата: - Можете сами прикрепить, агент Старлинг. Я тут, рядом.

Рядом не было никаких выключателей, Старлинг не заметила ни одного. Она решила, что ей, может быть, будет лучше видно в отражении света от ее собственных глаз, и направилась во тьму, вытянув вперед одну руку, на запах хвои и бальзама.

Когда он включил свет, она оказалась гораздо ближе к кровати, чем

думала.

Старлинг не изменилась в лице. Но рука, державшая микрофон, дернулась назад, может, на дюйм.

Ее первая мысль возникла отдельно от ощущения в груди и в желудке; это была мысль о том, что аномалии его дикции объясняются полным отсутствием губ. Вторая мысль - что он вовсе не слеп. Его единственный голубой глаз смотрел на нее через устройство вроде монокля с приделанной к нему трубочкой, с помощью которой поддерживалась нужная влажность слизистой, поскольку веко тоже отсутствовало. Что же до всего остального, то хирурги многие годы назад сделали все, что могли, с помощью пересадок и растяжки кожи.

Мэйсон Верже, безносый и безгубый, с полным отсутствием мягких тканей на лице, представлял собой сплошные зубы, как некоторые странные создания, обитающие в глубинах океана. Шок возникает вместе с пониманием того, что это все-таки человеческое лицо, а за ним прячется ум. Все внутри переворачивается, когда видишь его мимику, движения челюсти, поворот глаза, устремленного на тебя. На твое нормальное лицо.

У Мэйсона Верже были очень красивые волосы, и самое странное было в том, что именно на них было тяжелее всего смотреть. Черные с проседью, они были заплетены в косу, достаточно длинную, почти до полу, если ее сбросить с подушки. А сейчас коса была свернута в толстый жгут на груди, вернее, на похожей на панцирь черепахи крышке аппарата искусственного дыхания.

Нормальные человеческие волосы над развалинами цвета прокисшего молока, коса
отсвечивает как рыбья чешуя...
А под простыней на приподнятой больничной кровати - давно
парализованное тело, истончающееся, переходящее в ничто.
Перед лицом Мэйсона висел прибор управления - устройство из прозрачного
пластика, похожее на флейту Пана или на губную гармошку. Он свернул язык
трубочкой, коснулся кончика одной из трубок и выдохнул вместе со следующим
циклом работы аппарата. Кровать отреагировала на это жужжанием мотора и
слегка повернулась, чтобы обратить его лицом к Старлинг, и приподняла
изголовье.
- Я благодарю Бога за все, что со мной случилось, - произнес Верже. -
Для меня это было спасение. Вы приняли Иисуса, мисс Старлинг? Вы верующая?
- Я воспитывалась в строгой религиозной атмосфере, мистер Верже. И
сохранила все, что тогда приобрела, - ответила Старлинг. - А теперь, если вы
не возражаете, я прикреплю вам вот это к наволочке. Так не будет мешать,
правда? - Голос ее звучал слишком деловито, как у медицинской сестры, и ей
это не нравилось.
Ее рука рядом с его головой; понимание того, что они почти
соприкасаются, отнюдь не помогало Старлинг сохранить присутствие духа, да и
пульсация крови в сосудах, оплетающих под кожей кости его черепа, чтобы
питать кровью ткани, тоже этому не способствовала - сосуды регулярно
расширялись, напоминая червей, заглатывающих пищу.
Она приладила микрофон и, расправляя провод, отошла наконец к столу,

где стоял ее диктофон и еще один микрофон.
- Говорит специальный агент Клэрис М.Старлинг, личный номер в ФБР
514690. Записываются показания Мэйсона Р.Верже, номер карточки соцстраха
475989823, у него дома, в день, указанный выше, личность установлена,
дееспособность проверена. Мистер Верже осведомлен, что ему гарантируется
неприкосновенность и иммунитет от судебного преследования от имени
государственного прокурора Тридцать шестого судебного округа США и от имени
местных властей, что и подтверждается их совместным заявлением, подлинность
которого подтверждена и заверена.

- Так, а теперь, мистер Верже...

- Я хочу рассказать вам о лагере, - перебил он вместе со следующим
своим выдохом. - Это замечательные воспоминания детства, и теперь я, в
сущности, к ним вернулся.

- Мы, конечно, можем это обсудить, мистер Верже, но мне казалось...

- Конечно, мы можем это обсудить прямо сейчас, мисс Старлинг.
Понимаете, все это тоже важно. Именно так я пришел к Иисусу, и это самое
важное, что я хочу вам сказать. - Он сделал паузу, пока аппарат сделал
вздох. - Это был лагерь Ассоциации молодых христиан, и мой отец оплачивал
все - полностью все содержание ста двадцати пяти отдыхающих на берегу озера
Мичиган. Некоторые из них были совсем несчаст-ные ребята - они готовы были
все отдать за шоколадный батончик... Может быть, я этим и пользовался, может
быть, я бывал с ними груб, если они не брали у меня шоколад и не делали то,

что я хочу, - но я на них не в обиде, потому что теперь все уже в порядке.

- Мистер Верже, давайте посмотрим на некоторые материалы...

Но он ее не слышал, он просто ждал, когда респиратор подаст ему воздух для следующего вдоха.

- Я теперь неподсуден, у меня иммунитет, мисс Старлинг, так что теперь все в порядке. Я получил иммунитет от Иисуса, я получил иммунитет от государственного прокурора, я получил иммунитет от окружного прокурора из Оуингс-Миллз, аллилуйя! Я теперь свободен, мисс Старлинг, и теперь все в порядке. Я воссоединился с Ним, и теперь все в порядке. Он для нас тогда был Иисус Воскресший, тогда, в лагере, мы звали его просто "ИсВос". Никто не победит ИсВоса! Мы его осовременили, понимаете? ИсВос. Я служил ему в Африке, аллилуйя, я служил ему в Чикаго, да святится имя Его, и я служу Ему теперь, и поднимет Он меня с одра моего, и поразит Он врагов моих, и обратит их вспять предо мною, и я услышу плач их жен, и теперь все в порядке. - Он поперхнулся слюной и остановился, а сосуды на лицевой части черепа потемнели и запульсировали сильнее.

Старлинг встала, чтобы позвать медсестру, но голос остановил ее, прежде чем она дошла до двери.

- Все в порядке, теперь уже все в порядке.

Может быть, лучше задать прямой вопрос, чем пытаться наводить его на нужную тему?

- Мистер Верже, вы когда-нибудь раньше видели доктора Лектера, до того, как суд назначил его вашим лечащим врачом? Вы с ним встречались в обществе?

- Нет.

- Но вы оба входили в состав попечительского совета Балтиморского филармонического оркестра.

- Нет, я считаюсь его членом просто потому, что наша семья всегда была спонсором этого оркестра. Когда нужно было голосовать, я посылал на заседания своего адвоката.

- Вы ни разу не сделали никакого заявления во время суда над доктором Лектером. - Она уже привыкала соизмерять свои вопросы с ритмом его дыхания, чтобы респиратор помогал ему отвечать.

- Мне сказали, что у них достаточно улик, чтобы осудить его хоть шесть раз. Хоть девять раз. А он ушел от всех обвинений, притворившись невменяемым.

- Это суд признал его невменяемым. Сам доктор Лектер не делал такого заявления.

- Вы считаете это различие важным? - спросил Мэйсон.

Его вопрос в первый раз позволил ей ощутить и понять его ум - цепкий и скрытный, совершенно не отражавшийся в лексике, которой он пользовался в беседе с нею.

Огромный угорь, уже успевший привыкнуть к горящему свету, вынырнул из-под камней на дне аквариума и начал свое неустанное кружение - переливающаяся коричневая лента, красиво усыпанная неправильными пятнами кремового цвета.

Старлинг теперь все время ощущала его присутствие, краем глаза отмечая его перемещение.

- Это Muraena Kidako, - сказал Мэйсон. - Есть еще более крупный

экземпляр, живет в аквариуме в Токио. Этот второй по величине. Его называют
"злобная мурена" - хотите знать почему?

- Нет, - ответила Старлинг и перевернула страничку в блокноте. - Итак,
в ходе назначенного судом лечения, мистер Верже, вы пригласили доктора
Лектера к себе домой.

- Я больше ничего не стыжусь. И все вам расскажу. Теперь все в порядке.
Я получил сполна по всем этим сфабрикованным обвинениям в растлении
малолетних, раз уж отработал пятьсот часов на общественных работах - а я
работал в приемнике для бездомных собак, - потом проходил лечение под
наблюдением доктора Лектера. Я тогда подумал, что если мне удастся на чем-то
подловить этого доктора, он будет делать мне некоторые поблажки при лечении
и не станет заявлять на меня в комиссию по условно-досрочному освобождению,
если я пропущу пару сеансов или если заявлюсь к нему слегка наширявшись.

- Это было тогда, когда у вас был дом в Оуингс-Миллз.

- Да. Я тогда все рассказал доктору Лектеру, об Африке, об Иди Амине,
обо всем, и я обещал ему, что покажу кое-что из своего снаряжения.

- Что покажете ему?..

- Разные приспособления. Игрушки. Вон там, в углу лежит портативная
гильотина. Я ею пользовался, когда служил у Иди Амина. Ее можно забросить на
заднее сиденье джипа и взять с собой куда угодно, в самые дальние деревни.
Собирается за пятнадцать минут. Да еще минут десять требуется
приговоренному, чтобы приготовить ее к работе - с помощью лебедки. Ну,

может, чуть больше, если это женщина или ребенок. Я ничего этого не стыжусь,
потому что прошел очищение.

- Итак, доктор Лектер приехал к вам домой.

- Да. Я сам открыл ему дверь - а я был немного "под балдой", понимаете?
Хотел увидеть его реакцию и не увидел. Я думал, что он испугается меня, но
он, кажется, не испугался. Испугается! Теперь это кажется смешным. Я
пригласил его наверх. И показал ему - я ведь взял себе тогда двух собак из
того приемника для бездомных, двух собак, они были мне друзьями, я держал их
в клетке и давал им вволю воды, но никакой пищи. Мне было любопытно, что из
этого в конечном итоге выйдет.

Я показал ему мое устройство с затяжной петлей, знаете, для эротической
асфиксии, когда сам себя вроде душишь, но не совсем, это так здорово,
возникает такое ощущение... вы понимаете?

- Я понимаю.

- Ну, а он будто не понимал. И спросил, как эта штука действует, а я
ему говорю, какой вы странный психиатр, раз такого не знаете, а он говорит -
никогда не забуду его улыбку при этом! - он говорит: "А вы мне покажите!" И
тут я подумал: "Ага, вот ты мне и попался!"

- И вы ему показали...

- Я не стыжусь этого. Мы все учимся на ошибках. Я прошел очищение.

- Продолжайте, пожалуйста, мистер Верже.

- Ну, я опустил петлю вниз, встал напротив огромного зеркала и надел ее
себе на шею, а пульт управления лебедкой держал в руке и уже начал колотить
другой рукой, а сам наблюдал за его реакцией. И не заметил ничего. Я обычно

хорошо читаю по лицу человека. Он сидел в кресле в углу. Положил ногу на ногу, а пальцы сплел на колене. Потом встал, сунул руку в карман пиджака, весь такой элегантный, прямо как Джеймс Мэйсон, когда он достает зажигалку, и говорит: "А не хотите амилнитриту?" Ну, я и подумал: "Ага! Если он сейчас мне это предлагает, значит теперь всегда должен будет давать. Чтобы сохранить свою докторскую репутацию и лицензию. Его ведь только по рецептам продают". Ну вот, если вы читали рапорт полиции, там у него было еще и многое другое, а не только амилнитрит.

- "Ангельская пудра", амфетамины и ЛСД, - сказала Старлинг.

- Вот-вот, я и говорю. Он подошел к зеркалу, в которое я смотрелся, и выбил у меня стул из-под ног. И я повис. А он достает осколок стекла и дает его мне, а сам смотрит мне в глаза и говорит, что может мне теперь захочется этим осколком срезать себе все лицо. А потом он выпустил собак из клетки. И я скормил им собственное лицо. Говорят, это заняло много времени, срезать все с лица. Сам я не помню. Доктор Лектер сломал мне петлей шею. Потом собакам прочистили желудки в собачьем приемнике и извлекли назад мой нос, но не смогли приживить его обратно.

Старлинг потребовалось гораздо больше времени, чем нужно было на самом деле, чтобы привести в порядок бумаги на столе.

- Мистер Верже, ваша семья предложила награду за поимку доктора Лектера после того, как он бежал из-под стражи в Мемфисе.

- Да, миллион долларов. Один миллион. Мы дали объявления по всему свету.

- И вы предложили заплатить за любую информацию о нем, а не только за его задержание и осуждение, как обычно. Предполагалось, что вы будете делиться такой информацией с нами. Вы всегда соблюдали это условие?

- Не всегда, но к нам ни разу не поступало ничего особенно интересного, чтобы сообщить вам.

- Откуда вы знаете? Вы что, сами отрабатывали некоторые версии?

- В достаточной мере, чтобы убедиться, что они ничего не стоят. Да и с какой стати делиться - вы ведь тоже никогда нам ничего не сообщали. У нас было одно сообщение с Крита, полная ерунда, потом еще одно из Уругвая, мы так и не смогли получить ему подтверждение. Хочу, чтобы вы поняли, мисс Старлинг, - это вовсе не месть, ничего общего. Я простил доктора Лектера, как наш Спаситель простил тех римских солдат, что мучили его перед смертью.

- Мистер Верже, вы намекнули нашим сотрудникам, что у вас появилось кое-что новое.

- Посмотрите в ящике крайнего стола.

Старлинг достала из сумочки белые нитяные перчатки и натянула их. В ящике лежал большой конверт из манильской бумаги, твердый на ощупь и тяжелый. Она достала оттуда рент-геновский снимок и подняла его поближе к яркой лампе, светившей сверху. Это оказалась рентгенограмма левой руки, видимо, поврежденной. Она пересчитала пальцы. Четыре плюс большой.

- Обратите внимание на пясть. Понимаете, о чем я говорю?

- Да.

- Сосчитайте костяшки пальцев.

Пять костяшек!

- Если считать вместе с большим пальцем, у этого человека было на левой руке шесть пальцев. Как у доктора Лектера.

- Да, как у доктора Лектера.

Угол, где обычно указывают номер медицинской карточки и название медицинского учреждения, был отрезан.

- Откуда ее прислали, мистер Верже?

- Из Рио-де-Жанейро. Чтобы получить дальнейшую информацию, я должен сперва заплатить. Много. Вы можете подтвердить, что это рука доктора Лектера? Мне надо знать, прежде чем платить.

- Попытаюсь, мистер Верже. Мы сделаем все от нас зависящее. У вас сохранился конверт, в котором пришла эта рентгенограмма?

- Марго положила его в пластиковый пакет, она вам его отдаст. Если не возражаете, мисс Старлинг, давайте прервемся. Я несколько устал, и мне требуется врачебная помощь.

Едва Старлинг вышла из палаты, Мэйсон Верже дунул в крайнюю трубку и позвал: "Корделл!" Служитель из игровой комнаты вошел к нему в палату и прочел ему данные из папки с надписью "Управление социальной помощи детям, город Балтимор".

- Его зовут Франклин, так? Пусть он войдет, - сказал Мэйсон и выключил свет.

Маленький мальчик стоял один в углу под ярким светом, падавшим сверху, и, щурясь, смотрел в темноту.

Раздался звучный голос:

- Тебя зовут Франклин?

- Франклин, - ответил мальчик.

- С кем ты живешь, Франклин?

- С мамой, и с Ширли, и со Стрингом.

- А Стринг все время с вами живет?
- Не-а, когда живет, а когда нет.
- Ты сказал, "когда живет, а когда нет"?
- Ага.
- Мама ведь не настоящая твоя мама, Франклин?
- Приемная.
- И не первая приемная мать, у которой ты живешь?
- Ага.
- Тебе нравится там жить, Франклин?
Мальчик заулыбался:
- У нас там кошка, Китти-Кэт. Мама делает пироги в духовке.
- Ты давно там живешь, с мамой?
- Не знаю.
- А они тебе устраивали праздник на день рожденья?
- Один раз устраивали. Ширли вкусный сок приготовила, из порошка.
- Ты любишь сок?
- Ага, из клубники.
- Ты любишь маму и Ширли?
- Ага, люблю, и Китти-Кэт тоже.
- И ты хочешь и дальше там жить? Когда ты ложишься спать, ты себя
чувствуешь в полной безопасности?
- Ага. Я сплю в комнате с Ширли. Ширли, она уже большая.
- Франклин, ты больше не сможешь жить с мамой, и с Ширли, и с
Китти-Кэт. Тебе придется уехать.
- Кто велел?
- Власти велели. Мама потеряла работу и разрешение на воспитание
приемных детей. Полиция нашла у вас дома сигарету с марихуаной. Ты маму
больше не увидишь. И Ширли тоже, и Китти-Кэт.
- Нет! - вырвалось у Франклина.
- А может, они просто сами не хотят тебя видеть, Франклин. Может, у
тебя что-нибудь не в порядке? Болячки какие-нибудь или еще что-нибудь такое?
А может, у тебя кожа слишком черная, и они тебя поэтому не любят?

Франклин задрал подол рубашки и посмотрел на свой животик. И замотал головой. Он уже плакал.

- А знаешь, что будет с Китти-Кэт? Кстати, ее так и зовут?

- Так и зовут, Китти-Кэт. Имя такое.

- Так вот, знаешь, что будет с Китти-Кэт? Придет полицейский и заберет Китти-Кэт в приемник для бродячих кошек, а там доктор сделает ей укол. Тебе ведь делали уколы в детском садике? Медсестра делала тебе уколы? Такой блестящей иголкой? Вот и Китти-Кэт сделают укол. Она очень испугается, когда увидит иголку. А они всадят ей эту иголку, и ей будет очень больно. И она умрет.

Франклин еще больше задрал подол рубашки и закрыл им лицо. И засунул в рот большой палец - он этого уже целый год не делал, с тех пор, как мама попросила его больше так не делать.

- Подойди сюда, - продолжал голос из темноты. - Подойди, и я расскажу тебе, как можно спасти Китти-Кэт от укола. Ты ведь не хочешь, чтоб Китти-Кэт сделали укол, а, Франклин? Тогда подойди сюда, Франклин.

Франклин медленно двинулся вперед, в темноту. Из глаз его продолжали течь слезы, и он сосал большой палец. Когда он оказался футах в шести от кровати, Мэйсон дунул в свой прибор, и зажегся свет.

Франклин даже не вздрогнул - может быть, у него хватило прирожденного мужества, может быть, из-за желания помочь Китти-Кэт или от ужасного ощущения, что ему некуда скрыться. Он не убежал. Он стоял и смотрел Мэйсону в лицо.

Мэйсон, вероятно, нахмурился бы, если бы у него были брови. Он был

разочарован результатами своих трудов.

- Ты можешь спасти Китти-Кэт от укола, если сам дашь ей крысиного яду, - сказал Мэйсон. Некоторые звуки в его речи отсутствовали, но Франклин все понял.

Франклин вынул палец изо рта.

- Ты поганая старая какашка, - произнес Франклин. - И еще урод. - Он повернулся и вышел из комнаты, прошел через холл между свернутых шлангов и вернулся в игровую комнату.

Мэйсон следил за ним по экрану. Служитель повернулся в сторону мальчика и внимательно наблюдал за ним, притворяясь, будто читает свой "Вог".

Франклин больше не обращал внимания на игрушки. Он прошел в угол и сел под чучелом жирафа, лицом к стене. Это было все, что он мог сделать, чтобы не сосать палец.

Корделл внимательно следил, когда он заплачет. И когда увидел, что плечи мальчика вздрагивают, он подошел к нему и осторожно вытер слезы стерильными тампонами. Потом положил тампоны в стакан с мартини, который охлаждался для Мэйсона в холодильнике рядом с апельсиновым соком и кока-колой.

ГЛАВА 10

Отыскать медицинские документы доктора Лектера было делом нелегким. Если вспомнить, с каким глубочайшим презрением он относился к медицинскому истеблишменту и к большинству практикующих врачей, то вовсе не удивительно, что у него никогда не было личного лечащего врача.

Балтиморская спецбольница для невменяемых преступников, где доктор

Лектер содержался до перевода в Мемфис, приведшего к столь катастрофическим последствиям, ныне была закрыта, а ее заброшенное здание ожидало сноса.

Полицейское управление штата Теннесси было последним учреждением, охранявшим доктора Лектера перед его побегом, однако там заявили, что так и не получили его медицинскую карту. Охранники, которые перевозили его из Балтимора в Мемфис, ныне покойные, расписались за заключенного, но не за его медицинские документы.

Старлинг потратила целый день на телефонные разговоры и поиски с помощью компьютера, а затем сама лично просмотрела склады вещественных доказательств в Квонтико и в здании имени Дж.Эдгара Гувера. Потом она все утро возилась в огромном, пропыленном и дурно пахнущем помещении склада для вещдоков в Балтиморском полицейском управлении, а вторую половину дня, уже кипя от ярости, разбирала сваленную в беспорядке коллекцию вещей Ганнибала Лектера в Юридической библиотеке Фицхьюга, где время стоит на месте, пока библиотекари тщетно пытаются найти нужные ключи.

В конце концов у нее в руках оказалась одна-единственная бумага - результаты небрежного медицинского осмотра, проведенного после первого ареста доктора Лектера полицией штата Мэриленд. И никакой медицинской карты.

Инелла Кори пережила безвременную кончину Балтиморской спецбольницы для невменяемых преступников и нашла себе работу получше в Управлении больниц штата Мэриленд. Она не захотела, чтобы Старлинг расспрашивала ее в офисе,

поэтому они встретились в кафетерии на первом этаже.

Старлинг давно уже взяла за правило являться на место встречи заранее, чтобы осмотреть позицию с некоторого расстояния. Кори была пунктуальна до минуты. Ей было лет тридцать пять, тяжеловесная, бледная женщина без каких-либо следов косметики и украшений. Волосы длинные, почти до талии - так она, видно, носила еще в старших классах школы, - и белые сандалии с резинками.

Старлинг взяла с раздачи пакетики с сахаром и стояла, наблюдая, как Кори усаживается за столик, где они договорились встретиться.

Можно прожить всю жизнь в полном убеждении, что все протестанты выглядят совершенно одинаково. Но это совсем не так. Любой человек, родившийся на островах Карибского моря, легко может отличить один остров от другого, Старлинг, выросшая и воспитанная в лютеранском приюте, едва взглянув на эту женщину, сразу же сказала себе: Церковь Христа, в крайнем случае, может быть, Назарейская Церковь.

Старлинг сняла с себя все украшения - простенький браслет и золотую сережку из здорового уха - и положила в сумочку. Часы у нее были из пластика, так что все в порядке. Ничего другого со своей внешностью она уже сделать не могла.

- Вы Инелла Кори? Хотите кофе? - Старлинг принесла к столику две чашки.

- Мое имя произносится как "Айнел". Кофе я не пью.

- Ладно, я выпью обе чашки. Может, взять вам чего-нибудь другого? Я - Клэрис Старлинг.

- Нет, я ничего не хочу. Может, вы мне покажете удостоверение с фото?

- Несомненно, - сказала Старлинг. - Мисс Кори... можно, я буду вас звать Айнел?

Женщина пожала плечами.

- Айнел, мне нужна помощь по делу, которое совершенно не касается вас лично. Мне нужен совет, как найти некоторые документы из Балтиморской спецбольницы.

Айнел Кори говорит с преувеличенной четкостью, чтобы подчеркнуть свою правоту или возмущение.

- Мы все это уже проделали, в Управлении больниц, во время закрытия, мисс... Старлинг.

- Мисс Старлинг. Сами можете убедиться, что ни один пациент не был отправлен из нашей больницы без медицинской карты. Сами можете убедиться, что ни одна карта не была отправлена из спецбольницы без разрешения начальства. Что же касается умерших пациентов, то Департаменту здравоохранения их документы были не нужны, и Статистическое Бюро не пожелало их забрать, и, насколько мне известно, "мертвые карты", то есть карты умерших пациентов, оставались в Балтиморской спецбольнице после моего ухода оттуда, а я была одной из последних, кого оттуда уволили. А беглых отправили в городское полицейское управление и в управление шерифа.

- Беглых?

- Ну, да, тех, кто убежал от нас. Заключенные ведь иногда убегают.

- Значит, доктор Лектер мог попасть в категорию "беглых". Как по-вашему, его документы могли быть отправлены в органы правопорядка?

- Для нас он не беглый. И никогда не попадал в категорию наших беглых.
Он находился в заключении не у нас, когда бежал. Я один раз спустилась туда,
в подвал, поглядеть на доктора Лектера, и показала его своей сестре - она
тогда приезжала ко мне со своими мальчиками. Меня всегда словно холодом
обдает и начинает тошнить, когда я вспоминаю об этом. Он подстрекал одного
из своих соседей кинуть в нас, - тут она понизила голос, - свою малафейку.
Знаете, что это такое?

- Да, я слыхала этот термин, - ответила Старлинг. - Это, наверное, был
мистер Миггз, верно? Он хорошо умел кидаться.

- Я это все выбросила из памяти. А вот вас я помню. Вы приходили к нам
в больницу и говорили с Фредом - с доктором Чилтоном, а потом спускались
туда, в этот подвал, где был Лектер, правильно?

- Да.

Доктор Фредерик Чилтон был директором Балтиморской спецбльницы для
невменяемых преступников. После побега доктора Лектера он однажды уехал в
отпуск и с тех пор числился пропавшим без вести.

- Вы, наверное, знаете, что Фред пропал.

- Да, я слыхала об этом.

У мисс Кори на глазах выступили слезы.

- Он был моим женихом, - произнесла она. - Он пропал, а потом закрыли
больницу, все было так, словно мне потолок на голову обрушился. Если бы не
моя церковь, я бы всего этого не пережила.

- Мне очень жаль, - сказала Старлинг. - Теперь у вас хорошая работа.

- Но нет рядом Фреда. Это был прекрасный, просто прекрасный человек. И

мы так любили друг друга! Такое не каждый день встречается! Его ведь избрали однажды Парнем Года, когда он учился в старших классах, в Кантоне, в Коннектикуте.

- Мне уже пора. Айнел, еще один вопрос: где он держал медицинскую документацию - у себя в кабинете или в приемной, где ваш стол...

- Все документы хранились в стенных шкафах в его кабинете, но потом их скопилось так много, что мы поставили новые шкафы в приемной. Они всегда были заперты, конечно. Когда нас стали выселять, в помещение въехала метадоновая клиника - временно - но все равно, все вещи много раз перетаскивали с места на место.

- А вы когда-нибудь видели карту доктора Лектера? Держали ее в руках?

- Конечно.

- Случайно не помните, в ней были какие-нибудь рентгеновские снимки? И вообще, снимки обычно хранились внутри карты или отдельно?

- Внутри. Их всегда вкладывали в медкарту. Они были больше по размеру, и с ними неудобно было обращаться. У нас был свой рентгеновский аппарат, но постоянного рентгенолога не держали, поэтому и не было отдельных медкарт в рентген-кабинете. Я, честное слово, уже не помню, были в его карте снимки или нет. Вот энцефалограмма там была, Фред ее часто показывал приезжавшим. Доктор Лектер - не хочу даже называть его доктором! - был весь опутан проводами от энцефалографа, когда напал на эту бедную медсестру. И что самое ужасное, у него даже пульс не изменился, когда он на нее напал. Ему сломали

руку санитары, понимаете, они все набросились на него, пытаясь оторвать от
нее. Вот потом и пришлось делать рентгеновский снимок. Они бы ему не только
руку сломали, будь на то их воля...

- Если вам что-нибудь придет в голову, где могут храниться эти документы, позвоните мне, ладно?

- Мы начнем, что называется, "глобальный поиск", так? - мисс Кори явно
нравился этот термин. - Только не думаю, что мы что-нибудь найдем. Ведь
многие архивы были просто брошены, не нами, а этими, из метадоновой клиники.

У кофейных кружек были толстые края, и капли с них стекали по стенкам.
Старлинг наблюдала, как Айнел Кори, тяжело переваливаясь, идет к дверям -
прямо-таки воплощенное страдание - а затем залпом проглотила оставшийся
кофе, заткнув за воротник салфетку.

Старлинг понемногу приходила в себя. Она понимала, что что-то здесь ее
здорово раздражает. Может быть, скверный запах, нет, что-то больше, чем
просто скверный запах, может быть, вся эта безвкусица. Равнодушие к вещам,
которые радуют глаз. Может быть, она соскучилась по стильной обстановке.
Пусть даже псевдо-аристократический стиль - и то было бы лучше, чем ничего.
Да, вот так я считаю, нравится это вам или нет.

Старлинг произвела некоторый самоанализ, пытаясь обнаружить в себе
признаки снобизма, и решила, что снобом ей становиться не с чего. Потом,
думая о стиле, она вспомнила Эвельду Драмго, у которой со стилем было все в
порядке. При этой мысли Старлинг вдруг страшно захотелось снова "выпустить
пар".

ГЛАВА 11

И Старлинг вернулась туда, где все это начиналось, в Балтиморскую спецбольницу для невменяемых преступников штата Мэриленд, ныне уже не действующую. Старое здание бурого цвета, пристанище боли, ныне закрытое и запертое, изрисованное граффити и ожидающее сноса.

Спецбольница и так уже долгие годы разваливалась, еще до того, как во время своего отпуска исчез ее директор, доктор Фредерик Чилтон. Последующие разоблачения неправильного и незаконного расходования средств и полный износ здания вскоре привели к тому, что законодатели прекратили перечисление средств на содержание больницы. Часть пациентов перевели в другие аналогичные учреждения штата, некоторые умерли, а еще несколько теперь бродили по балтиморским улицам как привидения, зомбированные хлорпромазином, и состояли амбулаторными пациентами разных недоношенных лечебных программ, что уже не одного из них привело к смерти под забором от переохлаждения.

Дожидаясь сторожа возле старого здания, Старлинг вдруг поняла, что она именно потому в первую очередь и занялась другими возможными версиями, что не хотела вновь приходить сюда.

Сторож опоздал на сорок пять минут. Это оказался толстый старик с ножным протезом, который стучал, как копыто, и стрижкой явно восточно-европейского фасона, которую ему, вероятно, сделали еще на родине. Он задыхался от одышки, когда шел со Старлинг к боковой двери, к которой

вели несколько ступеней, спускавшихся от тротуара. Дверной замок был уже вскрыт мародерами, так что дверь была заперта на цепь с двумя висячими замками. Звенья цепи оплела густая паутина. Трава, выросшая в трещинах ступеней, щекотала Старлинг лодыжки, пока сторож возился с ключами. День клонился к вечеру, небо было хмурым, свет едва проникал сквозь тучи и не давал теней.

- Я не очень хорошо знать это дом, я только пожарный сигнализация проверяю, - сказал сторож.

- А вы не знаете, там еще хранятся какие-нибудь документы? Там есть шкафы, какие-нибудь архивы?

- Как уехал больница, тут был метадоновый клиника, несколько месяц. - Сторож пожал плечами. - Они все несли в подвал - кровать, постель, не знаю, что еще. Там плохо, на низу, для мой астма, там плезень, плохой плезень. Все матрас на кровать - все плезень. Мне не можно дышать. Чертов ступенька тоже плохо для мой нога. Я мог показать, только...

Старлинг была бы рада любой компании, даже такой, но с ним, похоже, дело займет слишком много времени.

- Ладно, не надо. Где ваша контора?

- Дальше по улиц, квартал отсюда, там раньше был бюро выдачи водительский права.

- Если я не вернусь через час...

Он посмотрел на часы:

- У меня через полчаса кончился день.

Так! Ну, с меня хватит, черт бы вас всех подрал!

- Знаете что вы сейчас сделаете, сэр? Сядете в своей конторе и будете

ждать, пока я не верну вам ключи. Если я не вернусь через час, позвоните вот
по этому телефону - номер указан на карточке, и сообщите им, куда я
отправилась. Если вас не окажется на месте, когда я вернусь - закроете офис
и уйдете домой - я завтра же утром лично доложу о вас вашему начальству. А
кроме этого... кроме этого, вас еще проверят из Налогового управления и из
Бюро иммиграции и... натурализации. Вы все поняли? Я жду ответа, сэр.

- Да, я буду вас ожидать. И не надо так говорить.

- Премного вам благодарна, сэр, - сказала Старлинг.

Сторож взялся обеими руками за перила, чтобы облегчить себе обратный
подъем на тротуар, и Старлинг слышала его неровные удаляющиеся шаги, пока
они не стихли вдали. Она толчком распахнула дверь и ступила на площадку
пожарной лестницы. Забранное решеткой окошко, почти под потолком, пропускало
внутрь серый свет. Она хотела было запереть за собой дверь, но потом просто
завязала цепь внутри узлом, чтобы иметь возможность выйти, если потеряет
ключ.

В предыдущие разы, когда Старлинг посещала спецбольницу для бесед с
доктором Лектером, она входила через главный вход, поэтому теперь ей
потребовалось некоторое время, чтобы сориентироваться.

Она поднялась по пожарной лестнице на второй этаж. Матовые окна
пропускали внутрь совсем мало света, так что в помещении царил полумрак.
Старлинг включила свой мощный фонарь, с его помощью нашла выключатель и
зажгла верхнее освещение - в разбитой люстре еще горели три лампочки. На

столе в приемной валялись оголенные концы телефонных проводов.

В здании явно не раз побывали вандалы, вооруженные баллончиками с краской. Стену приемной украшали восьмифутовое изображение фаллоса с яичками и надпись: "Отсоси, маманя!"

Дверь в кабинет директора была распахнута. Старлинг остановилась на пороге. Именно сюда она явилась, выполняя свое первое задание в ФБР, когда была еще курсантом, когда еще всему верила, считала, что, если сумеешь хорошо выполнить задание, сумеешь отличиться, тогда тебя примут, невзирая на расу, веру, цвет кожи, национальность, происхождение, а также на то, относишься ты к категории "старых добрых приятелей" или нет. Из всего этого теперь остался только один пункт, в который она еще верила: что она может отличиться.

Вот здесь директор спецбольницы Чилтон подал ей свою сальную лапу и пытался купить ее по дешевке. Здесь он пытался торговать своими секретами, подслушивал и, считая себя не менее умным, чем Ганнибал Лектер, добился принятия решения, которое позволило Лектеру бежать, пролив при этом столько крови.

Стол Чилтона по-прежнему стоял в кабинете, но стула уже не было - его было легко утащить. Ящики стола были опустошены, валялась только пачка "алка-зельцер". Шкафы для документов тоже стояли на своих местах. Замки в них были простенькие, так что бывший технический оперативный сотрудник Старлинг вскрыла их менее, чем за минуту. Она могла бы воспользоваться своим

сотовым телефоном и вызвать наряд городской полиции, чтобы они вместе с нею спустились в подвал. Она могла бы попросить и Балтиморское отделение ФБР прислать ей в помощь еще одного агента. Но серенький день уже клонился к вечеру, и она не успевала избежать часа пик на шоссе в Вашингтон, даже если бы уехала прямо сейчас. А если подождать, будет еще хуже.

Она оперлась о пыльный стол Чилтона и попыталась прийти к какому-нибудь решению. Что ее влечет сюда? Действительно ли она считает, что в подвале могут еще оставаться архивные документы, или ее просто тянет на место, где она впервые встретилась с Ганнибалом Лектером?

Если работа в правоохранительных органах позволила Старлинг узнать о себе хоть что-то новое, так это то, что она вовсе не склонна искать приключений на свою голову и была бы вполне счастлива, если бы ей никогда больше не пришлось испытывать страх. Но ведь в подвале действительно могут оставаться документы. И это легко выяснить всего за пять минут.

Она прекрасно помнила лязг тяжелых дверей отделения строгого режима - как они захлопнулись за нею впервые, тогда, семь лет назад. На тот случай, если кому-нибудь вздумается захлопнуть их за нею и на этот раз, она позвонила в Балтиморское отделение и сообщила, где она находится, и договорилась, что перезвонит через час, чтобы сообщить, что благополучно выбралась оттуда.

На внутренней лестнице, по которой Чилтон сопровождал ее в подвал годы назад, свет тоже еще работал. Здесь он разъяснял ей тогда меры безопасности,

которые предпринимались при общении с Ганнибалом Лектером, а вот здесь он остановился, под этой лампочкой, чтобы достать из бумажника и продемонстрировать ей фото медсестры, которой доктор Лектер откусил язык и съел его, когда она намеревалась провести его медицинский осмотр. И если потом санитары сломали доктору руку, когда вязали его, в его медицинской карте безусловно должен оставаться рентгеновский снимок.

Щеки коснулся порыв сквозняка, гулявшего на лестнице, как будто где-то было открыто окно.

На площадке валялась коробка из-под гамбургера от "Макдональдса" и несколько салфеток. Грязный стаканчик, в котором когда-то была фасоль. Пищевые отбросы. Кучки дерьма и использованные салфетки в углу. Свет достигал только нижней лестничной площадки, его граница проходила перед огромной стальной дверью перед отделением для буйных, которая сейчас была распахнута настежь и прицеплена крюком к стене. У Старлинг был хороший фонарь с пятью батарейками, он давал мощный и широкий луч света.

Она посветила в глубь длинного коридора бывшего отделения строгого режима. В дальнем конце его виднелось что-то громоздкое. Было очень странно видеть двери камер открытыми. Пол был засыпан обертками от хлеба и стаканчиками. На столе, за которым раньше сидел санитар, валялась банка из-под содовой, черная от многократного нагревания при приготовлении наркотиков.

Она пощелкала выключателями позади поста санитара. Никакого результата.

Достала свой сотовый телефон. Красный огонек индикатора казался очень ярким
в окружающем полумраке. Под землей телефон был бесполезен, но она громко
произнесла в микрофон:

- Барри, подай грузовик задом к боковому входу. И принеси сюда большой
прожектор. Нам понадобится тележка, чтобы все это поднять наверх... да-да,
давай спускайся сюда.

Потом Старлинг громко произнесла, обращаясь в темноту:

- Внимание, вы, там! Я офицер федеральной службы. Если вы скрываетесь
здесь, можете свободно уйти. Я не собираюсь вас арестовывать. Вы меня вообще
не интересуете. Если вы вернетесь после того, как я закончу свои дела, меня
это не касается. Но уходите немедленно. Если попробуете мне помешать,
рискуете получить тяжелые телесные повреждения. Глаз на жопу натяну!
Благодарю за внимание.

Голос ее эхом отдавался от стен коридора, где столько людей когда-то
надрывались до хрипоты и грызли решетки даже деснами, когда оставались без
зубов.

Старлинг припомнила, как ей помогало присутствие здесь этого огромного
санитара, Барни, когда она приходила сюда для бесед с доктором Лектером. И
странную учтивость, которую Барни и доктор Лектер проявляли по отношению к
ней. Нет больше здесь никакого Барни. Что-то из школьной программы всплыло в
памяти, что-то из того, что учили наизусть, и она заставила себя припомнить,
что именно.

Как эхо в памяти звучат шаги

В тот коридор, куда мы не пошли,

К дверям, что так и не открыли,
Ведущим в сад, цветущих полный роз.

Сад, цветущих полный роз, как же! Здесь уж точно розами не пахнет!

Старлинг, которую пресса в последнее время приучила буквально ненавидеть собственное оружие, равно как и самое себя, сейчас вдруг обнаружила, что ощущение пистолета в руке вовсе не вызывает негативные эмоции, когда чувствуешь себя не совсем уверенно. Держа "кольт" у бедра, она двинулась вперед по коридору вслед за лучом фонаря. Было очень трудно следить одновременно за обоими флангами и не забывать о том, что кто-то может появиться и сзади. Где-то капала вода.

Разобранные на части кровати, сложенные в камерах. Матрасы в других камерах. В центре коридора скопилась вода. Старлинг, как всегда оберегая туфли, переступила через эту небольшую лужу, продвигаясь внутрь помещения. И вспомнила совет Барни, данный ей тогда, годы назад, когда в камерах еще были обитатели. "Будете идти по коридору, держитесь середки".

Шкафы для документов, вот они. Стоят по центру коридора по всей его длине, мрачного оливкового цвета в свете ее фонаря.

Здесь, в этой камере, сидел "Многократник" Миггз. Мимо него она просто терпеть не могла проходить. Миггз, который шептал ей всякие гадости и обрызгал ее спермой. Миггз, которого доктор Лектер убил, приказав ему проглотить собственный грязный и гнусный язык. А когда Миггз умер, в камеру поместили Сэмми. Того самого Сэмми, чье поэтическое творчество так поощрял

доктор Лектер, и это произвело на поэта неизгладимое впечатление. Она и
сейчас прекрасно помнила, как завывал Сэмми, декламируя свои стихи:

Я ХАЧУ УЙТИ К ИССУССУ

Я ХАЧУ С ХРЕСТОМ ПАЙТИ
Я СМАГУ УЙТИ С ИССУССОМ
ЭСЛЕ БУДУ ХАРАШО СИБЯ ВЕСТИ.

У нее до сих пор сохранился этот текст, записанный крайоновым
карандашом.

Теперь камера была забита матрасами и тюками с постельным бельем,
увязанным в простыни.

Вот, наконец, и камера доктора Лектера.

Прочный стол, за которым он читал, по-прежнему стоял, привинченный к
полу, в центре камеры. Полки, на которых стояли его книги, теперь были без
досок, но кронштейны все еще торчали из стен.

Старлинг нужно было заняться шкафами, но она стояла, словно прикованная
к камере. Здесь произошла самая замечательная встреча в ее жизни. Здесь она
тогда испытала удивление, шок, изумление...

Здесь она услышала о себе вещи до ужаса истинные, так что ее сердце
отозвалось подобно огромному колоколу.

Она хотела войти внутрь. Она хотела войти внутрь камеры, это было такое
непреодолимое желание, как желание спрыгнуть с балкона, как манит к себе
блеск рельсов, когда слышишь грохот приближающегося поезда.

Старлинг посветила фонарем вокруг себя, осмотрела заднюю часть шкафов
для документов, потом направила луч на соседние камеры.

Любопытство заставило ее переступить через порог. Она стояла теперь в центре камеры, где доктор Лектер провел восемь лет. Она занимала его место, его пространство, то самое, где видела его тогда, и уже подумала было, что ее сейчас проймет дрожь, но этого не случилось. Положила пистолет и фонарь на его стол, аккуратно, чтобы фонарь не скатился, а потом положила на его стол и ладони, но нащупала только сухие крошки.

Ничего кроме разочарования. Камера была пуста, свободна от своего былого обитателя, как сброшенная змеей старая кожа. И Старлинг подумала, что кое-что стала теперь понимать: смерть и опасность вовсе не обязаны являться в парадном мундире. Они могут явиться и в виде поцелуя возлюбленного. Или в солнечный день, рядом с рыбным рынком, под звуки "Ла Макарены", несущиеся из динамиков магнитолы.

Ладно, ближе к делу. Перед нею стоял ряд шкафов длиной около восьми футов, в целом - четыре шкафа высотой до подбородка. В каждом было по пять ящиков, закрывающихся с помощью одного английского замка в верхнем ящике. И ни один из замков не был заперт. Все ящики были заполнены папками с документами, некоторые толстые, все забраны в картонные корочки. Старые папки из "мраморного" картона от времени стали хлипкими, а более новые были сделаны из толстой маниль-ской бумаги. Медицинские карты давно умерших людей, относящиеся к тем временам, когда была основана эта спецбольница, к 1932 году. Они размещались приблизительно в алфавитном порядке, а некоторые

материалы были засунуты плашмя позади папок, в дальних углах длинных ящиков.
Старлинг быстро просмотрела папки, держа тяжелый фонарь на плече и пробегая
пальцами свободной руки по картонным обложкам. Она пожалела, что не
захватила с собой маленький фонарик, который можно зажать в зубах. Как
только она немного разобралась в системе хранения, она смогла пропускать уже
целые ящики, не просматривая папки под литерой "И", небольшое количество
карт под литерой "К", стремясь поскорее добраться до "Л". Вот, наконец:
"Лектер, Ганнибал".

Старлинг извлекла большую папку из манильской бумаги, сразу ее ощупала,
есть ли внутри рентгеновский снимок, положила папку поверх других медкарт,
открыла ее и обнаружила внутри историю болезни покойного И. Дж. Миггза. Черт
побери! Этот Миггз, кажется, будет ее преследовать до гробовой доски! Она
переложила папку на верх шкафа и быстро просмотрела папки на "М". Папка с
фамилией Миггза была на месте, где ей и полагалось по алфавиту. Она была
пуста. Ошибка? Кто-то случайно положил документы Миггза в папку Ганнибала
Лектера? Она просмотрела все папки на "М" в надежде обнаружить документы без
обложки. Потом вернулась к литере "К", все более осознавая, что это начинает
ее здорово бесить. Запах помещения раздражал все сильнее. Сторож был прав,
здесь трудно дышать. Она уже просмотрела половину дел на "К", когда поняла,
что запах... все время усиливается.

Какой-то плеск сзади - и она резко обернулась, занося фонарь для удара,

другая рука скользнула под блейзер, к рукоятке пистолета. В мощном луче
фонаря стоял высокий человек в грязных лохмотьях, одной чудовищно распухшей
ногой в луже воды. Одну руку он выставил в сторону, в другой держал осколок
разбитой тарелки. Одна его нога и обе ступни были обмотаны полосами
разорванной простыни.

- Привет, - произнес он еле ворочающимся в воспаленном рту языком. Даже
через разделявшие их пять футов Старлинг ощущала исходящий у него изо рта
мерзкий запах. Рука ее под блейзером переместилась с пистолета на газовый
баллончик.

- Привет, - ответила она. - Не могли бы вы встать вон туда, к решетке?

Мужчина не двинулся.

- Ты Иссусс? - спросил он.

- Нет, - ответила Старлинг. - Я не Иисус. - Какой знакомый голос. Старлинг лихорадочно пыталась припомнить...

- Ты Иссусс?! - Его лицо исказила гримаса.

Голос! Думай же, вспоминай!

- Привет, Сэмми, - произнесла она. - Как ты поживаешь? Я как раз думала
о тебе.

А что о нем думать? Мозг быстренько подал всю нужную информацию,
правда, не совсем в нужном порядке.

Положил отрезанную голову своей матушки на поднос для пожертвований,
пока прихожане пели "Отдайте все лучшее Господу". И заявил, что это самое
лучшее, что у него есть. Баптистская Церковь Широкого Пути, где-то в глухой
провинции. И был очень зол, как говорил доктор Лектер, что Христос все никак
не приходит.

- Ты - Иссусс? - спросил он опять, на этот раз жалобно. Потом сунул руку в карман, вытащил сигаретный бычок, длинный, почти в два дюйма. Положил его на осколок тарелки и протянул ей как пожертвование.

- Сэмми, мне очень жаль, но я не Иисус. Я...

Сэмми вдруг ожил, заметался в ярости, что она - не Иисус, и его голос гулко понесся по коридору:

Я ХАЧУ УЙТИ К ИССУССУ

Я ХАЧУ С ХРЕСТОМ ПАЙТИ

Он поднял осколок тарелки, занося его острый конец как мотыгу, и сделал шаг к Старлинг, ступив обеими ногами в лужу, лицо искажено судорогой, свободная рука цапает воздух в пространстве между ними.

Старлинг чувствовала, как шкаф больно врезается ей в спину.

- СМОЖЕШЬ ТЫ УЙТИ С ИИСУСОМ... ЕСЛИ БУДЕШЬ ХОРОШО СЕБЯ ВЕСТИ, - процитировала Старлинг, четко и громко, как будто он стоял далеко и она старалась до него докричаться.

- Ага, - сказал Сэмми совершенно спокойно и остановился.

Старлинг пошарила в сумочке, нащупала шоколадный батончик.

- Сэмми, у меня есть "Сникерс". Ты любишь "Сникерсы"?

Он ничего не ответил.

Она положила батончик на папку и протянула ему, как он протягивал ей осколок тарелки.

Он впился в батончик зубами, даже не сняв обертки, потом выплюнул бумагу и откусил еще, съев сразу половину "Сникерса".

- Сэмми, здесь кто-нибудь еще бывает?

Он пропустил ее вопрос мимо ушей, положил остаток батончика на свою тарелку и исчез за грудой матрасов, валявшихся в его бывшей камере.

- Это что еще за хреновина? - Женский голос. - Спасибо, Сэмми.
- А вы кто? - окликнула Старлинг.
- Не твое собачье дело.
- Вы здесь с Сэмми живете?
- Конечно, нет. Я сюда на свидание пришла. Может, оставишь нас в покое?
- Сейчас. Только ответьте на мой вопрос. Вы здесь давно?
- Две недели.
- Здесь еще кто-нибудь был?
- Какие-то бродяги. Сэмми их выгнал.
- Сэмми вас защищает?
- Поторчи тут с нами - сама узнаешь. Я могу ходить и нахожу чего
пожрать. А у него есть безопасное место, чтоб спокойно пожрать. Многие так
сходятся.
- И никто из вас не получает никакой помощи? Может, вы хотите, чтоб вас
включили в какую-нибудь программу помощи? Я могу в этом посодействовать.
- Он уже пытался. Безнадега. Идешь туда, к ним, в большой мир, делаешь
все это дерьмо, как тебе говорят, а потом возвращаешься обратно, все без
толку. Ты что, ищешь тут что-нибудь? Чего тебе тут надо?
- Документы кое-какие.
- Если их тут нет, значит, их сперли. Не надо большого ума, чтоб понять.
- Сэмми! - позвала Старлинг. - Сэмми?
Сэмми не ответил.
- Он спит, - сказала его подружка.
- Если я оставлю вам денег, вы купите какой-нибудь еды? - спросила
Старлинг.
- Не-а, я лучше выпивки куплю. Еду можно найти. А выпивку не найдешь.
Смотри, чтоб тебе дверью по заднице не врезало, когда будешь выходить.
- Я оставлю деньги на столе, - сказала Старлинг. Она чувствовала себя

так, словно бежит отсюда. И припомнила, как уходила от доктора Лектера, припомнила, как старалась держать себя в руках, когда шла к островку спокойствия и безопасности, каким ей представлялся пост санитара Барни.

Пользуясь светом, падавшим с лестницы, Старлинг достала из бумажника 20-долларовый банкнот. Положила деньги на брошенный, исцарапанный стол Барни и прижала пустой винной бутылкой. Развернула пластиковую сумку и засунула в нее папку Лектера с историей болезни Миггза, а также пустую папку Миггза.

- До свиданья. Пока, Сэмми, - сказала она человеку, который вышел было в большой мир, но вернулся в тот ад, который он знал лучше. Она еще хотела сказать ему, что Иисус скоро придет, но это прозвучало бы слишком глупо.

Старлинг выбралась на свет, чтобы продолжать собственное кружение в большом мире.

ГЛАВА 12

Если на дороге, ведущей в ад, есть боковые съезды, они, вероятно, очень похожи на въезд для машин "скорой помощи" в здание клинической больницы "Мизерекордиа" штата Мэриленд. Здесь, посреди замирающих завываний сирен и завываний умирающих, грохота перемазанных кровью каталок, криков и стонов, поднимаются столбы пара из канализационных колодцев, подкрашенные красным светом от огромной неоновой надписи "СКОРАЯ ПОМОЩЬ", напоминающей Моисеев столп огненный ночью, превращающийся в столп облачный днем.

Барни появился из этого пара, на ходу втискивая свои мощные плечи в

куртку, наклонив вперед коротко стриженную голову и широкими шагами меряя разбитый тротуар, направляясь на восток, в сторону начинающегося утра.

Он на двадцать пять минут задержался на работе - перед этим полиция привезла пьяного "кота" с огнестрельным ранением; "кот" любил драться с женщинами, поэтому старшая сестра попросила Барни остаться и помочь. К Барни всегда обращались за помощью, когда в отделение поступал буйный пациент.

Клэрис Старлинг следила за Барни из-под глубоко надвинутого капюшона куртки. Она дала ему возможность отойти на полквартала по противоположной стороне улицы, прежде чем забросить на плечо свою хозяйственную сумку и последовать за ним. Когда он миновал и стоянку автомобилей, и автобусную остановку, она испытала некоторое облегчение. За Барни легче было следить, если идти пешком. Она не знала, где он живет, а ей нужно было это узнать до того, как он ее заметит.

Район позади больницы был тихий, здесь жили в основном "синие воротнички" смешанного расового состава. Район, где машину надо запирать на множество замков, но не обязательно забирать домой на ночь аккумулятор, где дети вполне могут играть на улице.

Через три квартала Барни переждал, пока проедет автобус, и свернул на север, на улицу, застроенную узкими домами с мраморными ступеньками и аккуратными садиками перед фасадом. Несколько пустых витрин стояли совершенно целыми, стекла намазаны мылом. Магазины уже начинали открываться,

и на улице уже появлялись люди. Грузовики, припаркованные на ночь по обеим сторонам улицы, на полминуты закрыли Старлинг обзор, и она чуть не наткнулась на Барни, не сразу поняв, что он остановился. Она оказалась прямо напротив него, на противоположной стороне улицы, когда его заметила. Может быть, он ее тоже заметил.

Он стоял, засунув руки в карманы, наклонив голову вперед, и смотрел из-под нахмуренных бровей на что-то, шевелящееся посреди улицы. Там лежала мертвая голубка, ее крыло шевелил ветерок от проезжавших мимо машин. А голубь-самец ходил кругами возле тела мертвой подруги, кося на нее глазом, и его головка подергивалась в такт шагам его розовых лапок. Круг за кругом, что-то тихо приборматывая по-голубиному. Мимо проехало несколько машин и автобус, но голубь лишь в последний момент ускользал от наезда, перепархивая в сторону.

Может быть, Барни поглядел на нее, Старлинг не была в этом уверена. Ей нужно было идти дальше, иначе он ее заметит. Когда же она оглянулась через плечо, Барни уже присел посреди дороги, подняв руку, чтобы остановить уличное движение.

Она завернула за угол, чтобы он ее не видел, стянула с себя куртку с капюшоном, достала из хозяйственной сумки свитер, бейсбольную кепочку и спортивную сумку и быстро переоделась, засунув куртку и хозяйственную сумку в пластиковую спортивную сумку и заправив волосы под кепку. И, влившись в

поток возвращающихся с работы уборщиц, вышла обратно на улицу, где оставила
Барни.

Он держал в ладонях мертвую голубку. Ее дружок взлетел, шелестя
крыльями, на провода над их головами и продолжал наблюдать оттуда. Барни
положил мертвую голубку в траву на газоне и пригладил ее перья. Поднял свое
широкое лицо к птице на проводах и что-то сказал. Когда он встал и пошел
дальше, голубь-самец слетел вниз на газон и вновь стал кружить вокруг
мертвого тела, пробираясь сквозь траву. Барни не оглядывался. Когда он
взобрался на ступеньки крыльца жилого дома, ярдах в ста дальше по улице, и
полез за ключами, Старлинг пробежала полквартала, чтобы перехватить его
прежде, чем он откроет дверь.

- Барни! Привет!

Он неторопливо повернулся и поглядел на нее сверху вниз. Старлинг уже
забыла, что у него такие необычно широко расставленные глаза. По этим глазам
она поняла, что он узнал ее, и ощутила нечто вроде щелчка, какой обычно
слышится при включении какого-нибудь электронного устройства.

Она сняла бейсболку, освобождая волосы.

- Я Клэрис Старлинг. Помните меня? Я...

- Из ФБР, - без выражения произнес Барни.

Старлинг сложила ладони и кивнула:

- Ну да, я из ФБР. Барни, мне с вами нужно поговорить. Ничего официального, я просто хочу вас кое о чем спросить.

Барни спустился с крыльца. Когда он оказался на тротуаре перед
Старлинг, ей все равно пришлось смотреть на него снизу вверх. Ее не пугали
его огромные размеры, как они могли бы испугать мужчину.

- Вы готовы официально подтвердить, офицер Старлинг, что вы не зачитали мне мои права? - Голос у него был высоким и грубым, как голос Тарзана в исполнении Джонни Вайсмюллера.

- Подтверждаю. Я не зачитывала вам ваши права. И признаю это.

- А слабо сказать все это в вашу сумку?

Старлинг открыла сумку и, обращаясь внутрь, произнесла громким голосом, словно там сидел тролль:

- Я не зачитывала Барни его права, он не ознакомлен со своими правами.

- Тут есть одно вполне приличное кафе, дальше по улице, - сказал Барни.

- А сколько у вас шапок в сумке? - спросил он, когда они тронулись.

- Три, - ответила она.

Мимо них проехал микроавтобус с инвалидными знаками, и Старлинг почувствовала, что его пассажиры смотрят на нее. Ну, инвалиды часто страдают сексуальной озабоченностью, на что, впрочем, имеют полное право. Молодые ребята, сидевшие в машине, встретившейся им на следующем перекрестке, тоже посмотрели на нее, но вслух ничего не сказали - явно из-за присутствия Барни. Любой предмет, высунувшийся из окна, тут же привлек бы к себе внимание Старлинг - она все время помнила о возможной мести "крипсов" - однако с такими вот похотливыми взглядами приходилось мириться.

Когда они с Барни вошли в кафе, микроавтобус сдал задом в переулок, развернулся и уехал в ту сторону, откуда приехал.

Им пришлось ждать, пока в переполненном заведении освободится отдельный кабинетик. Официант орал что-то на хинди повару, который с виноватым выражением на лице жарил мясо, переворачивая его длинными щипцами.

- Давайте что-нибудь съедим, - сказала она, когда они сели. - Дядя Сэм платит. Как у вас дела, Барни?

- С работой все в порядке.

- Кем работаете?

- Санитаром. У меня диплом практикующего санитара.

- А я думала, что вы уже медбратом стали. Или даже фельдшерскую школу закончили.

Барни пожал плечами и потянулся за молочником. Потом поднял глаза на Старлинг:

- Они вас теперь выгонят - из-за смерти Эвельды?

- Поживем - увидим. Вы ее знали?

- Я ее однажды видел, когда к нам привезли ее мужа, Дижона. Он уже был мертв, истек кровью еще до того, как его положили в машину "скорой помощи". У него все выливалось наружу, когда его привезли, переливание крови ничего уже не давало. А она не хотела смириться, не хотела, чтоб он умирал, даже драться с сестрами пыталась. Ну, и мне пришлось... вы ж понимаете... Очень красивая женщина. И сильная. Ее не стали арестовывать после...

- Ага, ее освободили прямо на месте.

- Так я и думал.

- Барни, после того, как вы передали доктора Лектера ребятам из Теннесси...

- Они были с ним невежливы.

- После того...

- И теперь они все мертвы.

- Да. Его охранники сумели продержаться в живых три дня. А вы протянули целых восемь лет, охраняя доктора Лектера.

- Шесть лет. Он уже сидел, когда я поступил туда на работу.

- Как вам это удавалось, Барни? Пусть вас не удивляет мой вопрос - как

вы сумели протянуть так долго? Это ведь была не одна только вежливость?

Барни посмотрел на свое отражение в столовой ложке, сперва на выпуклой стороне, потом на вогнутой. Некоторое время он раздумывал.

- У доктора Лектера были прекрасные манеры, не чопорные, а свободные и элегантные. Я тогда учился заочно, и он мне помогал, делился своими знаниями. Это вовсе не значит, что он не убил бы меня в любой момент, если бы ему представилась такая возможность - одно качество характера вовсе не исключает наличие любого другого качества. Они могут соседствовать рядом друг с другом, и хорошие, и ужасные. У Сократа про это лучше сказано. В отделении особо строгого режима об этом нельзя забывать никогда, ни на секунду. Если все время помнишь об этом, ничего с тобой не случится. Доктор Лектер, может быть, потом и пожалел, что познакомил меня с Сократом. - Для Барни, не искалеченного последствиями обязательного школьного образования, Сократ стал настоящим открытием, как открываешь для себя нового человека при личном знакомстве.

- Безопасность сама по себе, а беседы - сами по себе, совершенно отдельно, - продолжал он. - Личные отношения не касаются соображений безопасности, а мне ведь приходилось и задерживать его почтовые поступления, и надевать на него путы.

- Вы много разговаривали с доктором Лектером?

- Иногда по нескольку месяцев мы и словом с ним не обмолвились, а иной раз разговаривали всю ночь напролет, когда вопли остальных умолкнут. Я хоть

и учился заочно, но мало что знал, а он открыл мне целый новый мир, в самом
буквальном смысле - Светоний, Гиббон и все такое. - Барни взял свою чашку.
На тыльной стороне его левой руки виднелась свежая царапина, замазанная
оранжевым бетадином.
- Вам никогда не приходило в голову, когда он убежал, что он может
заявиться к вам?
Барни отрицательно покачал своей огромной головой:
- Он однажды сказал мне, что когда у него есть такая "возможность", он
предпочитает охотиться на свободе. "Настичь и рвать дичь на диком просторе",
как он сам это назвал. - Барни рассмеялся. Редкое зрелище. У него были
мелкие зубы ребенка, и его веселье выглядело чуть-чуть безумным, как у
малыша, когда тот плюется кашей в лицо сюсюкающему дяденьке.
Старлинг подумала: не слишком ли долго он просидел под землей в
обществе невменяемых?
- А вы сами, вас никогда... не бросало в дрожь после того, как он сбежал? Вам-то самой не приходило в голову, что он может заявиться к вам? -
спросил Барни.
- Нет.
- Почему?
- Он сказал, что не будет за мной охотиться.
Ответ, как ни странно, им обоим показался вполне удовлетворительным.
Принесли яичницу. И Барни, и Старлинг были голодны, поэтому в течение
нескольких минут оба сосредоточенно ели.
- Барни, когда доктора Лектера перевели в Мемфис, я просила вас
передать мне его рисунки из камеры, и вы мне их принесли. А куда делись

остальные его вещи - книги, записи? В больнице не осталось даже его медицинской карты.

- Там была такая неразбериха, - Барни сделал паузу, постукивая по ладони солонкой. - Жуткая неразбериха, во всей больнице. Меня уволили, многих тогда уволили, а барахло куда-то рассовали. Трудно сказать...

- Извините, что-что? - переспросила Старлинг. - Я ничего не слышу - здесь такой шум... Я вчера обнаружила, что аннотированный и подписанный доктором Лектером экземпляр "Кулинарного словаря" Александра Дюма появился пару лет назад на частном аукционе в Нью-Йорке. И был продан в частную коллекцию за шестнадцать тысяч долларов. Свидетельство о собственности владельца было подписано "Кэри Флокс". Вы знаете Кэри Флокса, Барни? Надеюсь, что знаете, потому что ваши анкеты для поступления на работу в больницу, где вы сейчас работаете, заполнены его почерком, но подписаны "Барни". И он же заполнял вашу налоговую декларацию. Извините, я не расслышала, что вы перед этим сказали. Хотите, начнем сначала. Сколько вы получили за книгу, Барни?

- Около десяти тысяч, - произнес Барни, глядя ей прямо в глаза.

- В расписке указано десять пятьсот, - кивнула Старлинг. - А сколько вам заплатили за то интервью "Тэтлеру", когда доктор Лектер бежал?

- Пятнадцать кусков.

- Неплохо! Прилично заработали. И все, что вы им наплели, это просто ваши выдумки?

- Я знал, что доктор Лектер не стал бы возражать. Наоборот, он был бы разочарован, если б я не навешал им лапшу на уши.

- Он напал на ту медсестру до того, как вы поступили в Балтиморскую спецбольницу?

- Да.

- И у него была сломана рука?

- Насколько я знаю, да.

- Рентгеновский снимок делали?

- Наверняка.

- Мне нужен этот снимок.

- Ну-у-у-у...

- Я выяснила, что все автографы Лектера разделены на две части: одна - написана чернилами, до того, как он попал в тюрьму, а вторая - крайоновыми карандашами и фломастерами, уже в спецбольнице. Написанные крайоном и фломастером стоят дороже, но, думаю, вы это знаете. Барни, я полагаю, что все эти вещи у вас и что вы намереваетесь продавать их по частям любителям автографов в течение многих лет.

Барни пожал плечами и ничего не ответил.

- Думаю, что вы ждете, когда он снова станет "горячей" темой. Зачем вам это, Барни?

- Хочу успеть увидеть все картины Вермеера, какие есть на свете.

- Мне, видимо, нет смысла спрашивать, кто именно познакомил вас с Вермеером?

- Мы по ночам говорили о многих вещах.

- А вы говорили о том, чем он хотел бы заниматься, если бы оказался на свободе?

- Нет. Доктор Лектер не интересовался гипотетическими вопросами. Он не верит ни в силлогизмы, ни в синтез, ни в абсолютные истины.

- А во что он верит?

- В Хаос. Да в него вовсе и не надо верить. Он самоочевиден.

Старлинг на секунду захотелось быть снисходительной к Барни.

- Вы говорите так, словно сами в него верите, - сказала она. - В то же время ваша работа в Балтиморской спецбольнице заключалась как раз в поддержании порядка. Вы были старшим санитаром, ответственным за порядок. И вы, и я, мы оба занимаемся поддержанием порядка. От вас доктор Лектер не сумел убежать.

- Я вам это уже объяснял.

- Потому что вы всегда были начеку. Хотя и в определенном смысле относились друг к другу по-братски.

- Ничего подобного, - возразил Барни. - Он ни к кому не относится как к брату. Мы просто обсуждали вопросы, которыми оба интересовались. По крайней мере, это были вещи, интересные для меня, я тогда впервые о них узнавал.

- Доктор Лектер никогда не издевался над вами за то, что вы чего-то не знаете?

- Нет. А над вами?

- Тоже нет. - Она ответила утвердительно, чтобы не задевать чувства Барни, поскольку впервые вдруг осознала, что в насмешках этого чудовища на самом деле скрывались комплименты в ее адрес. - Он мог бы вдоволь поиздеваться надо мною, если б захотел. Так вам известно, где его вещи, Барни?

- А мне будет вознаграждение за то, что я их нашел?

Старлинг сложила салфетку и засунула ее под тарелку.

- Вознаграждением будет уже то, что я не стану предъявлять вам обвинение в препятствовании правосудию. Помните, я ведь тогда закрыла глаза, когда вы поставили мне подслушку, в спецбольнице.

- Это был "жучок" покойного доктора Чилтона.

- Покойного? Откуда вам известно, что он покойный?

- Ну, он ведь уже семь лет, как оставил нас в покое, - ответил Барни. - Не думаю, что мы его еще увидим. Позвольте узнать, какие именно вещи вас устроят, специальный агент Старлинг?

- Я хочу посмотреть его рентгеновский снимок. Мне нужен его рентгеновский снимок. Если остались книги доктора Лектера, я хочу их видеть.

- Предположим, мы нашли эти вещи. Что с ними будет потом?

- Ну, сказать по правде, я не знаю. Федеральный прокурор может конфисковать все материалы как вещественные доказательства в расследовании его побега. Тогда они будут плесневеть у него на складе громоздких вещдоков. Если я просмотрю все и не обнаружу ничего полезного в книгах и заявлю об этом официально, вы можете потом сказать, что доктор Лектер вам их подарил. Он in absentia уже семь лет пребывает, так что вы можете воспользоваться своим гражданским правом. Насколько известно, у него нет родственников. Я бы даже могла рекомендовать, чтобы все не имеющие для следствия никакого значения материалы были переданы вам. Вам следует, однако, знать, что мои рекомендации на тотемном столбе нашей иерархии висят не слишком высоко... Рентгенограмму вы, по всей вероятности, обратно не получите, и медицинскую карту тоже, поскольку они принадлежали не ему и он не имел права их дарить.

- А если я скажу, что у меня этих вещей нет?

- Тогда все материалы, связанные с Лектером, будет практически невозможно продать, поскольку мы опубликуем по ним специальный бюллетень и

сообщим всем торговцам, что будем конфисковывать все подобные материалы и
преследовать за их приобретение и хранение. Кроме того, я добьюсь ордера на
обыск и изъятие материалов из вашего жилища.

- Ну, да, вы ведь теперь знаете, где мое жилище. Или надо говорить
"жилье"?

- Понятия не имею. Могу только сказать, что если вы сдадите эти
материалы, у вас не будет никаких неприятностей из-за того, что вы их
забрали себе, принимая во внимание то, что с ними могло бы произойти, если
бы вы их оставили там, где они были. Что же касается того, получите ли вы их
назад, то тут я ничего обещать не могу. - Старлинг порылась в сумочке, чтобы
сделать паузу. - Знаете, Барни, мне кажется, вы не стали заниматься
получением более высокого медицинского образования, видимо, потому, что не
смогли бы получить соответствующее удостоверение. Может быть, за вами
где-нибудь числится "задок". Так, да? Сами ведь знаете, я никогда не
проверяла вас на криминальное прошлое, на наличие арестов и судимостей.

- Нет, вы только проверили мою налоговую декларацию и анкету на работе.
Я тронут.

- Если за вами есть "задок", то окружной прокурор этого района может на
вас накапать, и вас сотрут в порошок.

Барни вытер тарелку кусочком тоста.

- Вы вроде как закончили? Давайте, немного пройдемся.

- Я тут видела Сэмми, помните, который потом занимал камеру Миггза? Он
по-прежнему живет в ней, - сообщила ему Старлинг, когда они вышли на улицу.

- Вот уж проклятое место!

- Это точно.

- Сэмми попал в какую-нибудь программу помощи?

- Нет, просто живет там, во тьме.

- Думаю, вам надо сообщить о нем куда следует. У него ведь жуткий диабет, он в любой момент помереть может. А вы знаете, за что доктор Лектер заставил Миггза проглотить собственный язык?

- Кажется, знаю.

- Он убил его за то, что он вас оскорбил. Вот такая вот замечательная штука. Только не надо переживать - он, наверное, все равно бы его прикончил.

Они прошли мимо дома Барни и вышли к газону, где голубь все еще ходил кругами вокруг мертвого тела своей подружки. Барни вспугнул его, замахав руками.

- Лети себе, - сказал он птице. - Хватит горевать. А то дождешься - кошка тебя слопает.

Голубь, хлопая крыльями, улетел. Они не заметили, куда он сел.

Барни поднял мертвую птицу. Ее гладкое тельце легко скользнуло в его карман.

- Знаете, доктор Лектер однажды говорил со мной о вас. Так, немного. Может, это было в последний раз, когда мы с ним разговаривали. Или в один из последних разов. Это мне птица напомнила о том разговоре. Хотите знать, что он мне сказал?

- Конечно, - сказала Старлинг. Съеденная пища слегка шевельнулась в желудке, но она не намерена была отступать.

- Мы говорили об унаследованных стереотипах поведения. И он привел в пример генетические особенности размножения голубей. Есть такие голуби - они

называются турманы. Они взлетают высоко в небо и начинают кувыркаться,
словно падая на спину и переворачиваясь, и так до самой земли. Среди них
есть "высокие" и "низкие". Так вот, нельзя скрещивать двух "высоких"
турманов, потому что птенец из такого потомства будет кувыркаться до самой
земли, пока не упадет и не разобьется. И вот что он сказал: "Офицер Старлинг
- это "высокий" турман, Барни. Будем надеяться, что хоть один из ее
родителей не был "высоким".

Старлинг пришлось проглотить вставший в горле комок.

- А что вы сделаете с этой птицей? - спросила она.

- Ощиплю и съем, - ответил Барни. - Пошли ко мне, я отдам вам
рентгеновский снимок и книги.

Возвращаясь с длинным свертком к больнице, где она оставила свою
машину, Старлинг услышала одинокий печальный крик птицы, пережившей свою
подружку.

ГЛАВА 13

Благодаря сочувствию одного сумасшедшего и навязчивой идее другого, у
Старлинг теперь было то, что она всегда хотела заполучить - кабинет в одном
из коридоров многоэтажного подземелья Отдела психологии поведения.

Старлинг вовсе и не рассчитывала сразу попасть в элитный Отдел
психологии поведения, когда закончила Академию ФБР, но верила, что сможет
заслужить себе место в его штате. Она прекрасно знала, что сперва ей
придется провести несколько лет на обычной оперативной работе.

Старлинг хорошо выполняла оперативные задания, но плохо разбиралась в

политических интригах внутри своей конторы, и ей понадобилось несколько лет, чтобы понять, что она никогда не попадет в Отдел психологии поведения, несмотря на то, что этого хочет сам начальник отдела, Джек Крофорд.

Самая главная причина этого была ей неизвестна до тех пор, пока она, подобно тому, как астроном натыкается на "черную дыру", не наткнулась на Пола Крендлера, помощника Генерального Инспектора, и не поняла, какое влияние он имеет на тех, кто его окружает. Он так и не простил ей, что она раньше него вышла на серийного убийцу Джейма Гама, да и внимания прессы, которое ей принесло это дело, он простить ей не мог.

Однажды дождливым зимним вечером Крендлер позвонил ей домой. Она подошла к телефону в купальном халате и пушистых тапках, мокрые волосы были завернуты в полотенце. Она всегда будет помнить, какое это было число, потому что как раз окончилась первая неделя операции "Буря в пустыне".

Старлинг тогда исполняла функции технического агента и только что вернулась из Нью-Йорка, где меняла радиоприемник в лимузине, принадлежавшем миссии Ирака при ООН. Новый приемник был в точности такой же, как и прежний, исключая тот факт, что он транслировал все разговоры, которые велись в лимузине, прямо на висевший над головой спутник Департамента обороны. Выполнение этого задания вымотало ее, и она еще не успела толком прийти в себя.

На какое-то мгновение у нее мелькнула идиотская мысль, что Крендлер звонит, чтобы сказать, как отлично она справилась с заданием.

Она хорошо помнила, как в окно колотил дождь, и голос Крендлера в телефонной трубке - он слегка запинался, а по характерному шуму было понятно, что говорит он из бара.

Он спросил, не хочет ли она встретиться. Он сказал, что мог бы через полчаса подъехать за ней. Он был женат.

- Думаю, что нет, мистер Крендлер, - ответила она и нажала на кнопку записи автоответчика, после чего тот издал полагающийся "бип" и телефон отключился.

Теперь, годы спустя, оказавшись наконец в кабинете, куда всегда хотела попасть, Старлинг карандашом написала свою фамилию на обрывке бумаги и приклеила ее скотчем к двери. Но потом сорвала бумажку и выбросила в корзину - все это теперь вовсе не казалось забавным.

В подносе для входящих бумаг лежал один конверт. В нем оказался вопросник из редакции "Книги рекордов Гиннеса", которая намеревалась включить ее в свое издание как застрелившую больше преступников, чем какая-либо другая женщина-сотрудник органов правопорядка за всю историю Соединенных Штатов. Термин "преступники", как пояснял редактор, используется условно, поскольку покойные имели множество судимостей за преступления, а на троих были выданы ордеры на арест. Вопросник полетел в корзину вслед за бумажкой с ее фамилией.

Она уже второй час колотила по клавиатуре компьютера, сдувая с лица пряди волос, когда в дверь постучали и к ней за-глянул Крофорд.

- Звонил Брайан из лаборатории, Старлинг. Рентгеновский снимок, что

получил Мэйсон, и тот, что вы добыли у Барни, совпадают. Это рука Лектера.
Они сейчас переводят оба изображения в цифровой формат, чтобы еще раз
сравнить их, но он говорит, что никаких сомнений. Потом введем эту
информацию в защищенный файл Лектера в нашей базе данных.

- А как насчет Мэйсона Верже?

- Мы сообщим ему правду, - сказал Кроффорд. - Мы-то с вами знаем,
Старлинг, что сам он информацией делиться не будет, если только не получит
такие данные, с которыми ему самому не справиться. Но если мы попытаемся
прямо сейчас перехватить ниточку, что ведет в Бразилию, она просто исчезнет.

- Вы мне велели не заниматься этим, я и не занимаюсь.

- Но чем-то вы тут все же занимались?

- Рентгеновский снимок доставила Мэйсону служба ДХЛ. По штрих-коду и
наклейке они установили пункт отправки пакета. Это был отель "Ибарра" в
Рио-де-Жанейро. - Старлинг подняла руку, не давая ему возможности прервать
ее. - Это все я сделала, пользуясь только нью-йоркскими источниками
информации. Никаких запросов в Бразилию я не посылала.

- И еще одно - Мэйсон ведет все свои телефонные переговоры - а их
немало - через букмекерское бюро в Лас-Вегасе, где регистрируют ставки
спортивного тотализатора. Можете себе представить, сколько у них входящих
звонков.

- Мне не следует спрашивать, как вы об этом узнали?

- Исключительно законными путями, - сообщила Старлинг. - Ну, по большей
части законными - следов у него дома не осталось. У меня ведь есть коды,

которые надо искать в его телефонных счетах, вот и все. У всех технических агентов есть эти коды. Предположим, мы заявим, что он препятствует ведению расследования. Сколько времени нам понадобится, чтобы выпросить ордер на подслушивание и отслеживание его переговоров - при его-то влиянии? И что вы ему можете сделать, даже если в чем-то его уличите? А он пользуется услугами букмекерского бюро.

- Понятно, - сказал Крофорд. - Комиссия по игорному бизнесу штата Невада может либо поставить его телефон на прослушку, либо просмотреть все регистрационные книги этого бюро, чтобы найти то, что нам нужно, то есть куда именно он звонит.

Она кивнула:

- Самого Мэйсона я оставила в покое, как вы велели.

- Да, я вижу, - ответил Крофорд. - Можете передать Мэйсону, что мы ожидаем содействия со стороны Интерпола и посольства. Скажите ему, что нам надо послать в Бразилию наших людей и начать подготовку запроса об экстрадиции Лектера. Он, видимо, и в Южной Америке совершал преступления, так что нам лучше добиться его выдачи до того, как полиция Рио начнет изучать свои нераскрытые дела, проходящие по категории "каннибализм". Конечно, если он вообще в Южной Америке. Старлинг, вас не тошнит, когда вы беседуете с Мэйсоном?

- Приходится держать себя в руках. Вы меня этому научили, когда мы осматривали тот "топляк" в Западной Вирджинии. Господи, что я говорю!

Топляк! Это же был человек, ее звали Кимберли Эмберг! Да, конечно, меня тошнит от Мэйсона. В последнее время меня что-то от многого стало тошнить, Джек.

Старлинг была настолько поражена собственными словами, что замолкла. Никогда раньше она не обращалась к начальнику отдела Джеку Крофорду просто по имени, она вовсе и не собиралась называть его "Джек", и это потрясло ее. Некоторое время она изучала его лицо, лицо, по которому, как всегда, трудно было что-либо прочесть.

Он кивнул и улыбнулся, криво и грустно.

- Меня тоже, Старлинг. Хотите пару таблеток пента-бисмола - пожевать перед беседой с Мэйсоном?

Мэйсон Верже не соизволил сам поговорить со Старлинг по телефону. Его секретарь поблагодарил ее за информацию и сказал, что перезвонит позже. Мэйсон ей так и не позвонил. Для Мейсона, который в списке приоритетных адресов для сообщения о соответствии двух рентгенограмм стоял намного выше Старлинг, эта информация новостью уже не была.

ГЛАВА 14

Мэйсон уже знал - гораздо раньше, чем об этом сообщили Старлинг - что на рентгеновском снимке действительно рука доктора Лектера, потому что у Мэйсона в Департаменте юстиции были источники, гораздо оперативнее, чем у нее.

Мэйсон получил по электронной почте сообщение, подписанное псевдонимом "Токен287". Это второй сетевой псевдоним помощника члена Палаты

представителей США Партона Велмора по Юридическому комитету Палаты. Офис
Велмора, в свою очередь, получил сообщение, подписанное "Кассий199", - это
был второй сетевой псевдоним самого Пола Крендлера из Департамента юстиции.

Мэйсон пребывал в сильном возбуждении. Он не считал, что доктор Лектер
находится в Бразилии, а рентгеновский снимок свидетельствовал, что у доктора
теперь на левой руке обычное количество пальцев. Эта информация
накладывалась на новую ниточку из Европы, которая могла помочь выяснить
нынешнее местопребывание доктора. Мэйсон был уверен, что последнее сообщение
пришло из органов правопорядка Италии, и это был самый значительный след
Лектера, на который он сумел напасть за последние годы.

Мэйсон и не собирался делиться этой информацией с ФБР. В результате
семи лет неустанных трудов, получения доступа к закрытым федеральным файлам
в Сети, широкомасштабной рекламы и значительных расходов он теперь опережал
ФБР в поисках Лектера. И делился с Бюро информацией только тогда, когда ему
было необходимо использовать их технические возможности.

Чтобы поддерживать видимость своей заинтересованности, он велел своему
секретарю в любом случае продолжать теребить Старлинг на предмет сообщений о
новых данных. Специальное напоминание, записанное в компьютерной программе,
заставляло секретаря звонить ей по крайней мере по три раза в день.

Мэйсон немедленно перевел пять тысяч долларов своему информатору в
Бразилии, чтобы получить дополнительные сведения касательно происхождения

рентгеновского снимка. Размеры специального резервного фонда, который он перевел в Швейцарию, были гораздо больше, и он был готов перевести еще, когда получит в свое распоряжение окончательно подтвержденные данные.

Он полагал, что его источник в Европе обнаружил доктора Лектера, но Мэйсона уже столько раз обманывали, поставляя ложную информацию, что он научился осторожности. Доказательства скоро поступят. А пока, чтобы снять напряжение, вызванное ожиданием, Мэйсон сосредоточился на обдумывании того, что он будет делать, когда доктор попадет наконец к нему в руки. Подготовка к этому также потребовала значительного времени, поскольку Мэйсон в свое время и сам учился науке страданий...

Нам иногда бывает трудно понять и принять выбор Господа, предназначающего для нас те или иные страдания; ведь пути Его неисповедимы, разве что наша невинность и незнание Его оскорбляют. Очевидно, в таких случаях Ему требуется от нас некоторая помощь, дабы направить в нужное русло слепую ярость, которую Он обрушивает на смертных.

Мэйсон уже научился понимать свою роль в этом процессе - на двенадцатом году страданий, когда его парализованное тело уже почти невозможно было нащупать под простыней, когда он понял, что никогда больше не встанет на ноги. Новое крыло в поместье Маскрэт-Фарм было завершено, и у него были средства - правда, не такие уж неограниченные, поскольку делами семейства тогда все еще управлял его патриарх, Молсон Верже.

Это произошло на Рождество в тот год, когда доктор Лектер бежал из

заключения. Мэйсон ужасно жалел - с поправкой на настроения, какие обычно посещают нас перед Рождеством, что не предпринял мер, чтобы доктор Лектер был умерщвлен в спецбольнице; теперь же Мэйсону оставалось лишь терзаться мыслью, что доктор Лектер по-прежнему топчет землю, ходит где-то, свободно передвигается и, весьма вероятно, наслаждается жизнью.

Сам же Мэйсон лежал под аппаратом искусственного дыхания, тело его вместе с аппаратом было покрыто мягким одеялом, рядом стояла медсестра, переступая с ноги на ногу и не смея присесть, хотя ей очень этого хотелось.
Автобус привез группу детишек из бедных семей, чтоб спеть Мэйсону Рождественские колядки. С разрешения врача окна в комнате Мэйсона на некоторое время открыли, чтобы он подышал свежим морозным воздухом, а под окнами, прикрывая ладонями горящие свечи, стояли и пели дети.

Свет был погашен, и в темном воздухе над Маскрэт-Фарм низко висели звезды.

..."О, милый город Вифлеем, как тихо ты лежишь!" - пели дети.
Действительно, как тихо ты лежишь!
Как тихо ты лежишь!

В этой строке была явная насмешка над ним самим! Как тихо ты лежишь, Мэйсон!

Рождественские звезды за окном хранили молчание, и молчание это подавляло его. Звезды ничего не сказали ему, когда он поднял на них свой умоляющий глаз, закрытый линзой, сделал им знак пальцами, которыми еще мог

управлять. Мэйсону показалось, что он уже не в силах дышать. Если он задохнется в этом бесконечном пространстве, подумал он, то последнее, что увидит, будут эти прекрасные молчаливые звезды, лишенные воздуха. А он уже задыхается, респиратор не успевает подавать воздух, ему приходится ждать каждого вдоха, чтобы следовать животворной диаграмме, которую пишут Рождественские ели на дальних склонах, поднимаясь пиками, маленькие ели в черной ночи леса на дальних склонах. Как пики в его кардиограмме, систолический пик, диастолический пик...

Сестра так перепугалась, что чуть было не нажала на кнопку сигнала тревоги, чуть не схватила шприц с адреналином.

Да, это явная насмешка: как тихо ты лежишь, Мэйсон!

Это было Божественное Откровение, тогда, на Рождество. Прежде чем сестра нажала на кнопку или успела взять шприц с лекарством, острые уколы шипов мстительности уже оживили его иссохшую, ищущую, похожую на бледного краба руку, и начали успокаивать его.

По всему свету на Рождество набожные люди верят, что через чудо пресуществления действительно вкушают от тела и крови Христовой. Мэйсон начал ныне подготовку к еще более впечатляющей церемонии, которая не нуждалась ни в каком пресуществлении. Он начал подготовку к тому, чтобы доктор Лектер был съеден живьем.

ГЛАВА 15

Мэйсон получил довольно странное образование, однако прекрасно соответствующее тому будущему, которое определил для него отец, и той

задаче, что стояла перед ним сейчас.

Ребенком он учился в закрытом пансионе, в фонд которого его отец вносил изрядные средства; там на частые пропуски Мэйсоном занятий смотрели сквозь пальцы. А старший Верже недели напролет сам занимался настоящим образованием сына, таская его с собой по скотным дворам и бойням, которые были основой его огромного состояния.

Молсон Верже был пионером во многих областях животноводства, особенно в части экономии. Эксперименты с дешевым фуражом, которые он проводил на раннем этапе своей карьеры, могли сравниться только с опытами известного скотопромышленника Бэттерэма за пятьдесят лет до этого. Молсон Верже совершенно изменил систему кормежки свиней, введя в их рацион такие субстанции, как дробленая кабанья щетина, тертые куриные перья и даже навоз, причем в таких количествах, какие в его время считались чрезмерно смелымии.
В 40-х годах на него смотрели как на безрассудного мечтателя, особенно когда он первым перестал давать свиньям для питья свежую воду и заставил их пить сточные воды, состоящие из перебродивших отходов скотного двора, - чтобы ускорить набор веса. Смех прекратился, когда к нему рекой потекли доходы, и конкуренты тут же бросились копировать его методы.

Однако лидирующее положение Молсона Верже в мясной промышленности не ограничивалось только этим. Используя значительные собственные средства, он смело выступил против Закона о гуманных методах забоя скота, причем

исключительно с позиций экономии, и сумел добиться того, что выжигание клейма на мордах животных было признано вполне законным, хотя это очень дорого обошлось ему в смысле судебных издержек. При содействии и участии Мэйсона Верже-старший проводил широкомасштабные эксперименты в области загонного содержания скота, опытным путем определяя, сколько времени животных можно держать без корма и воды перед тем, как отправить на бойню, чтобы они при этом не слишком теряли в весе.

Именно финансируемые Верже генетические исследования в конечном итоге позволили добиться удвоения мышечной массы бельгийских пород свиней без сопутствующих этому потерь нутряного сала, чего никак не могли добиться сами бельгийцы. Молсон Верже закупал производителей по всему свету и был спонсором целого ряда программ выведения новых пород в зарубежных странах.

Однако бойни - это в первую очередь люди, которые на них работают, и Молсон Верже понимал это как никто другой. Он сумел запугать профсоюзы, когда те пытались сократить его доходы, требуя повышения зарплат и безопасных условий труда. Его старые и устойчивые связи с организованной преступностью прекрасно помогали ему в этой сфере на протяжении тридцати лет.

Мэйсон был тогда очень похож на отца - блестящие черные брови над бледно-голубыми глазами мясника, низкий лоб, косо перечеркнутый линией волос, зачесанных справа налево. Молсон Верже частенько ласково брал голову

сына в ладони, просто чтобы ощутить ее в своих руках, словно тем самым подтверждая свое отцовство методами физиогномики - точно так же он обычно ощупывал рыло свиньи и по строению ее черепа тут же определял ее генетическое происхождение.

Мэйсон хорошо усваивал эту науку и даже после того, как увечья приковали его к постели, был в состоянии принимать эффективные решения, которые затем исполнялись его соратниками по бизнесу. Это была идея Мэйсона - убедить правительство Соединенных Штатов и Организацию Объединенных Наций забить всех местных свиней на Гаити под предлогом того, что они представляют опасность как распространители африканского свиного гриппа. После чего он сумел продать правительству больших белых американских свиней, чтоб заменить истребленное местное поголовье. Огромные холеные американские свиньи, оказавшись в условиях Гаити, тут же все передохли, и их нужно было снова и снова заменять, поставляя все новых со свиноферм Мэйсона, пока власти Гаити не догадались завезти из Доминиканской Республики другую, более мелкую и более стойкую породу.

Ныне, имея опыт и знания, накопленные в течение целой жизни, Мэйсон ощущал себя как Страдивари, когда тот подходил к своему рабочему столу, - так тщательно он создавал орудия своей мести.

Какой огромный объем информации и набор средств держал Мэйсон в своем лишенном лица черепе! Лежа на больничной кровати, сочиняя в уме, как

оглохший Бетховен, он вспоминал свиные ярмарки, которые посещал вместе с отцом, проверяя результаты определения победителей. У Молсона всегда был наготове маленький серебряный ножичек, который он в любой момент мог выхватить из жилетного кармана и всадить в спину свинье, чтобы проверить толщину сала, а потом гордо удалиться прочь от яростного визга, слишком высокомерный, чтобы кто-нибудь осмелился приставать к нему с попреками, - рука в кармане, а ноготь большого пальца отмечает на лезвии результат проверки.

Если б у Мэйсона были губы, он бы и сейчас улыбнулся, вспоминая, как папочка вот так всадил свой ножик в спину свинье-рекордсменке Клуба 4X, которая всех считала своими друзьями. Ребенок, который числился ее владельцем, разорался, а его папаша пришел в жуткую ярость, но головорезы Молсона тут же уволокли его подальше. Да, хорошие были времена, веселые!

На этих свиных ярмарках Мэйсон навидался разных экзотических пород свиней со всех концов света. И теперь для своей цели он приобрел самых лучших из всех тех, что тогда видел.

Свою программу выведения новой, нужной ему породы он начал осуществлять сразу же после Божественного Откровения, что явилось ему на Рождество. Она осуществлялась на маленькой свиноводческой ферме, которой Верже владели на Сардинии, недалеко от побережья Италии. Он выбрал это место за его удаленность от жилья и близость к Европе.

Мэйсон полагал - и совершенно справедливо, - что первым делом после побега доктор Лектер отправится в Южную Америку. Но при этом он всегда был убежден, что только Европа является тем местом, где может обосноваться человек со вкусами доктора Лектера. Поэтому он ежегодно направлял филеров на Зальцбургский музыкальный фестиваль и другие аналогичные культурные мероприятия.

Вот список того, что Мэйсон направил своим свиноводам на Сардинию, дабы подготовить театральную площадку для сцены смерти доктора Лектера:

Исполинская лесная свинья, Hylochoerus meinertzhageni, шесть сосков и тридцать восемь хромосом, она умеет всегда и везде найти себе пищу и абсолютно всеядна, прямо как человек. Два метра в длину у представителей семейств, обитающих в горах, а вес до двухсот семидесяти пяти килограммов. Гигант-ская лесная свинья, основа программы Мэйсона.

Далее, классическая европейская дикая свинья, S. Scrofa scrofa, тридцать шесть хромосом в ее самом чистом виде, никаких бородавок на рыле, сплошная щетина и огромные острые как бритва клыки: мощное, стремительное и яростное животное, способное убить ядовитую змею своим острым копытом и сожрать ее, будто это кусочек тоста. Если такое чудовище раздразнить, застать кабана в период гона или матку, когда она выкармливает поросят, оно нападает на любого, кто может представлять угрозу. У свиноматок по двенадцать сосков, и они прекрасные матери. В S. Scrofa scrofa Мэйсон нашел

основную тему своей программы и внешние черты, очень подходящие для того, чтобы встать последним адским видением пред глазами доктора Лектера, когда эти чудовища будут его пожирать. (См. сборник "Харрис о свинье", 1881 г.)

Он закупил также свинью с острова Оссабо за ее агрессивность, и цзясинскую черную свинью из-за высокого уровня женского полового гормона эстрадиол в крови.

Одна фальшивая нота в этой симфонии - когда он ввел в программу бабируссу, Babyrousa babyrousa, из Восточной Индонезии, известную также под названием кабан-олень, - за исключительно длинные клыки. Но бабирусса медленно размножалась, у нее ведь только два соска, и при весе около ста килограммов она стоила слишком дорого из-за своих размеров. Однако время не было потеряно даром, поскольку одновременно на ферме подрастали другие пометы поросят, в появлении которых на свет бабирусса участия не принимала.

Что касается кабаньх зубов, тут Мэйсону не нужно было делать особого выбора. Практически все породы имели зубы, вполне соответствующие поставленной задаче - три пары острых резцов, одна пара длинных клыков, четыре пары премоляров и три всесокрушающих пары моляров, нижних и верхних, а всего сорок четыре зуба.

Любая свинья съест мертвого человека, но заставить ее съесть живого - тут требуется некоторое обучение. Сардинские свиноводы Мэйсона вполне соответствовали этой задаче.

И вот теперь, после семи лет усилий и множества пометов поросят
результаты были... просто замечательные.

ГЛАВА 16

Разместив всех актеров - исключая доктора Лектера - на месте, в горах
Женарженту на Сардинии, Мэйсон перенес свое внимание на документальную
запись будущей смерти доктора - для потомства и собственного любования. Его
приготовления были уже давно завершены, но теперь следовало дать сигнал
готовности.

Он руководил этим деликатным делом по телефону, через официально
оформленную линию на коммутатор букмекерского бюро, расположенного в
Лас-Вегасе. Его звонки были каплей в море огромного количества телефонных
переговоров этого бюро, особенно по уик-эндам.

Дикторский голос Мэйсона с отсутствуюшими взрывными и фрикативными
сперва несся от Национального парка недалеко от Чесапикского побережья до
пустынь Невады, а затем, через Атлантику, до Рима.

Первый звонок раздался в квартире на седьмом этаже одного из домов по
Виа Аркимеде позади гостиницы с тем же названием. Хриплые двойные звонки,
как обычно в Италии. Заспанные голоса в темноте.

- C?sa? C?sa c'e?

- Accendi la luce, idi?ta.

Загорается лампа в изголовье. В постели лежат трое.

Молодой человек, что ближе всех к телефону, поднимает трубку и передает
ее тучному мужчине средних лет, лежащему в середине. На другой стороне
постели - блондинка лет двадцати. Поднимает к свету заспанное личико и
падает обратно.

- Pronto, chi? Chi parla?

- Оресте, друг мой, это Мэйсон.

Тучный мужчина окончательно просыпается и кивает молодому, чтобы тот подал ему стакан с минеральной водой.

- А, Мэйсон, друг мой, извините меня. Я спал. Который у вас там час?

- Час уже везде поздний, Оресте. Вы помните, что я вам обещал и что вы должны для меня сделать?

- Ну, конечно.

- Время настало, мой друг. Вы ведь знаете, что мне нужно. А нужна мне съемка двумя камерами и еще мне нужно более высокое качество звука, чем в ваших порнофильмах, а еще вам надо самому проследить за электричеством - я хотел бы, чтобы генератор был размещен подальше от съемочной площадки. Мне нужны также хорошие живописные кадры, чтобы потом подклеить при монтаже, и голоса птиц. Я хочу, чтоб вы завтра же проверили состояние съемочной площадки и все там приготовили. Все оборудование можете оставить прямо там, я пришлю охрану, а вы можете вернуться в Рим и сидеть там до начала съемок. Но вам надо быть готовым, чтоб за два часа собраться и выехать. Понимаете, Оресте? Перевод уже ждет вас в Сити-Бэнк в ЭУР, слышите?

- Мэйсон, я сейчас занят на...

- Вы хотите сделать эту работу, Оресте? Вы же сами мне говорили, что вам надоело снимать порнушки и садистские фильмы, да и историческую чепуху для РАИ. Вы ведь хотели снять художественный фильм, не так ли?

- Да, Мэйсон.

- Тогда отправляйтесь сегодня же. Деньги в Сити-Бэнк. Я требую, чтобы вы поехали.

- Куда, Мэйсон?
- На Сардинию. Летите до Кальяри, там вас встретят.
Следующий звонок был в Порто Торрес, на восточном побережье Сардинии.
Разговор был короткий. Собственно, и говорить-то почти ничего не надо было - машина там давно уже была отлажена и работала столь же эффективно, как и портативная гильотина Мэйсона. С точки зрения экологии, эта машина была даже еще более эффективной, правда, действовала она не столь быстро.

Часть II
ФЛОРЕНЦИЯ

ГЛАВА 17

Ночь в самом сердце Флоренции, старый город искусно освещен.
Палаццо Веккьо поднимается над темной площадью, залитый светом, до жути средневековый со своими арочными сводами окон, бойницами и зубчатыми парапетами, напоминающими частую гребенку. Сторожевая башня устремлена в черное небо.
Летучие мыши до самой зари будут носиться за комарами на фоне сверкающего циферблата башенных часов, а потом в воздух поднимутся ласточки, разбуженные звоном колоколов.
Главный следователь Квестуры Ринальдо Пацци, в черном плаще, выделяясь на фоне белых мраморных статуй, застывших в позах, воплощающих насилие и убийство, вышел из тени Лоджии и пересек площадь. Его бледное лицо как

подсолнух поворачивалось в сторону освещенного дворца. Он остановился на том месте, где был сожжен на костре реформатор Савонарола, и поднял взгляд на окна дворца, где когда-то принял смерть его собственный предок.

Вон там, из того высокого окна был выброшен Франческо де Пацци, голый, с петлей на шее, чтобы умереть в муках, крутясь и корчась в петле, колотясь о грубую каменную стену. Архиепископ Пизанский, повешенный рядом с Пацци во всем великолепии своего облачения, не мог дать ему послед-него духовного утешения; глаза у него уже вылезли из орбит и дико вращались, он задыхался и в конце концов впился зубами в плечо Пацци.

Семейство Пацци пострадало целиком в то воскресенье, 26 апреля 1478 года, за убийство Джулиано де Медичи и попытку убить Лоренцо, позднее прозванного Великолепным, прямо во время мессы в кафедральном соборе.

И теперь Ринальдо Пацци, истинный Пацци из знаменитого рода Пацци, ненавидевший правительство не менее сильно, чем когда-то его предок, и тоже обесчещенный и несчастный, уже слыша над собой свист падающего топора, пришел сюда, чтобы решить, как лучше всего использовать единственный выпавший ему удачный шанс.

Главный следователь Пацци полагал, что он обнаружил Ганнибала Лектера, проживающего ныне во Флоренции. И имеет шанс восстановить свою репутацию и получить все причитающиеся ему по службе почести, поймав этого негодяя. У Пацци была также и другая возможность - продать Лектера Мэйсону Верже за

такую сумму, какую ему трудно было себе представить - если, конечно,
подозреваемый и в самом деле Лектер. При этом, естественно, Пацци должен был
продать и свою потрепанную честь.

Пацци не просто так получил пост начальника следственного отдела
Квестуры - он был человек одаренный и в начале карьеры был движим волчьим
голодом и неутолимым стремлением преуспеть в своей профессии. Он к тому же
носил на своем теле шрамы как человек, который в спешке и в пылу
осуществления своих честолюбивых устремлений умудрился схватить судьбу не за
хвост, а за острие клинка.

Он избрал это место, чтобы бросить свой жребий, потому что однажды
пережил здесь момент Божественного откровения, что сперва сделало его
знаменитым, а потом уничтожило.

Пацци, как и все итальянцы, был наделен даром иронии, очень сильным, и
прекрасно ощущал символичность происходящего: это было очень подходящее
место для столь судьбоносного откровения, место под теми самыми окнами, где
ярост-ный дух его предка, весьма вероятно, все еще корчился и бился о стену.
И на этом самом месте он мог теперь навеки переменить несчастливую судьбу
рода Пацци.

Тогда он тоже охотился за серийным убийцей, прозванным Il Mostro,
Монстр, и результаты этой охоты сделали Пацци знаменитым, но потом бросили
его на растерзание хищникам. Опыт, приобретенный тогда, дал ему возможность
сделать нынешнее открытие. Однако конец дела Монстра оставил горький привкус

во рту у Пацци и подвигнул его ныне на опасную игру, выходящую за рамки закона.

Il Mostro, Флорентийский Монстр, как его называли, охотился по всей Тоскане на влюбленные парочки, и это продолжалось семнадцать лет, в 80-е и 90-е годы. Монстр подбирался к влюбленным, когда они обнимались в темных уголках, каких в Тоскане полным-полно. Он всегда убивал влюбленных из малокалиберного пистолета, затем укладывал мертвые тела в своего рода "живописную картину", украшая их цветами и всегда обнажая левую грудь женщины. В этих "живописных картинах" было что-то странно знакомое, от них всегда оставалось ощущение d?j? vu.

Монстр обычно также срезал с убитых некоторые части их тел, видимо, в качестве трофеев, за исключением только одного случая, когда он убил парочку длинноволосых немецких гомосексуалистов - видимо, по ошибке.

Общественное мнение всей своей мощью давило на Квестуру, требуя поймать Монстра, что привело к отставке предшественника Ринальдо Пацци с поста главного следователя. Когда Пацци занял его место, он походил на человека, отбивающегося от роя пчел, - журналисты просто кишели в его кабинете всякий раз, когда их пускали в Квестуру, а фотографы все время торчали на Виа Зара позади управления, возле выезда, которым он вынужден был пользоваться.

Туристы, посещавшие Флоренцию в то время, навсегда запомнят развешанные повсюду плакаты с изображением единственного настороженного глаза, предупреждающего влюбленных насчет Монстра.

Пацци работал как одержимый.

Он связался с Отделом психологии поведения американ-ского ФБР и попросил их помощи в психологическом профилировании убийцы, да и сам прочитал все, что мог достать, о методах разработки психологических портретов преступников.

Он использовал также и проактивные методы: в некоторых местах свиданий, особо посещаемых влюбленными - в темных переулках и на кладбищах, - в машинах парами сидело больше полицейских, чем влюбленных. В полиции не хватало женщин, чтобы справиться с этой задачей. В жаркое время года мужчины по очереди носили женские парики. При этом многим пришлось пожертвовать усами. Пацци сам подал пример, сбрив свои усы.

Монстр был осторожен. Он продолжал наносить свои удары, но болезнь, видимо, не заставляла его делать это слишком часто.

Пацци обратил внимание на то, что в прошлые годы бывали длительные периоды, когда Монстр вообще не давал о себе знать - однажды такой перерыв составил целых восемь лет. Пацци вцепился в этот факт. С огромным трудом и очень тщательно, мобилизуя содействие чиновников любых учреждений, которых он мог как-то запугать, конфисковав компьютер у собственного племянника, чтобы использовать его в паре с единственным таким же аппаратом, имевшимся в Квестуре, Пацци составил список всех уголовников Северной Италии, чьи сроки тюремного заключения совпадали по времени с перерывами в сериях убийств Il Mostro. Число их достигло девяноста семи.

Пацци забрал себе "альфа-ромео" одного грабителя банков, посаженного в тюрьму, - удобный и быстрый старый автомобиль модели GTV - и, наезжая на этой машине по пять тысяч километров в месяц, лично навестил девяносто четырех уголовников и допросил их. Остальные либо стали к тому времени инвалидами, либо уже умерли.

На местах преступлений Монстр не оставлял почти никаких улик, позволивших бы Пацци сузить круг поисков. Ни крови, ни спермы, ни отпечатков пальцев, ничего.

Единственная стреляная гильза была найдена на месте убийства в Импрунете. Гильза была 22 калибра, от патрона бокового огня типа "Винчестер-Уэстон", а след от выбрасывателя совпадал с обычным для автоматических пистолетов "кольт". Возможно, это была модель "Вудсмэн". Все пули, извлеченные из тел убитых, тоже были 22 калибра и выпущены из одного и того же ствола. На них не было следов от глушителя, но наличие глушителя все же нельзя было полностью исключать.

Пацци был истинным Пацци и, помимо всего прочего, человеком очень честолюбивым, да к тому же у него была молодая прелестная жена, этакий птенчик, чей клювик был всегда жадно раскрыт. В трудах и заботах Пацци потерял в весе целых двенадцать фунтов. Молодые сотрудники Квестуры в частном порядке отмечали, что он выглядит прямо как Уайл И.Койот.

Когда один остроумный агент полиции вставил в компьютер Квестуры новую программу, с помощью которой поменял лица Трех Теноров на морды осла, свиньи

и козла, Пацци несколько минут не отрываясь смотрел на картинку, чувствуя, как его собственное лицо при этом делает гримасы, напоминая морду осла.

Окно лаборатории в Квестуре было увешано связками чеснока - отгонять нечистого. И вот, навестив последнего из подозреваемых, допросив его и не добившись никакого результата, Пацци в полном отчаянии стоял теперь у этого окна и смотрел наружу, на пыльный двор.

Он думал о своей молодой жене, о ее чудных ножках, вспоминал, как луч солнца падает утром на голую попку... Он вспоминал, как качаются и чуть подпрыгивают ее груди, когда она чистит зубы, и как она смеется, заметив, что он за ней наблюдает. Он представил себе, как она открывает коробку с подарками. Он думал о своей жене исключительно в зрительных образах - от нее дивно пахло, у него возникало такое чудесное ощущение, когда он ее касался, но зрительный образ всегда первым вставал в его памяти.

Он раздумывал над тем, каким бы ему хотелось выглядеть в ее глазах. Несомненно, не таким, как сейчас - не мишенью для насмешек прессы; флорентийская Квестура располагается в здании бывшей психбольницы, и карикатуристы не упускали случая, чтобы поэксплуатировать этот факт.

Пацци считал, что успех приходит в результате озарения. У него была превосходная зрительная память, и, подобно множеству людей, для кого первичным является именно зрение, он ждал такого озарения, как результата развития зрительного образа, когда из расплывчатого изображения он

превращается в нечто все более и более четкое. Он размышлял точно так, как размышляют многие, пытаясь найти потерянную вещь: вызывая в памяти образ этой вещи и сравнивая его с тем, что видит, многократно освежая в памяти этот образ и мысленно поворачивая его в пространстве то так, то этак.

Потом внимание публики было отвлечено взрывом рядом с галереей Уффици, да и самого Пацци на некоторое время отвлекли от дела Il Mostro.

Но даже пока он занимался этим важным расследованием, связанным с политическим терроризмом, образы, созданные Il Mostro, не оставляли его ни на миг. Он все время видел "живописные картины" убийств периферийным зрением, как мы иногда смотрим не прямо на предмет, а чуть мимо него, чтобы различить его в темноте. Особенно часто он вспоминал пару, найденную в кузове пикапа в Импрунете: тела аккуратно уложены Монстром, усыпаны цветами и гирляндами, левая грудь женщины обнажена.

Однажды, выйдя днем из галереи Уффици, Пацци пересекал Пьяцца делла Синьория, когда ему в глаза бросилось изображение в витрине продавца открыток.

Не совсем уверенный, откуда пришло это видение, он остановился на том самом месте, где был когда-то сожжен на костре Савонарола. Оглянулся и посмотрел по сторонам. По площади толпами бродили туристы. Пацци почувствовал холодный пот на спине. Может быть, это лишь в его воображении, этот образ, может, он просто зациклился на нем... Он вернулся обратно и вновь прошел тем же путем.

Да, вот оно: на небольшой, засиженной мухами репродукции "Весны" Боттичелли с закрученными от дождей краями. А оригинал картины находится в здании позади него - в галерее Уффици. "Весна". Нимфа, увешанная гирляндами цветов, справа, левая грудь обнажена, изо рта падают цветы, а бледный Зефир тянет к ней руки из леса.

Вот оно! Та пара влюбленных, убитых в кузове пикапа, украшенная цветами, даже во рту у женщины цветок. Совпадает! Полностью совпадает!

Здесь, на этом самом месте, где его предок бился, задыхаясь, в предсмертных конвульсиях, к нему пришло озарение, тот главный зрительный образ, за которым он охотился, образ, созданный пять сотен лет назад художником Сандро Боттичелли, тем самым мастером, который за сорок флоринов нарисовал повешенного Франческо де Пацци на стене тюрьмы Барджелло, с петлей на шее и всеми прочими подробностями. Как мог Пацци сопротивляться подобному озарению, тем более, что оно имело столь блистательное происхождение?

Ему надо было присесть. Все скамейки были заняты, так что пришлось показать свой полицейский значок и заставить уйти пожилого мужчину, чьих костылей Пацци постарался не замечать до того момента, когда тот встал на единственную ногу, громко и грубо выражая недовольство.

Пацци был в возбуждении по двум причинам. Найти тот образ, который использовал Il Mostro, уже было победой, но еще более важным было то, что Пацци совсем недавно видел еще одну репродукцию "Весны" - во время одной из своих поездок, когда навещал подозреваемых уголовников.

Ему не хотелось напрягать память, он просто некоторое время слонялся без дела, дожидаясь, пока все вспомнится само. Он вернулся в галерею Уффици и постоял перед оригиналом "Весны", но недолго. Потом проследовал на сенной рынок и потрогал рукой рыло бронзового кабана - Il Porcellino. Потом проехал в район Иппокампо и постоял там, опершись на капот запыленной машины, вдыхая запах горячего моторного масла и наблюдая за детьми, играющими в футбол...

И все вспомнил. Сперва в памяти возникла лестница, потом верхняя лестничная площадка, а на ней репродукция "Весны" - ее верхний край видишь, еще когда поднимаешься по ступеням; он прямо сейчас видел раму входной двери, но не мог припомнить никого на улице, ни одного лица.

Имея большой опыт проведения допросов, он спросил самого себя, пытаясь припомнить все второстепенные детали:

- Когда ты смотрел на репродукцию, что ты слышал?... Стук кастрюль в кухне на первом этаже. Когда ты поднялся на площадку и стоял перед репродукцией, что ты тогда слышал? Звук работающего телевизора. Телевизор в гостиной. Роберт Стэк в роли Элиота Несса в фильме "Gli Intoccabili". Ты чувствовал запах кухни? Да, запах кухни. А еще какой-нибудь запах? Я увидел репродукцию - НЕТ, НЕ ТО, ЧТО ТЫ ВИДЕЛ! Запах! Ты почувствовал еще какой-нибудь запах? Да, я все еще чувствовал в носу запах "альфы", в салоне было очень жарко, запах стоял в ноздрях, запах горячего моторного масла, разогретого... Да, оно разогрелось, пока я гнал по автостраде Раккордо. По

автостраде Раккордо. Куда? В Сан-Кашано. Еще я слышал, как лает собака, это тоже было в Сан-Кашано, там живет один взломщик и насильник, его зовут Джироламо, не помню фамилию...

В тот момент, когда все совпало, когда словно щелкает выключатель и все разрозненные части изображения сливаются воедино, когда мысль пробивается наконец сквозь туман - вот тогда ощущаешь самое огромное блаженство! Для Ринальдо Пацци это был самый замечательный миг в его жизни.

Через полтора часа Пацци арестовал Джироламо Токка. Жена Токка кидалась камнями вслед машине, увозившей ее мужа.

ГЛАВА 18

Токка был не подозреваемый, а просто мечта. Еще в молодости он отсидел девять лет за то, что убил человека, обнимавшего его невесту в темном переулке. Против него также возбуждалось дело в связи с его сексуальными домогательствами в отношении собственных дочерей и за избиение домочадцев, кроме того он имел еще один срок за изнасилование.

Квестура чуть не разнесла дом Токка по камешку, стараясь найти вещественные доказательства. Пацци лично проводил обыск и сам обнаружил стреляную гильзу, которая стала одним из немногих вещдоков, представленных суду обвинением.

Судебный процесс стал настоящей сенсацией. Заседания проходили в помещении самого строгого режима - его называли Бункер - там в семидесятые годы судили террористов: напротив флорентийского бюро газеты "Ля Национе". Приведенные к присяге присяжные, украшенные шарфами пятеро мужчин и пятеро

женщин, вынесли обвинительный вердикт почти без всяких улик, основываясь на характере обвиняемого. Большинство зрителей считало, что Токка невиновен, но многие говорили, что он все равно негодяй и заслуживает тюрьмы. И Токка, которому уже было шестьдесят пять, получил приговор: сорок лет заключения в тюрьме Вольтерра.

Следующие несколько месяцев были для Пацци совершенно золотыми. Ни один представитель семейства Пацци за все последние пятьсот лет не пользовался во Флоренции такой славой с тех самых пор, как Паццо де Пацци вернулся домой из Первого крестового похода и привез с собой осколки кремней с Гроба Господня.

Ринальдо Пацци вместе со своей прелестной женой стоял рядом с архиепископом в Дуомо, когда на традиционном пасхальном богослужении эти самые осколки кремней были использованы, чтобы высечь огонь и запалить оснащенную ракетой модель голубя, которая затем вылетела из церкви по направляющей проволоке и взорвала "тележку", полную шутих и петард, к вящему удовольствию толпы.

Газеты напропалую цитировали любое слово, произнесеннное Пацци, когда он отдавал должное (в разумных пределах, конечно) своим подчиненным за выполненную ими тяжелую и нудную работу. Синьоре Пацци не давали прохода, выспрашивая ее мнения и советы относительно нынешней моды, а сама она выглядела просто великолепно в нарядах, которые ей буквально навязывали именитые модельеры. Супруги Пацци получали приглашения на чай для узкого

круга в дома власть имущих, а однажды даже обедали у одного графа в его родовом замке, где вокруг сплошь стояли статуи в рыцарских доспехах.

Имя Пацци упоминалось в связи с возможными новыми назначениями на политические посты, его восхваляли в итальянском парламенте при всеобщем одобрении депутатов, его назначили руководителем итальянской группы в совместном с американским ФБР проекте, направленном против мафии.

Это назначение, а также стипендия для изучения американского опыта и участия в семинарах по криминологии в Джорджтаунском университете привели Пацци в Вашингтон, округ Колумбия. Главный следователь просидел немало времени в Отделе психологии поведения в Квонтико и теперь мечтал о создании такого же отдела в Риме.

Затем, спустя два года, пришла беда: в более спокойной атмосфере, установившейся к тому времени, апелляционный суд, не испытывавший теперь такого давления со стороны общественности, решил пересмотреть приговор по делу Токка. Пацци вызвали домой для дополнительного расследования. Бывшие коллеги, которых он обошел, уже точили на него ножи.

Апелляционный суд отменил решение по делу Токка и вынес частное определение в адрес Пацци, отметив, что, по мнению суда, улики были им сфабрикованы.

Высокопоставленные чиновники, кто раньше его поддерживал, тут же бежали от него прочь, как от зачумленного. Он по-прежнему оставался важным лицом в

Квестуре, но на нем уже лежало клеймо неудачника, и об этом было теперь извест-но всем. Итальянское правительство действует медленно, но топор должен был упасть уже очень скоро.

ГЛАВА 19

Именно в это ужасное время, когда Пацци вот-вот ожидал удара топора, он впервые увидел человека, известного среди ученых мужей Флоренции как доктор Фелл...

Ринальдо Пацци поднимался по лестницам Палаццо Веккьо, выполняя очередное мелкое поручение - таких немало теперь находили для него его бывшие подчиненные в Квестуре, наслаждаясь падением своего начальника. Взбираясь все выше вдоль расписанных фресками стен, Пацци видел только носки собственных ботинок на истертых ступенях, а вовсе не окружающие его чудесные произведения искусства. Пятьсот лет назад его предка, истекающего кровью, тащили наверх по этим же ступеням.

На последней лестничной площадке он распрямил плечи, как подобает человеку его положения, и заставил себя смотреть прямо в глаза изображенным на фресках людям, многие из которых приходились ему родственниками. Он уже слышал доносившиеся из расположенного выше Салона Лилий голоса спорящих - там собрались на совместное заседание директора Галереи Уффици и члены Комиссии по изящным искусствам.

Сегодня дело у Пацци было такое: недавно пропал без вести многолетний куратор Палаццо Каппони. Многие полагали, что старичок просто сбежал с

женщиной или с чьими-нибудь деньгами. Или и с тем, и с другим. Он не являлся на ежемесячные заседания Комиссии в Палаццо Веккьо в течение четырех месяцев.

Пацци направили, чтобы продолжить расследование. И главный следователь Пацци, тот самый, который после взрыва возле музея читал суровые лекции по безопасности этим же серолицым директорам Галереи Уффици и соперничающим с ними членам Комиссии по изящным искусствам, теперь должен был предстать перед ними в нынешнем своем униженном положении, чтобы просить их ответить на вопросы об интимной стороне жизни исчезнувшего куратора. Никакого особого восторга в связи с этими расспросами он не испытывал.

Совместное заседание двух комитетов было всегда заполнено сварами и взаимными выпадами и уколами - их члены годами не могли договориться даже о месте проведения своих встреч, поскольку ни одна из сторон не желала заседать в помещении другой. Поэтому они и встречались в великолепном Салоне Лилий в Палаццо Веккьо, причем каждый член и того и другого комитета полагал, что это прекрасное помещение соответствует именно его величию и значению. И, проведя здесь заседание один раз, они уже отказывались встречаться где-либо еще, несмотря на то, что в Палаццо Веккью проходил один из бесчисленных ремонтов и повсюду стояли леса, висели защитные занавеси и валялись инструменты.

В холле перед входом в Салон Пацци встретил профессора Риччи, своего

старого школьного приятеля. Тот пытался справиться с приступом чихания от висящей в воздухе пыли. Наконец он достаточно пришел в себя и обратил свои слезящиеся глаза в сторону Пацци.

- La solita arringa, - произнес Риччи. - Как обычно, они спорят. Ты по поводу пропавшего куратора? Они передрались из-за его места. Сольято желает посадить туда своего племянника. А остальных вполне устраивает временный куратор, которого они назначили месяц назад, доктор Фелл. Они решили еще сделать его постоянным.

Пацци покинул своего приятеля, пока тот шарил по карманам в поисках очередного платка, и вошел в исторический Салон с потолком, расписанным золотыми лилиями. Висящие на стенах гобелены глушили шум.

Выступал известный своим непотизмом Сольято, причем говорил он очень громко.

- Переписка семейства Каппони восходит к тринадцатому веку. Доктор Фелл может держать в своей руке, в руке не-итальянца, записку от самого Данте Алигьери. Поймет ли он, что это такое? Думаю, нет. Вы проверили его на знание средневекового итальянского языка, и я не стану отрицать, что он знает его превосходно. Превосходно - для straniero. Но знает ли он людей Флоренции периода Проторенессанса? Думаю, нет. А что, если в библиотеке Каппони ему попадется, например, письмо от Гвидо де Кавальканти? Поймет ли он, от кого это письмо? Думаю, нет. Что вы можете сказать на это, доктор Фелл?

Ринальдо Пацци оглядел комнату, но не увидел никого, в ком узнал бы доктора Фелла, а ведь он всего час назад смотрел на фотографию этого человека. А не увидел он доктора Фелла потому, что доктор не сидел вместе с остальными. Пацци сначала услышал его голос и уже потом заметил его самого.

Доктор Фелл неподвижно стоял возле огромной бронзовой скульптуры Донателло "Юдифь и Олоферн", повернувшись спиной к выступавшему и ко всем остальным. Он заговорил, не поворачиваясь, и было трудно определить, от какой именно фигуры исходят слова - от Юдифи, подъявшей меч и готовой нанести удар пьяному царю, от Олоферна, которого она схватила за волосы, или от доктора Фелла, небольшого роста, холеного и недвижимого рядом с бронзовыми фигурами работы Донателло. Его голос прорезал царивший вокруг шум, как лазер пронзает дымовую завесу, и вконец перессорившиеся ученые мужи замолкли.

- Кавальканти публично ответил на первый сонет Данте, опубликованный в книге "La Vita Nuova", в которой поэт описывает, как он увидел во сне Беатриче Портинари, - произнес доктор Фелл. - Возможно, Кавальканти и в частном порядке высказывал свое мнение о сонетах Данте. Если он писал кому-то из Каппони, то это наверняка был Андреа, он был более образован, чем его братья. - Доктор Фелл повернулся наконец лицом к собравшимся, сам выбрав для этого момент после паузы, неудобной для остальных, но отнюдь не для

него. - Вы помните первый сонет Данте, профессор Сольято? Помните? Он
произвел огромное впечатление на Кавальканти, и его стоит послушать. В нем,
в частности, говорится:

Уж треть часов, когда дано планетам
Сиять сильнее, путь свершили свой,
Когда Любовь предстала предо мной
Такой, что страшно вспомнить мне об этом.

В веселье шла Любовь; и на ладони
Мое держала сердце; а в руках
Несла мадонну, спящую смиренно;

И пробудив, дала вкусить мадонне
От сердца - и вкушала та смятенно.
Потом Любовь исчезла, вся в слезах.

Только вслушайтесь, как он пользуется итальянским простонародным
языком, который он сам назвал "vulgari eloquentia", "народная речь":

Allegro mi sembrava Amor tenendo
Meo core in mano, e ne le braccia avea
Madonna involta in un drappo dormendo.
Poi la svegliava, e d'esto core ardendo
Lei paventosa umilmente pascea
Appreso gir lo ne vedea piangendo.

Даже самые придирчивые флорентийцы не смогли устоять перед стихами
Данте, чеканный звук которых в четком тосканском произношении доктора Фелла
эхом отражался от украшенных фресками стен. Сперва аплодисменты, затем
влажные глаза и возгласы шумного одобрения - и члены обоих комитетов
утвердили доктора Фелла в должности куратора Палаццо Каппони, оставив

Сольято кипеть от злости. Если победа и доставила доктору удовольствие, Пацци этого не заметил, поскольку тот опять отвернулся. Но Сольято еще не все высказал.

- Если он такой специалист по Данте, пусть читает лекции по Данте, пусть выступит перед членами Studiolo! - Сольято угрожающе прошипел слово "Studiolo", словно это была сама инквизиция. - Пусть выступит перед ними без подготовки, экспромтом, в следующую пятницу, если он в состоянии это сделать!

Студиоло, названная так в честь отдельного кабинета богато отделанного, представляла собой небольшую группу ученых, яростных спорщиков, порушивших уже не одну академическую репутацию; члены группы часто заседали в Палаццо Веккьо. Подготовка к выступлению перед ними считалась тяжелейшей задачей, а само выступление - крайне опасным предприятием. Дядюшка Сольято поддержал предложение, а шурин Сольято предложил провести голосование, результаты которого занесла в протокол его сестра. Предложение было принято. Назначение доктора Фелла состоялось, но чтобы сохранить за собой эту должность, он был удовлетворить членов Студиоло.

Итак, оба комитета утвердили нового куратора в Палаццо Каппони, а по отношению к прежнему куратору не проявили особо теплых чувств, отвечая на вопросы униженного Пацци по поводу пропавшего без вести ученого. Пацци вынес все это стоически.

Как любой другой опытный следователь, он постарался тщательно

проанализировать все обстоятельства, чтоб узнать хоть что-то новое. Кто выиграл от исчезновения прежнего куратора? Пропавший был холостяк, всеми уважаемый, тихий ученый, который вел размеренную жизнь. У него имелись некоторые накопления, но ничего особенного. Его единственное достояние - работа вместе с привилегией жить в мезонине Палаццо Каппони.

Теперь имеется вновь назначенный куратор, утвержденный Советом после подробного экзамена по истории Флоренции и средневековому итальянскому. Пацци тщательно изучил заявление и анкеты доктора Фелла и его медицинские документы в Национальной службе здравоохранения.

Пацци подошел к нему, когда члены Совета рассовывали по портфелям свои бумаги, чтобы отправиться домой.

- Доктор Фелл...

- Да, коммендаторе?

Новый куратор был небольшого роста, стройный и холеный. Линзы его очков были затемнены в верхней части, а темный костюм был превосходного покроя, даже для Италии.

- Я вот тут пытался вспомнить, вы встречались когда-нибудь с вашим предшественником? - Антенны опытного полицейского уже были настроены на волну страха. Но тщательно наблюдая за доктором Феллом, Пацци отметил его абсолютное спокойствие.

- Мы с ним никогда не встречались. Я прочел несколько его монографий в "Nuova Antologia". - Разговорный тосканский диалект в устах доктора звучал четко, словно он декламировал. Может, он и говорил с акцентом, Пацци никак не мог его определить.

- Мне известно, что полицейские, которые сначала вели расследование, проверили Палаццо Каппони, пытаясь обнаружить какие-нибудь записи, прощальное письмо, записку о самоубийстве, но ничего не нашли. Если вам попадется что-либо в его бумагах, что-то личного характера, пусть даже самое тривиальное, позвоните мне, хорошо?

- Конечно, коммендаторе Пацци.

- Его личные вещи все еще в Палаццо?

- Да. Упакованы в два чемодана. Список прилагается.

- Я пошлю... нет, я сам заеду и заберу их.

- Вы не могли бы сначала позвонить мне, коммендаторе? Тогда я к вашему приходу отключу систему сигнализации, чтобы не заставлять вас ждать.

Что-то он слишком спокоен. Вообще-то, он должен меня хоть немного побаиваться. И еще просит предварительно ему позвонить, прежде чем я приеду...

Беседы с членами обоих комитетов вывели его из себя и он ничего не мог с этим поделать. А теперь еще и эта наглость и самоуверенность! И он тоже сделал выпад.

- Доктор Фелл, можно задать вам личный вопрос?

- Если того требует ваш долг, коммендаторе.

- У вас относительно свежий шрам на тыльной части левой руки.

- А у вас новое обручальное кольцо на вашей левой. Это что, тоже La Vita Nuova? - Доктор Фелл улыбнулся. У него были мелкие зубы, очень белые.
Пацци был изумлен, и пока он раздумывал, обидеться ему или нет, доктор Фелл протянул свою искалеченную руку и продолжал: - Анкилоз пястья, коммендаторе.
Изучение истории - опасная профессия.

- А почему вы не указали в анкете для Национальной службы здравоохранения, что у вас анкилоз пястья?

- У меня было такое убеждение, коммендаторе, что указывать свои увечья необходимо только в случае, если человек получает пособия по инвалидности. Я не получаю. И инвалидом не являюсь.

- Операцию, стало быть, вам делали в Бразилии, в стране, откуда вы приехали?

- Ее делали не в Италии. Я ничего не получал от итальянского правительства, - ответил доктор Фелл, явно считая такой ответ вполне достаточным.

Они последними вышли из салона. Пацци уже приблизился к двери, когда доктор Фелл окликнул его:

- Коммендаторе Пацци!

Доктор Фелл сейчас выделялся черным силуэтом на фоне высоких окон. Позади него, вдалеке, виднелся Дуомо.

- Да?

- Полагаю, что вы из тех самых Пацци, не правда ли?

- Да. Откуда вам это известно? - По мнению самого Пацци, недавние упоминания в газетах о его родстве были грубыми до неприличия.

- Вы мне напоминаете одну из фигур с медальонов работы делла Роббиа в вашей семейной капелле в церкви Санта Кроче.

- О, да, это Андреа де Пацци, он там запечатлен в виде Иоанна Крестителя, - отвечал Пацци, чувствуя в сердце легкий укол удовольствия.

Когда Ринальдо Пацци покинул наконец нового куратора, чья стройная и неподвижная фигура по-прежнему виднелась в комнате заседаний, у него долго еще сохранялось впечатление о докторе Фелле как о необыкновенно неподвижном человеке.

Очень скоро у него значительно прибавится впечатлений об этом человеке.

ГЛАВА 20

Теперь, когда неустанные поиски и разоблачения подвели нас к вещам совершенно бесстыдным и непристойным, будет полезно посмотреть, что именно все еще представляется нам мерзким и отвратительным. Какие события и явления по-прежнему достаточно сильно бьют по нашей холодной вялости и податливой совести, чтобы привлечь наше внимание?

Во Флоренции таким явлением стала выставка "Жестокие орудия пыток", и именно на этой выставке Ринальдо Пацци вновь повстречался с доктором Феллом.

Экспозиция, на которой было выставлено более двадцати классических орудий пытки с обширной документацией, размещалась в грозном Forte di Belvedere, форте Бельведер, мощном укреплении, построенном Медичи в XVI веке и прикрывающем подступы к южной стене города. Выставка неожиданно привлекла огромные толпы посетителей; возбуждение зрителей билось как форель, случайно попавшая в плавки купальщика.

Вначале предполагалось, что выставка продлится месяц; но "Жестокие орудия пыток" влекли к себе публику уже шестой месяц, что можно было сравнить только с выставками в Галерее Уффици и что превосходило успех экспозиций музея в Палаццо Питти.

Организаторы выставки - двое неудавшихся таксидермистов, которые раньше перебивались тем, что питались требухой тех животных, из которых они делали чучела, стали теперь миллионерами и проделали триумфальное турне по всей

Европе, демонстрируя свою экспозицию и самих себя в новеньких смокингах.

Посетители приходили по большей части парами; это были туристы со всей Европы. Они полностью использовали продленное время работы выставки, часами толпясь перед этими машинами для причинения боли и вчитываясь в подробные описания на одном из четырех языков, которые разъясняли, для чего именно предназначались эти инструменты и как ими пользоваться. Иллюстрации Дюрера и других художников, а также дневники современников давали толпам посетителей возможность просветиться на предмет того, в чем, например, заключались наиболее примечательные моменты колесования.

Вот, к примеру, выдержка из такого текста:

"Итальянские князья предпочитали ломать и дробить тела своих жертв на земле с помощью окованного железом колеса, когда тело попадает между колесом и камнями мостовой, как показано на рисунке, тогда как в Северной Европе более распространенным способом казни было привязывать жертву к колесу, дробить ему или ей члены железным прутом и затем привязывать тело к спицам колеса ближе к его внешнему периметру; при этом множественные переломы обеспечивали требуемую гибкость и податливость тела. Все еще орущая голова и торс размещались ближе к центру. Последний способ обеспечивал более захватывающий спектакль, однако развлечение могло быстро прекратиться, если кусочек костного мозга попадал жертве в сердце".

Экспозиция "Жестокие орудия пыток" не могла не привлечь внимания

знатоков и ценителей самых гнусных человеческих качеств. Но самую суть самого гнусного, так сказать, квинтэссенцию гнусности человеческого духа невозможно обнаружить ни в "Железной девственнице", ни на острие самого острого ножа; Изначальную Гнусность человека легче всего увидеть на лицах толпы.

В полутьме огромного каменного зала, под подвешенными к потолку и хорошо освещенными железными клетками для обреченных стоял доктор Фелл, тонкий знаток и ценитель блюд из мягких лицевых тканей человека, держа в искалеченной руке очки и прижимая кончик дужки к губам. Он полностью сосредоточился на наблюдении за лицами посетителей.

Там его и увидел Ринальдо Пацци.

Пацци в тот день выполнял еще одно мелкое поручение. Вместо того, чтобы пообедать вместе с женой, он проталкивался сейчас сквозь уличную толпу, чтобы повесить новые объявления, предупреждающие влюбленные парочки о Флорентийском Монстре, том самом, которого сам он так и не смог поймать. Точно такой же плакат висел и над его собственным столом - его там прикрепили новые начальники вместе с другими объявлениями о розыске преступников, поступавшими со всего света. Таксидермисты, совместно обслуживавшие билетную кассу, были рады добавить к своей экспозиции и толику современных ужасов, но попросили Пацци самого повесить плакат, поскольку никому из них не хотелось оставлять другого наедине с наличными. Несколько

посетителей из местных узнали Пацци и освистали его, прячась в толпе.

Пацци приколол по углам кнопками синий плакат с изображением единственного уставленного на зрителя глаза. Теперь он висел на доске объявлений возле выхода, где на него наверняка будут обращать внимание. Пацци включил лампочку над доской. Наблюдая за выходящими из зала парочками, Пацци прекрасно видел, что многие из них уже впали в состояние эротического возбуждения, как во время гона, и прижимаются друг к другу в толпе у выхода. Ему вовсе не хотелось увидеть еще одну ужасную "живописную картину", всю эту кровь и цветы.

Пацци действительно хотел поговорить с доктором Феллом - ему было бы сейчас удобно забрать вещи пропавшего куратора, раз уж он оказался рядом с Палаццо Каппони. Но когда Пацци отошел от доски объявлений, доктора в зале уже не было. Не было его и в толпе у выхода. Только каменная стена, возле которой он только что стоял, под клеткой для пытки голодом со скелетом в ней, свернувшимся калачиком и все еще протягивающим руку, моля о пище.

Пацци разозлился. Он протолкался сквозь толпу, вышел наружу, но доктора так и не обнаружил.

Охранник на выходе узнал Пацци и не сказал ни слова, когда тот перешагнул через ограждение и, покинув помещение выставки, пошел в глубь темных пространств форта Бельведер. Он выбрался наверх, подошел к парапету, обращенному на север, и посмотрел через реку Арно. У его ног лежала Старая

Флоренция, из которой поднимались огромная масса Дуомо и башня Палаццо Веккьо.

У Пацци было такое ощущение, что его душа корчится на острие случайного стечения обстоятельств. И весь город словно насмехается над ним.

Американское ФБР нанесло еще один, последний удар в спину Пацци, заявив в прессе, что разработанный ими психологический портрет Il Mostro не имеет ничего общего с арестованным им человеком. "Ла Национе" добавила к этому, что Пацци "запихнул Токка в тюрьму".

Предпоследний раз, когда Пацци сам вешал такой плакат, предупреждающий о преступлениях Il Mostro, был в Америке: это был боевой трофей, которым можно было гордиться, и он прикрепил его к стене в Отделе психологии поведения и поставил на нем свой автограф - по просьбе американских полицейских. Они все о нем знали, восхищались им, приглашали к себе. И супруги Пацци гостили на побережье штата Мэриленд.

Стоя у мрачного парапета, глядя на древний город, он ощущал соленый воздух Чесапикского залива, видел свою жену на берегу, в новых белых теннисных туфлях.

В Отделе психологии поведения ФБР хранился рисунок Флоренции, который ему показали как местную достопримечательность. На рисунке был изображен вот этот самый вид - Старая Флоренция, вид с форта Бельведер, самая лучшая панорама старого города. Но не цветная. Нет, это был рисунок карандашом с растушевкой углем. Рисунок был на фотографии, на заднем плане фотографии.

Это была фотография американского серийного убийцы, доктора Ганнибала
Лектера, Ганнибала-Каннибала. Лектер рисовал Флоренцию по памяти, и рисунок
висел в его камере в больнице для невменяемых преступников, в месте столь же
мрачном, как и это.

Когда посетила Пацци эта вдруг созревшая мысль? Два зрительных образа -
реальная Флоренция, раскинувшаяся перед ним, и рисунок, что он вспомнил.
Когда он вешал плакат об Il Mostro несколько минут назад. Объявление Мэйсона
Верже в его собственном кабинете с обещанием огромного вознаграждения и
некоторыми подробностями, которые могут оказать помощь при поимке Ганнибала
Лектера:

"ДОКТОР ЛЕКТЕР БУДЕТ ВЫНУЖДЕН СКРЫВАТЬ СВОЮ ЛЕВУЮ РУКУ И МОЖЕТ

ПОПЫТАТЬСЯ СДЕЛАТЬ ХИРУРГИЧЕСКУЮ ОПЕРАЦИЮ, ПОСКОЛЬКУ ТОТ ВИД ПОЛИДАКТИЛИИ,
КОТОРЫМ ОН СТРАДАЕТ, - НАЛИЧИЕ ПОЛНОСТЬЮ РАЗВИТОГО ЛИШНЕГО ПАЛЬЦА - ЯВЛЕНИЕ
ЧРЕЗВЫЧАЙНО РЕДКОЕ И ЕГО ЛЕГКО ВЫЯВИТЬ".

Доктор Фелл прижимает очки к губам искалеченной рукой со шрамом.

Подробный рисунок вот этого пейзажа на стене камеры Ганнибала Лектера.

Может быть, эта мысль осенила Пацци, когда он смотрел на раскинувшуюся
внизу Флоренцию, или снизошла на него сверху, из мрака, клубящегося над
огнями города? И почему ее предвестником был запах соленого ветра с берегов

Чесапикского залива?

Это было странно для человека, привыкшего мыслить зрительными образами - связь возникла вместе со звуком, звуком, который производит капля, упавшая в набухающую лужу.

Доктор Лектер бежал во Флоренцию.

Бульк!

Ганнибал Лектер - это доктор Фелл.

Внутренний голос Ринальдо Пацци сообщил ему, что он, вероятно, сошел с ума, мучаясь в клетке своих несчастий; его свихнувшийся мозг словно грызет прутья, ломая зубы, как тот скелет в железной клетке для пытки голодом.

Он не помнил, как оказался у ворот Возрождения, ведущих из форта Бельведер на крутую Коста ди Сан-Джорджо, узкую улицу, которая, вертясь и извиваясь, спускается вниз, в самое сердце Старой Флоренции, до которой отсюда всего полмили. Ноги, казалось, сами несли его вниз, по плитам мостовой, и он невольно шел быстрее, чем ему хотелось, и все время высматривал впереди человека, которого называли доктором Феллом, потому что для Пацци это был путь к себе, путь домой. На полдороге Пацци свернул на Коста Скарпучча, продолжая спускаться все ниже, пока не добрался до Виа ди Барди, рядом с рекой. Возле Палаццо Каппони, где жил доктор Фелл.

Отдуваясь после крутого спуска, Пацци нашел себе местечко в тени, куда не падал свет уличного фонаря, у входа в чей-то дом напротив палаццо. Если кто-то случайно пройдет мимо, можно притвориться, будто звонишь в дверь.

Палаццо был погружен во тьму. Пацци были видны его огромные двустворчатые двери и красный индикатор камеры наружного наблюдения. Пацци не знал, как она работает - все время или только тогда, когда кто-то звонит в дверь. Камера была глубоко утоплена в нишу у входа. Пацци решил, что вдоль фасада она наблюдать не может.

Он подождал с полчаса, слушая собственное дыхание, но доктор все не появлялся. Может быть, он был дома, просто не включил свет.

Улица была пустынна. Пацци быстро пересек ее и прижался к стене палаццо.

Еле слышный звук, чуть слышный звук изнутри. Пацци прижался ухом к холодным прутьям решетки на окне и прислушался. Клавесин. Кто-то играл Баха - "Вариации Гольдберга".

Пацци должен был ждать, скрываться и думать. Еще слишком рано, чтобы вспугивать дичь. Надо сперва решить, что делать. Ему вовсе не хотелось снова попасть в идиотское положение. Он тихонько переместился назад, в тень на той стороне улицы. Последним в тени скрылся его нос.

ГЛАВА 21

Христианский мученик Сан-Миньято подобрал свою отрубленную голову с песка римского амфитеатра во Флоренции и понес ее, зажав под мышкой, в горы за рекой, где теперь он и покоится с миром в своей прекрасной церкви. Так утверждает легенда.

По пути туда тело Сан-Миньято - самостоятельно или с чужой помощью - несомненно, проходило по этой вот улице, где мы сейчас стоим, Виа де Барди.

Уже опустился вечер и улица пустынна, выложенные веером камни мостовой
блестят под зимним дождем, недостаточно холодным, чтобы уничтожить кошачью
вонь. Мы стоим среди дворцов, построенных шесть столетий назад
князьями-банкирами, делателями королей и покровителями художников
флорентийского Возрождения. На расстоянии полета стрелы отсюда, за рекой
Арно, торчат острые шпили Пьяццы делла Синьория, где был повешен, а затем
сожжен монах Савонарола, и этого огромного мясного рынка, битком набитого
распятым Христом, - Галереи Уффици.

Эти родовые дворцы, спрессованные воедино вдоль древних улиц, замерзшие
в атмосфере современного итальянского бюрократизма, снаружи выглядят как
образчики тюремной архитектуры, но внутри таят огромные и великолепно
оформленные пространства, высокие молчаливые залы, которые никто никогда не
видит, задрапированные полусгнившими шелками с потеками от дождя, где годами
висят во мраке менее известные работы великих мастеров Возрождения, которые
освещают лишь вспышки молний, да и то, если портьеры на окнах уже упали от
старости.

Здесь рядом расположен палаццо рода Каппони, семейства, знаменитого на
протяжении тысячи лет, семейства, давшего миру человека, который разорвал
ультиматум француз-ского короля и швырнул обрывки прямо ему в лицо. И еще
одного, ставшего Папой Римским.

Окна Палаццо Каппони, забранные железными решетками, сейчас темны.

Держатели для факелов пусты. В огромном, сплошь покрытом трещинками оконном стекле - дырка от пули, оставшаяся еще с 40-х годов. Подойдите поближе. Приложите ухо к холодному железу, как это только что проделал следователь Квестуры, и прислушайтесь. Вы услышите   слабые звуки клавесина. Бах. "Вариации Гольдберга". Исполнение не блестящее, но очень неплохое, в нем чувствуется глубокое понимание музыки. Исполнение не блестящее, но очень неплохое; только вот в левой руке ощущается некоторая скованность.

Если вы считаете, что вам ничто не угрожает, тогда, может быть, вы войдете внутрь? Хватит ли у вас духу войти во дворец, столь знаменитый в кровавые и славные времена, и последовать туда, куда влекут глаза, сквозь затянутый паутиной мрак, навстречу изящным звукам клавесина? Камеры слежения нас не видят. Промокший полицейский следователь у дверей нас не видит. Войдем...

В вестибюле почти абсолютная тьма. Длинная каменная лестница, ледяные железные перила под скользящей рукой, неровные ступени, сточенные сотнями лет и тысячами шагов; мы поднимаемся навстречу музыке.

Высокие двустворчатые двери большого зала непременно заскрипят, если попытаться их открыть. Но сейчас, для вас, они открыты. Музыка доносится из дальнего, дальнего угла палаццо, в этом углу виден только единственный источник света, света множества свечей, красноватого, пробивающегося в щель под дверью, ведущей в часовню рядом с залом.

Пересечем зал, приблизимся к источнику музыки. Мы понимаем при этом,

что проходим мимо множества предметов мебели, запрятанных в чехлы, чьи
неясные силуэты еле видны в тусклом свете свечей и напоминают спящее стадо.
Высокий потолок над нами теряется во мраке.

Огни свечей отражаются красноватыми отблесками на инкрустированном
клавесине и на человеке, известном ученым-специалистам по Ренессансу как
доктор Фелл; доктор элегантен, спина прямая, он чуть наклонился навстречу
музыке, свет отражается от его волос и спины, обтянутой стеганым шелковым
халатом, который блестит как кожа.

Поднятая крышка клавесина украшена сценами пиршеств, и маленькие
фигурки на ней, толпясь над струнами, сияют в отблесках свечей. Он играет с
закрытыми глазами. Ноты ему не нужны. Перед ним на лирообразном пюпитре
клавесина экземпляр американского макулатурного таблоида "Нэшнл Тэтлер". Он
сложен таким образом, что видно только лицо на первой полосе - лицо Клэрис
Старлинг.

Наш музыкант улыбается, завершает пьесу, еще раз исполняет сарабанду -
для собственного удовольствия, - и как только в пространстве комнаты
замолкает звук последней струны, задетой пером толкателя, открывает глаза. В
центре каждого зрачка - красная точка света. Он склоняет голову на бок и
смотрит на стоящую перед ним газету.

Он беззвучно поднимается и несет американский таблоид в маленькую,
изысканно отделанную часовню, построенную еще до открытия Америки.
Разворачивает газету, держа ее поближе к свету, и старинные иконы над

алтарем словно читают таблоид из-за его плеча, как покупатели, стоящие в
очереди в бакалейной лавке. Заголовок набран жирным готическим шрифтом в 72
пункта. "АНГЕЛ СМЕРТИ: КЛЭРИС СТАРЛИНГ - МАШИНА ДЛЯ УБИЙСТВ ИЗ ФБР" - вопит
этот заголовок.

Лица, застывшие в муке и блаженстве вокруг алтаря, меркнут, когда он
задувает свечи. Он пересекает огромный зал - здесь ему свет не нужен. Легкое
движение воздуха доктор Ганнибал Лектер проходит мимо нас. Огромная дверь
скрипит, закрывается со стуком, который отдается в полу. Тишина.

Шаги, ведущие в другую комнату. Во дворце мощный резонанс, поэтому
стены кажутся ближе, но потолок все так же высоко, резкие звуки, отражаясь
от него, доходят с опозданием - а неподвижный воздух хранит запахи веленевой
бумаги и пергамента и потушенных свечей.

Шуршание бумаги в темноте, скрип и стук кресла. Доктор Лектер сидит в
огромном кресле в знаменитой библиотеке Каппони. Его глаза красными
отблесками отражают свет, но они не горят красным в темноте, как не раз
уверяли его тюремщики. Темнота вокруг полная. Он раздумывает...

Это правда, что доктор Лектер сам создал вакансию во дворце Каппони,
устранив его прежнего куратора - простая операция, требующая всего
нескольких секунд и скромных расходов на два мешка цемента - но как только
путь освободился, он получил эту должность честно, продемонстрировав
Комиссии по изящным искусствам свои исключительные лингвистические
способности, переводя прямо с листа средневековые тексты на итальянском и

латыни из написанных почти неразборчивой готикой манускриптов.
Он обрел здесь мир и покой, который хотел бы сохранить - в течение всего своего пребывания во Флоренции он практически никого не убил, исключая своего предшественника.
Его назначение переводчиком и куратором библиотеки Палаццо Каппони - значительная победа для него. По нескольким причинам.
Огромные пространства, высокие потолки во дворце очень важны для доктора Лектера после многих лет заключения в тесной камере. Еще более важно то, что он ощущает, как сам он резонирует в унисон с дворцом; это единственное частное здание из всех, что ему встречались, которое по размерам и деталям приближается к образу того Дворца памяти, который он хранит в своем сознании с юношеских лет.
В библиотеке, в этом уникальном хранилище манускриптов и писем, восходящих к началу тринадцатого века, он может предаться удовлетворению собственного любопытства.
Доктор Лектер считал, основываясь на фрагментарных семейных преданиях, что ведет свой род от некоего Джулиано Бевисангуэ, исторической личности, в XII веке наводившей страх на всю Тоскану, а также от Макиавелли и от Висконти.
Здесь было идеальное место для его исторических изысканий. Данная проблема вызывала у него чисто абстрактное любопытство, в этом не было ничего, связанного с его собственным "эго". Доктор Лектор не нуждался в столь примитивных способах самоутверждения. Его "эго", бездну его

интеллекта, степень его рациональности невозможно измерить обычными средствами.

По правде сказать, в среде психиатров так и не сложилось единого мнения относительно того, можно ли называть доктора Лектера человеком. Его коллеги по профессии, многие из которых опасаются его ядовитых статей в профессиональных журналах, долгое время считают его явлением потусторонним, исчадием ада, самим Дьяволом. Для удобства они именуют его "монстр".

Монстр сидит в темной библиотеке, мысленно расцвечивая мрак яркими красками, а в уме у него веет средневековый ветер. Он раздумывает об этом следователе.

Щелкает выключатель, и загорается низко стоящая лампа.

Теперь мы видим доктора Лектера возле длинного узкого стола шестнадцатого века в библиотеке Каппони. Позади него в разделенном на ячейки стенном шкафу - манускрипты и огромные, переплетенные в холст хроники, возраст которых насчитывает восемьсот лет. Перед ним стопой лежат письма из переписки четырнадцатого века с одним из министров Венецианской Республики, стопа придавлена небольшой отливкой, изготовленной Микельанджело в качестве этюда к его знаменитой "рогатой" статуе Моисея, а перед ним, рядом с чернильным прибором - портативный компьютер, подсоединенный к исследовательской сети Миланского университета.

Яркие красные и синие пятна посреди сероватых и желтоватых стопок пергамента и старинной бумаги - это экземпляр газеты "Нэшнл Тэтлер". А рядом

с ним - выпуск флорентийского издания "Ла Национе".

Доктор Лектер берет итальянскую газету и читает последние нападки на Ринальдо Пацци, вызванные отказом ФБР подтвердить результаты его работы по делу Il Mostro. "Разработанный нами психологический профиль преступника не имеет ничего общего с Токка", - заявил представитель ФБР.

"Ла Национе" вновь пересказала историю Пацци, упомянув о его стажировке в Америке в знаменитой Академии ФБР в Квонтико, и в конечном итоге заявила, что ему "надо было быть умнее".

Дело Il Mostro доктора Лектера не интересовало совершенно, а вот информация о Пацци - да. Какое же все-таки несчастливое стечение обстоятельств, что ему теперь придется противостоять полицейскому, прошедшему стажировку в Квонтико, где дело Ганнибала Лектера используется в качестве учебного пособия!

Когда доктор Лектер смотрел в глаза Пацци в Палаццо Веккьо, когда стоял достаточно близко, чтоб ощущать его запах, он знал совершенно точно, что Пацци ничего не подозревает, хотя он и спрашивал о шраме на руке доктора. Пацци даже не выказал никакого серьезного интереса к нему в связи с исчезнувшим куратором.

Полицейский видел его и на выставке орудий пытки. Лучше было бы встретиться с ним на выставке орхидей.

Доктор Лектер был уверен в том, что все составляющие элементы для "божественного откровения" уже есть в голове у следователя Квестуры, совершают броуново движение, сталкиваясь с миллионами других сведений и

данных.

Должен ли Ринальдо Пацци составить компанию покойному куратору Палаццо Каппони во сырой земле? Или лучше, если тело Пацци обнаружат с признаками явного самоубийства? "Ла Национе" будет просто счастлива, что загнала его в угол и довела до смерти.

Нет, еще не время, решил монстр и обратился к огромным свиткам старинной бумаги и пергаментным манускриптам.

Доктор Лектер не беспокоится. Ему доставляет наслаждение стиль письма Нери Каппони, банкира и посланника при правительстве Венеции в XV веке. Доктор до поздней ночи читает его письма, время от времени вслух, просто для собственного удовольствия.

ГЛАВА 22

Еще до рассвета Пацци держал в руках фото доктора Лектера, которое тот сделал для получения разрешения на работу, приложенное вместе с негативами к его permesso di soggiorno из архива Carabineri, жандармерии. У Пацци также имелись прекрасные тюремные снимки доктора с плаката Мэйсона Верже. Лица были схожи по общим очертаниям, но если доктор Фелл действительно был Ганнибалом Лектером, он, несомненно, проделал кое-какую работу над носом и щеками, может быть, с помощью инъекций силикона.

Уши выглядели весьма многообещающе. Пацци, подобно Альфонсу Бертильону за сто лет до него, изучал эти уши с помощью увеличительного стекла. Уши как будто были одинаковые.

На давно устаревшем компьютере Квестуры Пацци набрал свой

интерполовский код доступа к сети ФБР и к ПЗОП, Программе задержания опасных
преступников, а затем вызвал огромный по объему файл доктора Лектера.
Проклиная свой медленный модем, он попытался читать плохо набранный текст
прямо с экрана, пока буквы не начали прыгать перед глазами. Он знал большую
часть информации по этому делу. Но сейчас две вещи заставили его задержать
дыхание. Одна старая информация, другая новая. Самое последнее дополнение к
файлу содержало упоминание о рентгеновском снимке, указывающем на то, что
доктор Лектер, видимо, перенес хирургическую операцию на левой руке. Старая
информация, копия отпечатанного на пишущей машинке рапорта полиции штата
Теннесси, была о том, что во время убийства охранников в Мемфисе доктор
Лектер слушал пленку с записью "Вариаций Гольдберга".

Плакат, распространенный Мэйсоном Верже, богатым американцем, жертвой
доктора Лектера, рекомендовал любому информанту позвонить по указанному
номеру ФБР. Он также давал стандартные предупреждения о том, что доктор
Лектер вооружен и очень опасен. Сообщался еще и частный номер телефона -
чуть ниже абзаца об огромном вознаграждении.

Авиабилет на рейс от Флоренции до Парижа стоил чудовищно дорого, а
Пацци должен был оплатить его из собственного кармана. Он не доверял
французским полицейским, подозревая, что если те и дадут ему возможность
поговорить отсюда по телефону, то сами обязательно вмешаются в игру, но у

него не было иного выхода. Он позвонил по частному номеру, указанному на
плакате Мэйсона, из телефона-автомата возле Оперы, где оплата производилась
карточкой "Америкен Экспресс". Он был уверен, что номер звонящего будет
обязательно определен. Пацци вполне сносно говорил по-английски, но понимал,
что акцент тут же выдаст его итальянское происхождение.

Голос был мужской, очень спокойный, акцент американ-ский.

- Не могли бы вы сообщить, по какому делу вы звоните?

- У меня может быть информация относительно Ганнибала Лектера.

- Хорошо. Спасибо, что позвонили. Вам известно, где он сейчас находится?

- Я полагаю, да. Положение о вознаграждении все еще в силе?

- Да. Какие у вас имеются неопровержимые доказательства, что это
действительно он? Вы же понимаете, мы получаем множество звонков от всяких
психов...

- Я могу вам сообщить, что он сделал пластическую операцию лица и
операцию на левой руке. Он по-прежнему играет "Вариации Гольдберга". И у
него бразильские документы.

Пауза. Затем:

- А почему вы не позвонили в полицию? Я обязан предупредить, что вы
обязаны это сделать.

- Вознаграждение будет выплачено при любых обстоятельствах?

- Вознаграждение выплачивается за информацию, которая приведет к аресту
и осуждению.

- А будет ли оно выплачено... при особых обстоятельствах?

- Вы хотите сказать, будет ли оно выплачено лицу, которое при обычных
условиях может не иметь права получить это вознаграждение?

- Да.

- Мы все работаем над решением одной и той же проблемы. Не вешайте

трубку, пожалуйста, я хочу вам кое-что предложить. Это ведь противоречит международным соглашениям и американскому законодательству, сэр - предлагать награду за чью-либо смерть. Не вешайте трубку, пожалуйста. Могу я узнать, вы звоните из Европы?

- Да, но больше я ничего не могу вам сообщить.

- Очень хорошо, тогда слушайте меня - я вам предлагаю связаться с адвокатом и обсудить с ним юридическую сторону получения вознаграждения. Не предпринимайте никаких незаконных действий против доктора Лектера. Я мог бы порекомендовать вам нужного адвоката. Такой есть в Женеве, он прекрасный специалист в подобных вопросах. Хотите, я вам дам его номер? Звонок бесплатный, за счет абонента. Я вам настоятельно рекомендую позвонить ему и быть с ним полностью откровенным.

Пацци приобрел карточку на международный телефонный разговор и позвонил еще раз - из телефонной будки в универмаге "Бон Марше". И поговорил с человеком, отвечавшим ему сухим, совершенно швейцарским голосом. Разговор занял менее пяти минут.

Мэйсон выплатит один миллион американских долларов за голову и руки доктора Ганнибала Лектера. Он выплатит ту же сумму за информацию, которая приведет к аресту доктора. Он в частном порядке выплатит три миллиона долларов за живого доктора, не задавая никаких вопросов и гарантируя соблюдение полной тайны. Еще одно условие - сто тысяч долларов авансом. Чтобы получить этот аванс, Пацци необходимо представить легко

идентифицируемые отпечатки пальцев доктора Лектера, отпечатки, оставленные на каком-либо предмете и взятые in situ. Если он это сделает, то в любое удобное для него время сможет сам убедиться, что остальная сумма положена на условный депозит в ячейке банковского сейфа в Швейцарии.

Перед тем, как ехать из "Бон Марше" в аэропорт, Пацци приобрел для жены потрясающий муаровый шелковый пеньюар персикового цвета.

ГЛАВА 23

Как вы ведете себя, если уже поняли, что все обычные почести - не более, чем суета сует? Если вы уже пришли к тому, что считаете - вслед за Марком Аврелием - что мнение грядущих поколений будет стоить не больше, чем мнение нынешнего? Возможно ли при этом, что вы будете вести себя лучше? Желательно ли при этом вести себя лучше?

Теперь Ринальдо Пацци, истинный Пацци из знаменитого рода Пацци, главный следователь флорентийской Квестуры, должен был решить, чего стоят все почести и не существует ли соображений более глубоких и значительных, нежели соображения чести.

Он вернулся из Парижа к ужину и немного поспал. Он хотел бы посоветоваться с женой, но не мог заставить себя это сделать, хотя всегда находил у нее утешение. Потом, когда ее дыхание успокоилось, он еще долгое время просто лежал без сна. Совсем поздно ночью он сдался на милость бессонницы и вышел из дому пройтись по улицам и подумать.

Жадность - вещь в Италии распространенная и хорошо известная, и Пацци впитал в себя немалую ее толику, дыша воздухом родины. Но его врожденные

качества - жажда наживы и карьеризм - получили новый мощный толчок именно в Америке, где любое влияние ощущается более быстро, включая крушение христианских заповедей и торжество маммоны.

Когда Пацци вышел из тени Лоджии на Пьяцца делла Синьория, остановился на том месте, где был сожжен Савонарола, и поднял взгляд на окна освещенного Палаццо Веккьо, он полагал, что все еще раздумывает. Но это было не так. Он уже пришел к окончательному решению - он шел к нему постепенно, но неотвратимо.

Мы обычно считаем, что решение принимается в конкретный момент времени, стремясь облагородить его как временной результат рационального и сознательного мышления. Однако решения принимаются на основе смешанных, противоречивых чувств; по большей части это просто масса ощущений, но не их сумма.

Когда Пацци снял телефонную трубку в Париже, он уже принял это решение. И еще раз утвердился в нем час назад, после того, как его жена в новом пеньюаре была всего лишь покорно-исполнительной. Некоторое время спустя, когда он протянул руку, чтобы погладить ее по щеке и поцеловать на ночь, он ощутил на ладони слезы. Именно в тот момент, сама не подозревая об этом, она "вкусила от его сердца".

Еще раз те же почести? Еще одна возможность стоять и нюхать, как дурно пахнет изо рта архиепископа, пока с помощью священных кремней поджигают запал в заднице у тряпичного голубя? Снова слушать похвалы из уст политиков,

о частной жизни которых он прекрасно осведомлен? Кому все это нужно - прославиться как полицейский, который поймал доктора Ганнибала Лектера? Слава, этот кредит любого полицейского, имеет очень короткий период полураспада. Гораздо лучше ПРОДАТЬ ЕГО.

Мысль эта словно ударом молнии пронзила Ринальдо Пацци, поразила его прямо в сердце, оставив его бледным и решительным, и когда реальный Ринальдо бросил свой жребий, он ощущал два запаха - запах, исходящий от его жены, и запах, доносимый ветром с Чесапикского залива.

ПРОДАТЬ ЕГО. ПРОДАТЬ ЕГО. ПРОДАТЬ ЕГО.

Удар, который нанес Франческо де Пацци в 1478 году, тот самый удар, который швырнул Джулиано Медичи на пол кафедрального собора, вряд ли был сильнее; да и потом, когда Франческо в бессильной ярости пронзил себе кинжалом бедро, едва ли он бил сильнее...

ГЛАВА 24

Дактилоскопическая карта доктора Ганнибала Лектера - это достопримечательность и своего рода объект культа. Оригинал вставлен в рамку и висит на стене в Отделе идентификации личности ФБР. В соответствии с принятой в ФБР практикой снятия отпечатков пальцев людей, у котороых больше пяти пальцев, отпечатки большого пальца и четырех следующих находятся на лицевой стороне карты, а шестого пальца - на обороте.

Копии дактилокарты были разосланы по всем странам сразу же, как только доктор сбежал, а отпечаток его большого пальца, должным образом увеличенный, являет себя миру с плаката Мэйсона Верже, причем на нем отмечено достаточно

точек идентификации, чтобы их мог сравнить и опознать даже минимально подготовленный специалист.

Простое снятие отпечатков пальцев - задача нетрудная, так что Пацци и сам мог бы проделать все необходимое, чтобы получить такие отпечатки, и даже сам смог бы провести первичное сравнение, чтобы быть полностью уверенным в результате. Но Мэйсону Верже требовались свежие отпечатки, взятые in situ, оригинальные, а не переведенные с какого-нибудь вещдока, чтобы его эксперты провели независимое опознание; Мэйсона не раз обманывали в прошлом старыми отпечатками, снятыми многие годы назад в местах первых преступлений доктора Лектера.

Но как получить отпечатки пальцев доктора Фелла, не возбудив его подозрений? Самое главное, его нельзя спугнуть. Он слишком хорошо умеет скрываться, и тогда Пацци останется ни с чем.

Доктор не слишком часто покидал Палаццо Каппони, а до следующего заседания Комиссии по изящным искусствам нужно ждать целый месяц. Слишком долго, чтобы подсунуть ему стакан воды, а ведь придется всем поставить такие стаканы, поскольку на заседаниях подобная роскошь никогда не предусматривалась.

Раз уж Пацци решил продать Ганнибала Лектера Мэйсону Верже, ему приходилось действовать в одиночку. Он не мог себе позволить привлечь внимание Квестуры к доктору Феллу, затребовав ордер на обыск Палаццо Каппони, а здание слишком хорошо охранялось системами сигнализации, чтобы

решиться на взлом и взять отпечатки пальцев.

Отбросы в мусорном баке доктора Фелла были гораздо чище и свежее, чем в других баках в этом квартале. Пацци купил новый бак и темной ночью заменил крышку на баке в Палаццо Каппони. Оцинкованный металл крышки - отнюдь не идеальная поверхность для отпечатков пальцев, и после целой ночи трудов Пацци получил огромное количество фрагментарных отпечатков - сущий кошмар для любого художника-пуантилиста, которые он был совершенно не в состоянии идентифицировать.

На следующее утро он стоял с красными от бессонницы глазами возле Понте Веккьо. В одном из ювелирных магазинов на этом мосту он купил широкий полированный серебряный браслет, а также оклеенную бархатом подставку, на которой тот был выставлен на витрине. В ремесленном квартале Флоренции, что находится к югу от Арно, в узких улочках напротив дворца Питти, другой ювелир по его просьбе сточил с браслета марку изготовителя. Ювелир предложил также покрыть браслет специальным лаком против окисления, но Пацци отказался.

Жуткая тюрьма Солличано, на дороге из Флоренции в Прато.

На втором этаже женского корпуса, нагнувшись над глубокой лоханью для стирки белья, Ромула Ческу намыливает себе груди, потом тщательно обмывается и вытирается, прежде чем надеть чистую свободную хлопчатобумажную рубашку.

Другая цыганка, только что вернувшаяся из зала для посетителей, проходя

мимо, что-то сказала ей по-цыгански. У Ромулы между бровями пролегла еле заметная складка. В остальном ее красивое лицо сохраняло обычное серьезное выражение.

Как обычно, в 8-30 ей разрешили выйти из камеры, но когда она подошла к залу для свиданий, ее перехватил тюремщик и направил в комнату для допросов на первом этаже тюрьмы. В комнате вместо обычной няньки сидел Ринальдо Пацци и держал на руках ее ребенка.

- Привет, Ромула, - сказал он.

Она направилась прямо к этому высокому полицейскому, но он вовсе не выказал никакого желания сразу же передать ей ребенка. А ребенок хотел есть и уже искал ротиком ее грудь.

Пацци указал ей кивком на ширму в углу комнаты:

- Там есть стул. Мы можем поговорить, пока ты его кормишь.

- Поговорить? О чем, Dottore? - Ромула вполне прилично говорила по-итальянски, так же как по-французски, по-английски, по-испански и по-цыгански. Она говорила без всякой аффектации - в прошлый раз никакие ее артистические ухищрения не помогли избежать трехмесячного тюремного заключения за карманные кражи.

Она зашла за ширму. В пластиковом пакете, спрятанном в пеленках младенца, было сорок сигарет и шестьдесят пять тысяч лир, чуть больше сорока одного доллара, все в потрепанных банкнотах. Если бы этот полицейский обыскал ребенка, он мог бы предъявить ей дополнительные обвинения прямо в тот момент, когда она достала контрабанду, и лишить ее всех послаблений. Она

с минуту раздумывала, глядя в потолок, пока ребенок сосал грудь. Зачем ему это? Он все равно в более выгодном положении. Она достала пакет и спрятала его под одеждой. Из-за ширмы донесся его голос:

- Ты тут уже всем надоела, Ромула. Кормящая мать в тюрьме - это сплошные неприятности. Здесь полно больных людей, у сестер и без тебя хватает забот. Тебе самой-то не осточертело каждый раз отдавать ребенка, когда кончаешь кормить?

И что ему от нее нужно? Она знала, кто он такой - начальник, Pezzo da novanta, мерзавец самого большого пошиба.

Обычным "бизнесом" Ромулы было гадание по руке на улицах - этим она зарабатывала на жизнь; карманные кражи были побочным промыслом. В тридцать пять она была уже достаточно потрепана жизнью, но у нее теперь были очень чувствительные усики-антенны, прямо как у бабочки "сатурния луна". Этот полицейский - она продолжала рассматривать его, глядя поверх ширмы, - весь такой аккуратный, на руке обручальное кольцо, ботинки начищены, ясно, что у него есть жена, да еще и хорошая прислуга - косточки в воротничок рубашки вставлены правильно, сам воротничок отутюжен. Бумажник - в кармане пиджака, ключи - в правом кармане брюк, деньги - в левом, сложены в пачку, видимо, перетянуты резинкой. Между карманами висит член. Сам поджарый, очень мужественный, уши, правда, как цветная капуста, шрам от удара, на лбу возле волос. Нет, ему от нее нужен не секс - если б он хотел ее завалить, он бы не

принес ребенка. Он, конечно, не подарок, но, как ей показалось, не из тех, кто станет заниматься сексом с заключенными женщинами. Лучше не смотреть в его черные злые глаза, пока ребенок сосет грудь. Зачем он принес ребенка? Потому что хочет показать ей свою власть, намекнуть, что может его у нее отнять. Что бы это могло значить? Ему нужна информация? Ну, она ему все расскажет, все, что угодно - хоть про пятнадцать цыган, которых никогда и на свете-то не было. Так, хорошо, а что я могу получить взамен? Ладно, посмотрим. Можно ведь и надуть его...

Она следила за его лицом, когда выходила из-за ширмы. Над головой младенца полумесяцем сияло нечто вроде нимба.

- Жарко там, - сказала она. - Может, окно откроете?

- Я мог бы сделать для тебя и больше, Ромула. Например, открыть двери. И ты знаешь это.

Тихо в комнате. За стенами обычный шум тюрьмы Солличано, как надоевшая тупая головная боль.

- Скажите, что вам надо. Я могу для вас кое-что сделать и сделаю с удовольствием, но не все, что угодно. - Инстинкт подсказал ей (и совершенно правильно), что он будет уважать ее за это предупреждение.

- Ничего особенного, la tua solita cosa, то, чем ты всегда занимаешься, - ответил Пацци. - Но мне нужно, чтобы на этот раз ты это дело провалила.

ГЛАВА 25

В течение дня они наблюдали за фасадом Палаццо Каппони из высокого разбитого окна квартиры в доме напротив - Ромула со старухой-цыганкой,

которая помогала ей с ребенком и, наверное, приходилась ей какой-нибудь родственницей, и Пацци, который убегал из Квестуры при любой возможности.

Фальшивая деревянная рука, которой Ромула пользовалась в своем "бизнесе", лежала на стуле в спальне.

Пацци получил квартиру в свое распоряжение на дневное время: хозяин был преподавателем близлежащей Школы Данте Алигьери. Ромула настояла, чтобы ей с ребенком выделили одну полку в стоявшем в квартире маленьком холодильнике.

Долго им ждать не пришлось.

В половине десятого утра на второй день слежки помощница Ромулы, сидевшая у окна, издала свист. На той стороне улицы в фасаде палаццо возник пустой темный провал - одна из массивных створок дверей отворилась внутрь.

И вот он появился - человек, известный во Флоренции как доктор Фелл, небольшого роста, стройный, в темном костюме, холеный и гладкий как норка. Стоит на крыльце, словно нюхая воздух, и изучает улицу в обоих направлениях. Потом он нажал на кнопку пульта дистанционного управления, включая охранную сигнализацию, и закрыл за собой дверь с огромной ручкой кованого железа - она вся в пятнах ржавчины и с нее невозможно снять отпечатки пальцев. В руке у него была хозяйственная сумка.

Увидев доктора Фелла в первый раз сквозь щель в ставнях, старуха-цыганка схватила Ромулу за руку, как бы пытаясь остановить, посмотрела Ромуле в глаза и резко дернула головой, пока полицейский не глядел в их сторону.

Пацци сразу понял, куда идет доктор Фелл.

Изучая мусор доктора, Пацци обнаружил среди прочего оберточную бумагу известного магазина деликатесов - "Вера даль 1926", который располагается на Виа Сан-Джакопо возле моста Санта Тринита. Доктор направлялся именно в ту сторону. Ромула между тем влезла в свою уличную одежду, а Пацци продолжал наблюдать из окна.

- Dunque, он идет в магазин, - произнес Пацци. Он не мог удержаться и уже в пятый раз повторил Ромуле данные ей инструкции. - Следуй за ним, Ромула. Потом жди его на этой стороне Понте Веккьо. Перехватишь его, когда будет идти назад с полной сумкой. Я буду двигаться на полквартала впереди него, ты меня увидишь первым. Я буду рядом. Если возникнут проблемы, если тебя арестуют, я все улажу. Если он пойдет куда еще, возвращайся сюда и жди моего звонка. Вот, возьми пропуск для такси на проезд в старый город.

- Eminenza, - ответила Ромула, по итальянской традиции иронически награждая его преувеличенно высоким титулом, - если будут проблемы и мне окажет помощь один человек, не мешайте ему, это мой друг, он ничего не возьмет. Дайте ему возможность убежать.

Пацци не стал ждать лифта, он сбежал вниз по лестнице. Он был одет в перепачканный комбинезон, на голове кепка. Во Флоренции трудно следить за человеком, поскольку тротуары здесь узкие, а жизнь твоя на улице не стоит ни гроша. Пацци заранее поставил у тротуара старый побитый мотороллер, к которому было привязано с дюжину швабр и щеток. Мотороллер завелся с первого

удара по стартеру, и главный следователь поехал вперед по улице в облаке
синего дыма. Маленький мотороллер подпрыгивал на камнях мостовой, точно
бегущий рысью ослик.

Пацци еле двигался, вызывая нетерпеливые гудки других водителей, потом
остановился и купил сигарет, он всячески тянул время, чтобы оставаться
позади доктора Фелла, пока не убедился, куда именно тот направляется. Вот
кончилась Виа де Барди, дальше лежала Борго Сан-Джакопо со встречным
односторонним движением. Пацци оставил мотороллер у тротуара и проследовал
дальше пешком, все время поворачиваясь боком, чтобы проскользнуть сквозь
толпу туристов, скопившуюся на южной стороне Понте Веккьо.

Флорентийцы утверждают, что магазин деликатесов "Вера даль 1926" с его
огромным выбором сыров и трюфелей пахнет как ступни самого Господа Бога.

Доктор, несомненно, не торопился, выбирая себе трюфели из первого
урожая нынешнего сезона. Пацци видел его спину сквозь стекло витрины, по ту
сторону от великолепной экспозиции разных сортов ветчины и макарон.

Пацци зашел за угол, вернулся назад, ополоснул лицо в фонтане,
плевавшемся водой изо рта на лице с усами и львиными ушами. "Тебе придется
побриться, если хочешь работать у меня", - сообщил он фонтану, стараясь
подавить неприятное ощущение в желудке - там словно застрял ледяной ком.

Вот доктор выходит, в сумке несколько небольших пакетов. Он
направляется по Борго Сан-Джакопо в сторону дома. Пацци двинулся впереди

него по противоположной стороне улицы. Толпа на тротуаре вынудила Пацци
сойти на проезжую часть, и зеркало проезжавшей мимо патрульной машины
карабинеров больно ударило его   прямо   по наручным   часам. "Stronzo!
Analfabeta!" - заорал ему водитель из окна машины, и Пацци поклялся
припомнить это и отомстить. К тому времени, когда они дошли до Понто Веккьо,
он опережал доктора на сорок метров.

Ромула стояла в дверном проеме, прижимая к себе ребенка фальшивой
деревянной рукой и протянув другую толпе; свободная рука пряталась под
одежками, готовая вытянуть очередной бумажник, добавив его к тем двум
сотням, что ей удалось украсть за ее воровскую карьеру. На этой прячущейся
руке был надет широкий, тщательно отполированный серебряный браслет.

Уже через минуту будущая жертва пройдет сквозь толпу, спускающуюся со
старинного моста. И как только он выйдет из толпы на Виа де Барди, Ромула
встретит его, сделает свое дело и скользнет в поток туристов, пересекающих
мост.

В толпе прятался дружок Ромулы, на которого она могла положиться. Она
не знала, что из себя представляет ее будущая жертва, и не очень верила, что
этот полицейский сможет ее защитить. Жиль Превер, известный по полицейским
досье так же как Жиль Дюмен или Роже Ле Дюк, то есть Герцог, а в этих местах
фигурирующий под именем Ньокко, ждал в толпе на южном конце моста Понте
Веккьо, пока Ромула проделает "щипок". Ньокко был небольшого роста и тощий -

до этого его довели дурные привычки; на его лице уже начали выступать все кости черепа, однако он все еще был жилистый и сильный и мог оказать помощь Ромуле, если ее прихватят.

Одетый в платье мелкого чиновника, он легко вписывался в толпу, время от времени возникая над головами прохожих, как луговая собачка в прериях. Если предполагаемая жертва сумеет схватить Ромулу и попытается ее задержать, Ньокко может сделать вид, что споткнулся, рухнуть прямо на жертву и не давать ей возможности двигаться, всячески при этом извиняясь, пока Ромула не смоется с места происшествия. Он такое уже не раз проделывал.

Пацци прошел мимо нее, остановился, встал в очередь к стойке с соками, откуда он мог все видеть.

Ромула вышла из дверного проема. Опытным глазом оглядела движущуюся толпу, отделявшую ее от стройной фигуры доктора Фелла, направлявшегося в ее сторону. Она великолепно умела передвигаться сквозь толпу, держа ребенка перед собой и поддерживая его фальшивой рукой, сделанной из дерева и обтянутой тряпками. Все было в порядке. Как обычно, она сперва поцелует пальцы своей видимой руки и протянет ее к его лицу, вроде бы для того, чтобы запечатлеть на нем этот поцелуй. А свободная рука в это время будет шарить по его ребрам рядом с бумажником, пока он не схватит ее за руку. И тогда она рванет прочь от него.

Пацци обещал ей, что у этого мужчины не хватит сил удерживать ее до прибытия полиции, что он сам постарается поскорее убраться подальше. Никогда

в ее практике во время "щипка" никто не пытался применить силу к женщине с
ребенком на руках. Жертва чаще всего была уверена, что это кто-то другой из
стоящих рядом шарит по ее карманам. Ромула сама не раз обзывала карманниками
ни в чем не повинных посторонних людей, чтобы не быть пойманной.

Сейчас она двигалась по тротуару вместе с толпой, высвободив свою
спрятанную руку, но держа ее под фальшивой, которой прижимала к себе
ребенка. Она уже видела свою цель сквозь качающееся море голов: он в десяти
метрах от нее и приближается.

Мадонна! Доктор Фелл вдруг повернулся в толпе и пошел вместе с потоком
туристов через Понте Веккьо! Значит, он шел не домой! Она нырнула в толпу,
но не смогла его нагнать. Лицо Ньокко, он все еще впереди доктора, смотрит
на нее вопросительно. Она покачала головой, и Ньокко дал ему пройти. Ничем
хорошим это не кончится, если Ньокко сам попробует "взять" его карман.

Пацци рычит рядом, как будто это ее вина.

- Возвращайся в квартиру. Я тебе позвоню. Пропуск в старый город для
такси у тебя? Ступай. Ступай!

Пацци добрался до своего мотороллера и погнал его через Понте Веккьо,
нависающий над мутными водами Арно. Он решил, что потерял доктора, но тут же
увидел его на другой стороне реки, под аркадой возле улицы Лунгарно - доктор
останавливается на мгновение, смотрит поверх плеча уличного рисовальщика на
его работу и двигается дальше легкими быстрыми шагами. Пацци понял, что
доктор Фелл направляется в церковь Санта Кроче, и последовал за ним на

расстоянии, пробираясь сквозь чудовищное кишение толпы.

ГЛАВА 26

Церковь Санта Кроче, главная церковь ордена францисканцев, ее огромные внутренние пространства наполнены отзвуками речи на восьми языках, когда сквозь нее шествуют орды туристов, следуя за яркими зонтиками своих гидов, нащупывая в полумраке монеты в двести лир, чтобы заплатить за освещение - всего на одну драгоценную для них минуту - великих фресок на стенах боковых капелл.

Ромула вошла сюда с освещенной утренним солнцем улицы и вынуждена была остановиться возле гробницы Микельанджело, чтобы сразу ослепшие глаза привыкли к полумраку. Когда же зрение вернулось к ней, она увидела, что стоит прямо на могильной плите, вмонтированной в пол, и прошептала: "Mi dispace!" и быстро сошла с плиты; для Ромулы скопление мертвых под землей было столь же реальным, как толпа над полом, и даже, может быть, еще более всесильным. Она была дочерью и внучкой гадалок и провидиц и поэтому смотрела на людей на земле и под землей как на две толпы, которых разделяет лишь граница смерти. Те, что внизу, будучи старше и мудрее, по ее мнению, имели много преимуществ перед теми, что наверху.

Она огляделась по сторонам, высматривая церковного сторожа, человека, весьма враждебно относившегося к цыганам, и спряталась за ближайшей колонной под защитой "Мадонны дель Латте" работы Росселино. Ребенок тыкался ей в грудь. Там ее и нашел Пацци, прятавшийся ранее возле могилы Галилея.

Он указал ей кивком в сторону противоположной части церкви, где, по ту сторону трансепта, как молнии вспыхивали лампы освещения и вспышки запрещенных здесь фотоаппаратов, освещая высокое темное пространство, и щелкали автоматы, поглощая монеты в двести лир, а иной раз разнообразнейшие жетоны или даже австралийские четвертаки.

На фресках работы великих мастеров, то освещаемых вспыхивающим светом, то вновь погружающихся во тьму, снова и снова рождался Христос, его предавали, в его тело вбивали гвозди. Тьма набита толпой, переполнена, теснящиеся пилигримы держат в руках путеводители, в которых невозможно ничего прочесть, запах многих тел и горящих свечей поднимается вверх и кипит там в жаре от ламп освещения.

В левой части трансепта, в капелле Каппони, работал доктор Фелл. Самая знаменитая капелла рода Каппони находится в церкви Санта Феличита. А эта, перестроенная в девятнадцатом веке, интересовала доктора Фелла потому, что здесь он мог взглянуть на прошлое сквозь слои, наложенные реставраторами. Сейчас он втирал графитовый порошок в надпись, выбитую на камне и настолько стершуюся, что даже боковое освещение не давало возможности ее прочесть.

Наблюдая за ним с помощью монокуляра, Пацци понял, почему доктор ушел из дому всего лишь с хозяйственной сумкой: все инструменты для работы он хранил за алтарем капеллы. Пацци хотел было призвать к себе Ромулу и пустить ее в дело. Может быть, удастся снять отпечатки пальцев с инструментов

доктора. Но нет, у доктора на руках были нитяные перчатки, чтобы не испачкаться графитом.

Нет, здесь неудобно. Приемы Ромулы предназначены для работы на улице. Там она была у всех на виду и в том положении, когда любой преступник не станет ее опасаться. Она совсем не тот человек, от которого доктор стал бы убегать. Нет. Если доктор ее схватит, он ее передаст церковному сторожу, и Пацци сможет вмешаться позже.

Но ведь он сумасшедший! Что, если он ее убьет? Что, если он убьет ребенка? Пацци мучили и еще два вопроса. Стоит ли ему самому бросаться на доктора, если ситуация будет смертельно опасной? Да. Способен ли он допустить риск легкого ранения Ромулы и ее ребенка, чтобы заполучить вожделенную сумму? Да.

Придется просто подождать, пока доктор Фелл снимет перчатки и отправится перекусить. Пока они ходили взад-вперед по поперечному нефу, у Пацци и Ромулы была возможность пошептаться. Тут Пацци заметил в толпе знакомое лицо.

- Кто это за тобой таскается, Ромула? Лучше скажи мне. Я видел этого типа в тюрьме.

- Это мой друг. Он поможет мне, если удирать придется. Он ничего не знает. Ничего. Для вас же лучше - не придется самому пачкаться.

Чтобы как-то убить время, они помолились в нескольких капеллах церкви. Ромула что-то шептала на языке, которого Ринальдо не понимал, а у самого Пацци был огромный список того, что он вымаливал у Господа, в частности, дом

на берегу Чесапикского залива и еще кое-что, о чем в церкви не следует даже думать.

Нежные голоса распевающегося хора заглушают общий шум.

Удар колокола, пора закрывать церковь. Вышли церковные сторожа, гремя ключами и собираясь опоражнивать контейнеры с монетами.

Доктор Фелл оторвался от своих трудов и вышел из-за "Пьеты" Андреотти, снял перчатки и надел пиджак. Большая группа японцев, столпившаяся возле этой святыни и уже истратившая все монеты, еще не понимала, что пора уходить.

Пацци кивнул Ромуле - он мог этого и не делать. Она и сама знала, что сейчас самое время. И поцеловала в головку младенца, лежавшего на ее деревянной руке.

Доктор уже шел навстречу. Толпа заставит его пройти рядом с нею. Тремя стремительными шагами она приблизилась к нему, подняв руку, чтобы отвлечь его внимание, поцеловала пальцы и уже приготовилась запечатлеть поцелуй на его щеке, скрытая под одеждой вторая рука наготове, чтобы проделать "щипок".

Тут вспыхнули лампы - кто-то в толпе все же обнаружил у себя еще одну монету в двести лир - и в тот момент, когда Ромула коснулась доктора Фелла и заглянула ему в глаза, она вдруг почувствовала, как ее втягивают в себя его красные зрачки, ощутила внутри огромную ледяную пустоту, от которой сердце бешено заколотилось о ребра, ее рука метнулась в сторону от его лица, чтобы прикрыть личико ребенка, и она услышала собственные слова: "Perdonami!

Perdonami, signore!", потом повернулась и побежала прочь, а доктор долгую минуту смотрел ей вслед, пока не погас свет и пока он снова не превратился в темный силуэт на фоне горящих в капелле свечей, а затем быстрыми, легкими шагами двинулся своей дорогой.

Пацци, бледный от ярости, догнал Ромулу возле чаши для святой воды, к которой она прислонилась, непрестанно омывая головку ребенка святой водой, промывая ему глаза на тот случай, если он успел глянуть на доктора Фелла. Жуткие проклятья замерли у него на губах, когда он увидел ее искаженное ужасом лицо.

Глаза ее во мраке выглядели просто огромными.

- Это Дьявол! - произнесла она. - Шайтан, сын Мрака! Теперь я точно знаю!

- Да я тебя обратно в тюрьму упеку! - прошипел Пацци.

Ромула посмотрела на личико ребенка и вздохнула. Вздох, прямо как на бойне перед закланием, такой глубокий и безнадежный, что страшно было слышать. Она сняла с руки широкий серебряный браслет и омыла его в святой воде.

- Пока еще рановато, - сказала она.

ГЛАВА 27

Если бы Ринальдо Пацци решил исполнить свой долг офицера полиции, он мог бы задержать доктора Фелла и очень быстро выяснить, является ли он Ганнибалом Лектером. В течение получаса он мог бы получить ордер на арест доктора Фелла прямо в Палаццо Каппони, и никакие системы охранной сигнализации дворца ему бы не помешали. Своей собственной властью он мог бы

держать доктора Фелла в предварительном заключении без предъявления
обвинений достаточно долго, чтобы выяснить его личность.

Снятие отпечатков пальцев в Квестуре помогло бы всего за десять минут
точно установить, что доктор Фелл - это Ганнибал Лектер. А сравнительный
анализ ДНК подтвердил бы его идентификацию окончательно.

Но теперь все это было для Пацци недоступно. Раз он решил продать
доктора Фелла, полицейский превратился в охотника за наградой, одиночку вне
закона. Даже осведомители из числа уголовников, которых он держал в кулаке,
ныне были бесполезны, поскольку могли "осведомить" полицию о самом Пацци.

Бесконечные отсрочки бесили Пацци, но он был настроен решительно. Он
все равно заставит этих проклятых цыган...

- А Ньокко мог бы это сделать вместо тебя, Ромула? Можешь его
разыскать?

Они сидели в гостиной квартиры на Виа де Барди, напротив Палаццо
Каппони. Прошло уже двенадцать часов после неудачи в церкви Санта Кроче.
Низко стоящая настольная лампа освещала комнату только до высоты пояса.
Черные глаза Пацци блестели в полумраке выше освещенного пространства.

- Я и сама все сделаю, только без ребенка, - ответила Ромула. - Только
вам надо...

- Нет. Нельзя допустить, чтоб он увидел тебя во второй раз. Так сможет
Ньокко это сделать?

Ромула сидела, наклонившись вперед, над коленями, закрытыми ярким
длинным платьем, ее полные груди касались бедер, а голова почти доставала до

колен. Деревянная рука валялась на стуле. В углу сидела пожилая цыганка,
наверное, тетка Ромулы, и держала на руках ребенка. Шторы были задернуты.
Выглядывая наружу сквозь узенькую щелочку, Пацци видел слабый свет в одном
из верхних окон Палаццо Каппони.

- Я все могу сделать сама. Я могу изменить внешность, и он меня не
узнает. Я могу...

- Нет.

- Тогда это может сделать Эсмеральда.

- Нет. - На этот раз голос донесся из угла: это впервые заговорила старшая цыганка. - Я буду заботиться о твоем ребенке, Ромула, пока не умру.
Но ни за что не прикоснусь к Шайтану.

Пацци едва понимал ее итальянский.

- Сядь прямо, Ромула, - приказал Пацци. - Посмотри мне в глаза. Может
Ньокко сделать это вместо тебя? Учти, я сегодня же отправлю тебя обратно в
тюрьму Солличано. Тебе еще три месяца сидеть. Возможно также, что в
следующий раз, когда ты достанешь деньги и сигареты из пеленок, тебя
поймают... Я мог бы устроить тебе еще шесть месяцев за это, тогда, в прошлый
раз. Я могу добиться, чтобы тебя лишили материнских прав. Тогда твоего
ребенка заберет государство. Но если я получу отпечатки пальцев, тебя
выпустят, ты получишь два миллиона лир и твое уголовное дело исчезнет, а я
помогу тебе получить австралийскую визу. Так сделает это Ньокко вместо тебя?

Она не отвечала.

- Ты можешь найти Ньокко? - Пацци сердито фыркнул. - Senti, давай,
собирай вещички. Свою фальшивую руку получишь со склада через три месяца или

вообще в будущем году. Твое чадо отправится в приют. Оно там прекрасно
проживет без тебя - старуха может его навещать.

- ОНО? Как вы можете называть моего ребенка ОНО, коммендаторе?! У него
же имя есть! Его зовут... - Она замотала головой, не желая называть имя
ребенка такому человеку. Потом закрыла лицо руками, кожей ощущая, как бьется
пульс и как дрожат руки, и произнесла сквозь пальцы: - Хорошо, я найду его.

- Где?

- На Пьяцца Санто Спирито, возле фонтана. Там вечерами разводят костер
и кто-нибудь приносит вино...

- Я пойду с тобой.

- Лучше не надо. Вы ж его засветите. У вас остается Эсмеральда и
ребенок, куда я денусь? Все равно сюда вернусь.

Пьяцца Санто Спирито, красивая площадь на левом берегу Арно, ночью
выглядит жалко, церковь в столь поздний час темна и заперта на замок, из
набитой людьми траттории "Касалинга" доносятся шум и запахи горячей пищи.

Возле фонтана горит небольшой костер, звучит цыганская гитара,
исполнитель демонстрирует больше энтузиазма, нежели таланта. Среди толпы
цыган один совсем неплохо исполняет fado. Как только певец заявляет о себе,
его тут же выталкивают вперед и поощряют вином из нескольких бутылок. Он
начинает с песни о судьбе, но его перебивают, требуя чего-нибудь повеселее.

Роже Ле Дюк, известный также под именем Ньокко, сидит на краю фонтана.
Он уже успел чем-то обкуриться. В глазах у него туман, но он сразу замечает

Ромулу, появившуюся в задних рядах толпы, по ту сторону костра. Он покупает у уличного торговца пару апельсинов и следует за нею прочь от поющих. Они останавливаются под уличным фонарем на некотором расстоянии от костра. Свет здесь более холодный, чем от костра, и падает он неровными пятнами - ему мешают листья, еще не облетевшие с борющегося с ветрами клена. В этом свете лицо Ньокко становится зеленоватого оттенка, тени от листьев похожи на двигающиеся шрамы. Ромула смотрит на него, держа руку на его плече.

Лезвие ножа выскакивает у него из кулака как яркий тонкий язычок, он очищает ножом апельсины, и кожура тянется вниз длинной тонкой лентой. Он передает ей очищенный апельсин, и она кладет ему одну дольку в рот, пока он чистит второй.

Они быстро заговорили по-цыгански. Один раз он передернул плечами. Она отдала ему сотовый телефон и показала, как им пользоваться. В ухо Ньокко ударил голос Пацци. Через минуту Ньокко сложил телефон и убрал его в карман.

Ромула сняла с шеи что-то на цепочке, поцеловала этот маленький амулет и повесила его на шею тщедушному неряшливому человечку. Он глянул на амулет, проделал несколько шуточных танцевальных па, притворяясь, будто этот оберег жжет ему кожу, на что Ромула только улыбнулась. Она сняла с руки широкий браслет и надела ему на запястье. Браслет легко наделся. Рука у Ньокко была не крупнее, чем у нее.

- Проведешь со мной часок? - спросил Ньокко.

- Да, - ответила она.

ГЛАВА 28

Снова вечер, и снова доктор Фелл в огромном каменном помещении выставки "Жестокие орудия пытки" в Форте ди Бельведере; доктор стоит, прислонившись к стене, под свисающими с потолка клетками для проклятых и обреченных.

Он отмечает признаки проклятия и обреченности на алчных лицах посетителей, когда они проходят мимо пыточных инструментов и прижимаются друг к другу в потной frottage, с выпученными глазами, со вставшими дыбом волосами, горячо дыша друг другу в затылок или в ухо. Иногда доктор поднимает к лицу надушенный платок, чтобы отбить слишком мощный запах дезодорантов и полового возбуждения.

Те, что охотятся за доктором, ждут снаружи.

Текут часы. Доктор Фелл, который никогда не уделял особого внимания самим экспонатам, кажется, никак не насытится зрелищем лиц в теснящейся толпе. Немногие чувствуют на себе его внимание и ощущают от этого некоторое неудобство. Часто женщины из толпы смотрят на него с определенным интересом, прежде чем шуршащий между экспонатами людской поток понесет их дальше. Небольшая сумма, уплаченная двум таксидермистам - организаторам выставки, дает доктору возможность расположиться здесь со всеми удобствами и оставаться недосягаемым за канатами ограждения, неподвижно прислонившись к камню.

Снаружи, у выхода, возле парапета, под непрекращающимся мелким дождем несет свою вахту Ринальдо Пацци. Ему не привыкать к ожиданию.

Пацци знает, что доктор отсюда отправится домой не пешком. Внизу, у подножья форта, на небольшой пьяцце доктора Фелла дожидается его автомобиль - черный седан "ягуар", элегантная машина, выпущенная тридцать лет назад, "марк-2". Стоит там, блестя в капельках дождя. Самая великолепная машина из всех, что доводилось видеть Пацци; номерные знаки - швейцарские. Совершенно ясно, что доктору Феллу не приходится жить на одно жалованье. Пацци записал номер автомобиля, но он не мог рисковать, пытаясь его проверить через Интерпол.

На крутой, мощенной камнем Виа Сан-Леонардо, между Форте ди Бельведере и стоянкой "ягуара", ждал Ньокко. Плохо освещенная улица по обеим сторонам была ограничена высокими каменными стенами, оберегающими спрятанные за ними виллы. Ньокко нашел темную нишу возле зарешеченного въезда в один из дворов, где он мог стоять, не попадая в поток туристов, текущий из форта. Каждые десять минут сотовый телефон, лежавший у него в кармане брюк, начинал вибрировать, тыкаясь ему в бедро, и он каждый раз должен был подтвердить, что по-прежнему занимает свою позицию.

Некоторые туристы, проходившие мимо него, держали над головой карты и программы, прикрываясь от мелкого дождя; узкий тротуар был забит ими, а кое-кто сходил на мостовую, останавливая такси, редко проезжавшие со стороны форта.

В выставочном зале с высоким сводчатым потолком доктор Фелл наконец

отделился от стены, прислонившись к которой он все это время стоял, поднял глаза к скелету в клетке для пытки голодом, висевшей над ним, как бы обменявшись с ним тайным взглядом, и направился сквозь толпу к выходу.

Пацци заметил его в освещенной раме дверей, а затем в свете фонаря снаружи. И последовал за ним, держась на некотором расстоянии. Когда он убедился, что доктор идет по направлению к своей машине, он открыл сотовый телефон и предупредил Ньокко.

Голова цыгана вылезла из воротника - так высовывается из панциря голова черепахи; глаза у него запавшие, кожа, как у той же черепахи, обтягивает кости черепа. Он закатал рукав выше локтя и плюнул на браслет, потом вытер его досуха тряпкой. Теперь браслет был отполирован слюной и святой водой, и Ньокко спрятал руку под пиджак, прижав ее к телу, чтобы не замочило дождем, а сам бросил взгляд вверх по улице. На него шла очередная колонна качающихся голов. Ньокко продрался сквозь людской поток на мостовую, где мог двигаться навстречу толпе и лучше видеть встречных. Теперь, без помощника, он должен был все делать самостоятельно - и "случайно наткнуться", и проделать "щипок". Ладно, это не проблема, ему ведь все равно нужно провалить дело.

Вот он, появился, наконец, этот хмырь. Слава богу, идет по краю тротуара.

Позади него, метрах в тридцати, движется Пацци.

Ньокко проделал хитрый маневр с середины улицы к тротуару.

Воспользовавшись тем, что мимо проезжало такси, он отпрыгнул, будто избегая

наезда, и обернулся назад, чтобы обругать водителя. И налетел на доктора
Фелла, животом в живот, и пальцы молниеносно скользнули под пиджак доктора.
Он тут же почувствовал, что руку ему сжали точно тисками, потом ощутил удар
и увернулся вбок, освобождая проход; доктор Фелл почти не сбился с шага и
проследовал дальше вместе с потоком туристов. Ньокко был свободен и тут же
рванул прочь.

Пацци сразу же оказался рядом с ним, в нише возле решетчатых ворот.
Ньокко наклонился вперед, но тут же выпрямился, тяжело дыша.

- Порядок, - произнес он. - Я все сделал. Он меня схватил, этот cornuto. Хотел мне врезать по яйцам, да промазал!

Пацци опустился на колено и осторожно снял браслет с руки Ньокко, а тот
в этот момент вдруг почувствовал что-то горячее и мокрое на ноге, и как
только он изменил положение тела, горячий поток артериальной крови хлынул из
дыры на его брюках прямо в лицо и на руки Пацци, который старался аккуратно
извлечь браслет, держа его за края. Кровь заливает все вокруг, бьет в лицо
самому Ньокко, когда тот наклоняется, чтобы посмотреть, в чем дело, и ноги у
него подгибаются. Он привалился к решетчатым воротам, прижался к ним,
хватаясь одной рукой, зажимая рану на ноге тряпкой, пытаясь унять поток
крови, бьющей из распоротой бедренной артерии.

Пацци словно застыл внутри, так всегда с ним бывало на опасных
операциях, обнял Ньокко рукой, повернул его спиной к толпе и держал, пока
кровь лилась сквозь прутья ворот, а потом опустил и положил боком на землю.

Пацци достал из кармана сотовый телефон и произнес несколько слов в микрофон, словно вызывая "скорую помощь", но телефон не включил. Потом расстегнул плащ и распахнул его, словно ястреб, взгромоздившийся на добычу. Позади него продолжала течь равнодушная толпа. Пацци забрал наконец у Ньокко браслет и положил его в заранее приготовленную коробку. Забрал у Ньокко и сотовый телефон и сунул себе в карман.

У Ньокко чуть шевельнулись губы:

- Мадонна, che freddo...

Могучим усилием воли взяв себя в руки, Пацци оторвал слабеющие ладони Ньокко от раны, сжал их, словно утешая раненого, и дал ему истечь кровью. Убедившись, что Ньокко мертв, Пацци оставил его лежать возле ворот, голова на локте, будто он спит, а сам смешался с толпой.

Добравшись до маленькой пьяццы, он уставился на пустое место на стоянке, где дождь уже начал заливать камни мостовой, оставшиеся сухими после "ягуара" доктора Лектера.

Да, доктора Лектера! Пацци теперь был совершенно уверен, что этот человек вовсе не доктор Фелл. Это доктор Ганнибал Лектер.

Достаточные для Мэйсона доказательства этого, видимо, лежат в кармане плаща Пацци. Доказательства, вполне достаточные и для самого Пацци, промокшего с головы до ног.

ГЛАВА 29

Утренние звезды над Генуей уже бледнели в свете загорающейся на востоке зари, когда "альфа-ромео" Ринальдо Пацци, рыча двигателем, подъехала к причалам. Ледяной ветер поднимал волны в гавани. На сухогрузе, стоявшем на

внешнем рейде, кто-то работал сварочным аппаратом, и оранжевые искры дождем сыпались в черную воду.

Ромула осталась в машине, чтоб не стоять на ветру, ребенок лежал у нее на коленях. Эсмеральда скрючилась на маленьком заднем сиденье "альфы", сунув ноги вбок. Она так и не произнесла ни слова с тех пор, как отказалась прикоснуться к Шайтану.

Они позавтракали крепчайшим черным кофе из пластиковых стаканчиков и pasticcini.

Потом Пацци пошел в отдел пассажирских перевозок. К тому времени, когда он оттуда вышел, солнце стояло довольно высоко и лучи его оранжевыми отблесками отражались от покрытого ржавчиной корпуса сухогруза "Астра Филогенес", на котором заканчивалась погрузка. Он поманил женщин из машины.

Корабль "Астра Филогенес", двадцать семь тысяч тонн, под греческим флагом, не имея на борту судового врача, мог официально брать двенадцать пассажиров; сейчас он направлялся в Рио. Там, как Пацци объяснил Ромуле, ее пересадят на другой корабль, направляющийся в Сидней, в Австралию. За пересадкой проследит казначей "Астры". Все путешествие было полностью оплачено, причем вернуть билеты и получить за них деньги было невозможно. В Италии Австралия считалась весьма привлекательной страной, где легко найти работу; к тому же там была большая цыганская община.

Пацци обещал Ромуле два миллиона лир, что-то около тысячи двухсот пятидесяти долларов, и сейчас он отдал ей эти деньги в пухлом конверте.

Багажа у цыганок было немного: маленький чемодан да деревянная рука, упакованная в футляр от французского рожка.

В течение последующего месяца цыганки будут находиться в море, без связи с кем бы то ни было.

А Ньокко, как уже в десятый раз объяснял Ромуле Пацци, догонит их в пути. Сегодня ему выехать нельзя. Он свяжется с ними в Сиднее, оставит для них письмо до востребования на главном почтамте. "Я сдержу данное ему слово, как выполнил все, что обещал тебе", - сказал он ей, когда они остановились у трапа. Длинные тени от лучей раннего солнца падали на неровную поверхность пирса.

В момент расставания, когда Ромула с ребенком уже поднимались по трапу, старуха на секунду обернулась к Пацци.

Ее глаза, черные как греческие оливки, смотрели на него, не мигая.

- Ты отдал Ньокко Шайтану, - тихо произнесла она. - И теперь Ньокко мертв.

Чуть наклонясь в его сторону, как наклонилась бы к колоде, на которой разделывают мясо, Эсмеральда аккуратно плюнула на тень Пацци и поспешила вверх по трапу вслед за Ромулой с ребенком на руках.

ГЛАВА 30

Ящик посылки, отправленной через службу экспресс-доставки ДХЛ, был хорошо сделан. Эксперт по дактилоскопии сидел за столом под яркими и жаркими лампами в углу для посетителей в комнате Мэйсона и аккуратно отворачивал винты с помощью электрической отвертки.

Широкий серебряный браслет был надет на обитую бархатом подставку,

закрепленную в ящике таким образом, чтобы его внешние стороны не касались стенок.

- Покажите мне, - сказал Мэйсон.

Снятие отпечатков пальцев с браслета проще было бы проделать в дактилоскопическом отделе полицейского управления Балтимора, где и работал этот специалист, но Мэйсон платил очень много и наличными и настоял, чтобы вся работа была проведена у него перед глазами. Вернее, перед его единственным глазом, мрачно думал эксперт, водворяя браслет вместе с подставкой на фарфоровую тарелку, которую держал слуга Мэйсона.

Слуга поднес тарелку к единственному выпученному глазу хозяина. Он не мог поставить ее на сложенную кольцом косу Мэйсона, лежавшую у того на груди прямо над сердцем, поскольку респиратор все время подавал воздух в легкие и грудь постоянно то вздымалась, то опадала.

Тяжелый браслет весь был покрыт потеками засохшей крови; кусочки ее отваливались от него и падали на фарфоровую тарелку. Мэйсон глядел на браслет, выкатив свой единственный глаз. Поскольку на лице его почти не осталось плоти, выражение на нем также отсутствовало, но глаз сверкал.

- Давайте сыпьте, - скомандовал он.

Эксперт уже переснял пару отпечатков с дактилоскопической карты доктора Лектера, взятой из ФБР. Шестой отпечаток с обратной стороны карты он снимать не стал.

Он нанес тонкий слой специального порошка на браслет между засохшими пятнами крови. Вообще-то он предпочитал для работы другой порошок, под

названием "драконова кровь", но тот по цвету уж больно напоминал засохшую
кровь на браслете, поэтому он взял этот, черный, и аккуратно принялся за
дело.

- Есть отпечатки, - заявил он, вытирая лоб, вспотевший под жаркими
лампами освещения в углу для посетителей. Такое освещение хорошо для
фотографии, и он сделал снимки отпечатков прямо на месте, прежде чем взять
их на сравнительное изучение под микроскопом. - Средний и большой пальцы
левой руки, совпадения по шестнадцати пунктам - для суда вполне достаточно,
- сказал он наконец. - Никаких сомнений, это один и тот же парень.

Мэйсона суд не интересовал. Его бледная рука уже пробиралась по
стеганому одеялу к телефону.

ГЛАВА 31

Солнечное утро на горных пастбищах в горах Женарженту в центральной
Сардинии.

Шестеро мужчин, четверо сардов и двое римлян работают под высоким
навесом, сооруженным из стволов деревьев, срубленных в ближайшем лесу.
Негромкие звуки, которые мужчины производят при этом, кажутся усиленными
бесконечным молчанием гор.

Под навесом, на стволах, с которых все еще свисают куски коры,
укреплено огромное зеркало в позолоченной раме в стиле рококо. Зеркало
установлено над небольшим прочным загоном для скота, в котором двое ворот,
одни из них открываются прямо на пастбище. Другие ворота - "голландские",
каждая створка разделена на верхнюю и нижнюю половину, и их можно открывать

по отдельности. Земля возле этих ворот забетонирована, а остальная часть
загона застелена чистой соломой, точно таким же образом, как застилают
эшафот перед казнью.

Зеркало в раме, украшенной вырезанными из дерева херувимами, можно
поворачивать, чтобы в нем был виден весь загон сверху, точно так же, как в
кулинарной школе зеркало, повешенное над плитой, дает возможность всем
учащимся видеть, как и что готовится.

Режиссер Оресте Пини и главарь сардинской команды Мэйсона,
профессиональный похититель людей по имени Карло невзлюбили друг друга с
самого начала.

Карло Деограциас был толстый и краснолицый детина в альпийской шляпе,
украшенной лентой из кабаньей шкуры со щетиной. У него была привычка все
время жевать хрящики с кабаньих зубов, парочку-другую которых он постоянно
носил в кармане жилета.

Карло был одним из лучших представителей древнейшей на Сардинии
профессии - похитителей людей, а также профессиональный мститель.

Если вам суждено попасть в руки похитителей людей, которые делают это
ради выкупа, богатые итальянцы всегда скажут вам, что лучше всего попасть в
руки сардов. По крайней мере, они - профессионалы и не убьют вас - ни
случайно, ни в случае паники. Если ваши родственники заплатят выкуп, вас
могут вернуть им, не причинив никакого ущерба, не изнасиловав и не нанеся
увечий. Если же родственники не заплатят, то могут ожидать получения по

почте частей вашего тела.

Карло был недоволен всеми этими приготовлениями Мэйсона. Он был человеком опытным в своем деле и уже однажды скормил человека свиньям - в Тоскане, лет двадцать назад. Это был бывший фашист и липовый граф, который заставлял детишек из соседней тосканской деревушки - и девочек, и мальчиков в равной мере - удовлетворять его сексуальные фантазии. Карло наняли для выполнения этой работы, и он вытащил того типа из его собственного сада милях в трех от деревни Бадья ди Пассиньяно, а потом скормил пяти здоровенным домашним свиньям на ферме возле Поджо алле Корти, хотя для этого ему пришлось не кормить свиней целых три дня. Бывший фашист все пытался освободиться из пут, умолял отпустить его и потел от страха, когда его ноги уже были засунуты в загон, а свиньи никак не решались взяться за его трясущиеся и дергающиеся конечности, пока Карло, с чувством некоторой вины за то, что нарушает условия соглашения с заказчиком, не накормил фашиста вкусным салатом из любимых свиньями овощей и зелени и не перерезал ему глотку, чтобы их успокоить.

Карло был по природе человек веселый и энергичный, но присутствие киношника раздражало его; по приказу Мэйсона ему пришлось привезти это зеркало из принадлежавшего ему борделя в Кальяри - только чтобы удовлетворить запросы этого порнографа, Оресте Пини.

Оресте был буквально помешан на зеркалах, они всегда были для него

любимым средством усилить эффект "картинки" при съемке порнографических
фильмов, а также когда он создавал единственную настоящую порно-садистскую
ленту с убийством, которую он отснял в Мавритании. Вдохновленный прочитанным
однажды предупреждением, напечатанным в инструкции по эксплуатации
автомобильного зеркала заднего вида, он стал пионером в использовании
искаженных отражений, искусственно увеличивая некоторые объекты съемки,
чтобы они выглядели гораздо крупнее, чем представляются невооруженному
глазу.

По приказу Мэйсона, Оресте должен был вести съемку двумя камерами и
следить за высоким качеством звука; съемка должна была получиться с первого
раза. Мэйсон желал иметь последовательную и непрерывную череду кадров лица,
отснятого крупным планом, не говоря обо всем остальном.

По мнению Карло, все это был сплошной вздор.

- Ты, конечно, можешь стоять там и молоть всякую чепуху, как баба, но
лучше бы тебе посмотреть нашу репетицию, как это все делается, а потом
спросить меня, если ты чего не понял, - заявил он Оресте.

- Да я всю эту репетицию хочу снять! - отвечал Оресте.

- Va bene. Тогда ставь свое траханое оборудование и снимай!

Пока Оресте устанавливал камеры, Карло и трое его молчаливых
помощников-сардов завершали приготовления.

Оресте, который очень любил деньги, был просто поражен тем, что можно
за эти деньги сделать.

На длинном столе, установленном на козлы рядом с навесом, брат Карло,
Маттео, распаковывал кипу поношенной одежды. Он выбрал из кучи рубашку и

брюки, а в это время двое других сардов, братья Пьеро и Томмазо Фальчоне, вкатили под навес санитарные носилки на колесиках, медленно толкая их по траве. Носилки были старые, в пятнах и царапинах.

Маттео уже приготовил несколько ведер мясного фарша, несколько неощипанных битых цыплят, подгнившие фрукты, возле которых уже роились мухи, да еще ведро бычьих рубцов и требухи.

Маттео разложил на носилках поношенные брюки цвета хаки и начал набивать их мясом, фруктами и цыплятами. Потом достал пару нитяных перчаток и тоже наполнил их фаршем и желудями, тщательно набивая каждый палец, а затем сунул набитые перчатки в штанины брюк. После этого он взял рубашку, разложил ее на носилках и стал набивать рубцами и требухой, придавая чучелу форму человеческого тела с помощью кусков хлеба. Застегнул пуговицы рубашки и заправил ее в брюки. Еще одна пара набитых фаршем перчаток была засунута в манжеты рукавов. Дыня, которую он использовал вместо головы, была обтянута сеткой для волос, наполненной мясным фаршем там, где должно быть лицо, а в роли глаз выступали два яйца, сваренных вкрутую. Когда он закончил, результат его трудов выглядел как толстенный манекен, но смотрелся он гораздо лучше, чем некоторые любители прыгать с верхних этажей, когда то, что от них после этого осталось, увозят в морг. В качестве последнего завершающего штриха Маттео обрызгал верхнюю часть дыни и торчащие из рукавов рубашки перчатки очень дорогим одеколоном.

Карло мотнул головой в сторону тощего помощника Ресте, который
нагнулся над изгородью, протягивая в загон микрофон на длинном штативе и
пытаясь определить, куда им можно дотянуться.

- Скажи своему недоумку, что, если он упадет внутрь, я за ним туда не
полезу.

Наконец все было готово. Пьеро и Томмазо закрепили носилки в самом
нижнем положении, сложив стойки, и подкатили их к воротам загона.

Карло принес из дома магнитофон и дополнительный усилитель. У него было
несколько катушек пленки с записями, часть из которых он делал сам, когда
отрезал уши своим заложникам, чтобы потом отослать их родственникам жертв.
Карло всегда давал свиньям послушать эти записи, когда кормил их. Эти
записи, конечно, не понадобятся, крики будет издавать настоящая жертва...

Под навесом, на вбитых в столбы гвоздях, висели два старых уличных
динамика. Солнце ярко светило на великолепный луг, спускавшийся вниз, к
лесу. Мощная изгородь, огораживавшая луг, уходила в лес. В полуденной тишине
Оресте слышал даже жужжанье пчелы под крышей навеса.

- Ну, ты готов? - спросил Карло.

Оресте сам включил закрепленную на штативе камеру.

- Giriamo! - крикнул он оператору.

- Pronti! - ответил тот.

- Motore! - Камеры заработали.

- Partito! - Магнитофон заработал вместе с камерами.

- Azione! - Оресте толкнул Карло.

Сард нажал на магнитофоне кнопку воспроизведения, и из динамика
понеслись жуткие вопли, рыдания и мольбы. Оператор дернулся при этих звуках,

потом взял себя в руки. Вопли были ужасающие, их просто невозможно было слушать, но это была вполне подходящая увертюра перед появлением тех морд, которые тут же высунулись из зарослей, привлеченные пронзительными криками, означавшими для них обед.

ГЛАВА 32

Полет в Женеву и обратно в тот же день, чтобы посмотреть на деньги.

Местный рейс до Милана. Свистящий двигателями турбореактивный самолет компании "Аэроспасиале" взлетел в небо Флоренции рано утром, заложил вираж над виноградниками, ряды которых широко разбегаются во все стороны, как на грубом плане тосканского застройщика. Что-то теперь было не так с цветами этого пейзажа - новые плавательные бассейны возле вилл богатых иностранцев добавляли в него ненужные синие пятна. Пацци же, смотревшему из иллюминатора самолета, цвет этих бассейнов казался молочно-голубым, как глаза старухи-англичанки - совершенно посторонние синие пятна среди темно-зеленых кипарисов и серебристой листвы оливковых деревьев.

Настроение Ринальдо Пацци поднималось вместе с самолетом; теперь он в глубине души был совершенно уверен, что ему не грозит жить здесь до старости, зависеть от капризов полицейского начальства и пытаться дотянуть до конца, чтобы выслужить пенсию.

Он ужасно боялся, что доктор Лектер исчезнет после убийства Ньокко. Но когда вновь увидел включенную лампу над рабочим местом доктора в церкви Санта Кроче, то ощутил огромное облегчение. Доктор, видимо, считал, что

находится в полной безопасности.

Смерть какого-то цыгана не вызвала совершенно никаких волнений в тихих водах Квестуры; считалось, что это связано с наркотиками: к счастью, рядом с трупом валялось несколько использованных шприцев - обычное дело во Флоренции, где шприцы можно получить бесплатно.

Теперь нужно самому взглянуть на деньги. Пацци настоял на этом.

Живущий почти исключительно зрительными образами, Пацци навсегда и полностью запоминал то, что хоть один раз увидел. Так, он прекрасно помнил, как впервые увидел эрекцию собственного пениса, как впервые увидел собственную кровь, первую женщину, которую он видел обнаженной, первый кулак, который нанес ему удар. Он прекрасно помнил, как однажды забрел случайно в боковую капеллу одной из церквей Сиены и неожиданно заглянул в лицо св. Екатерины Сиенской, чья мумифицированная голова в безупречно-белом апостольнике выглядывала из раки, выполненной в виде церкви.

Увидеть своими глазами три миллиона американских долларов было для него точно таким же потрясением.

Триста перетянутых лентой пачек стодолларовых купюр с перемешанными серийными номерами.

В маленькой скромной комнате, похожей на часовню, в помещении женевского отделения банка "Креди Суисс" адвокат Мэйсона Верже продемонстрировал деньги следователю Ринальдо Пацци. Деньги были привезены из подземного хранилища в четырех глубоких запирающихся сундуках с латунными номерными табличками. "Креди Суисс" предоставил аппараты для счета банкнот,

весы и клерка. Клерка Пацци отослал прочь. И положил ладони на эту кучу денег. На секунду.

Ринальдо Пацци был очень опытным следователем. В течение двадцати лет он гонялся за разными мошенниками и арестовывал их. И теперь, стоя перед этой кучей денег, выслушивая условия, на которых они будут ему переданы, он не уловил ни единой фальшивой ноты; если он отдаст им Ганнибала Лектера, Мэйсон отдаст ему эти деньги.

В жарком приступе эйфории Пацци осознал, что эти ребята вовсе не собираются валять дурака - Мэйсон действительно заплатит ему. Не было у него иллюзий и относительно дальнейшей судьбы Лектера. Он продавал этого человека, обрекая его на пытки и смерть. К чести Пацци следует отметить, что он полностью сознавал, что делает.

"Наша свобода стоит больше, чем жизнь этого чудовища. Наше счастье гораздо важнее, чем его страдания", - думал он с холодным эгоизмом навеки проклятого. Трудно сказать, что он имел в виду под словом "мы" - то ли использовал его как привычную судебную терминологию, то ли имел в виду себя и свою жену - на этот вопрос мог найтись и не один ответ.

В этой комнатке, такой чистенькой, по-швейцарски аккуратной и безукоризненной, Пацци принял окончательное решение. Он повернулся от денег к адвокату, господину Кони, и кивнул. Адвокат отсчитал из первого сундука сто тысяч долларов и передал их Пацци.

Потом господин Кони набрал телефонный номер и передал трубку Пацци:

- Это наземная линия, разговор шифруется, - сообщил он.

Голос американца, который услышал Пацци, произносил слова в странном ритме, слова как бы вбивались в один выдох с паузой между выдохами, причем взрывные согласные отсутствовали. От его звука у Пацци даже чуть закружилась голова, словно он напрягался при каждом вдохе вместе с говорящим.

Без каких-либо вступлений голос осведомился:

- Где доктор Лектер?

Пацци, стоя с деньгами в одной руке и с телефонной трубкой в другой, не колебался:

- Это тот человек, что занимается изучением Палаццо Каппони во Флоренции. Он там служит... куратором.

- Будьте любезны, покажите свои документы господину Кони и передайте ему трубку. Он не будет произносить ваше имя вслух.

Господин Кони проконсультировался с запиской, которую достал из кармана, и произнес в трубку несколько слов - явно заранее обусловленный код, а затем отдал трубку Пацци.

- Вы получите остальные деньги, когда он живым будет у нас в руках, - сказал Мэйсон. - Вам нет нужды самому его захватывать, но вы должны будете указать его и передать нам. Мне нужны будут все документы, все, что у вас на него имеется. Вы ведь сегодня вечером уже вернетесь во Флоренцию? Хорошо, там вам передадут инструкции, как встретиться с моими людьми где-нибудь неподалеку от города. Встреча должна состояться не позднее завтрашнего вечера. На встрече вам вручит дальнейшие инструкции тот человек, которому вы должны будете передать доктора Лектера. Он спросит вас, есть ли поблизости

цветочный магазин. Вы ответите, что в цветочных магазинах все воры. Вы поняли? Вам следует выполнять все инструкции этого человека.

- Мне бы не хотелось, чтобы доктор Лектер был в моем... Чтобы он был во Флоренции, когда его...

- Понимаю ваше беспокойство. Его там не будет.

И телефон отключился.

Через несколько минут после заполнения необходимых бумаг два миллиона долларов были помещены на условный счет. Мэйсон Верже уже не мог забрать их обратно, но мог дать распоряжение разблокировать счет, и тогда Пацци сможет их получить. Менеджер "Креди Суисс", вызванный в комнату, где шли переговоры, проинформировал Пацци, что банк для открытия депозита удержит с него процент по действующей ставке, если он переведет всю сумму в швейцарские франки, и выплатит ему три процента в счет сложных процентов только на первые сто тысяч франков. Менеджер представил Пацци копию Статьи 47 швейцарского Bundesgesetz ?ber Banken und Sparkassen, обеспечивающей тайну банковского вклада, и выразил готовность перевести деньги по телеграфу в "Ройял Бэнк оф Нова Скотиа" или на Каймановы Острова немедленно по разблокировании счета, если Пацци выразит такое желание.

В присутствии нотариуса Пацци оформил для своей жены право подписи для распоряжения счетом на случай своей смерти. По завершении всех дел только менеджер швейцар-ского банка протянул Пацци руку, чтобы попрощаться. А Пацци и господин Кони друг на друга даже не глядели; господин Кони, правда, с ним попрощался, но уже стоя в дверях.

Последний перелет домой; самолет местной авиалинии из Милана пробивается сквозь грозовой фронт, пропеллер с той стороны самолета, куда выходит иллюминатор Пацци, выглядит как черный круг на фоне темно-серого неба. Молнии и гром, они делают круг над старым городом, колокольня и купол Дуомо прямо под ними, в ранних сумерках загораются огни, вспышки и грохот, похожие на те, что Пацци помнил с детства, когда немцы взрывали мосты через Арно, пощадив только Понте Веккьо. И в момент, столь же краткий, как вспышка молнии, он вспомнил, как маленьким мальчиком видел взятого в плен снайпера, прикованного цепью к статуе Мадонны с Цепями, чтоб тот мог помолиться, прежде чем его расстреляют.

Снижаясь сквозь слой воздуха, насыщенный озоном после разрядов молний, ощущая раскаты грома, от которых вибрировал весь самолет, Пацци из древнего рода Пацци возвращался в свой древний город, лелея мечты столь же древние, как само время.

ГЛАВА 33

Ринальдо Пацци очень хотел бы осуществлять постоянное наблюдение за своей будущей добычей в Палаццо Каппони, но не мог себе этого позволить.

Вместо этого Пацци, прибывая в экстазе от созерцания денег, должен был переодеться в вечерний костюм и отправиться вместе с женой на концерт Камерного оркестра Флоренции, посещение которого они так долго предвкушали.

"Театро Пикколомини", здание девятнадцатого века, в уменьшенном

вполовину масштабе копирующее знаменитый венецианский "Театро Ла Фениче", изукрашенная барочная игрушка, сплошная позолота и плюш, с херувимами, порхающими, попирая все законы аэродинамики, по всему потолку.

И это очень хорошо, что здание театра столь прекрасно, потому что исполнители частенько нуждаются в любой помощи и поддержке.

Это вообще-то несправедливо, хотя и неизбежно, что музыку во Флоренции судят по тем же безнадежно высоким критериям, что и изобразительное искусство, коим знаменит город. Флорентийцы - многочисленная и понимающая толк в музыке аудитория, типичная для Италии, однако им частенько недостает истинных художников звука.

Пацци уселся в кресло подле своей жены под аплодисменты, последовавшие за увертюрой.

Она подставила ему пахнущую духами щеку. Он почувствовал, как забилось его сердце при одном взгляде на нее, одетую в вечернее платье с достаточно глубоким декольте, чтобы можно было ощутить тончайший аромат, исходящий из впадины между ее грудями. Ноты она вложила в роскошную кожаную папку от Гуччи, подарок мужа.

- Они играют значительно лучше с этим новым исполнителем на виола да гамба, - тихонько произнесла она ему на ухо.

Великолепный исполнитель на виола да гамба был приглашен в оркестр, чтобы заменить прежнего, вызывавшего ярость слушателей своим неумением; он приходился кузеном Сольято и внезапно исчез при странных обстоятельствах несколько недель назад.

Доктор Ганнибал Лектер сидел, глядя вниз, в отдельной ложе, один, во фраке и белом галстуке; его бледное лицо и пластрон манишки, казалось, плавали во тьме ложи, обрамленной позолоченной барочной резьбой.

Пацци обнаружил его, когда свет зажегся на короткое время после первой части симфонии, и в тот же момент, прежде чем Пацци успел отвести взгляд, голова доктора повернулась, как у совы, и их взгляды встретились. Пацци невольно сжал руку жены, да так сильно, что она даже оглянулась на него. После этого Пацци смотрел только на сцену, а рука его держала руку жены, ощущая тыльной стороной тепло ее бедра.

В антракте, когда Пацци повернулся к жене возле стойки бара, чтобы передать ей бокал, рядом с нею стоял доктор Лектер.

- Добрый вечер, доктор Фелл, - сказал Пацци.

- Добрый вечер, коммендаторе, - ответил доктор. И продолжал оставаться в позе ожидания, чуть наклонив голову, пока Пацци не познакомил его с женой.

- Лаура, позволь тебе представить доктора Фелла. Доктор, это синьора Пацци, моя жена.

Синьора Пацци, привычная к комплиментам, восприняла все, что за этим последовало, как нечто странновато-очаровательное. Ее муж, правда, придерживался другого мнения.

- Благодарю за честь, коммендаторе, - произнес доктор. Красный кончик его языка появился на мгновение, прежде чем он наклонился над рукой синьоры Пацци, прикоснувшись к ней губами, вероятно, чуть сильнее, чем принято во Флоренции, и достаточно сильно, чтобы она ощутила на своей коже его дыхание.

Его взгляд нашел ее глаза еще до того, как он поднял голову.
- Мне кажется, Скарлатти должен вам особенно нравиться, синьора Пацци.
- Да, несомненно.
- Мне приятно было видеть, что вы следите за исполнением по нотам. В
наше время такое редко встретишь. Полагаю, вот это вас также заинтересует. -
Он извлек из-под мышки портфель. Это были старинные ноты, на пергаменте,
переписанные от руки. - Это из римского "Театро Капраника", датируется 1688
годом, когда и была написана эта вещь.
- Meraviglioso! Ты только взгляни, Ринальдо!
- Я пометил на обложке некоторые отличия от современного прочтения,
когда исполнялась первая часть, - заметил доктор Лектер. - Вам, может быть,
захочется сделать то же самое во время исполнения второй. Прошу вас,
возьмите. Я могу потом забрать их у синьора Пацци - с вашего разрешения,
коммендаторе...
Доктор смотрит прямо ей в глаза, в самую глубину.
- Как тебе угодно, Лаура, - отвечает Пацци. И тут же, под влиянием
внезапно возникшей мысли: - Вы будете выступать перед Studiolo, доктор?
- Да, в пятницу вечером. Сольято ждет не дождется того момента, когда
меня можно будет дискредитировать.
- Мне нужно будет заехать в старый город, - заметил Пацци. - Вот я и
воспользуюсь случаем, чтобы вернуть вам ноты. Лаура, доктору Феллу придется
выступить перед этими драконами из Studiolo, чтобы доказать, что он не даром
ест свой хлеб...
- Уверена, что вы блестяще справитесь, доктор, - произнесла она, одарив

его взглядом своих огромных черных глаз - в границах приличий, правда, почти
на грани....
    Доктор Лектер улыбнулся, показав мелкие белые зубы:
    - Мадам, если бы это я выпускал "Fleur de Ciel", я бы преподнес вам
какой-нибудь знаменитый бриллиант, например, "Кейп", чтобы вы его носили.
Итак, до пятницы, коммендаторе.
    Пацци убедился, что доктор вернулся в свою ложу, и больше не смотрел в
его сторону, пока они не помахали друг другу издали, спускаясь по ступеням
театральной лестницы.
    - Это ведь я подарил тебе "Fleur de Ciel" на день рождения, - сказал Пацци.
    - Да, и они мне очень нравятся, - отвечала синьора Пацци. - У тебя
просто великолепный вкус.

ГЛАВА 34

    Импрунета, старинный тосканский городок, где в свое время делали
черепицу для крыши Дуомо. Городское кладбище видно ночью из окрестных вилл,
расположенных на холмах, поскольку могилы освещены всегда включенными
лампами. Желтоватый свет расходится только по низу, но этого достаточно для
посетителей, чтобы найти дорогу среди мертвых, хотя для того, чтобы прочесть
эпитафии, требуется карманный фонарь.
    Ринальдо Пацци приехал без пяти девять с небольшим букетом цветов,
который намеревался положить на первую попавшуюся могилу. Он медленно
двинулся по усыпанной гравием дорожке между могилами.
    Еще не видя Карло, он сразу почувствовал его присутствие.
    Карло заговорил, стоя по другую сторону мавзолея, который закрывал его
всего, с головой.

- Вы не знаете, есть в городе хороший цветочный магазин?

Акцент сардинский. Вот и отлично, надо полагать, он знает свое дело.

- В цветочных магазинах работают одни воры, - ответил Пацци.

Карло быстро обошел мраморный мавзолей, не глядя по сторонам.

По его виду Пацци решил, что это просто дубина стоеросовая, невысокий, коренастый и сильный детина, и очень ловкий. На нем был кожаный жилет, а лента на шляпе сделана из кабаньей шкуры со щетиной. Пацци решил, что у него самого руки длиннее дюйма на три, а ростом он дюйма на четыре выше Карло. Вес у них примерно одинаковый. У Карло на руке не хватало большого пальца. Пацци заключил, что сможет вычислить его по архивам Квестуры и займет это не более пяти минут. Обоих снизу освещали лампы, горевшие возле могил.

- У него в доме хорошая система сигнализации, - сказал Пацци.

- Я уже видел. Вам придется показать его мне.

- Он должен выступать на одном заседании завтра вечером, в пятницу. Вы сможете все подготовить до завтра?

- Хорошо. - Карло хотелось немного поиздеваться над этим полицейским, показать, что главный здесь он. - Вы вместе с ним выйдете или вы его боитесь? Все равно ведь придется сделать все, за что вам заплатили. Вам нужно будет показать его мне.

- Придержи язык! Я сделаю то, за что мне заплатили, и ты тоже. А то, если хочешь, могу тебе устроить небольшой отдых в тюрьме Вольтерра - в качестве "петуха". Только скажи.

Карло на работе был так же невосприимчив к оскорблениям, как к воплям боли. Он уже понял, что недооценил этого полицейского. Он развел руками:

- Говорите, что мне надо знать.

Карло встал рядом с Пацци, как будто они вместе предаются скорби перед мавзолеем. Мимо прошла парочка, держась за руки. Карло снял шляпу, и оба они склонили головы. Пацци положил цветы возле двери гробницы. От шляпы Карло несло   горячей тухлятиной, как от   гениталий   неумело кастрированного животного.

Пацци отвернулся, уклоняясь от этого запаха.

- Он хорошо владеет ножом. Бьет снизу.

- А пистолет у него есть?

- Не знаю. Насколько мне известно, он никогда им не пользовался.

- Мне бы не хотелось вытаскивать его из машины. Лучше бы на улице, и чтоб людей вокруг было поменьше.

- А как ты его вырубишь?

- Это уж мое дело. - Карло сунул в рот кабаний зуб и принялся жевать хрящик. Время от времени этот зуб показывался у него изо рта.

- Это и мое дело тоже, - сказал Пацци. - Так как ты это проделаешь?

- Из дробовика, он заряжен мешочком с дробью. Потом накинем сеть, а потом можно сделать укол. Надо сразу же проверить ему зубы, нет ли там под коронкой ампулы с ядом.

- Он будет выступать на заседании. Оно начинается в семь в Палаццо Веккьо. Если он в пятницу будет работать в капелле Каппони в церкви Санта Кроче, тогда я буду его сопровождать от церкви до Палаццо Веккьо. Ты хорошо знаешь Флоренцию?

- Неплохо. Можете достать мне пропуск на машину в старый город?

- Да.

- В церкви я его брать не буду, - заметил Карло.

Пацци кивнул:

- Лучше дождаться, пока он выступит на заседании, после этого его никто

не хватится недели две. У меня есть предлог, чтобы вместе с ним пойти после собрания в Палаццо Каппони...

- Мне бы не хотелось брать его в его же собственном доме. Это его территория. Он там все знает, а я - нет. Он будет настороже, будет озираться при входе. Нет, лучше его брать на тротуаре.

- Тогда слушай, что я скажу - мы выйдем из главного входа Палаццо Веккьо, боковая дверь на Виа деи Леони уже будет заперта. Мы пойдем по Виа Нери, потом через реку по Понте алле Грацие. Там большие деревья перед Музеем Бардини на противоположной стороне улицы, они закрывают свет уличных фонарей. В это время там тихо, все уроки в школах уже закончатся.

- Ладно, значит напротив Музея Бардини, но я могу попробовать проделать это раньше, если будет подходящая ситуация, ближе к дворцу, или еще раньше, днем, если он заметит слежку и попробует удрать. Мы, вероятно, воспользуемся машиной "скорой помощи". Вы оставайтесь с ним, пока мы его не вырубим, а потом сматывайтесь побыстрее.

- Я требую, чтобы вы вывезли его из Тосканы, прежде чем начнете его обрабатывать...

- Поверьте, он скоро вообще исчезнет с лица земли, причем ногами вперед, - сказал Карло, улыбаясь собственной шутке. Между растянувшимися губами опять показался кабаний зуб.

ГЛАВА 35

Утро пятницы. Маленькая комната в мансарде Палаццо Каппони. Три беленые стены совершенно голые. На четвертой висит огромное полотно тринадцатого

века - "Мадонна" школы Чимабуэ, слишком большое для такой маленькой комнаты.
Голова мадонны чуть наклонена вниз, как у любопытной птички, и ее миндалевидные глаза смотрят на небольшую фигуру человека, спящего под картиной.

Доктор Ганнибал Лектер, ветеран пребывания на тюремных нарах и на койках в психушках, тихо лежит на узкой постели, сложив руки на груди.

Глаза его открываются, и он просыпается внезапно и сразу полностью, снившийся ему сон о его сестре Мике, давно уже мертвой, съеденной и переваренной, плавно переходит в его настоящее: опасность была там, опасность остается здесь.

Понимание того, что он в опасности, точно так же, как убийство цыгана-карманника, отнюдь не помешало ему прекрасно выспаться.

Вот он одет для работы, стройный, безукоризненный в своем темном шелковом костюме, выключает сенсоры движения, установленные на верхней площадке служебной лестницы, и спускается вниз, в огромные пространства дворца.

У него теперь есть полная возможность беспрепятственно перемещаться сквозь полное молчание помещений дворца, ощущать пьянящую свободу после стольких лет заключения в подвальной камере.

Точно так же, как расписанные фресками стены Санта Кроче или Палаццо Веккьо насыщены соответствующим настроением, воздух Палаццо Каппони поет от присутствия доктора Лектера, когда тот работает перед стеной из шкафчиков и

полок, заполненных манускриптами. Он достает очередной свиток пергамента, сдувает с него пыль, пылинки пляшут в солнечном луче, будто мертвые, что уже превратились в прах, наперегонки стремятся рассказать ему о своей и его судьбе. Он работает очень плодотворно, но без ненужной спешки, откладывая некоторые документы в свой портфель, подбирая иллюстрации и книги для предстоящей нынче вечером лекции перед Studiolo. Как много здесь документов, которые он хотел бы прочитать!

Доктор Лектер раскрывает свой ноутбук и, набрав нужные коды факультета криминологии Миланского университета, выходит через него на сайт ФБР в Интернете по адресу www.fbi.gov, что может проделать любое частное лицо. Выясняет, что дата слушания дела Клэрис Старлинг в юридическом подкомитете Конгресса в связи с провалом операции против наркодельцов еще не определена. У него нет кодов доступа, необходимых для того, чтобы просмотреть его собственный файл на сайте ФБР. А на сайте разыскиваемых преступников с экрана на него смотрит его собственное лицо между портретами поджигателя и террориста-подрывника.

Доктор Лектер берет яркий таблоид с груды пергаментных документов и смотрит на фотографию Клэрис Старлинг на обложке, касаясь пальцем ее лица. В руке его появляется сверкающее лезвие, оно словно вырастает из его ладони вместо удаленного шестого пальца. Этот нож называется "гарпия", у него кривое, похожее на коготь лезвие с пилкой на тыльной стороне. Оно так же

легко проходит сквозь страницу "Нэшнл Тэтлера", как распороло бедренную артерию цыгана - клинок вошел тогда в ногу карманника и вышел из нее столь быстро, что доктору Лектеру даже не пришлось его вытирать.

Доктор Лектер вырезает изображение лица Клэрис Старлинг и наклеивает его на лист чистого пергамента.

Берет ручку и легким движением пририсовывает к лицу тело крылатой львицы; получается грифон с лицом Старлинг. Под рисунком он пишет своим каллиграфическим почерком: "Вы никогда не задумывались, Клэрис, почему эти филистеры не в состоянии вас понять? Это потому, что вы - ответ на знаменитую загадку Самсона: вы - мед, который он нашел в теле льва".

В пятнадцати километрах от Дворца Каппони Карло Део-грациас, поставив машину за высокой каменной стеной, чтобы ее не было видно, проверял взятое с собой снаряжение, а его брат Маттео вместе с двумя сардами, Пьеро и Томмазо Фальчоне, тренировался в проведении различных захватов в стиле дзюдо. Братья Фальчоне были ребята очень сильные и ловкие - Пьеро некоторое время играл за профессиональную футбольную команду Кальяри. Томмазо когда-то готовился стать священником, прилично говорил по-английски. Он иногда молился вместе с их жертвами.

Белый микроавтобус "фиат" с римскими номерами Карло вполне официально взял напрокат. Внутри наготове лежали наклейки с надписью "Ospedale della Misericordia", которые в любой момент можно было наклеить на его борта.

Внутри пол и стены были закрыты мягкими накладками, какие используются при перевозке мебели, на случай, если субъект начнет сопротивляться в автобусе.

Карло намеревался осуществить всю операцию в точном соответствии с пожеланиями Мэйсона, но если что-то пойдет не так и ему придется убить доктора Лектера в Италии и отказаться от мысли о съемке фильма на Сардинии, совсем не все будет потеряно. Карло был уверен, что сумеет менее чем за минуту расчленить доктора и отрубить ему голову и кисти рук.

Если же у него не будет и этого времени, он может отрубить пенис и палец, которые вполне сойдут в качестве доказательства, если сделать анализ ДНК. Их можно запаять в пластик и положить на лед, и они попадут к Мэйсону менее чем за двадцать четыре часа; это обеспечит Карло вознаграждение, причитающееся ему помимо оплаты услуг.

Позади сидений были аккуратно сложены небольшая бензопила, ножницы по металлу с длинными ручками, хирургическая пила, острые ножи, пластиковые пакеты с застежками-молниями, тиски фирмы "Блэк энд Дэкер", чтобы зажать руки доктора, и готовый ящик для отправки посылки через экспресс-службу ДХЛ с заранее оплаченной доставкой с учетом примерного веса головы доктора в шесть килограммов и кистей его рук по килограмму каждая.

Если же у Карло будет возможность заснять на пленку расчленение доктора в случае возникновения неожиданной ситуации, он был уверен, что Мэйсон заплатит ему дополнительно, сверх того, что отслюнявит целый миллион за

голову и руки Лектера, чтобы потом любоваться, как доктора разделывают живьем. Для этого Карло обзавелся хорошей видеокамерой, соответствующим освещением и штативом, а также обучил Маттео основам работы с ними.

Снаряжению для поимки доктора было уделено не меньше внимания. Пьеро и Томмазо прекрасно умели управляться с сетью - она сейчас лежала аккуратно сложенная, как парашют. У Карло был и шприц, и духовое ружье, стреляющее шприцем, заряженным достаточным количеством ветеринарного транквилизатора ацепромазина, чтобы в секунду свалить любое животное размером с доктора Лектера. Карло сказал Ринальдо Пацци, что начнет с заряженного дробью ружья, которое тоже лежало наготове, но если ему представится возможность всадить доктору Лектеру в задницу или в ногу иглу шприца, дробовик не понадобится.

Предполагалось, что похитители вместе с жертвой будут оставаться на материковой территории Италии только около сорока минут, период времени, достаточный, чтобы добраться до аэропорта Пизы, где уже будет ждать санитарный самолет. Аэропорт Флоренции был ближе, но там нагрузка сейчас небольшая и частный вылет будет более заметен.

А менее чем через полтора часа они будут на Сардинии, где уже бьет копытами от нетерпения комитет по торжественной встрече доктора Лектера.

Карло все взвесил в своей умной, дурно пахнущей голове. Мэйсон не дурак. Выплаты были распределены четко, так что Ринальдо Пацци нельзя

причинять никакого ущерба - это будет стоить Карло слишком дорого, если он попытается убить Пацци и заполучить вознаграждение целиком. Мэйсон не желал, чтобы поднялся шум из-за убитого полицейского. Лучше все сделать так, как хочет Мэйсон. Но у Карло просто чесотка начиналась при мысли о том, что бы он мог сделать всего несколькими взмахами бензопилы, если бы сам обнаружил доктора Лектера.

Он уже опробовал бензопилу. Она заводилась с первого рывка стартерного шнура.

Карло быстренько посовещался с остальными и отъехал от стоянки на небольшом мотороллере, направляясь в город. Вооружен он был только ножом, дробовиком и шприцем.

Доктор Ганнибал Лектер вошел с шумной улицы в помещение Farmacia di Santa Maria Novella, одно из самых замечательно пахнущих мест на Земле. Несколько минут он стоял, откинув голову назад и прикрыв глаза, вдыхая ароматы извест-нейших сортов мыла, лосьонов и кремов, а также запахи ингредиентов для их изготовления, доносившиеся из рабочих помещений. Швейцар уже узнавал его, и продавцы, обычно склонные к некоторому высокомерию, относились к нему с большим уважением. Покупки, которые вежливый доктор Фелл совершил за несколько месяцев, проведенных во Флоренции, в сумме не составили бы и ста тысяч лир, однако благовония и эссенции он выбирал и сочетал со знанием и пониманием предмета, поражавшими и доставлявшими

истинное удовольствие этим продавцам запахов, у которых вся жизнь сосредоточена на носе и обонянии.

Именно для того, чтобы сохранить для себя это удовольствие, доктор Лектер и не стал изменять форму носа с помощью ринопластики, ограничившись лишь подкожными инъекциями коллагена. Воздух для него был напоен ароматами, столь же определенными и живыми, что и цвета, и он мог накладывать их друг на друга тончайшими слоями, как при росписи по мокрому фону. Здесь не было ничего похожего на тюрьму. Здесь были воздух и музыка. Здесь были прозрачные слезы ладана, ожидающего экстракции, желтый бергамот, сандаловое масло, корица в сочетании с мимозой, наложенные на устойчивую основу из настоящей амбры, цибетина, бобровой струи и вытяжки из железы мускусного оленя.

У доктора Лектера иногда возникало ощущение, что он может чувствовать запахи ладонями, руками, щеками, что ароматы наполняют и пронизывают его всего. Что он может их ощущать лицом и сердцем.

По естественным физиологическим причинам запах возбуждает память сильнее, нежели любое другое ощущение.

И здесь память демонстрировала доктору Лектеру фрагменты и вспышки видений из прошлого, пока он стоял под огромными лампами в стиле ар деко, вдыхая, вдыхая... Здесь не было ничего похожего на тюрьму. Исключая - что это было? Клэрис Старлинг? Откуда? Запах духов "l'Air du Temps", который он уловил, когда она открыла сумочку, стоя рядом с решеткой его камеры в

психушке. Нет, не то. Такие духи не продаются здесь, в Farmacia. И это не ее лосьон. А-а, вот оно что! Sapone di mandorle! Знаменитое миндальное мыло, что здесь делают. Где он прежде слышал этот запах? В Мемфисе, когда она стояла возле его клетки, когда он на краткий миг коснулся ее пальцев, незадолго до побега. Значит, Старлинг. Чистенькая, с прелестной фигуркой. Выглаженная и начищенная. Стало быть, Клэрис Старлинг. Обаятельная и привлекательная. Утомительная в своей серьезности, со своими абсурдными принципами. Быстро соображает, унаследовала мудрость матери. М-м-м-м...

С другой стороны, дурные воспоминания ассоциировались у доктора Лектера с неприятными запахами, но здесь, в Farmacia, он был очень далеко от смердящих темных подвалов под палатами дворца его памяти, так далеко, как ему только когда-либо удавалось уйти.

В отличие от предыдущих посещений, в эту серенькую пятницу доктор Лектер купил весьма значительное количество разных сортов мыла, лосьонов и шампуней для ванны. Часть покупок он забрал с собой, а остальные попросил упаковать и отослать по почте, сам заполнив адресные наклейки своим характерным каллиграфическим почерком.

- Может быть, Dottore желает вложить записку? - спросил продавец.

- Почему бы и нет? - ответил доктор Лектер и сунул в коробку сложенный рисунок грифона.

Farmacia di Santa Maria Novella примыкает к монастырю, выходящему на

Виа Скала, поэтому Карло, всегда полный благочестия, снял шляпу, пробегая мимо статуи Пресвятой Девы возле входа. Он отметил для себя, что давление, создаваемое в фойе, когда открывается внутренняя дверь, распахивает наружную дверь настежь за секунду до того, как кто-то выйдет на улицу. Это давало ему время спрятаться и выглядывать из укрытия каждый раз, когда кто-нибудь выходил.

Доктор Лектер вышел на улицу со своим небольшим порт-фелем в руке, а Карло хорошо укрылся за витриной уличного торговца открытками. Доктор отправился своим путем. Проходя мимо изображения Пресвятой Девы, он поднял голову, ноздри его расширились - он посмотрел на статую и втянул в себя воздух.

Карло решил, что это, вероятно, признак набожности. Он бы не удивился, если б доктор Лектер оказался человеком религиозным - многие сумасшедшие этим отличаются. Возможно, ему удастся заставить доктора в конечном итоге слать проклятья самому Господу - это может порадовать Мэйсона. Надо будет только отослать набожного Томмазо подальше, чтоб не слышал.

После обеда Ринальдо Пацци написал письмо жене, включив в него нечто вроде сонета, который он сочинил, когда еще ухаживал за нею, но слишком стеснялся, чтобы преподнести ей. Он указал в письме все коды, необходимые для востребования вклада с условного счета в Швейцарии, и еще вложил в конверт отдельное письмо, которое просил ее переслать Мэйсону, если тот

попытается нарушить свое слово. Он спрятал письмо там, где она сможет его
найти, если только будет собирать его вещи.

В шесть часов он перегнал маленький motorino к Музею Бардини и
прикрепил его цепью с замком к железному ограждению, откуда последние в этот
день школьники уже забирали свои велосипеды. Он заметил белый микроавтобус
"скорой помощи", припаркованный возле музея, и понял, что это приехал Карло.
В микроавтобусе сидело двое мужчин. Когда Пацци отвернулся, он почувствовал,
что они смотрят ему в спину.

Времени у него было предостаточно. Уличные фонари уже зажглись, и он
медленно пошел к реке под черными тенями от окружавших музей деревьев,
которые могут оказаться очень полезными. Перейдя через Арно по Понто алле
Грацие, он некоторое время наблюдал за медленным течением реки и еще и еще
раз продумывал все последние приготовления к тому, что ему предстояло. Ночь
будет темной. Это хорошо. Низкие облака неслись над Флоренцией, направляясь
к востоку и почти задевая высокую башню Палаццо Веккьо, а поднимающийся
ветерок гнал пыль и раскрошенный голубиный помет по площади перед Санта
Кроче, куда сейчас вышел Пацци. Карманы ему оттягивали пистолет "беретта"
калибра 9 мм, обшитая кожей дубинка и нож, который он намеревался подложить
доктору Лектеру в случае, если того придется убить на месте.

Церковь Санта Кроче закрывается в шесть вечера, но церковный сторож
впустил Пацци через маленькую дверь сбоку от фасада. Пацци не хотелось

спрашивать у него, работает ли еще "доктор Фелл", поэтому он прошел внутрь, чтобы осторожно глянуть самому. Свечи, горевшие у алтаря и на стенах, давали вполне достаточно света. Он прошел сквозь всю церковь, чтобы заглянуть в боковое помещение ее крестообразного здания. В свете поставленных посетителями свечей трудно было разглядеть, находится ли доктор Фелл в капелле Каппони. Он тихонько прошел вправо по трансепту. Заглянул в капеллу.
Огромная тень падала на стену капеллы, и у Пацци на секунду замерло дыхание.
Это был доктор Лектер, склонившийся над стоящей на полу лампой, разглядывая надпись на камне. Доктор выпрямился, вглядываясь во тьму как сова, голова поворачивается, тело неподвижно, освещенное снизу рабочей лампой, гигантская тень позади него. Потом тень вдруг съежилась и съехала вниз по стене капеллы - доктор вновь склонился над своей работой.

Пацци почувствовал, как по спине под рубашкой стекает пот, но лицо его было холодным.

Оставался еще час до начала заседания в Палаццо Веккьо, а Пацци хотел прибыть туда несколько позже.

Капелла, которую Брунеллески создал для рода Пацци в церкви Санта Кроче, в своей строгой красоте являет собой одно из самых выдающихся сокровищ ренессансной архитектуры. Здесь примирились и слились воедино круг и квадрат. Это отдельное строение вне стен самой церкви Санта Кроче, и пройти в нее можно через арочную галерею.

Пацци помолился в капелле Пацци, опустившись коленями на каменный пол;

сверху на него глядело его подобие - с медальона работы делла Роббиа. Он чувствовал, что его молитвы заперты в кружок апостолов, изображенных на плафоне потолка, и подумал, что выскользнуть оттуда они могут только в темную арочную галерею позади него и только тогда взлететь на небо, к Богу.

Огромным усилием он заставил себя думать о тех добрых делах, которые сможет совершить с помощью денег, которые он получит в обмен на доктора Лектера. Он уже видел, как они вместе с женой раздают монетки всяким там сироткам, воображал какое-то медицинское оборудование, которое они могут подарить какой-нибудь больнице... Он смотрел на волны Галилейского моря, которые, на его взгляд, выглядели почти так же, как волны Чесапикского залива... Он воображал себе, как прелестная розовая ручка его жены берет его пенис и сжимает его, пока не набухнет головка...

Он оглянулся вокруг и, не увидев никого рядом, произнес вслух, обращаясь к Богу: "Благодарю тебя, Господи, за то, что Ты дал мне возможность убрать с лица Земли это чудовище, чудовище из чудовищ. Благодарю Тебя от имени тех душ, что мы спасем от страданий". Неясно, было это "мы" лишь привычным использованием судебной терминологии или Пацци имел в виду свои партнерские отношения с Господом Богом; на этот вопрос мог найтись и не один ответ.

Та часть его существа, что была враждебна самому Пацци, сообщила ему, что они оба убийцы - и доктор Лектер, и он сам, а Ньокко - их совместная

жертва, поскольку Пацци ничего не сделал, чтобы спасти цыгана, и даже
почувствовал облегчение, когда смерть навсегда заткнула цыгану рот.

Молитва все-таки немного утешает, подумал Пацци, выходя из капеллы.
Когда он шел через темную аркаду, у него возникло явственное ощущение, что
он здесь не один.

Карло ждал под навесом Палаццо Пикколомини и пошел рядом с Пацци, когда
тот приблизился. Они обменялись лишь несколькими словами.

Они обошли Палаццо Веккьо сзади и убедились, что задний выход на Виа
деи Леони заперт, а окна над ним закрыты ставнями.

Открытой оставалась только дверь главного входа в Палаццо.

- Мы выйдем отсюда, спустимся по лестнице и свернем вбок на Виа Нери, -
сказал Пацци.

- Мы с братом будем на той стороне площади, возле Лоджии. И пойдем за
вами - на расстоянии. Остальные ждут возле Музея Бардини.

- Я их видел.

- Они тоже вас видели, - заметил Карло.

- От твоего ружья много грохоту?

- Не очень. Заряд-то меньше обычного. Но выстрел вы услышите, и после
этого он быстро свалится. - Карло не стал упоминать, что Пьеро будет
стрелять из тени у фасада музея, пока Пацци и доктор Лектер будут находиться
на освещенной площади. Карло не хотел, чтобы Пацци раньше времени рванул
подальше от доктора и тем самым заставил того насторожиться, прежде чем
Пьеро успеет выстрелить.

- Нужно будет уведомить Мэйсона, что вы его взяли. Это следует сделать
нынче же ночью, - предупредил Пацци.

- Не беспокойтесь. Этот старый хрен всю ночь будет молить Мэйсона по телефону, - ответил Карло, бросив на Пацци косой взгляд в надежде, что тому неприятно это слышать. - Сперва он будет умолять Мэйсона пощадить его, а потом начнет молить о смерти.

ГЛАВА 36

Наступила ночь, и из Палаццо Веккьо выгнали последних туристов. Многие, ощущая, как огромная масса средневекового дворца словно давит на них сзади, пока они бредут по площади, невольно оглядывались и поднимали глаза к зубчатому парапету, вознесшемуся в небо.

Зажглись прожектора подсветки дворца, освещая грубо обработанный голый камень, резко выделяя тени под высокими бойницами. Ласточки уже расселись по своим гнездам, появились первые летучие мыши, охоте которых больше мешали высокочастотные завывания электрических инструментов реставраторов, чем свет.

Внутри дворца восстановительные и реставрационные работы будут продолжаться еще час, исключая Салон Лилий, где сейчас доктор Лектер беседует с бригадиром реставраторов.

Бригадир, привычный к скудости финансирования и вечному нытью членов Комиссии по изящным искусствам, обнаружил, что доктор весьма вежлив, обходителен и чрезвычайно щедр.

Через минуту его рабочие уже собирали свое оборудование, сдвинув к стенам огромные полотерные машины и компрессоры и свернув в бухты бесчисленные силовые кабели. Потом они быстро расставили складные стулья для

заседания Studiolo - нужно-то было всего двенадцать - и распахнули окна,
чтобы запахи краски, политуры и раствора для позолоты выветрились.

Доктор настоял, чтобы ему поставили настоящую кафедру, и кафедру для
него отыскали, такую же высокую, как церковная, в бывшем кабинете Никколо
Макиавелли, примыкавшем к Салону, и привезли на высокой ручной тележке
вместе со слайд-проектором.

Маленький экран, что прилагался к проектору, не удовлетворил доктора
Лектера, и он отправил его назад. Вместо этого он попробовал давать
изображение на защитный экран из грубого холста, покрывавший уже
отреставрированную стену. Он растянул, закрепил холст, разгладил все
складки, и убедился, что такой экран очень хорошо подходит для его целей.

Он заложил нужные ему места в нескольких огромных томах, сваленных на
кафедре, и теперь стоял у окна, спиной к аудитории, пока входили и
рассаживались члены Studiolo в своих пыльных темных костюмах; на их лицах
явственно читался молчаливый скепсис, когда они переставляли стулья, так что
в итоге исходный полукруг превратился в нечто, более всего напоминающее
отгороженное пространство для присяжных в зале суда.

Глядя в высокое окно, доктор Лектер видел перед собой Дуомо и
колокольню Джотто, черные на фоне закатного неба; любимый Данте Баптистерий
находился гораздо ниже и не был доктору виден. Повернутые вверх прожектора
не давали ему возможности взглянуть на затемненную площадь, где его ждали

убийцы.
Пока все эти самые знаменитые в мире исследователи средневековья и эпохи Возрождения устраивались на стульях, доктор Лектер составлял в уме конспект предстоящей лекции. Тема лекции была: ""Ад" Данте и Иуда Искариот".

Сообразуясь с большой любовью членов Studiolo к эпохе Раннего Возрождения, доктор Лектер начал свою лекцию с Пьера делла Винья, логофета Сицилийского королевства, чья жадность обеспечила место в аду, описанном Данте в "Божественной комедии". В течение первого получаса своей лекции доктор привел всех присутствующих в полное восхищение живым описанием интриг, которые привели к падению делла Виньи.

- Делла Винья был лишен чести и ослеплен за измену императору, на которую его толкнула непомерная жадность, - говорил доктор Лектер, переходя наконец к основной теме своей лекции. - Спустившийся в преисподнюю Данте обнаруживает его в седьмом круге ада, где мучаются самоубийцы. Подобно Иуде Искариоту, он покончил с собой, повесился.

Иуда и Пьер делла Винья, а также Ахитофел, честолюбивый советник Авессалома, объединены у Данте из-за их жадности и того, что все они повесились.

Жадность и самоубийство путем повешения связаны между собой в уме человека античных времен и средневековья. Св. Иероним, например, указывет, что само прозвище Иуды Искариот - означает "деньги" или "цена". Правда, Отец

Ориген полагает, что слово "Искариот" происходит от древнееврейского "от удушения" и что его имя, таким образом, означает "Иуда Удавленник".

Доктор Лектер поднял глаза и взглянул со своего подиума через головы зрителей на входную дверь.

- А-а, коммендаторе Пацци, добро пожаловать. Поскольку вы рядом с дверью, не будете ли вы любезны уменьшить освещение? Вам это тоже будет интересно, коммендаторе, ведь в аду у Данте уже имеются двое из рода Пацци... - Профессора-члены Studiolo дружно засмеялись, словно закаркали. - Там находится Камисьон де Пацци, который убил своего родственника, и он ожидает прибытия еще одного Пацци - не вас, конечно, а другого, Карлино, который будет помещен в аду еще ниже - за измену и предательство дела белых гвельфов, той партии, к которой принадлежал и сам Данте.

Маленькая летучая мышь влетела в открытое окно и сделала несколько кругов по комнате над головами профессоров - дело в Тоскане вполне обычное, так что никто не обратил на нее внимания.

Доктор Лектер вновь заговорил назидательным тоном:

- Итак, жадность и смерть путем повешения, как я уже сказал, со времен античности были тесно связаны друг с другом - этот сюжет встречается в произведениях искусства сплошь и рядом. - Доктор Лектер нажал на кнопку пульта, который держал в руке, и проектор включился, а на закрывающем стену холсте появилось изображение. За ним быстро последовали другие.

- Вот самое раннее из известных изображений распятия Христа, вырезанное на галльской шкатулке из слоновой кости примерно в 400 году от Рождества

Христова. Здесь также изображена смерть повесившегося Иуды - его лицо задрано вверх, к тому суку, на котором он висит. И вот здесь, на раке из Милана, это четвертый век, и на диптихе из слоновой кости девятого века - повесившийся Иуда. И он тоже смотрит вверх.

Маленькая летучая мышь мелькнула на экране, гоняясь за жучками.

- На этой дверной панели из кафедрального собора Беневенто мы также видим Иуду с выпущенными наружу внутренностями, как его описал св.Лука, сам врач, в "Деяниях апостолов". Здесь он висит, на него наседают гарпии, а в небе видна луна в виде лица Каина; а вот здесь, посмотрите, он изображен вашим соотечественником Джотто, тоже с выпущенными наружу внутренностями.

И последний снимок, вот он, это иллюстрация к изданию "Ада" XV века - тело Пьера делла Винья висит на кровоточащем дереве. Нет нужды снова проводить параллель между ним и Иудой Искариотом, она и так очевидна.

Но Данте обходился без готовых иллюстраций: гений Данте в том и проявился, что он заставил Пьера делла Винья, уже попавшего в ад, говорить короткими, напряженными, шипящими и свистящими звуками, сибилянтами, как будто он все еще висит в петле. Прислушайтесь к тому, как он описывает, как его мертвое тело вместе с другими проклятыми тащат, чтобы повесить на покрытом шипами дереве:

Surge in vermena e in pianta silvestra:
l'Arpie, pascendo poi de le sue foglie,
fanno dolore, e al dolor fenestra.

Обычно бледное лицо доктора Лектера возбужденно пламенеет, когда он цитирует членам Studiolo булькающие, задыхающиеся слова умирающего Пьера делла Винья, и он нажимает и нажимает кнопку пульта, и изображения Пьера делла Винья и Иуды с кишками наружу сменяют и сменяют друг друга на затягивающем стену холсте.

Come l'altre verrem per nostre spoglie,
ma non per ?o ch'alcuna sen rivesta,
ch ?e non ?e giusto aver cio ch'om si toglie.
Qui le strascineremo, e per la mesta
selva saranno i nostri corpi appesi,
ciascuno al prun de l'ombra sua molesta.

Таким образом, Данте напоминает - с помощью звуков - о смерти Пьера делла Винья и видит в ней смерть Иуды, поскольку это смерть за одни и те же преступления - жадность и предательство.

Ахитофел, Иуда и ваш соотечественник Пьер делла Винья. Жадность, повешение, самоуничтожение, причем жадность считается таким же самоуничтожением, самоубийством, как и повешение. А что говорит анонимный самоубийца-флорентиец в конце этой же песни?

Io fei gibetto a me de le mie case.

В следующий раз, возможно, мы обсудим комментарии сына Данте, Пьетро. Трудно в это поверить, но он - единственный из всех ранних комментаторов песни XIII, который связывает между собой Пьера делла Винья и Иуду. Мне

также представляется интересным затронуть тему "загрызания", как ее
преподносит Данте. Например, граф Уголино грызет затылок архиепископа,
Сатана с его тремя лицами грызет одновременно Иуду, Брута и Кассия. И все
они - предатели, как Пьер делла Винья.

На этом позвольте закончить. Благодарю за внимание.

Ученые принялись с энтузиазмом аплодировать, мягкими и как бы
пропыленнными ладонями, а доктор Лектер, оставив свет приглушенным, стал
прощаться с ними, с каждым отдельно, называя их по именам, но держа книги в
обеих руках, чтобы не пришлось пожимать им руки. Выходя из затемненного
Салона Лилий, они, казалось, уносили с собой колдовство и магию услышанной
лекции.

Оставшись теперь одни в огромном помещении, доктор Лектер и Ринальдо
Пацци могли слышать, что среди ученых, спускавшихся по лестнице вспыхнул
спор по поводу этой лекции.

- Как вам кажется, коммендаторе, я сохранил за собой это место?

- Я не ученый, доктор Фелл, однако очевидно, что вы произвели на них
сильное впечатление. Если вам это удобно, доктор, я хотел бы сейчас пройти к
вам домой и забрать личные вещи вашего предшественника.

- Они занимают два чемодана, коммендаторе, а у вас и так в руках
портфель. Вы их хотите сами нести?

- Я вызову патрульную машину к Палаццо Каппони, чтобы они меня забрали.
- Пацци был готов настаивать, если это будет необходимо.

- Отлично, - сказал доктор Лектер. - Подождите минуту, мне надо кое-что
убрать.

Пацци кивнул и отошел к высокому окну, держа в руке сотовый телефон и
не спуская с Лектера глаз.
Пацци мог убедиться, что доктор совершенно спокоен. С нижних этажей
доносились звуки злектродрелей.
Пацци набрал номер, и когда Карло Деограциас ответил, произнес в
трубку:
- Лаура, amore, я скоро буду дома.
Доктор Лектер собрал с кафедры книги и сложил их в сумку. Потом
повернулся к проектору, вентилятор которого еще гудел, а в луче плясали
пылинки.
- Мне следовало показать им еще и вот этот снимок. Не понимаю, как это
я его пропустил... - Доктор Лектер вставил в проектор еще одно изображение -
обнаженного человека, повешенного на укрепленной стене дворца. - Это должно
и вас заинтересовать, коммендаторе Пацци. Дайте-ка я поправлю фокус...
Доктор Лектер повозился с аппаратом, а потом подошел к изображению на
стене; его силуэт черным выделялся на фоне холста и был таких же размеров,
как повешенный.
- Узнаете? Больше увеличить не могу. Вот сюда его укусил архиепископ. И
под ним указано его имя.
Пацци не стал приближаться к доктору Лектеру, но подошел ближе к стене
и почувствовал какой-то странный химический запах. И решил было, что это
какой-то растворитель, который использовали реставраторы.
- Буквы можете разобрать? Там написано "Пацци" и еще довольно грубый
стишок. Это ваш предок, Франческо, повешенный на стене Палаццо Веккьо, вот

под этими самыми окнами, - сообщил доктор Лектер. Он смотрел прямо в глаза
Пацци сквозь разделявший их луч проектора. - Кстати, синьор Пацци, еще одна
вещь, связанная с вышесказанным. Должен вам сознаться, я серьезно подумываю
о том, чтобы съесть вашу жену.

Доктор Лектер дернул огромное полотно вниз и набросил его на Пацци,
Пацци упал, запутываясь в холсте, пытаясь высвободить голову, и сердце его
бешено колотилось в груди, а доктор Лектер, мгновенно оказавшись позади
него, с невероятной силой зажал его шею взахват и прижал пропитанную эфиром
губку к холсту в том месте, где было лицо Пацци.

Ринальдо Пацци отбивался изо всех сил, ноги и руки запутались в холсте,
ноги в тряпке - но он все же сумел дотянуться рукой до пистолета, и когда
они вместе с доктором покатились по полу, попытался направить свою "беретту"
назад под удушающим его полотном; и, уже проваливаясь в крутящийся мрак, он
нажал на спуск и прострелил себе бедро...

Выстрел из девятимиллиметрового пистолета, да еще под холстом, произвел
не больше шума, чем завывания и грохот, доносившиеся снизу. На лестнице
никто не появился. Доктор Лектер затворил огромные двери, ведущие в Салон
Лилий, и запер их на засов...

Немного тошнило и не хватало воздуха. Пацци пришел в себя, ощущая во
рту привкус эфира и тяжесть в груди.

Он обнаружил, что по-прежнему находится в Салоне Лилий, и понял, что не
может пошевелиться. Ринальдо Пацци был весь спеленут холстом и веревками и

стоял прямо, как старинные башенные часы, привязанный к ручной тележке, на
которой рабочие привезли сюда кафедру. Рот его был заклеен. Тугая повязка
остановила кровотечение из огнестрельной раны в бедре.

Наблюдая за ним, облокотившись на кафедру, доктор Лектер вспомнил, что
и сам он был точно так же связан, когда его в психушке перевозили на ручной
тележке.

- Вы меня слышите, синьор Пацци? Дышите глубже, пока еще есть такая
возможность, это поможет вам - в голове скорее прояснится.

Доктор Лектер говорил, а руки его продолжали действовать. Он уже вкатил
в салон большой полотерный агрегат и теперь возился с его толстым оранжевым
силовым кабелем, завязывая на его конце с вилкой петлю, какую делают палачи
для казни через повешение. Резиновая оболочка кабеля поскрипывала, пока он
наворачивал традиционные тринадцать оборотов, как это делает
профессиональный палач.

Дернув за вилку в последний раз, доктор завершил изготовление петли и
положил ее на кафедру. Вилка торчала вбок.

Пистолет Пацци, пластиковые полоски для связывания рук, содержимое его
карманов и его портфель лежали на подиуме кафедры.

Доктор Лектер копался в его бумагах. Он сунул себе за пазуху досье из
жандармерии, в котором находились его permesso di soggiorno, разрешение на
работу и негативы фотографий его нынешнего нового лица.

Здесь же лежали ноты, которые доктор Лектер давал синьоре Пацци. Он
взял эти ноты и коснулся ими лица. Его ноздри раздулись, он глубоко вдохнул
исходивший от листов аромат и приблизил свое лицо к лицу Пацци.

- Лаура, если мне будет позволено называть ее Лаурой, должно быть, пользуется замечательным ночным кремом, синьор, - сказал он. - Просто великолепный крем. Сперва холодит, потом согревает. Запах флердоранжа. М-м-м-м! У меня за весь день маковой росинки во рту не было. Вообще-то печень и почки можно использовать на обед сразу же, прямо нынче вечером, но остальное мясо может повисеть с недельку при нынешних-то погодных условиях. Я не читал прогноз погоды, а вы? Полагаю, это означает "нет".

Если вы сообщите мне то, что меня интересует, коммендаторе, я вполне смогу уехать, не обедая, и синьора Пацци останется целой и невредимой. Я вам задам несколько вопросов, а потом посмотрим. Вы же знаете, мне можно доверять, хотя вы, я полагаю, вряд ли способны кому-либо доверять, хорошо зная самого себя.

Я еще в театре понял, коммендаторе, что вы меня опознали. Вы случайно не напустили в штаны, когда я склонился к руке синьоры Пацци? А когда я понял, что полиция так и не прибудет, стало совершенно ясно, что вы меня продали. Кому вы меня продали? Мэйсону Верже? Моргните два раза, если "да".

Благодарю вас, я так и думал. Я однажды позвонил ему по тому номеру, что указан на его развешанном повсюду объявлении, когда был еще далеко отсюда. Просто так, для развлечения. А его люди ждут нас снаружи? Так-та-а-ак. И один из них пахнет как протухшая свиная сарделька? Понятно. Вы говорили обо мне кому-нибудь в Квестуре? Вы один раз моргнули? Так я и

думал. Теперь подумайте минутку и сообщите мне ваш код доступа к компьютерным файлам в Квонтико.

Доктор Лектер открыл свой нож, "гарпию".

- Я сейчас сниму вам ленту со рта, и вы мне все скажете. - Он поднял нож. - Не вздумайте кричать. Как вы полагаете, вы в состоянии удержаться от криков?

Голос Пацци был хриплым от действия эфира:

- Клянусь Богом, я не знаю код. Я плохо соображаю... Мы можем спуститься к моей машине, у меня там бумаги...

Доктор Лектер развернул тележку с Пацци, так чтобы тот смотрел на экран, и начал переключать туда и обратно изображения - с повесившегося Пьера делла Винья на повесившегося Иуду с выпущенными наружу кишками.

- Который лучше, как вы полагаете, коммендаторе? С кишками наружу или с кишками внутри?

- Код у меня в записной книжке.

Доктор Лектер поднес записную книжку к лицу Пацци и держал так, пока тот не нашел нужную запись среди телефонных номеров.

- И любой посетитель сайта может считывать информацию дистанционно?

- Да, - прохрипел Пацци.

- Благодарю вас, коммендаторе. - Доктор Лектер повернул тележку обратно и подвез Пацци к огромным окнам.

- Послушайте! У меня есть деньги! Вам же нужны деньги, чтобы скрыться. Мэйсон Верже никогда не остановится. Никогда! А вам нельзя возвращаться домой за деньгами, за вашим домом следят.

Доктор Лектер снял две доски со строительных лесов и уложил их на

низкий подоконник как пандус, а затем выкатил тележку с привязанным к ней Пацци на балкон.

Ветер обдал холодом мокрое лицо Пацци. Он вновь заговорил, с лихорадочной поспешностью:

- Вам ни за что не выбраться отсюда живым. А у меня есть деньги. У меня есть сто шестьдесят миллионов лир наличными, это сто тысяч американских долларов! Дайте мне позвонить жене. Я скажу ей, чтоб взяла деньги и положила их в мою машину, а машину поставила прямо перед палаццо.

Доктор Лектер забрал петлю с кафедры и вынес ее наружу, таща за собой оранжевый кабель. Другой конец кабеля был несколько раз обмотан вокруг тяжелого полотера.

А Пацци продолжал торопливо:

- Она позвонит мне по сотовому, когда подгонит машину, и оставит ее здесь для вас. У меня там полицейский пропуск, она сможет проехать через площадь прямо ко входу. Она сделает все, что я ей скажу. У машины дымит мотор, вам сверху будет видно, что он работает, ключи будут в замке.

Доктор Лектер развернул тележку и подкатил Пацци прямо к ограде балкона. Перила доходили ему до бедра.

Пацци видел площадь внизу, сквозь свет прожекторов ему было видно то место, где сожгли тело Савонаролы и где сам он принял решение продать доктора Лектера Мэйсону Верже. Он поднял взгляд вверх, на низко плывущие облака, освещенные прожекторами, надеясь, насколько это возможно, что Господь, там, наверху, видит все.

Смотреть вниз было для него ужасно, но, раз взглянув, он не мог себя

заставить отвести взгляд и все глядел туда, где ожидала его смерть, в бессмысленной надежде, что лучи прожекторов могут придать воздуху какую-то плотность, что они каким-то образом поддержат его, что он сможет как-то за них зацепиться.

Оранжевая резина оплетки кабеля холодит шею, доктор Лектер стоит рядом.

- Arrivederchi, Commendatore.

Лезвие "гарпии" мелькнуло вдоль тела Пацци, потом еще один взмах распорол веревки, которыми он был привязан к тележке, и вот его толкают, и он переваливается через перила, таща за собой оранжевый кабель, земля стремительно надвигается снизу, рот теперь свободен, можно закричать, а в салоне тяжелый полотер уже поехал через все помещение и, с грохотом ударившись об ограждение балкона, остановился. Пацци дернулся, задирая вверх голову, шея сломалась и внутренности вывалились наружу.

Пацци и его кишки крутятся и извиваются, ударяясь о грубую каменную стену освещенного прожекторами дворца, он еще дергается в последних конвульсиях, но не задыхается, он уже мертв, и его тень, огромная в свете прожекторов, крутится на стене, крутится, крутится, а его внутренности крутятся под ним более короткими и более быстрыми взмахами, его мужское достоинство торчит из прорезанных брюк в посмертной эрекции.

Карло выскакивает из ворот напротив, Маттео следом за ним, бегут через площадь ко входу в палаццо, расшвыривая в стороны туристов, у двоих туристов видеокамеры, и они направлены на стену дворца.

- Это какой-то трюк, - говорит кто-то по-английски, когда Карло

пробегает мимо.

- Маттео, проверь заднюю дверь! Если он выйдет там, убей его и режь на части! - крикнул Карло, нащупывая на бегу свой сотовый телефон. Теперь внутрь, в палаццо, вверх по лестнице, на второй этаж, потом на третий...

Огромные двери салона распахнуты настежь. Карло дернулся было, направив пистолет на фигуру на экране, выбежал на балкон, обшарил кабинет Макиавелли - все это за несколько секунд.

Он дозвонился по сотовому телефону до Пьеро и Томмазо, которые ждали в микроавтобусе перед музеем:

- Быстро к его дому! Держите под наблюдением и фасад, и тыл. Если появится - убить и разрезать!

Потом набрал другой номер:

- Маттео?

Сотовый телефон Маттео зазвонил у него в нагрудном кармане, когда он остановился, тяжело дыша, перед запертой задней дверью палаццо. Он осмотрел крышу и темные окна, проверил дверь, держа руку под пиджаком, на рукояти засунутого за пояс пистолета.

Достал и открыл телефон:

- Pronto!

- Что-нибудь видишь?

- Дверь заперта.

- Крыша?

Маттео посмотрел вверх, но не успел заметить, как в окне над ним отворились ставни.

Карло услышал в телефоне шорох и крик, и вот он уже бежит вниз по ступеням, падает на площадке, вскакивает, снова бежит, мимо охранника у

входа во дворец, который теперь вышел наружу, мимо статуй по обе стороны от входа, за угол, и, топая, устремляется к задней двери во дворец, спугнув на ходу несколько парочек. Здесь темно, он все бежит, сотовый телефон на бегу вскрикивает у него в руке, как маленький зверек. Какая-то фигура перебежала через улицу впереди, закутанная в белое, точно в саван, бежит вслепую, прямо навстречу motorino, и мотороллер сбивает его на мостовую, фигура вскакивает снова и врезается в витрину магазинчика на той стороне узкой улицы, напротив дворца, прямо в толстое витринное стекло, поворачивается и бежит назад, все так же вслепую, сущее привидение в белом, вопящее: "Карло! Карло!", огромные пятна расплываются на порезанном холсте, в который оно закутано, и тут Карло наконец поймал брата в объятия, разрезал пластиковую полоску вокруг его шеи, которая плотно натягивала холст у него на голове, а холст весь уже пропитан кровью. Стащил холст с Маттео и обнаружил, что тот весь исполосован - и лицо, и грудь, и живот, на груди порез очень глубокий, из раны хлещет кровь. Карло оставил его на минутку, чтоб добежать до угла и оглядеть улицу в обе стороны, затем вернулся к брату.

Когда завыли приближающиеся сирены и мигающие огни заполнили Пьяцца делла Синьория, доктор Ганнибал Лектер, поправляя манжеты, подходил к gelateria, расположенной поблизости, на Пьяцца де Джудичи. У тротуара стояли мотоциклы и motorinos. Доктор подошел к юноше в кожаном гоночном костюме, заводившему огромный "Ducati".

- Молодой человек, я в отчаянном положении, - сказал он, удрученно улыбаясь. - Если я через десять минут не буду на Пьяцца Беллосгардо, жена меня просто убьет. - И он протянул юноше банкнот в пятьдесят тысяч лир. - Вот сколько сейчас стоит моя жизнь.

- И это все, что вам нужно? Просто подвезти? - спросил молодой человек.

- Просто подвезти. - Доктор Лектер показал ему пустые руки.

Мощный мотоцикл вихрем пронесся сквозь все потоки транспорта на улице Лунгарано. Доктор Лектер, сжавшись, сидел на заднем сиденье за спиной юного наездника. На голове у него красовался запасной шлем, пахнувший лаком для волос и духами. Юноша прекрасно знал город, он проскочил Виа де Серральи, достиг Пьяцца Тассо, потом рванул через Виа Виллани, по узенькому проезду возле церкви Сан-Франческо ди Паола, который выходит на извилистую улицу, ведущую прямо к Беллосгардо, богатому жилому кварталу на холме с видом на Флоренцию с юга. Грохот мощного мотора эхом отдавался от каменных стен по обе стороны улицы, и этот звук, напоминающий треск рвущегося полотна, был крайне приятен доктору Лектеру, наклонявшемуся то вправо, то влево в такт крутым поворотам и боровшемуся с запахом лака для волос и дешевых духов. Он попросил молодого человека остановиться и ссадить его у въезда на Пьяцца Беллосгардо, недалеко от дома графа Монтауто, где когда-то жил Натаниэл Хоторн.

Мотоциклист засунул заработанные деньги в нагрудный карман своей

кожанки, и красный огонек заднего фонаря его мотоцикла скоро исчез в глубине извилистой улицы.

Доктор Лектер, возбужденный гонкой, прошел еще сорок метров до стоявшего у обочины "ягуара", достал спрятанные за бампером ключи и завел двигатель. У него чуть саднило кожу у основания ладони, где съехала перчатка, когда он набросил холщовое полотнище на Маттео, после чего спрыгнул ему на голову из окна второго этажа палаццо. Он наложил на ссадину немного итальянской антибактериальной мази, "цикатрин", и сразу почувствовал себя гораздо лучше.

Пока двигатель прогревался, доктор Лектер покопался в кассетах с музыкальными записями и остановился на Скарлатти.

ГЛАВА 37

Турбовинтовой санитарный самолет поднялся над красными черепичными крышами и, сделав вираж, взял курс на юго-запад, на Сардинию. Пизанская "падающая башня" торчала вверх под таким крутым углом, на который пилот никогда не отважился бы задрать нос самолета, будь у него на борту живой пациент.

На носилках, предназначавшихся для доктора Лектера, вместо него лежало остывающее тело Маттео Деограциаса. Его старший брат Карло сидел возле трупа, одежда на нем заскорузла от крови.

Карло Деограциас заставил сопровождавшего их санитара надеть наушники и включить музыку, пока он говорил по сотовому телефону с Лас-Вегасом, где слепой аппарат-шифратор передавал его звонок дальше, на берега штата

Мэриленд...

Для Мэйсона Верже день и ночь - почти одно и то же. Оказалось, в этот час он спал. Даже в аквариуме свет был погашен. Голова Мэйсона лежала на подушке, повернутая вбок, его единственный глаз как всегда был открыт, как и глаза огромного угря, который тоже спал. В комнате слышались лишь регулярные всхлипы и вздохи респиратора и тихое бульканье аэратора в аквариуме.

Но вот на фоне этих звуков возник новый, тихий и настойчивый. Звонок самого личного из личных телефонов Мэйсона. Его бледная рука передвинулась, переступая на пальцах, словно краб, и нажала кнопку включения аппарата. Динамик находился под подушкой, а микрофон возле того немногого, что осталось от его лица.

Сперва Мэйсон услышал шум самолетных двигателей, потом давно надоевшую мелодию "Gli Innamorati".

- Я слушаю. Говори.

- У нас тут кровавая каша, - сказал Карло.

- Рассказывай.

- Мой брат Маттео мертв. Я сейчас держу рукой его тело. Пацци тоже мертв. Доктор Фелл убил их обоих и сбежал.

Мэйсон ничего сразу не ответил.

- Вы должны мне двести тысяч долларов за Маттео, - продолжал Карло. - Это для его семьи. - На Сардинии в контрактах всегда предусматривались выплаты семье.

- Да, конечно.

- Про Пацци тут теперь разведут всякие сопли-вопли.

- Лучше пустить слух, что Пацци был куплен, - сказал Мэйсон. - Тогда

все будет воспринято гораздо легче, если он окажется замешан в коррупции. А
он действительно "замазан"?
- Не знаю, кроме нашего случая, мне ничего не известно. А если они
проследят его связь с вами?
- Об этом я позабочусь.
- А вот мне надо позаботиться о себе! - заявил Карло. - Это уже перебор! Угрохали главного следователя Квестуры, мне из такого дерьма вовек
не выбраться!
- А ты что, наследил?
- Ничего я не наследил! Но если в Квестуре меня свяжут с этим делом - о
Мадонна! Они же до самой смерти за мной будут гоняться! На меня же никто
работать не станет, да я даже пернуть не смогу на улице! А как насчет
Оресте? Он знал, кого будет снимать?
- Не думаю.
- Завтра-послезавтра в Квестуре уже будут знать, кто такой доктор Фелл.
Оресте сразу допрет, как только увидит это по телику - хотя бы по совпадению
во времени.
- Оресте хорошо заплачено. Оресте для нас не опасен.
- Может, для вас. Но Оресте ждет суд за порнографию - в Риме, через
месяц. А у него теперь есть, что им продать. До вас, что, еще не дошло, что
вам сейчас надо кого-нибудь пнуть в задницу, чтоб зашевелились? Он вам еще
нужен, этот Оресте?
- Я поговорю с ним, - осторожно сказал Мэйсон. Мощный, усиленный
радиоаппаратурой голос исходил из его изуродованного рта. - Карло, ты
по-прежнему в деле? Ты все еще хочешь поймать доктора Фелла, правда? Тебе
ведь придется его поймать, чтобы отомстить за Маттео.

- Да, но за ваш счет.
- Тогда на ферме все остается, как прежде. Сделай свиньям прививки от гриппа и холеры и получи все справки. Приготовь клетки для их перевозки. У тебя хороший паспорт?
- Да.
- Действительно хороший? Не какая-нибудь липа из Трастевере?
- У меня действительно хороший паспорт.
- Ладно. Я скоро с тобой свяжусь.

Закончив разговор, Карло случайно нажал кнопку автоматического набора. И телефон Маттео громко запищал в его мертвой руке, намертво зажатый пальцами трупа в последней смертельной судороге. На секунду Карло показалось, что брат сейчас поднесет телефон к уху. Тупо, сознавая, что Маттео никогда уже ему не ответит, он нажал кнопку отключения связи. Лицо его исказилось так страшно, что санитар отвел взгляд, не в силах на это смотреть.

ГЛАВА 38

Доспехи Дьявола с прилагающимся к ним рогатым шлемом - замечательный латный доспех работы итальянского мастера XV века, с 1501 года украшавший стену деревенской церкви Санта Репарата, расположенной к югу от Флоренции. В дополнение к изящным рогам, по форме напоминающим оленьи, там, где должны быть башмаки, у нижних концов наголенников, прикреплены шипастые стальные манжеты для латных перчаток - намек на раздвоенные копыта Сатаны.

В соответствии с местной легендой, некий юноша, одетый в эти доспехи, помянул имя Мадонны всуе, когда входил в церковь, и обнаружил затем, что не

может снять с себя все это железо, пока не попросил у Богоматери прощенья.
После чего преподнес свои доспехи в дар этой церкви в знак благодарности.
Это весьма впечатляющее произведение оружейного искусства, которое вполне
убедительно доказало свои выдающиеся достоинства, когда в 1942 году в церкви
разорвался артиллерийский снаряд.

Доспехи, вся поверхность которых теперь покрыта толстым слоем пыли, уже
превратившимся в нечто, весьма напоминающее фетр, глядят вниз, на маленький
храм; в церкви заканчивается месса. Дым благовоний поднимается вверх,
проходя через пустое забрало шлема.

В церкви только три человека - две пожилые женщины, обе одеты в черное,
и доктор Ганнибал Лектер. Все трое получают причастие, правда доктор Лектер
прикасается губами к чаше с некоторым колебанием.

Священник благославляет всех и уходит. Женщины тоже. Доктор Лектер
продолжает молиться, пока не остается в храме один.

Поднявшись на хоры, где обычно сидит органист, доктор Лектер с трудом
дотягивается до доспехов, перегнувшись через перила ограждения и протянув
руку к шлему между рогами; он поднимает пыльное забрало шлема Доспехов
Дьявола. Внутри за выступ латного воротника зацеплен рыболовный крючок, от
которого вниз тянется леска с прикрепленным на конце свертком, который висит
внутри нагрудника, там, где должно быть сердце. Доктор Лектер осторожно
достает сверток.

В свертке: паспорт прекрасной бразильской работы, удостоверение

личности, наличные, чековые книжки, ключи. Он засовывает сверток под мышку, под пиджак.

Доктор Лектер не слишком склонен сожалеть о чем-либо, однако ему жаль покидать Италию. В Палаццо Каппони оставалось еще много вещей, которые он собирался отыскать и изучить. Он хотел бы продолжать играть на клавесине, может быть, даже сочинять музыку; он мог бы даже готовить для вдовы Пацци, когда та оправится от горя.

ГЛАВА 39

Кровь еще капала с висящего тела Ринальдо Пацци, запекаясь и превращаясь в дым на раскаленных стеклах прожекторов у подножья Палаццо Веккьо, когда полиция вызвала пожарных, чтобы снять его.

Pompieri воспользовались своей машиной с раздвижной лестницей. Они всегда подходили к своей работе с практических позиций и, будучи уверены, что повешенный человек уже мертв, не торопились его снимать. Работа была очень деликатная - нужно было сперва собрать вместе все болтающиеся внутренности, подтянуть их наверх, к телу, обернуть всю эту массу сеткой и уже потом закрепить канат, чтобы опустить труп на землю.

Как только тело опустилось на вытянутые руки тех, кто стоял на земле, фотокорр "Ла Национе" получил прекрасные снимки, которые потом напомнили многим читателям картины великих мастеров, изображающие снятие с креста.

Полиция оставила петлю на месте, чтобы сначала снять с нее отпечатки пальцев, а затем толстый кабель разрезали в середине петли, чтобы сохранить

в неприкосновенности узел.
Многие флорентийцы были уверены, что эта смерть - всего лишь
занимательный спектакль, они считали, что Ринальдо Пацци сам связал себе
руки, как это делают самоубийцы, кончающие с собой в тюрьме, совершенно
забыв о том, что ноги у него тоже были связаны. В первом сообщении по радио
даже говорилось, что Пацци сделал себе харакири, после чего повесился.
Полиция же обо всем догадалась с самого начала - разрезанные веревки на
балконе, ручная тележка, пропавший пистолет Пацци, свидетельства очевидцев о
том, как Карло бежал в Палаццо, и об окровавленной фигуре в саване, слепо
тыкавшейся по улице позади Палаццо Веккьо - все это говорило о том, что
Пацци был убит.
Потом общественность решила, что Пацци убил Il Mostro.
Квестура начала с несчастного Джироламо Токка, некогда осужденного за
преступления Il Mostro. Его взяли прямо из дома и увезли, и его жена опять
выла и причитала посреди улицы. У него было прекрасное алиби. В тот вечер он
пил вино в кафе, на глазах у местного священника. Токка отпустили, и он был
вынужден тащиться домой из Флоренции на автобусе и заплатить за билет из
обственного кармана.
Служащие Палаццо Веккьо были опрошены сразу же, в первые часы после
смерти Пацци; были сняты допросы и с членов Studiolo.
Полиция никак не могла найти доктора Фелла. К полу-дню субботы ему уже
уделялось самое пристальное внимание. В Квестуре вспомнили, что Пацци было

дано задание расследовать исчезновение предшественника доктора Фелла.

Чиновник жандармерии сообщил, что несколько дней назад Пацци изучал permesso di soggiorno доктора Фелла. Досье доктора со всеми документами, включая фотографии, прилагавшиеся негативы и отпечатки пальцев, было выдано на несуществующую фамилию, а расписка написана вроде бы почерком Пацци. В Италии пока еще нет общенациональной компьютерной системы архивизации документов, и permessos оформляются на местном уровне.

Из архива службы иммиграции извлекли номер паспорта доктора Фелла, который вызвал большое недоумение в Бразилии.

Но все же полиция пока еще не выяснила настоящее лицо доктора Фелла. Они сняли отпечатки пальцев с петли из кабеля, с кафедры, с ручной тележки и из кухни в Палаццо Каппони. Художников вокруг было предостаточно, так что портрет доктора Фелла изготовили за считанные минуты.

К утру воскресенья по итальянскому времени эксперт дактилоскопической лаборатории Флоренции после тщательного анализа точки за точкой определил, что на кафедре, на петле и на кухонной утвари доктора Фелла в Палаццо Каппони были одни и те же отпечатки пальцев.

Отпечаток большого пальца доктора Лектера, красовавшийся на плакате, висящем в штаб-квартире Квестуры, никто не исследовал.

Отпечатки пальцев с места преступления были отправлены в Интерпол вечером в воскресенье и прибыли, как того и следовало ожидать, в штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне, округ Колумбия, вместе с семью тысячами

других дактилоскопических карт с мест преступлений. Полученные из Флоренции
отпечатки были подвергнуты анализу с помощью автоматизированной системы
классификации отпечатков пальцев, которая тут же выдала такой результат, что
громкий сигнал тревоги зазвенел в кабинете помощника директора, курирующего
Отдел идентификации. Ночной дежурный, видя, как из принтера выползает лист с
лицом и пальчиками Ганнибала Лектера, позвонил помощнику директора домой, а
тот позвонил сперва директору, а потом Крендлеру в Департамент юстиции.

Телефон Мэйсона зазвонил в половине второго ночи. Мэйсон был удивлен и
заинтересован.

Телефон Джека Кроуфорда зазвонил   в час тридцать   пять. Кроуфорд
прокашлялся и перевалился на пустую половину супружеской кровати, где раньше
спала его покойная жена Белла и где теперь пребывал ее призрак. Простыня там
была прохладнее, и Кроуфорду там вроде бы лучше думалось.

Клэрис Старлинг была последней, кто узнал, что доктор Лектер опять
кого-то убил. Опустив трубку телефона на рычаг, она лежала неподвижно
много-много минут подряд, в темноте, и глаза у нее щипало непонятно по какой
причине, однако она не плакала. Не поднимая головы с подушки, глядя вверх,
она видела его лицо в крутящемся мраке. Это было, конечно же, прежнее лицо
доктора Лектера.

ГЛАВА 40

Пилот санитарного самолета не захотел садиться в темноте на поле
аэродрома в Арбатаксе - посадочная полоса здесь слишком короткая и нет

авиадиспетчера. Они приземлились в Кальяри, дозаправились и дождались утра, а затем поднялись и полетели вдоль берега в потрясающем свете встающего солнца, которое придавало фальшивый розовый оттенок мертвому лицу Маттео.

Грузовик с гробом уже ждал на взлетной полосе в Арбатаксе. Пилот заспорил насчет оплаты, и Томмазо пришлось вмешаться, пока Карло не набил пилоту морду.

Через три часа они были уже в горах, дома.

Карло в одиночестве слонялся под грубым навесом, который он построил вместе с Маттео. Здесь все было готово, все камеры уже установлены - снимать смерть Лектера. Карло стоял под навесом, который собирали руки Маттео, и смотрел на свое отражение в огромном зеркале, висящем над загоном для скота. Он оглядел все вокруг, бросил взгляд на бревна, которые они вместе пилили, вспомнил огромные квадратные ладони Маттео, как они держали пилу, и у него вырвался громкий стон, идущий из самой глубины его израненной души, стон такой громкий, что от деревьев отразилось эхо. Из зарослей травы на пастбище высунулись клыкастые морды. На горном пастбище распевали птицы.

Пьеро и Томмазо, тоже братья, ушли, оставив его одного.

Из дома вышел Оресте Понти, одной рукой застегивая пуговицы ширинки и размахивая другой, в которой был зажат сотовый телефон.

- Значит, вы упустили Лектера. Жаль.

Карло притворился, что не слышит.

- Слушай, не все еще потеряно, - сказал Оресте. - Все у нас еще может получиться. У меня Мэйсон на связи. Он готов пока удовлетвориться simulado.

Съемкой, которую он сможет показать Лектеру, когда наконец его поймает. Раз уж у нас все готово... У нас есть тело. Мэйсон говорит, что это просто головорез, которого ты нанял. Мэйсон говорит, что мы э-э-э можем просто потаскать его вдоль изгороди и подергать, когда свиньи подойдут поближе, и пустить уже записанный звук. На, поговори с ним сам.

Карло повернулся и поглядел на Оресте так, словно тот только что упал с луны. Потом все же взял телефон. По мере того, как он говорил с Мэйсоном, лицо его прояснялось и на нем появилось выражение, весьма похожее на умиротворение.

Карло со стуком сложил сотовый телефон.

- Приготовьтесь, - сказал он.

Карло сказал что-то Пьеро и Томмазо, и они с помощью оператора потащили гроб под навес.

- Вовсе не надо устанавливать его так близко, чтоб он занимал весь кадр, - сказал Оресте. - Давайте сперва поснимаем животных, как они толкутся вокруг - а потом продолжим с той стороны.

Заметив суету под навесом, из зарослей вылезли первые свиньи.

- Giriamo! - крикнул Оресте.

И они понеслись галопом, дикие свиньи, бурые и серебристые, здоровенные, почти по пояс взрослому человеку, с широкой грудью, с длинной щетиной, двигаясь на своих маленьких копытцах со скоростью волка, умные маленькие глазки на дьявольских мордах, мощные шейные мышцы под вставшей дыбом щетиной на спинах, способные поднять человека своими огромными, острыми как бритва клыками.

- Pronti! - откликнулся оператор.

Они ничего не ели уже три дня, вот за первыми появились и другие, и вот они надвигаются сплошным фронтом, невзирая на людей, стоящих за изгородью.

- Motore! - крикнул Оресте.

- Partito! - ответил оператор.

Свиньи остановились в десяти ярдах от навеса и столпились, переступая копытами, сплошная линия копыт и клыков, супоросая матка в середине. Они толпились там, подаваясь то вперед, то назад, как линия нападения в американском футболе, а Оресте уже примеривался, кадрируя сцену ладонями.

- Azione! - крикнул он сардам, и Карло, зайдя сзади, всадил ему нож между ягодиц, отчего Оресте заорал, а Карло схватил его за ляжки и сунул головой вперед в загон; свиньи тут же бросились на него. Оресте попытался встать на ноги, поднялся на одно колено, но свинья ударила его в грудь и свалила на спину. Они насели на него все, хрюкая и повизгивая, два кабана вцепились ему в лицо, оторвали челюсть и разорвали ее пополам как куриную вилочку. И снова Оресте почти удалось подняться на ноги, а потом он опять рухнул на спину, выставив открытый живот, суча руками и ногами в гуще столпившихся свиней, вопя от боли, уже лишенный нижней челюсти, неспособный произнести ничего членораздельного.

Карло услышал выстрел и обернулся. Оператор бросил свою работающую камеру и попытался бежать, но недостаточно быстро, чтобы уйти от дробовика Пьеро.

Свиньи уже успокаивались и утаскивали доставшиеся им куски прочь.

- Azione! Вот тебе и azione! - сказал Карло и сплюнул на землю.

Часть III
В НОВОМ СВЕТЕ

ГЛАВА 41

Вокруг Мэйсона Верже царило осторожное молчание. Все его служащие вели себя с ним так бережно, будто он только что потерял ребенка. Когда его спросили, как он себя чувствует, он ответил: "Чувствую себя так, будто отвалил кучу денег за дохлого итальяшку".

Несколько часов он проспал, потом потребовал, чтобы в игровую комнату привели детей: он хотел побеседовать с парочкой самых неблагополучных; однако в тот самый момент неблагополучных детей под рукой не нашлось, а у его агента в трущобах Балтимора было недостаточно времени, чтобы нарушить чье-нибудь благополучие ради Мэйсона.

Потерпев эту неудачу, он заставил служителя Корделла калечить декоративных золотых карпов и швырять их угрю до тех пор, пока тот не пресытился и не убрался к себе в грот; вода в аквариуме окрасилась розовым, в мутном розовом облаке поблескивали золотистые клочки.

Он попытался помучить свою сестру - Марго, но та укрылась в тренажерном зале и не час, и не два не отвечала на его призывы. В поместье Маскрэт-Фарм она одна осмеливалась игнорировать Мэйсона.

Небольшой, тщательно подрезанный кусок пленки, отснятой туристской

видеокамерой, на котором была запечатлена смерть Ринальдо Пацци, показали по телевидению в субботу, в вечерней новостной программе, еще до того как стало известно, что убийца - доктор Лектер. Затемненные кадры пленки избавили зрителей от излишних анатомических подробностей.

Секретарь Мэйсона немедленно взялся за телефон, чтобы договориться о получении немонтированной пленки. Фильм был доставлен вертолетом несколько часов спустя.

У полученной пленки была прелюбопытнейшая история.

Из двух туристов, снимавших Палаццо Веккьо в момент смерти Ринальдо Пацци, один запаниковал, и камера качнулась в сторону как раз в момент падения Пацци. Второй турист, швейцарец, твердо держал камеру в течение всего эпизода, сумев даже панорамировать раскачивающийся и дергающийся шнур.

Кинооператор-любитель оказался клерком из патентного бюро, звали его Виггерт. Боясь, что полиция отберет пленку и итальянское телевидение получит ее бесплатно, он немедленно позвонил в Лозанну своему адвокату, договорился об авторских правах на изображение и, торгуясь так, что с претендентов пух и перья летели, продал свои права телекомпании "Эй-Би-Си новости" на условиях оплаты за каждую передачу в эфир. Право первыми опубликовать серию снимков в Северной Америке получил "Нью-Йорк Пост", за ним - "Нэшнл Тэтлер".

Пленка сразу же заняла должное место в серии успевших стать классикой ужасающих лент: пленка Запрудера, фильм об убийстве Ли Харви Освальда и

кадры о самоубийстве Эдгара Болджера. Однако Виггерту предстояло еще испытать горькие сожаления о том, что он поторопился продать пленку прежде, чем в преступлении обвинили доктора Лектера.

Полученная Мэйсоном копия фильма о каникулярных приключениях семейства Виггерт была полной. Мы можем видеть, как во дворе Академии милое семейство швейцарцев с чувством исполняемого долга вершит орбиту за орбитой вокруг гениталий Давида, за несколько часов до событий в Палаццо Веккьо.

Мэйсону, следящему за видеоизображением единственным глазом, защищенным толстой линзой, был малоинтересен дорого ему обошедшийся кусок мяса, дергавшийся на конце электрошнура. Коротенький урок истории, преподнесенный газетами "Ла Национе" и "Коррере делла Сера" о судьбе двух Пацци, повешенных из одного и того же окна с промежутком в пятьсот двадцать лет, заинтересовал его и того меньше. Внимание его захватили кадры - и он прокручивал их снова, снова и снова - с дергающимся шнуром, ведущим вверх, к решетке балкона, где в тусклом свете, падавшем изнутри, виднелся размытый силуэт стройного человека, прощально махавшего рукой. Махавшего Мэйсону. Доктор Лектер легко помахивал лишь кистью руки, так, как машут на прощанье ребенку.

- До свиданья, - ответил Мэйсон из окружавшей его тьмы. "До свиданья", - прогремел его радиобас, содрогающийся от ярости.

ГЛАВА 42

Опознание доктора Ганнибала Лектера в качестве убийцы Ринальдо Пацци дало Клэрис Старлинг возможность наконец-то заняться чем-то серьезным, слава

Богу! Она стала de facto осуществлять связь - хоть и на низшем уровне - между ФБР и итальянскими властями. Хорошо было решать одну и ту же задачу совместными усилиями.

Жизнь Старлинг резко изменилась с момента перестрелки во время рейда против наркодельцов. И она, и те, кто остался в живых после событий на рыбном рынке "Фелисиана", оказались как бы в административном чистилище, в ожидании решения по докладу Департамента юстиции юридическому подкомитету Палаты представителей.

После того как ей удалось отыскать рентгеновский снимок Лектера, Старлинг пыталась убить время, замещая инструкторов Национальной полицейской академии в Квонтико, тех, что болели или находились в отпуске.

Всю осень и зиму Вашингтон раздирали страсти по поводу скандала в Белом доме. Пустословы-морализаторы разбрызгивали гораздо больше слюны, чем потребовалось для совершения злосчастного маленького грешка, и президент Соединенных Штатов, пытаясь избежать импичмента, публично нахлебался такого дерьма, какого вовсе и не заслуживал.

Этот цирк заставил отложить в долгий ящик такую мелочь, как бойня на рыбном рынке.

День за днем в голове Старлинг зрело убеждение, что федеральная служба уже никогда не будет для нее тем, чем была прежде. На ней, на самой Клэрис, теперь лежало клеймо. Ее сотрудники, когда им приходилось иметь с ней дело, смотрели на нее с некоторой опаской, будто она могла передать им заразную

болезнь. А Клэрис была еще достаточно молода, чтобы такое отношение ее удивляло и разочаровывало.

Замечательно снова заняться делом: просьбы итальянцев предоставить им информацию о докторе Лектере дождем сыпались на Отдел психологии поведения; приходили они обычно в двух экземплярах, один из которых пересылал им Госдепартамент. Старлинг охотно отвечала на запросы, забивая информацией факсы и пересылая файлы с делом Лектера электронной почтой. Она и сама удивлялась тому, сколько разрозненных материалов скопилось за семь лет, прошедших с его побега.

Ее крохотная подвальная комнатушка в Отделе психологии поведения доверху заполнилась бумагами, измазанными чернилами факсами из Италии, копиями итальянских документов.

Что же такое важное могла она переслать итальянцам? Больше всего их заинтересовало то, что за несколько дней до смерти Пацци в ФБР поступил компьютерный запрос из Квестуры о доступе к файлу Лектера на сайте в Информационном центре ФБР в Квонтико. Итальянские газеты старались при помощи этой информации обелить Ринальдо Пацци, утверждая, что он, втайне от всех, разрабатывал план поимки доктора Лектера, стремясь восстановить свою репутацию.

С другой стороны, размышляла Старлинг, чт?о из информации, касающейся убийства Пацци, могло оказаться полезным здесь, если доктор Лектер вдруг надумает вернуться в Соединенные Штаты?

Джек Крофорд не так уж часто бывал у себя в отделе, чтобы можно было с ним советоваться. Он много времени проводил в суде и по мере того, как приближался его уход на пенсию, все чаще вынужден был давать там показания то по одному незакрытому делу, то по другому. Все чаще он брал отпуск по болезни на один-два дня, а то и дольше, и даже когда бывал в отделе, казался все более и более отчужденным.

Мысль о невозможности получить от него совет вызывала у Старлинг приступы жгучей паники.

За годы службы в ФБР Старлинг насмотрелась всякого. Она знала, что, если доктор Лектер снова совершит убийство в Соединенных Штатах, в Конгрессе вострубят трубы возмущения, извергая метаболические ветры; невероятных размеров волна запоздалых догадок и предположений хлынет из Департамента юстиции и игра в догонялки-трахалки начнется всерьез. Первыми по шее получат таможенники и служба береговой охраны - за то, что впустили его в страну.

Местные судебные власти - там, где будет совершено преступление, - затребуют всю информацию, касающуюся Лектера, и все усилия ФБР будут сосредоточены на местном отделении Бюро. Потом, когда доктор совершит новое убийство - уже в новом месте, - все сразу переместится туда.

А если его поймают, все конторы станут яростно драться, точно белые медведи вокруг задранного тюленя, за то, чтобы присвоить себе честь поимки преступника.

Делом Старлинг было подготовиться к возможному возвращению Лектера -

неважно, вернется он на самом деле или нет, - загнав подальше неприятные мысли о том, что будет затем твориться вокруг расследования.

Она задавала себе простой вопрос, который показался бы бессмысленно банальным любому карьеристу внутри опоясавшего Вашингтон Белтвея: как она сумеет сделать именно то, в чем присягала? Как сумеет защитить граждан своей страны и поймать преступника, если он возвратится?

У доктора Лектера, по всей видимости, были хорошие документы и немало денег. Он блестяще умел изменять свою внешность, умел скрываться. Взять хотя бы элегантную простоту его первого укрытия после побега из Мемфиса: он снял номер в четырехзвездочном отеле по соседству с огромной клиникой пластической хирургии в Сент-Луисе. У половины постояльцев были забинтованы лица. Он забинтовал себе лицо и роскошествовал там на деньги убитого им человека.

Среди сотен собранных ею бумажек были квитанции об оплате гостиничных услуг в Сент-Луисе. Цифры астрономические! Бутылка "Батар-Монтраше" за сто двадцать пять долларов. Как замечательно было почувствовать вкус такого вина после стольких лет тюремной баланды.

Она запросила из Флоренции копии всех его счетов, и итальянцы с готовностью откликнулись на просьбу. Судя по качеству копий, подумала Клэрис, они, должно быть, делались печной сажей.

Ни в чем никакого порядка. Вот личные бумаги доктора Лектера из Палаццо Каппони. Несколько заметок о Данте, от руки, - знакомый каллиграфический

почерк; записка уборщице; квитанция из флорентийского магазина деликатесов "Вера даль 1926" об оплате двух бутылок "Батар-Монтраше" и каких-то tartufi bianchi. То же самое вино, а что же такое эти tartufi? "Новый школьный итало-английский словарь" сообщил Старлинг, что tartufi bianchi - это грибы - белые трюфели. Она позвонила шеф-повару одного из лучших итальянских ресторанов Вашингтона и расспросила его о трюфелях. Ей пришлось слезно просить разрешения закончить телефонный разговор, так долго он с восторгом описывал их вкус.

Вкус. Вино. Трюфели. Вкус к определенным вещам был неизменной чертой доктора Лектера, жил ли он в Америке или в Европе, преуспевал ли как практикующий врач или как сбежавшее из тюрьмы чудовище. Лицо ему, вероятно, удалось изменить, но вкусы его не изменились: не тот он был человек, чтобы в чем-то себе отказывать.

Вкус был для Старлинг темой весьма болезненной, ведь, именно говоря о вкусе, доктор Лектер впервые сумел задеть ее за живое, похвалив элегантную сумочку и высмеяв за дешевые туфли. Как он тогда ее назвал? Тщательно отмытой и отчищенной пробивной деревенщиной с капелькой вкуса.

Именно вкус мешал ей до конца принять ежедневную рутину существования в самых разных общежитиях и учреждениях, с их функциональным оборудованием и сугубо утилитарной обстановкой.

В то же время ее глубокая вера в отточенность технических приемов умирала, уступая место чему-то совершенно иному.

Старлинг устала от технических приемов. Вера в отточенную технику - религия всех опасных профессий. Чтобы выйти против вооруженного преступника, противостоять ему в перестрелке или схватиться с ним в скользкой грязи - для этого необходима уверенность в том, что совершенное владение техническими приемами, непрерывная напряженная тренировка делают тебя непобедимым. Но это неправда, особенно в перестрелках. Конечно, перевес может оказаться на твоей стороне, но, если приходится участвовать во многих таких схватках, в одной из них тебя обязательно убьют.

Старлинг видела это собственными глазами.

Усомнившись в этой религии, к чему могла она теперь обратиться?

В разъедающем душу однообразии горестных дней Старлинг стала вглядываться в образы вещей. Старалась доверять собственным инстинктивным реакциям на различные вещи, не квантифицируя их, не сводя их к словам. Примерно в это же время она заметила изменения в собственной манере читать. Раньше она сначала прочитывала подпись, потом уже смотрела на саму иллюстрацию. Теперь все стало по-другому. Иногда она вообще подписей не читала.

Многие годы она читала публикации "от кутюр" тайком, испытывая чувство вины, будто это была порнография. Теперь она признавала, что было в этих публикациях нечто, заставлявшее ее испытывать жажду. При ее складе ума, напичканного лютеранскими принципами, предостерегающими от всяческой скверны, она чувствовала себя так, будто уступает восхитительному соблазну.

Старлинг со временем так или иначе пришла бы к избранной ею теперь тактике, но ее подтолкнула к находке мощная волна изменений в себе самой: подтолкнула к мысли, что вкус доктора Лектера к раритетам, предметам весьма ограниченного спроса, может оказаться тем самым спинным плавником, что, словно плавник акулы, взрезает поверхность вод и делает чудовище видимым.

Используя внесенные в компьютер списки покупателей, сравнивая их, она, возможно, сумеет отыскать одну из его меняющихся личин. Чтобы добиться этого, ей нужно знать, что он предпочитает. Ей нужно знать его лучше, чем кто-либо другой на свете его знает.

Что я знаю о том, что он любит? Он любит музыку, вино, книги, еду. И ему нравлюсь я.

Первый шаг в развитии вкуса - научиться доверять собственному мнению. В том, что касается еды, вина и музыки, Старлинг придется следовать вкусам доктора, выясняя, что он предпочитал раньше. Но хотя бы в одном она могла считать себя равной ему. Автомобили. Она была влюблена в автомобили и знала о них все: всякий, кто видел ее машину, мог с уверенностью судить об этом.

У доктора Лектера, до его позора, был "бентли" с мощным двигателем. С наддувом, но не турбо. Сделанный на заказ, оснащенный поршневым нагнетателем воздуха, с прямым механическим приводом от двигателя, он не страдал инерционностью - недостатком, характерным для машин с турбонаддувом. Она быстро сообразила, что спрос на заказные "бентли" столь мал, что вернуться к

этому предпочтению было бы слишком рискованно.

Что же он может теперь купить? Она прекрасно понимала, какие ощущения он должен испытывать, ведя машину. Восьмицилиндровый двигатель большого объема, с большой мощностью на малых оборотах, не требующий сильной акселерации. А что бы она сама выбрала на сегодняшнем рынке автомобилей?

Что за вопрос, разумеется "ягуар-седан" модели XJR с наддувом. Она тут же разослала факсы фирмам, торгующим "ягуарами" на Восточном и Западном побережьях Америки, запросив недельные сводки продаж.

К каким еще вещам был у доктора вкус, насколько она знала?

"Ему нравлюсь я", - снова подумала она.

Как быстро он прореагировал на известие о ее беде. Даже учитывая задержку из-за необходимости воспользоваться службой пересылки, чтобы ей написать. Плохо только, что почтовый штемпель смазан, вокруг франкировальной машины всегда полно народу, любой жулик может ею воспользоваться.

Как быстро "Нэшнл Тэтлер" попадает в Италию? Именно оттуда он узнал про ее неприятности - экземпляр газеты нашли в Палаццо Каппони. Есть ли у скандальной газетенки свой сайт в Интернете? И еще - если у него в Италии был компьютер, он мог прочесть краткое описание схватки на открытом массовому доступу сайте ФБР. Что можно было бы узнать из компьютера доктора Лектера?

В описи личных вещей доктора Лектера в Палаццо Каппони никакого компьютера не числилось.

Но ведь раньше Старлинг что-то такое заметила. Она взялась за

фотоснимки библиотеки в Палаццо Каппони. Вот снимок замечательно красивого письменного стола, за которым он ей писал. И здесь, на столе, стоял компьютер. Портативный - ноутбук "Филлипс". На более поздних фотоснимках компьютера уже не было.

С помощью словаря Старлинг с огромным трудом составила факс в Квестуру города Флоренции:

"Fra le cose personali del doctor Lecter, c'?e un computer portatile?"

Так, шажок за шажком, Клэрис Старлинг следовала за доктором Лектером коридорами его вкусов и предпочтений, с ничем не оправданной уверенностью в том, что под ногами у нее твердая почва.

ГЛАВА 43

Служитель Мэйсона Верже - Корделл, взглянув на образец, что стоял в рамке на письменном столе, сразу же узнал характерный почерк. Конверт и бумага гласили: "Отель "Эксцельсиор", Флоренция, Италия".

В эпоху Юнабомбера все больше и больше людей, достаточно богатых, обзаводились собственными флуороскопами для проверки почты, такими же, как на Главном почтамте США.

Корделл натянул перчатки и проверил письмо. Флуороскоп не показал ни проводков, ни батареек. В строгом соответствии с указаниями Мэйсона он скопировал письмо и конверт на копировальной машине, осторожно беря бумагу пинцетом, и сменил перчатки, прежде чем взяться за копию и передать ее Мэйсону.

Знакомый, четкий, каллиграфический почерк:

"Дорогой Мэйсон,

Спасибо, что прислали мне такой невероятно щедрый дар, назначив столь высокую цену за мою поимку. Хотелось бы, чтобы Вы расщедрились еще больше. В качестве системы раннего оповещения такой дар работает много лучше, чем любой радар. Он заставляет представителей полицейских властей, в какой бы стране они ни находились, забывать свой непосредственный долг и в одиночку бросаться за мной вдогонку. Результат вы видите сами.

На самом-то деле я пишу, чтобы освежить в Вашей памяти сюжет, касающийся Вашего прежнего носа. В Вашем недавнем и весьма вдохновляющем интервью "Женскому домашнему журналу", посвященном борьбе с наркотиками, Вы утверждаете, что скормили свой нос - вместе с остальным лицом - двум собачкам, Скиппи и Споту, умильно вилявшим хвостами у Ваших ног. Вовсе нет! Вы скушали его сами, в качестве легкой закуски. Судя по тому, как он похрустывал у Вас на зубах, я сказал бы, что по консистенции он походил на куриную гузку; да и Ваш комментарий в тот момент был примерно таким: "На вкус - ну прямо жареный цыпленок!" Мне это напомнило звуки, которые когда-то я слышал в бистро, где некий француз с жадностью поглощал салат-g ?esier.

Вы что же, забыли об этом, Мэйсон?

Кстати о цыплятах: во время наших терапевтических сеансов Вы говорили мне, что в летнем лагере, когда Вы растлевали там обездоленных детей, Вы обнаружили, что шоколад раздражающе воздействует на Вашу уретру. Вы и об этом забыли, не правда ли?

Вы не думаете, что поведали мне о многом таком, что теперь, похоже, напрочь выпало у Вас из памяти?

Никуда не уйти от невероятного сходства между Вами и Иезавелью, Мэйсон. Вы так увлеченно изучаете Библию, что непременно вспомните эпизод, когда собаки пожрали лицо Иезавели, как, впрочем, и все остальное, после того, как евнухи выбросили ее из окна.

Ваши люди вполне могли убить меня на улице. Но ведь Вам хотелось получить меня живым, не правда ли? Аромат, который издавали Ваши наемники, убедительно показал, какой прием Вы планировали мне устроить. Ах, Мэйсон, Мэйсон! Вам так хочется увидеться со мной, примите же несколько слов утешения, Вы ведь знаете - я никогда не лгу.

Перед смертью Вы сможете увидеть мое лицо.

Искренне Ваш

Ганнибал Лектер, МД

P.S. И все же, я очень беспокоюсь, вдруг Вы, Мэйсон, до этого не доживете. Вам следует избегать новых рецидивов пневмонии. Ведь Вы очень восприимчивы к таким заболеваниям, поскольку теперь прикованы к постели (и изменений в этом отношении не предвидится). Я бы рекомендовал Вам немедленную вакцинацию в сочетании с иммунотерапией (инъекции) против гепатита "A" и "B". Мне не хотелось бы преждевременно Вас потерять".

Казалось, у Мэйсона перехватило дыхание, когда он дочитал послание до конца. Он все молчал, молчал и только через некоторое время сказал что-то Корделлу, чего тот не расслышал.

Корделл наклонился пониже и был вознагражден целым фонтаном брызг изо рта Мэйсона, снова обретшего дар речи.

- Соедините меня с Полом Крендлером, - прошипел Верже. - И с нашим
главным свинарем.

ГЛАВА 44

Вертолет, ежедневно доставлявший Мэйсону иностранные газеты, доставил в
Маскрэт-Фарм и заместителя помощника Генерального инспектора Пола Крендлера.

Зловещее присутствие Мэйсона, его затемненная комната, непрерывное
шипенье и вздохи аппаратов, безостановочные извиванья угря в огромном
аквариуме - всего этого Крендлеру и так хватило бы с лихвой, а тут еще
пришлось снова и снова просматривать видеопленку, запечатлевшую смерть
Пацци.

Целых семь раз наблюдал он, как семейство Виггерт вершит орбиту за
орбитой вокруг Давида, видел, как стремительно падает Пацци, как
вываливаются его внутренности. Во время седьмого просмотра Крендлер уже
вполне готов был увидеть, как вываливаются внутренности у Давида.

Наконец в той части комнаты, где располагались места для посетителей, в
так называемой гостиной, зажегся свет; от ярких светильников над головой
Крендлера шел невыносимый жар, сквозь сильно поредевшую щетину коротко
стриженных волос его череп отражал сияние ламп.

Семейство Верже отличает несравненный нюх на всякое свинство, поэтому
Мэйсон без обиняков заговорил о том, что Крендлер хочет получить для себя.
Мэйсон вещал из окружавшей его тьмы, ритм его речи отмеряли вздохи
респиратора.

- Мне незачем выслушивать... полное изложение вашей программы...

сколько денег она потребует?
Крендлер хотел поговорить с Мэйсоном наедине, но в комнате они были не одни. На фоне освещенного аквариума вырисовывалась фигура широкоплечего человека с устрашающе развитой мускулатурой. Мысль об охраннике, прислушивающемся к их разговору, заставляла Крендлера нервничать.
- Мне хотелось бы... может, этот разговор будет только между нами? Вы не попросите его оставить нас?
- Это моя сестра Марго, - сказал Мэйсон. - Она может присутствовать.
Марго появилась из тьмы, шурша велосипедными бриджами.
- Ох, простите, - произнес Крендлер, привставая с кресла.
- Привет, - ответила она и, вместо того, чтобы пожать протянутую ей руку, взяла пару орехов из вазы на столе, и стиснула их в кулаке так, что они с громким треском раскололись друг о друга. Затем она снова удалилась во тьму и встала перед аквариумом, где, по-видимому, и съела орехи. Крендлер услышал, как на пол упала скорлупа.
- У-у'кей, - сказал Мэйсон. - Выкладывайте.
- Мне - чтобы провалить Лоуэнстайна в двадцать седьмом округе - десять миллионов долларов минимум. - Крендлер закинул ногу на ногу и вгляделся куда-то в затемненное пространство. Он не знал, видит ли его Мэйсон. - Эта сумма понадобится для оплаты прессы. Но я могу с полной гарантией утверждать, что он уязвим. Мне ли не знать.
- А что у него?
- Ну, скажем, его поведение вызывает...
- Я спрашиваю - что? Деньги, извращения?
Крендлеру неловко было сказать "извращения" в присутствии Марго, хотя

Мэйсона это, видимо, вовсе не волновало.
- Он женат, но уже давно сожительствует с судьей апелляционного суда
штата. Судье удалось несколько раз добиться решений в пользу тех, кто
оплачивал избирательную кампанию Лоуэнстайна. Это может быть простым
совпадением, но, если телевидение обвинит его в таких вещах, - дело в шляпе.
- Судья - женщина? - спросиа Марго.
Крендлер кивнул. Не уверенный, что Мэйсон его видит, он добавил:
- Да. Женщина.
- Худо, - сказал Мэйсон. - Лучше бы он был извращенцем, правда, Марго?
Но все-таки, вы же не можете запустить эту дезу сами, Крендлер. Нельзя,
чтобы это исходило от вас.
- Мы составили план, который предлагает избирателям...
- Но вы не можете запустить эту дезу сами, - повторил Мэйсон.
- Я просто сделаю так, чтобы в Управлении судебного надзора знали, куда
смотреть; грязь так прилипнет, что Лоуэнстайну век не отмыться. Что скажете?
Согласны мне помочь?
- Согласен - наполовину.
- Пять?
- Давайте не будем так легко швыряться этим словом. Давайте произносить
с должным уважением - пять миллионов долларов. Господь благословил меня
этими деньгами. И с их помощью я осуществляю Его волю: вы получите эти
деньги, только если Ганнибал Лектер окажется у меня в руках. - Мэйсон
несколько мгновений переводил дыхание. - Если это случится, вы станете
конгрессменом Крендлером от двадцать седьмого округа, свободным и
независимым, и все, о чем я когда-либо попрошу вас, это - выступить против

"Закона о применении гуманных методов забоя скота". Если Лектер попадет в
руки ФБР, если фараоны его где-нибудь схватят и он отделается всего лишь
смертельным уколом, что ж - рад был с вами познакомиться.

- А как я могу помешать местным правоохранительным органам его поймать?
Или - если конторе Крофорда вдруг повезет и они его сцапают? Я же не могу
это проконтролировать.

- Сколько штатов, где есть смертная казнь, могли бы вынести доктору
Лектеру обвинительный приговор? - спросила Марго. Голос у нее был скрипучий
и низкий, как у Мэйсона, из-за гормонов, которые она принимала.

- Три штата, и в каждом - многократные предумышленные убийства.

- Если его арестуют, я хочу, чтобы его судили в соответствии с законами
нашего штата, - сказал Мэйсон. - Никакой ерунды вроде похищений, никаких
нарушений прав человека, никаких межштатных процессов. Я хочу, чтоб он
получил пожизненное, я хочу, чтоб он сидел в тюрьме нашего штата, а не в
федеральной строгого режима.

- Надо ли мне спросить - почему?

- Только если на самом деле хотите, чтобы я вам ответил. Это не подпадает под "Закон о применении гуманных методов забоя скота", - сказал
Мэйсон и хихикнул. Разговор истощил его силы. Он сделал жест в сторону
Марго.

Она вынесла на свет пюпитр - планшет с зажимом - и стала читать свои
записи:

- "Нам нужно получать всю информацию, что получаете вы, до того, как

она попадает в Отдел психологии поведения; нам нужно получать все рапорты
Отдела, как только их введут в сеть, и нам нужны коды доступа к Сети
Информационного центра ФБР в Квонтико и Национального информационного
центра".

- Вам нужно будет пользоваться таксофоном каждый раз, как вы будете
входить в Сеть ИЦ в Квонтико, - сказал Крендлер, все еще обращаясь куда-то
во тьму, будто женщины с ним рядом вовсе не было. - Как вы сможете это
сделать?

- Я смогу это делать, - сказала Марго.

- Она сможет это сделать, - прошептал Мэйсон из темноты. - Она
составляет программы для тренажеров в спортзалах. Такой у нее маленький
бизнес, чтоб не жить на иждивении братика.

- У ФБР закрытая система, а часть ее вообще зашифрована. Вам придется
подключаться через гостевой вход, точно следуя моим указаниям, а затем
загружать ноутбук, предварительно загруженный в Департаменте юстиции, -
сказал Крендлер. - Тогда, если в ИЦ вам подбросят приманку и устроят слежку,
они ткнутся носом в Департамент юстиции. Купите быстрый ноутбук с быстрым
модемом - за наличные, прямо у оптовика, и не оформляйте никаких гарантий по
почте. Купите еще и zip-драйв. И не входите пока в сеть. Машина понадобится
мне на сутки, а когда вы со всем этим покончите, вернете ее мне во что бы то
ни стало. Я с вами свяжусь. О'кей, с этим - все.

Крендлер встал и принялся собирать бумаги.

- Не совсем все, мистер Крендлер ... - сказал Мэйсон. - Лектер может

вовсе не объявиться. Денег у него полно, хватит, чтобы спрятаться на веки вечные.

- Откуда у него деньги? - спросила Марго.

- Когда он занимался психиатрической практикой, у него было несколько очень пожилых пациентов, - ответил Крендлер. - Он уговорил их отписать ему кучу денег - и акции впридачу, и здорово их припрятал. Налоговая инспекция так и не смогла их отыскать. Даже эксгумировали парочку его благодетелей, чтобы выяснить, не он ли их укокошил, но ничего не обнаружили. Тесты на токсины - отрицательные.

- Так что на грабеже его не поймаешь, проблем с деньгами у него не будет, - заметил Мэйсон. - Надо его как-то выманить на свет. Продумайте, как это сделать.

- Он узнает, откуда ветер дул там, во Флоренции, - сказал Крендлер.

- Точно, узнает.

- И захочет вам отомстить.

- Не думаю, - ответил Мэйсон. - Я нравлюсь ему в своем теперешнем состоянии. Думайте, думайте, Крендлер. - Мэйсон принялся напевать какую-то мелодию.

Все, что заместитель помощника генерального инспектора Крендлер мог слышать, направляясь к выходу, была эта мелодия. Мэйсон часто мурлыкал псалмы, обдумывая свои интриги. Первую наживку ты проглотил, Крендлер, но мы еще поговорим об этом, когда ты откроешь в банке изобличающий тебя счет ... когда ты будешь принадлежать мне целиком, со всеми потрохами.

ГЛАВА 45

В комнате Мэйсона остается лишь семейство Верже - брат и сестра.

Приглушенный свет и музыка - музыка Северной Африки: уд и барабаны.
Марго сидит на кушетке, голова ее опущена, локти на коленях. Она напоминает
метателя молота или штангиста, отдыхающего в тренажерном зале после тяжелой
тренировки. Дыхание у нее довольно частое, более частое, чем у респиратора
Мэйсона.

Напев кончается, Марго поднимается, подходит к кровати. Угорь
высовывает голову из отверстия искусственного грота - взглянуть, не
прольется ли и сегодня дождь золотых карпов с его колеблющихся серебристых
небес. Скрипучий голос Марго сейчас тих и мягок, как никогда.

- Ты не спишь?

Секунда-другая, и никогда не закрывающийся глаз Мэйсона обретает
осмысленность.

- Что, самое время поговорить о том ... - шипит респиратор, Мэйсон
делает вдох, - чего хочется Марго? Иди-ка, посиди у Санта-Клауса на коленях.

- Ты знаешь, чего мне хочется.

- Скажи мне.

- Мы с Джуди хотим ребенка. Ребенка той же крови, что все Верже. Нашего
ребенка.

- Почему бы вам не купить китайчонка? Они дешевле молочных поросят.

- Наш ребенок - это было бы так здорово. Мы могли бы это сделать.

- Ну-ка, что говорится в папочкином завещании... "Моему наследнику, чье
происхождение будет подтверждено в Лаборатории Селлмарк или ей подобной в
результате тестирования ДНК, завещаю все мое имущество после кончины моего
любимого сына - Мэйсона". Любимый сын Мэйсон - это я. "В случае отсутствия

наследника по прямой линии единственным получателем всего моего имущества
назначаю Южный баптистский монастырь, с учетом специальных статей завещания,
касающихся Университета Бэйлора в городе Уэйко, штат Техас". Ну ты и
обозлила папочку своими лесбийскими выкрутасами, моя Марго.

- Ты, может, и не поверишь, Мэйсон, только дело здесь не в деньгах...
Нет, и в деньгах, конечно, только не это главное. А разве тебе не хочется
наследника? Ребенок был бы и твоим наследником, Мэйсон.

- А почему бы тебе не найти какого-нибудь симпатичного парня и не дать
ему разок, а, Марго? Ты же не можешь сказать, что не знаешь, как это
делается?

Африканская музыка звучит снова, наращивая громкость: навязчивое
повторение мелодии уда, словно волны гнева, захлестывающие уши.

- Я же изуродовала себя, Мэйсон. Иссушила себе яичники всей той
гадостью, что принимала. И я хочу, чтобы Джуди могла участвовать в этом. Она
хочет родить, быть настоящей матерью. Мэйсон, ты же обещал... сказал, если я
тебе помогу... обещал дать мне свою сперму.

Паучьи пальцы Мэйсона сделали приглашающий жест:

- Угощайся. Она пока на месте.

- Мэйсон, пока еще есть шанс, что твоя сперма - животворна. Мы можем
получить ее, не причиняя тебе боли.

- Получить мою животворную сперму? Звучит так, будто ты с кем-то на эту
тему говорила.

- Просто советовалась в клинике искусственного оплодотворения, это
совершенно конфиденциально. - Даже холодный свет от аквариума не может

скрыть, как смягчилось лицо Марго. - Мы были бы хорошими родителями ребенку,
Мэйсон. Мы даже на курсы родителей ходили, а Джуди - из большой, очень
терпимой семьи, и есть специальная группа поддержки для родителей-женщин.

- Ты когда-то умела заставить меня кончить, Марго, когда мы еще совсем
детишками были. Помнишь? Мощно выдавал, как пулемет. И так же быстро.

- Ты делал мне так больно, Мэйсон, я ведь была совсем девчонкой. И
вывихнул мне локоть, когда заставлял делать то ... другое. Я до сих пор не
могу выжать больше восьмидесяти фунтов левой.

- Ну, ты же отказывалась есть шоколад. Я же сказал, сестренка, - поговорим, когда с этим делом покончим.

- Давай просто сделаем анализ, - сказала Марго. - Доктор может взять
пробу совершенно безболезненно...

- Что ты затвердила - безболезненно, безболезненно! Я же все равно
ничего не чувствую там, внизу. Можешь сосать до посинения, все равно не
будет, как первый раз. Я заставлял тут некоторых это делать - ни черта не
выходит.

- Доктор может безболезненно взять пробу спермы, чтобы убедиться, что
она живая. Джуди уже принимает кломид. Мы записываем ее цикл, надо еще
столько всего сделать.

- Я не имел удовольствия познакомиться с твоей Джуди за все это время.
Корделл говорит, у нее ноги кривые. Сколько уже времени, как вы с ней
трахаетесь?

- Пять лет.

- Почему бы тебе не привести ее сюда? Мы могли бы вместе ... добиться,

так сказать, интересных результатов.
Африканские барабаны издают заключительный грохот и умолкают, заполнив слух Марго звенящей тишиной.
- Слушай, а почему ты сам не попробуешь поиграть в эти игры с Департаментом юстиции? - спросила она, низко наклонившись к ушному отверстию Мэйсона. - Почему не попробуешь сам отправиться в телефонную будку с тем гребаным ноутбуком? Почему не хочешь отвалить еще кучку своих гребаных долларов, чтоб тебе поймали мерзавца, скормившего твое личико собакам? Ты обещал помочь мне, Мэйсон.
- И помогу. Просто мне надо подумать... выбрать время.
Марго раздавила в кулаке два ореха и уронила скорлупу на простыню Мэйсона.
- Думай, черт с тобой. Только не очень долго, Смайли ты мой дорогой.
И Марго пошла прочь из комнаты. Ее велосипедные бриджи уже не шуршали - шипели, словно сжатый пар.

ГЛАВА 46

Арделия Мэпп готовила по настроению, и когда готовила, результат обычно был потрясающий. Она унаследовала многое от предков с Ямайки и Гуллы и теперь готовила вяленого цыпленка, посыпая полосы куриного мяса зернышками шотландского стручкового перца; стручок она осторожно держала за стебель.
Она отказалась платить лишнее за нарезную курятину, и Старлинг пришлось взяться за острый нож и разделочную доску.
- Если просто нарезать курицу кусками, мясо не пропитается специями так, как разрезанное на полосы, - поясняла Арделия, далеко не в первый раз.

- Смотри, - сказала она, отобрав нож у Клэрис и с такой силой взрезав
куриную спинку, что осколки кости прилипли к фартуку. - Вот так. И зачем ты
выкидываешь шейки? А ну-ка положи эту красотку обратно!

Минутой позже она заговорила снова:

- Я сегодня заходила на почту. Отправляла маме туфли.

- Я тоже была на почте. Вполне могла их отправить.

- И ты там ничего такого не слышала?

- Не-а.

Мэпп кивнула, ничуть не удивившись.

- Тамтамы сообщили, твою почту перлюстрируют.

- Кто?

- Поступило конфиденциальное распоряжение из Почтовой инспекции. А ты и
не знала?

- Нет.

- Тогда постарайся выяснить это другим путем, я не могу подвести своего
приятеля с почты..

- Ладно. - Старлинг на миг опустила нож. - Господи, Арделия!

Утром Старлинг стояла у почтового прилавка, покупая марки, и ничего не
могла прочесть на замкнутых лицах почтовых служащих. В большинстве своем это
были афро-американцы. С некоторыми она была знакома. Кто-то явно пытался ей
помочь, а ведь риск был огромный, человек мог понести уголовную
ответственность и лишиться права на пенсию. И этот кто-то явно доверял
Арделии больше, чем ей - Старлинг. Вместе с охватившей ее тревогой возникло
согревшее ее чувство счастья - по афро-американской "горячей линии" она
получила поддержку и одобрение. Может быть, это было молчаливое признание
того, что она застрелила Эвельду Драмго в процессе самозащиты.

- А ну-ка, возьми этот зеленый лук, растолки его ручкой от ножа и дай

сюда. И зелень, и белые головки - все вместе, - скомандовала Арделия.
Окончив подготовительную работу, Старлинг вымыла руки, вошла в гостиную
подруги и опустилась на стул, наслаждаясь царившим здесь идеальным порядком.
Минутой позже вошла Арделия, вытирая руки посудным полотенцем.
- Что это за хренотень, можешь ты мне объяснить или нет, черт бы тебя
побрал? - произнесла она.
Обе они давно завели манеру смачно браниться, прежде чем взяться за
что-нибудь, грозящее настоящей бедой: что-то вроде современного варианта
былого обычая свистеть в темноте.
- Да будь я проклята, если хоть что-нибудь понимаю. Какому гребаному
сукину сыну моя почта понадобилась, вот что я хотела бы знать.
- Дальше Почтовой инспекции моим ребятам не забраться.
- Дело не в перестрелке. Дело не в Эвельде, - сказала Старлинг. - Если
они просматривают мою почту, это должно быть связано с доктором Лектером.
- Черт, ты же всегда отдавала им все, что от него получала. Ты же с
Крофордом об этом договорилась.
- Тут у нас все чисто, без дураков. Если это ИЛС нашего Бюро меня
проверяет, я смогу выяснить. Если Департамента юстиции - не знаю.
Департамент юстиции и его "дочерняя фирма" - ФБР - имеют свои
собственные Инспекциии личного состава, которые теоретически должны
сотрудничать, но на деле их интересы порой сталкиваются. Такие конфликты
внутри обеих контор известны как соревнования "кто кого пересcыт", и
сотрудники, оказавшиеся в самой гуще конфликта, порою тонут. Вдобавок ко
всему Генеральный инспектор Департамента юстиции - политический назначенец -

в любой момент может вмешаться и взять решение щекотливого дела в свои руки.
- Если им известно, что затевает Ганнибал Лектер, если они считают, что
он на подходе, они должны дать тебе знать, чтобы ты могла как-то защититься.
Старлинг, слушай, ты хоть иногда ... ты чувствуешь, что он где-то здесь,
рядом с тобой?
Старлинг покачала головой.
- Он меня не очень беспокоит. В этом смысле. Я раньше вообще редко об
этом задумывалась. Знаешь это чувство - такое свинцовое, такое тяжкое серое
чувство - оно охватывает всю тебя, когда ты чего-нибудь страшишься? У меня
его нет. И не было. Просто я думаю, я бы почувствовала, если бы возникла эта
проблема.
- А что бы ты сделала? Ну что бы ты сделала, если бы увидела его прямо
перед собой? Совершенно того не ожидая? Мысленно ты для себя уже это решила?
Ты бы его завалила?
- А как же! Только бы успеть штаны расстегнуть да моего горяченького
вынуть и впендюрить прямо ему в задницу.
Арделия рассмеялась.
- Ну а потом - что?
Улыбка Старлинг растаяла.
- Все зависело бы от него самого.
- А застрелить его ты могла бы?
- Чтоб собственная требуха на месте осталась? Ты шутишь? Господи,
Арделия, да я мечтаю, чтобы такого больше никогда не случилось. Я рада была
бы, если бы он благополучно вернулся в тюрьму, чтобы никто никому никакого
вреда не причинил - и ему в том числе. Впрочем, должна признаться - иногда

мне кажется, если бы его все-таки загнали в угол, я все бы сделала, чтоб за него вступиться.

- Не смей даже произнести такое!

- Если бы за него взялась я, у него было бы больше шансов остаться в живых. Я не стала бы стрелять в него с перепугу. Он вовсе не волк-оборотень. И все зависело бы от него самого.

- А вообще-то тебе страшно? Лучше бы ты его боялась. Хоть немного.

- Знаешь, что по-настоящему страшно, Арделия? Когда кто-то говорит тебе правду. Мне очень хочется, чтобы он избежал иглы. Если ему это удастся и он окажется в тюремной спецбольнице... Он ведь вызывает огромный научный интерес, поэтому лечить его будут очень даже неплохо. И проблем с соседями у него не будет. А если бы он все-таки угодил в тюрягу, я поблагодарила бы его за письмо. Нельзя сбрасывать со счетов человека, которому хватает безумия говорить правду.

- Есть же какая-то причина, почему твою почту просматривают. Значит, имеется судебный ордер, который хранится где-то за семью печатями. Но за мной и моими друзьями пока еще слежку не установили, не то мы бы заметили, - сказала Арделия. - Нисколько не удивилась бы, если б эти сукины дети знали, что он близко, а от тебя скрыли. Завтра будь начеку.

- Мистер Кроформ нам сообщил бы. Они же без него не смогут достаточно материала против Лектера собрать. Должны Кроформа подключить.

- Джек Кроформ уже прошлое, Старлинг. Тут ты вроде совсем уж ничего вокруг себя не видишь. А что, если они соберут что-то против тебя самой? За

твой роток, на который не накинешь платок, за то, что не дала Крендлеру штанишки с тебя снять? Что, если кому-то понадобилось с тобой разделаться? Слушай, я всерьез опасаюсь за свой источник. Его надо как следует прикрыть.

- А мы можем что-нибудь сделать для твоего почтового приятеля? Надо нам что-нибудь для него сделать?

- А как ты думаешь, кто приглашен сегодня на обед?

- Да ладно тебе, Арделия!... Постой-ка, я полагала, это Я приглашена на обед.

- Ты можешь взять домой сухим пайком.

- 'Много благодарна, мэм.

- Ничего не стоит, лапочка. Я сама тебе благодарна - за доставленное удовольствие.

ГЛАВА 47

Ребенком Старлинг переселилась из дощатого домишки, стонавшего от порывов ветра, в надежное здание из красного кирпича - Лютеранский приют.

В ветхой развалюхе ее раннего детства была теплая, уютная кухня, где отец делился с ней ломтиками апельсина. Но смерть прекрасно знает, где искать эти ветхие домишки и людей, вынужденных выполнять опасную работу за ничтожную плату. Отец уехал из дому на своем стареньком пикапе патрулировать ночные улицы, и это его убило.

Старлинг уехала из дома приемных родителей, когда те забивали ягнят, на лошади, которую собирались отправить на бойню, и нашла что-то вроде надежного убежища от всех опасностей в Лютеранском приюте. С тех пор учрежденческие структуры, с их большими, прочными зданиями, давали ей

чувство защищенности. У лютеран, возможно, было маловато тепла и апельсинов
и многовато разговоров об Иисусе, но правила на то и правила: если их
понимать и принимать, все с тобой будет в порядке.

Когда речь шла о том, что надо пройти безличный конкурс-ный экзамен,
или выполнять оперативные задания на улицах, она не сомневалась, что сумеет
сохранить за собой свое место. Но дара внутриведомственных интриг Старлинг
была лишена напрочь.

И в это утро, вылезая из своего любимого старого "мустанга", она
ощутила, что огромный фасад Квонтико уже не кажется ей надежным
краснокирпичным приютом. Сквозь взвихренный, словно взбесившийся, воздух над
ведомственной стоянкой даже вход в здание виделся зловеще искривленным.

Ей очень хотелось увидеть Джека Кроуфорда, но время подгоняло. Съемки на
Хоган-Элли начинались сразу же, как только солнце поднималось достаточно
высоко.

Расследование дела о "бойне" на рыбном рынке "Фелисиана" требовало
снятого на пленку воспроизведения происшедшего. Следственный эксперимент
снимали на стрельбище Хоган-Элли в Квонтико: воспроизводился каждый выстрел,
траектория каждой пули.

Старлинг должна была играть себя. Микроавтобус наружного наблюдения был
тот самый, с побитым кузовом, с неза-крашенной шпаклевкой на местах
последних пулевых пробоин. Снова и снова участники эксперимента выскакивали
из дряхлого автобуса, снова и снова агент, игравший роль Бригема, падал

ничком, а тот, что был Берком, корчился на земле от боли. После этих упражнений, сопровождавшихся грохотом холостых выстрелов, Старлинг чувствовала себя выжатой как лимон.

Закончили уже перед вечером.

Старлинг повесила снаряжение бойца СВАТ в шкаф и обнаружила, что Кроуфорд сидит у себя в Отделе.

Она теперь снова обращалась к нему вполне официально - "мистер Кроуфорд", а он казался все более отсутствующим, все более далеким от всех и вся.

- Выпьете "алка-зельцер", Старлинг? - спросил он, увидев ее в дверях Отдела. Кроуфорд принимал множество патентованных средств в течение дня - настой зверобоя, экстракт китайского гинкго, таблетки. Принимал он их в определенном порядке, отправляя таблетку в рот с ладони и запрокидывая голову, будто пил спиртное.

В последние недели он взял себе за правило снимать в отделе пиджак и надевать свитер, который ему связала Белла, его покойная жена. Теперь он выглядел гораздо старше, чем в воспоминаниях Клэрис выглядел отец.

- Мистер Кроуфорд, часть моей почты перлюстрируется. У них не очень ловко это получается. Похоже, они просто отпаривают клей над чайником.

- За вашей почтой следят с тех пор, как Лектер прислал вам письмо.

- Но тогда просто проверяли конверты на флуороскопе. Против этого я не возражала. Только я хочу сама читать адресованные мне личные письма. И никто мне ничего не сказал.

- Этим не наша ИЛС занимается.

- И это не заместитель директора Доуг, мистер Крофорд. Это кто-то достаточно влиятельный, чтобы иметь возможность получить ордер на перехват почты по Категории 3, с правом не сообщать об этом по инстанциям.

- Но вскрывают письма не профессионалы. - Клэрис молчала так долго, что он добавил: - Лучше, чтобы это так выглядело, по-вашему, да, Старлинг?

- Да, сэр.

Крофорд поджал губы и кивнул:

- Я разберусь с этим. - Он аккуратно поставил пузырьки с лекарствами в ящик стола. - Поговорю с Карлом Ширмером, в Депюсте, мы с ним уладим это дело.

Ширмер... Да что этот слабак может? В ведомственных коридорах прошел слух, что в конце года он уходит на пенсию: все приятели Крофорда уходили на пенсию один за другим.

- Спасибо, сэр.

- Можете назвать кого-нибудь из ваших учеников в Полицейской академии, у кого явно есть способности? С кем стоит нашим вербовщикам поговорить?

- В области судебной медицины... пока не могу определенно сказать: они меня стесняются, когда речь заходит о сексуальных преступлениях. Но есть парочка отличных стрелков.

- Этими-то мы сыты по горло. - Крофорд бросил на нее быстрый взгляд. - Вас я не имел в виду.

Тяжкий день, весь занятый бесконечным разыгрыванием сцены смерти Джона Бригема, наконец закончился, и Старлинг пришла к могиле на Арлингтонском национальном кладбище.

Она положила ладонь на камень, все еще шершавый от резца, и неожиданно
ее губы совершенно отчетливо снова ощутили мраморный холод лба, шершавость
пудры... Она поцеловала Бригема, когда в последний раз подошла к гробу,
чтобы вложить в руку Джона, под его белую перчатку, последнюю полученную ею
медаль чемпиона по стрельбе из боевого пистолета.

Теперь в Арлингтоне падали листья,   укрывая   тесно   заставленную
памятниками землю. Старлинг, не убирая руки с надгробья, глядела на
бесчисленные могилы и думала о том, сколько же здесь лежало людей, подобно
Джону Бригему погибших зря, из-за глупости, эгоизма и постыдных сделок,
совершаемых усталыми стариками.

Неважно, веришь ты в Бога или нет, но если ты воин, Арлингтонское
кладбище всю жизнь будет для тебя святым местом, и трагедия не в том, что
человек умирает, трагедия - когда человек умирает зря.

Она всегда чувствовала себя тесно связанной с Джоном Бригемом, и связь
эта была не менее прочной оттого, что любовниками они не были. Никогда.
Опустившись на одно колено перед его могилой, она вспоминала:

Давным-давно он очень мягко кое о чем ее попросил , и она ответила
"нет"; тогда он спросил, могут ли они остаться друзьями - спросил вполне
серьезно, ничего иного уже не имея в виду, и она ответила "да" - тоже вполне
серьезно.

Не поднимаясь с колен, она думала о могиле отца, далеко-далеко отсюда.
Она не была на том кладбище с тех пор, как лучше всех закончила колледж и

пришла к его надгробью - рассказать об этом. Теперь она думала, не пора ли снова вернуться туда.

Закат солнца, светившего сквозь черные ветви арлингтонских деревьев, был оранжев, как тот апельсин, что делил с нею отец; от звука далекой трубы по телу побежали мурашки; надгробный камень холодил ладонь.

ГЛАВА 48

Сквозь легкую дымку собственного дыхания мы можем видеть эту алмазно светящуюся блестку в ясном ночном небе над Ньюфаундлендом - сначала где-то вблизи Ориона, а затем медленно ползущую дальше над нашими головами: "Боинг-747" преодолевает встречный западный ветер. Скорость ветра - сто миль в час. В самом конце салона туристского класса, где обычно размещаются группы дешевых комплексных туров, пятьдесят два участника тура "Фантастический Старый Свет", позволяющего познакомиться с одиннадцатью странами за семнадцать дней, возвращаются в Детройт и Виндзор - тот, что в Канаде. Кресла: пространство для плеч - двадцать дюймов; сиденье от одного подлокотника до другого - двадцать дюймов. Всего на два дюйма больше, чем было у раба, которого когда-то везли из Западной Африки в Вест-Индию.

Пассажирам небрежно швыряют холодные, как лед, сандвичи с липкими ломтиками мяса и каким-то полусинтетическим плавленым сыром; пассажиры вынуждены вдыхать испускаемые соседями газы и то, что все они вместе выдыхают, - воздух в салоне кондиционируется и рекондиционируется из

соображений строгой экономии, по принципу переработки помоев, придуманному ското- и свиноторговцами в пятидесятые годы.

Доктор Ганнибал Лектер сидит в центре среднего ряда в самом конце салона. По обе стороны от него - дети, а в конце ряда - женщина с младенцем на руках. После стольких лет в камерах и путах доктор Лектер не любит чувствовать себя стесненным. В соседнем кресле мальчик играет с компьютерной игрушкой: игрушка у него на коленях беспрестанно пищит. У доктора Лектера, как и у многих других обитателей самых дешевых мест, на груди значок - улыбающаяся рожица с надписью большими красными буквами: "CAN-AM TOURS"; как все туристы группы, он одет в псевдо-спортивный тренировочный костюм. На костюме - эмблемы хоккейной команды "Toronto Maple Leafs". Под этой одеждой к телу доктора Лектера прибинтовано весьма значительное количество денег - наличными.

Доктор Лектер присоединился к туристической группе три дня назад, купив билет у парижского брокера, ведавшего местами, освобождавшимися в последний момент из-за чьей-нибудь болезни. Человек, который должен был бы сидеть сейчас в этом кресле, отправился домой, в Канаду, в гробу: сердце не выдержало, когда он пытался преодолеть лестницу, ведущую на купол собора Святого Петра.

Прибыв в Детройт, доктор Лектер должен будет пройти паспортный контроль и таможню. Он может не сомневаться, что органы иммиграционной службы и

службы безопасности в любом значительном аэропорту Западного мира предупреждены и ждут его появления. И если даже его фотографии нет на стене помещения паспортного контроля, она будет ждать его появления под красной кнопкой компьютера каждой из этих служб.

При всем этом он полагает, что кое в чем ему очень повезло. Фотографии, которыми пользуются власти, - это, скорее всего, фотографии его прежнего лица. Фальшивый паспорт, по которому он приехал в Италию, не соответствует ни одному из имеющихся в США файлов и не может дать даже намека на то, как выглядит доктор Лектер сегодня. В Италии Ринальдо Пацци попытался облегчить себе жизнь и удовлетворить Мэйсона Верже, просто взяв в жандармерии дело, в котором находилась фотография - позитив и негатив, - использованная для permesso di soggiorno и разрешения на работу. Доктор Лектер обнаружил все это в портфеле Пацци и уничтожил.

Если только Пацци не сфотографировал "доктора Фелла" из какого-нибудь укрытия, есть несомненный шанс, что никакого изображения нового лица доктора Лектера нигде в мире не имеется. Правда, оно не так уж отличается от его старого лица: немного коллагена, добавленного в области носа и щек, иной цвет волос, очки... однако лицо все-таки другое, если только не привлекать к нему специального внимания. Чтобы скрыть шрам на тыльной стороне левой ладони, он воспользовался очень удачными, почти несмываемыми косметическими средствами и тональным кремом.

Доктор Лектер предполагает, что в Центральном аэропорте Детройта прибывшие разделятся на две очереди - в одной будут те, что с паспортами США, в другой - "Остальные". Он специально выбрал пограничный город, чтобы очередь "Остальных" была как можно длиннее. Самолет, в котором он теперь летит, переполнен канадцами. Доктор предполагает, что его прогонят сквозь контроль вместе с остальным стадом прибывших, при условии что это стадо его не отвергнет. Он же посетил с этими туристами несколько исторических мест и галерей, он же высидел в духоте вместе с ними весь этот полет... но ведь всему есть предел! Он не может есть вместе с ними эти самолетные помои.

Утомленные, со стертыми ногами, в надоевшей одежде, окруженные надоевшими спутниками, туристы роются в выданных им пакетах с самолетной едой и выуживают из сандвичей почерневшие в морозилке листики салата.

Не желая привлекать к себе внимание, доктор Лектер терпеливо ждет, пока другие пассажиры разберутся со своими злосчастными пакетами; он дожидается, пока они побывают в туалете, пока большинство из них заснет. Далеко, в голове салона, на большом экране идет давно утративший новизну фильм. Доктор Лектер ждет терпеливо, словно удав, поджидающий жертву. Рядом с ним над своим компьютером спит мальчишка. В огромном салоне самолета, там и сям над креслами, гаснут лампочки.

Тогда и только тогда, бросив осторожный взгляд на соседей, доктор

Лектер достает из-под переднего кресла элегантную, желтую с коричневым коробку с ланчем от Фошона - парижского ресторатора. Она перевязана двумя лентами из прозрачного шелка, цвета их подобраны так, чтобы дополнять друг друга. Доктор Лектер заказал для себя замечательно ароматный гусиный паштет с трюфелями и анатолийские винные ягоды: сок все еще блестит слезами там, где ягоды отделили от стеблей. А еще здесь имеется половинная бутылочка его любимого коньяка. Это - "Сент-Эстеф". Шелковый бант распускается с легким шуршаньем.

Доктор Лектер собирается насладиться винной ягодой: он держит ее у самых губ, ноздри его раздуваются, вдыхая ее аромат, он размышляет - положить ли ягоду в рот целиком и раскусить одним великолепным движеньем зубов или же просто откусить половину; но тут электронная игрушка рядом с ним издает громкий писк. Еще и еще раз. Не повернув головы, доктор прячет ягоду в ладони и опускает глаза - взглянуть на мальчика в соседнем кресле. Из раскрытой коробки поднимается аромат трюфелей, гусиного паштета и коньяка.

Мальчишка принюхивается. Его узкие, маленькие, как у грызуна, глазки скашиваются в сторону коробки с ланчем доктора Лектера. И мальчишка произносит визгливым голосом, полным обиды и детской ревности:

- Эй, мистер! Эй, мистер!

Останавливаться он явно не собирается.

- В чем дело?

- Это что у них, такой особый обед?

- Нет.

- А что у тебя там тогда? - Ребенок поднимает к Лектеру умильную мордочку: - А дай мне тоже кусочек?

- С огромным удовольствием, - говорит доктор Лектер, отметив про себя, что голова мальчишки держится на шее, ничуть не толще копченой свиной шейки.
- Только тебе не понравится. Это же ливер.

- Ливерная колбаса? Вот здорово! Мама разрешит! Моа-а-а-ам?

Какой-то противоестественный ребенок! Любит ливерную колбасу и то хнычет, то визжит.

Женщина в конце ряда, та, что держит на руках младенца, вздрагивает и просыпается.

Пассажиры в предыдущем ряду, откинувшие спинки кресел так, что доктор Лектер дышит запахом их волос, заглядывают назад через просветы между креслами:

- Послушайте, мы тут пытаемся заснуть!

- Моа-а-ам! Можно мне попробовать его самвич?

Младенец у матери на руках просыпается и громко плачет. Мать погружает палец куда-то в его пеленки, вынимает, убеждается, что результат отрицательный, и сует младенцу в рот соску.

- Что это вы там ему пытались дать, сэр?

- Это ливер, мадам, - говорит доктор Лектер как можно спокойнее, - я ничего ему не пытался дать...

- Ливерная колбаса. Моя любимая, мне хочется, он сказал, что мне мо-о-ожно...

Последнее слово бесконечно растянуто в пронзительном хныканье.

- Сэр, если вы даете что-то такое моему ребенку, могу я взглянуть, что это?

Подходит стюардесса, лицо ее припухло от прерванного сна; останавливается у кресла женщины с вопящим младенцем.

- Что-нибудь не в порядке? Принести вам что-нибудь? Подогреть ему бутылочку?

Женщина вынимает бутылочку с завернутой крышкой и протягивает стюардессе. Включает лампочку над креслом и, доставая грудь, окликает доктора Лектера:

- Передайте мне, пожалуйста, что там у вас? Если предлагаете что-то моему ребенку, я хочу сама посмотреть. Не в обиду вам, просто у него животик капризный.

Стало уже рутиной, что мы оставляем своих детей в садиках и яслях под присмотром чужаков. В то же время, ощущая свою вину, мы параноидально боимся незнакомцев и поощряем такую боязнь у детей. В случаях, подобных этому, бывает, что за рутинным явлением наблюдает настоящий монстр, пусть даже этот монстр так же равнодушен к детям, как доктор Лектер.

Он передает коробку от Фошона женщине с младенцем.

- Ух ты, какой хлеб хороший! - произносит она, тыча в хлеб пальцем, только что вытащенным из пеленок.

- Мадам, вы можете оставить все это себе.

- Но я не пью спиртного, - восклицает она и оглядывает соседей, ожидая смешков. - Вот уж не знала, что тут разрешают свое спиртное приносить. Это что - виски? Разве такое разрешается пить в самолете? Пожалуй, я оставлю себе эту ленту, если она вам не нужна.

- Сэр, запрещается распечатывать алкогольные напитки на борту самолета, - говорит стюардесса. - Я сохраню вашу бутылку, вы сможете получить ее у входа в аэропорт.

- Разумеется, - говорит доктор Лектер. - Спасибо большое.

Доктор Лектер умел стать выше того, что его окружало. Мог заставить все окружающее исчезнуть. Писк электронной игрушки, храп и извержение газов были просто ничтожными помехами по сравнению с ужасающими воплями, раздававшимися в отделении для буйнопомешанных. Кресло было ни-сколько не стеснительнее пут. И - как он делал это множество раз в своей камере - он откинул голову назад, закрыл глаза и удалился на покой, в тишину дворцовых палат своей памяти: эти палаты, в большей своей части, были местом совершенно изумительным.

В этот краткий промежуток времени металлический цилиндр, рвущийся сквозь ветер на восток, несет в себе дворец из тысячи палат.

Однажды мы уже последовали за доктором Лектером в Палаццо Каппони; точно так же мы последуем теперь за ним во дворец его памяти...

Фойе - Норманнская капелла в Палермо, строгая, прекрасная и - вне времени; единственное напоминание о смертности всего живого - изображение черепа, высеченное в полу. Когда нет необходимости спешить, чтобы срочно извлечь из дворца памяти необходимую информацию, доктор Лектер часто задерживается здесь; так он поступает и сейчас, чтобы насладиться капеллой.
За нею, пронизанное светом и тьмой, высится огромное строение - создание самого доктора Лектера.

Дворцы памяти - мнемоническая система, которая была хорошо известна ученым древности, и масса сведений сохранялась благодаря им, когда вандалы сжигали книги. Подобно этим ученым доктор Лектер хранит невероятные запасы

сведений, соотнесенных с различными предметами в тысяче его дворцовых палат;
однако, в отличие от древних, у него есть и иное назначение для этого
дворца: иногда он там просто живет. Он провел долгие годы среди изысканных
коллекций, собранных там, в то время как тело его находилось в отделении для
буйных, где от яростных воплей стальные прутья решеток звенели и скрежетали,
словно адская арфа.

Дворец памяти Ганнибала Лектера огромен, даже если судить по
средневековым критериям. Перенесеный в мир материальный, он мог бы
соперничать с сералем Топкапи в Стамбуле, как своими размерами, так и
сложностью планировки.

Мы нагоняем Ганнибала Лектера, как раз когда туфли-скороходы его мыслей
проносятся из фойе в Большой зал Времен года. Дворец выстроен в соответствии
с принципами, открытыми еще Симонидом Цеосским и разработанными Цицероном
четырьмя веками позже: он полон воздуха, потолки его высоки, предметы
обстановки и картины, украшающие палаты, ярки, поражают воображение, порой
абсурдны и даже шокируют, но чаще всего просто прекрасны. Коллекции
размещены просторно и замечательно освещены, как в крупных музеях. Но стены
здесь не похожи на стены музеев: они не окрашены в нейтральные цвета.
Подобно Джотто доктор Лектер украсил фресками стены своего мысленного
дворца.

Он решил, раз уж он во дворце, взять там домашний адрес Клэрис

Старлинг, но никакой спешки ведь нет, так что он может постоять у подножия широкой лестницы, украшенной бронзовыми скульптурами из Риаче. Эти огромные бронзовые воины приписываются Фидию; они были подняты со дна морского уже в наши дни и теперь занимают центральное место посреди украшенного фресками пространства, которое могло бы вместить всего Гомера, да и Софокла впридачу.

Доктор Лектер - стоило ему только захотеть - мог бы заставить эти бронзовые лица заговорить языком Мелеагра, но сегодня ему хочется лишь смотреть на них.

Тысяча палат, многие мили коридоров, сотни фактов, соотнесенных с каждым предметом обстановки в каждой из дворцовых палат... приятное отдохновение от забот ждет там доктора Лектера, когда бы он ни предпочел туда удалиться.

Но вот что мы ощущаем вместе с доктором Лектером: в глубинах наших душ, в потаенных уголках мозга таится опасность. Не все палаты дворца памяти прекрасны, светлы и высоки. В полах там есть провалы, дыры, как в полах средневековых подземелий - смрадные темницы забвения, крохотные камеры в форме бутыли, высеченные в скальной породе, с дверью-люком наверху. Ничто не может ускользнуть оттуда тихо и незаметно, чтобы дать нам облегчение. Какое-то сотрясение, предательство наших стражей - и искры памяти воспламеняют вредоносные газы: все, что томилось в заключении годами, вырывается на свободу, чтобы взорваться в нас невыносимой болью и толкнуть

на опасные поступки...

В этом ужасном и изумительном дворце мы следуем за доктором Лектером, повторяя его быстрые, легкие шаги вдоль созданного им коридора, сквозь аромат гардений; мы ощущаем гнетущее присутствие огромных скульптур и ясный свет прекрасных полотен.

Он ведет нас направо, мимо бюста Плиния, вверх по лестнице, в Зал адресов; в этой палате статуи и картины расположены в строгом порядке, на значительном расстоянии друг от друга; каждый объект прекрасно освещен, именно так, как рекомендовано Цицероном.

Ах!.. Третья ниша справа от двери: здесь господствует огромное полотно - святой Франциск предлагает скворцу мотылька. А на полу перед картиной - изваяние из мрамора в натуральную величину, краски на мраморе - как живые.

Парад на Арлингтонском кладбище, во главе - Иисус, тридцати трех лет от роду, ведет грузовой "форд-Т", модели 1927-го года, прозванный "железной Лиззи"; в кузове - Дж. Эдгар Гувер, облаченный в балетную пачку, приветствует невидимые толпы мановением руки. За ним марширует Клэрис Старлинг, на плече у нее - винтовка "энфилд", калибра 0,308.

Кажется, доктору Лектеру приятно видеть Старлинг. Он давным-давно разузнал ее домашний адрес в Ассоциации выпускников Университета штата Вирджиния. Он хранит адреса именно в этом изваянии, и теперь, ради собственного удовольствия, извлекает оттуда название улицы и все необходимые номера: 3327 Тиндэл, Арлингтон, Вирджиния, 22308.

Доктор Лектер может передвигаться по огромным палатам своего дворца памяти с невероятной быстротой. С его рефлексами, его физической силой, быстротой восприятия и остротой ума, он прекрасно вооружен, чтобы противостоять материальному миру. Но в его внутреннем мире есть области, куда он не может безопасно проникнуть; там не действуют логические принципы Цицерона, принципы упорядоченного пространства и прекрасного освещения: там они неприменимы...

Ганнибал Лектер решает посетить коллекцию древних тканей. Для письма, которое он собирается написать Мэйсону Верже, ему необходимо восстановить в памяти текст Овидия о душистых маслах для лица; текст этот соотнесен с ткачеством.

Он следует далее вниз по дорожке-килиму весьма интересного плоского плетения, к залу тканей и ткацких станков.

В другом мире - в салоне "Боинга 747" - голова доктора Лектера покоится на спинке кресла, глаза плотно закрыты. Голова слегка покачивается, когда очередной приступ турбулентности сотрясает самолет.

В конце ряда младенец закончил свою бутылочку, но так и не заснул. Личико его краснеет. Мать чувствует, как напрягается, а затем расслабляется его завернутое в одеяло тельце. Сомнений в том, что произошло, быть не может. Ей даже не нужно просовывать палец под пеленку. В предыдущем ряду кто-то произносит: "О-о, Боже мой!"

К затхлому воздуху салона, так напоминающему запахи тренажерного зала,

добавляется новый уровень запаха. Мальчик в кресле рядом с доктором Лектером, привычный к младенческим обычаям, не останавливаясь, уплетает ланч от Фошона.

Под дворцовыми палатами памяти распахиваются двери-люки, и темницы забвения исторгают из раскрытых пастей ужасающий смрад...

Совсем немногим животным удалось выжить после артиллерийского и пулеметного обстрела во время боя, принесшего гибель родителям Ганнибала Лектера и искалечившего шрамами и воронками лес в обширном имении его семьи.

Дезертиры из разных частей, забравшиеся в дальний охотничий домик пожирали все, что только могли отыскать. Однажды им попался жалкий олешек, тощий, с торчащим в боку обломком стрелы - ему как-то удавалось раскапывать под снегом траву и мох, и он выжил. Дезертиры приволокли его в лагерь живьем, чтобы не тащить на себе.

Ганнибалу Лектеру тогда было шесть лет. Сквозь щель в амбаре он наблюдал, как они волокли оленя, дергая за наброшенный животному на шею ремень от плуга так, что чуть не сворачивали ему голову. Стрелять они не хотели и без труда сшибли его с ног - таких жалких и тоненьких, - а потом рубанули по горлу топором, бранясь на разных языках и требуя, чтобы кто-нибудь поскорей принес миску - собрать кровь, не пропадать же ей зря.

Мяса на малорослом олене было не так уж много, и дня через два или, может быть, три дезертиры выбрались из охотничьего домика и побрели сквозь

снег к амбару в своих длинных шинелях; изо ртов у них на холоде поднимался зловонный пар. Они отперли амбар, чтобы снова выбрать кого-нибудь из детей, тесно сгрудившихся в углу, на соломе. Никто не замерз до смерти, так что на этот раз они выбирали кого-нибудь из живых.

Пощупали у Ганнибала бедро и верхнюю часть руки, ощупали грудь и вместо него взяли его сестренку - Мику, и увели прочь. Сказали - поиграть. Но никто из тех, кого они уводили, не возвращался. Никогда.

Ганнибал не отпускал Мику.Он вцепился в нее изо всех сил, и они не могли разжать его крепкие пальцы; тогда они захлопнули двери амбара и сломали ему руку повыше локтя; он отупел от боли.

Они увели ее по снегу, все еще красному от крови оленя.

Он горячо молился, чтобы ему дано было увидеть Мику снова, эта молитва поглотила все мысли, весь ум шестилетнего мальчика, но не смогла заглушить звук топора. И все же его молитва о том, чтобы он мог увидеть ее снова, не была вовсе оставлена без ответа: он увидел несколько молочных зубов сестры в вонючей яме, служившей отхожим местом для их тюремщиков; яма эта зияла между охотничьим домиком, где дезертиры спали, и амбаром, где они держали пленных детей, которых ели, чтобы выжить зимой 1944 года, после того как рухнул Восточный фронт. . .

С тех пор как Ганнибал Лектер получил этот частичный ответ на свою молитву, мысли о Божественном его никогда больше не беспокоили, если не считать твердого убеждения в том, что его собственные хищные порывы бледнеют

пред хищными устремлениями Господа Бога, чья ирония непревзойденна, а своенравная злобность не знает меры.

В рвущемся вперед самолете доктор Лектер - голова его все покачивается на подголовнике кресла - как бы завис между последним взглядом на Мику, идущую по окровавленному снегу, и звуком топора. Он не может вырваться оттуда, не может этого вынести. В мире материальном, в салоне самолета, лицо его взмокло от пота, а изо рта вырывается короткий пронзительный вопль, тоненький и высокий.

Пассажиры в переднем ряду оборачиваются; некоторых этот вопль разбудил. Кто-то впереди сердито восклицает: "Господи Иисусе, малыш, да что с тобой такое? Боже мой!"

Глаза доктора Лектера открываются, он смотрит прямо перед собой, чувствуя, что его касается детская ладошка. Это мальчик из соседнего кресла.

- Тебе страшный сон приснился, да?

Ребенок нисколько не испугался; он не обращает внимания на сердитую воркотню пассажиров из переднего ряда.

- Да.

- Мне тоже страшные сны снятся. Очень часто. Я не стану над тобой смеяться.

Доктор Лектер делает несколько глубоких вдохов, голова его плотно прижата к спинке кресла. Затем самообладание возвращается к нему: впечатление такое, будто спокойствие постепенно спускается со лба, от линии волос к подбородку, и укрывает все лицо. Он наклоняется к мальчику и говорит

доверительным тоном:
- Знаешь, а ведь ты был прав, что не стал есть те помои. И не ешь их
никогда.
Авиакомпании теперь не предоставляют пассажирам писчую бумагу и
конверты. Уже совершенно овладев собой, доктор Лектер достал из нагрудного
кармана гостиничную бумагу и конверт и принялся за письмо Клэрис Старлинг.
Сначала он набросал ее портрет. Набросок теперь находится в частном владении
Чикагского университета и доступен ученым. На этом наброске Клэрис Старлинг
выглядит ребенком и волосы ее от слез прилипли к щекам - как у Мики...

Мы можем видеть самолет сквозь легкую дымку собственного дыхания -
алмазно светящуюся блестку в ясном ночном небе. Вот он проходит на фоне
Полярной звезды, он уже благополучно миновал ту точку, откуда нет возврата,
и теперь должен совершить непреложный спуск по огромной дуге - вниз, вниз, в
завтрашний день в Новом Свете.

ГЛАВА 49

Груды бумаг, папок с делами и дискет в каморке Старлинг достигли
критической массы. Ее просьбы о расширении площади оставались без ответа. Ну
хватит! С отчаянием обреченного она самовольно захватила просторную комнату
в подвале Квонтико. Предполагалось, что эта комната со временем станет
темной комнатой - просмотровым залом Отдела психологии поведения - как
только у Отдела появятся хоть какие-то деньги. Здесь не было окон, но зато

было множество полок и, поскольку помещение строилось как просмотровое,
вместо двери тут висели двойные шторы затемнения.

Коллега из соседнего офиса, пожелавший остаться неизвестным, отпечатал
готическим шрифтом и пришпилил к зашторенному входу вывеску: "Дом
Ганнибала". Боясь, что комнату отнимут, Старлинг перенесла вывеску внутрь.

Практически в это же время она обнаружила в библиотеке Колледжа
криминологии округа Колумбия, где для дела Ганнибала Лектера была отведена
специальная комната, целый клад полезнейших сведений о его персоне. В
библиотеке колледжа хранились оригиналы документов о его медицинской и
психиатрической практике, копии протоколов его судебного процесса и
вчиненных ему гражданских исков. В первый ее визит в библиотеку ей пришлось
ждать сорок пять минут, пока хранитель безуспешно искал ключи от "Комнаты
Ганнибала Лектера". Во время второго визита она познакомилась с абсолютно
равнодушным к делу аспирантом - заведующим этой комнатой. Материалы,
хранящиеся там, не были даже каталогизированы.

Нельзя сказать, чтобы на четвертом десятке Старлинг стала более
терпеливой, чем раньше. Начальник Отдела Джек Крофорд поддержал ее просьбу у
Генерального прокурора США, и это помогло Клэрис получить судебное решение о
перемещении всех собранных в Колледже документов в подвал в Квонтико.
Перемещение было осуществлено двумя федеральными маршалами с помощью всего
лишь одного автофургона.

От судебного решения пошли волны - именно этого она и опасалась. Вскоре эти волны принесли с собой Крендлера...

Прошли две долгие недели, и Старлинг разобрала почти весь материал библиотеки, должным образом организовав его в своем импровизированном "Центре Лектера". В пятницу, перед самым вечером, она отмыла с лица и рук бумажную пыль и грязь, выключила свет и села на пол в уголке, глядя на бесконечные стеллажи, полные книг и бумаг. Вполне возможно, что на какой-то момент она задремала...

Ее разбудил запах, и она поняла, что уже не одна в комнате. Пахло кремом для обуви.

В комнате царила полутьма, и заместитель помощника генерального инспектора Пол Крендлер медленно передвигался вдоль полок, вглядываясь в книги и фотографии. Постучать он не потрудился, впрочем, ведь и стучать было не во что - не в шторы же! - да Крендлер и вообще был не из тех, кто стучится в двери, особенно если случалось появляться в учреждениях, ему подчиненных. А здесь, в этом подвале в Квонтико, он, можно считать, снисходил до посещения трущоб.

Одна стена комнаты была целиком посвящена пребыванию доктора Лектера в Италии; здесь помещался и большой снимок Ринальдо Пацци, висящего с выпавшими внутренностями из балконного окна Палаццо Веккьо. Стена напротив была занята преступлениями доктора в Соединенных Штатах; здесь господствовал

полицейский снимок стрелка из лука, убитого доктором Лектером много лет назад. Тело убитого висело на доске для объявлений и раны на нем в точности соответствовали средневековым иллюстрациям "Человека-раны". Многие папки с документами, касающимися дела Лектера, соседствовали с протоколами слушаний по гражданским искам о причинении насильственной смерти, вчиненных доктору Лектеру родственниками его жертв.

Книги доктора Лектера той поры, когда он занимался психиатрической практикой, располагались здесь в том порядке, в каком они стояли в его прежнем врачебном кабинете. Старлинг смогла это сделать, изучив полицейские снимки кабинета с помощью увеличительного стекла.

Довольно яркий свет в затемненной комнате пробивался сквозь рентгеновский снимок головы и шеи доктора Лектера, закрепленный на экране с подсветкой. Другим источником света был монитор компьютерной рабочей станции на угловом столе. На экране светилось название темы: "Опасные существа". Время от времени компьютер ворчал. Сложенные стопкой рядом с компьютером, лежали результаты прозрений Клэрис. Старательно собранные клочки бумаги, квитанции, счета, разложенные по предметным темам, свидетельствующие о том, как проходила частная жизнь доктора Лектера в Италии, а также - в Америке, прежде чем его отправили в сумасшедший дом. Так сказать, импровизированный каталог его вкусов.

Использовав планшетный сканер вместо стола, Старлинг расположила на нем

столовый прибор на одну персону - единственный сохранившийся из вещей в балтиморском доме доктора: фарфор, серебро, хрусталь, скатерть и салфетки сияют белизной, подсвечник... четыре квадратных фута воплощенной элегантности на фоне гротескных изображений, увешивавших стены комнаты.

Крендлер взял большой бокал и щелкнул ногтем по краю.

Крендлер... Он никогда не сталкивался с преступником в рукопашном бою, никогда не пытался побороть его, упав вместе с ним на землю, и он представлял себе доктора Лектера чем-то вроде газетного пугала, этакой легкой возможностью для себя выдвинуться. Он уже воображал, как его собственная фотография на фоне чего-то подобного тому, что он здесь увидел, появится в музее ФБР, когда с Лектером будет наконец покончено. Он понимал огромную ценность поимки Лектера для своей предвыборной кампании. Крендлер приблизил нос к рентгеновскому снимку, разглядывая просторный череп доктора Лектера в профиль, и так вздрогнул от неожиданности, когда Старлинг заговорила с ним, что нос его, кажется, оставил на снимке жирное пятно.

- Могу я вам чем-нибудь помочь, мистер Крендлер?

- Чего это вы сидите тут в темноте?

- Я размышляю, мистер Крендлер.

- Наверху хотят знать, что мы с вами делаем в отношении Лектера.

- Вот это мы и делаем.

- Введите меня в курс, Старлинг. Загрузите информацией под самую завязку.

- Разве вы не хотели бы, чтобы мистер Крофорд...

- А где он, ваш мистер Крофорд?

- Мистер Крофорд в суде.

- Мне кажется, он утрачивает хватку, а? Вам никогда это не приходило в голову?

- Нет, сэр. Не приходило.

- А вы-то чем здесь занимаетесь? Мы из Колледжа такую телегу на вас получили, когда вы весь этот хлам у них из библиотеки увезли. Вы могли бы и получше это дело провернуть.

- Мы собрали в этом помещении все, что смогли найти, все, что так или иначе касается доктора Лектера, - как предметы, так и протоколы и записи. Его оружие находится в Отделе огнестрельного оружия и оружейных клейм, но у нас имеются дубликаты. А еще мы собрали то, что осталось от его личных бумаг.

- А смысл-то какой во всем этом? Вы что, подонка ищете или роман пишете? - Крендлер выдержал паузу, чтобы этот захватывающий стих поместился в его речевом скорозаряднике, и продолжал: - Если, скажем, какой-нибудь высокопоставленный республиканец из Юридического комитета вдруг спросит, что вы - специальный агент Старлинг - делаете, чтобы поймать Ганнибала Лектера, что я смогу ему ответить?

Старлинг включила в комнате все лампы. Ей было ясно видно, что Крендлер по-прежнему покупает дорогие костюмы, но по-прежнему экономит на сорочках и галстуках. Кисти его волосатых рук вылезали из-под манжет по самую косточку.

Несколько секунд Старлинг молча глядела сквозь стены, за пределы этих стен, куда-то в бесконечное "навечно", и сумела взять себя в руки. Заставила

себя смотреть на Крендлера как на курсантов своего класса в Полицейской академии.

- Мы знаем, что у доктора Лектера очень хорошее удостоверение личности, - начала она. - И он, скорее всего, имеет хотя бы одно - а может быть, и больше - запасное удостоверение. В этом отношении он очень осторожен. Глупых промахов он не сделает.

- Ближе к делу.

- Это человек с высокоразвитыми вкусами, иногда его вкусы даже весьма экзотичны, особенно в том, что касается пищи, вина, музыки. Если он вернется в страну, ему все это понадобится, он станет покупать разные вещи. Не захочет ни в чем себе отказывать.

Мистер Крофорд вместе со мной просмотрел все счета, квитанции и различные бумаги, оставшиеся в доме доктора Лектера в Балтиморе и свидетельствующие о его жизни там до первого ареста, все счета и квитанции, которые нам смогла прислать итальянская полиция, а также иски его кредиторов после ареста. Мы составили список некоторых его пристрастий. Вот, вы сами можете видеть: в том месяце, когда доктор Лектер угостил отборными частями флейтиста Бенджамина Распая других членов руководства Балтиморского филармонического оркестра, он купил два ящика бордо "Шато Петрю" по три тысячи шестьсот долларов за ящик. Он купил пять ящиков "Батар-Монтраше" по тысяче сто долларов за ящик, и к тому же еще много разных более дешевых вин.

Он заказал то же вино в гостинице, в Сент-Луисе, после побега, и то же

- во Флоренции, из магазина деликатесов "Вера даль 1926". Это вина редкостные. Мы сейчас проверяем у импортеров и оптовиков - кто покупает у них эти вина ящиками.

В фирме "Железные врата" в Нью-Йорке он заказывал паштет из гусиной печенки высшего качества, по двести долларов килограмм, а через "Устричный бар" в Гранд Сентрал - зеленых устриц из Жиронды. Обед для руководителей Филармонического оркестра начался именно с этих устриц, за ними последовало "сладкое мясо", потом - шербет, а затем - вот, вы можете прочесть в журнале "Таун энд Кантри", что они ели, - и она быстро и громко прочла: "Необычайно сочное, темное и блестящее рагу, составные элементы которого так и не были определены, с шафранным рисом. Вкус рагу как-то смутно возбуждал, как возбуждают мощные басовые тона, если сильно, но осторожно редуцирован основной фон. Не было найдено или идентифицироано тело какой-бы то ни было жертвы, какая могла быть использована для приготовления этого рагу. А теперь - внимание, внимание!" - продолжает статья, - и описывает далее замечательные столовые приборы и все прочее в самых мелких деталях. Мы проверяем сейчас покупки, сделанные по кредитным карточкам, у продавцов фарфора и хрусталя.

Крендлер фыркнул носом.

- Вот, смотрите, по этому гражданскому иску видно, что он все еще не расплатился за штейбеновский канделябр и задолжал балтиморской "Галеаццо

Мотор Компани" за автомобиль "бентли". Мы отслеживаем покупки "бентли" -
новых и подержанных. Таких покупок не так много. А также - покупки "ягуаров"
с наддувом. Разослали факсы продавцам дичи, запрашивая о покупках оленины и
кабаньего мяса, и за неделю до того, как начнется завоз красноногих
куропаток из Шотландии, распространим соответствующий бюллетень. - Старлинг
пробежала пальцами   по   клавиатуре,   заглянула в какой-то список, и,
почувствовав дыхание Крендлера слишком близко за своей спиной, отошла от
компьютера. - Я подала заявление о выдаче некоторых средств на оплату
крупных спекулянтов билетами на всякие культурные мероприятия, - их называют
"стервятниками культуры", - в Нью-Йорке и Сан-Франциско: там есть пара
оркестров и струнных квартетов, которые его особенно привлекают; он любит
сидеть в шестом или седьмом ряду, и всегда рядом с проходом. Я разослала
самые лучшие его фотографии из тех, что у нас имеются, в Центр Линкольна и в
Центр Кеннеди, и в большинство концертных залов. Может, вы могли бы помочь
нам с этим, мистер Крендлер? Из бюджета Депюста?

Он не ответил, и она продолжала:

- Мы проверяем и перепроверяем подписку новых лиц на некоторые научные
и общекультурные   журналы, на которые он подписывался в прошлом   -
антропологические, лингвистические, "Физическое обозрение", математические,
о музыке.

- А он нанимает С-М шлюх? Или проституток мужского пола?

Старлинг чувствовала, какое наслаждение испытывает Крендлер, задавая ей

этот вопрос.
- Насколько нам известно, нет, мистер Крендлер. Много лет назад его
видели на концертах в Балтиморе с весьма привлекательными женщинами,
некоторые из них были хорошо известны в Балтиморе, поскольку работали в
благотворительных организациях и вообще занимались такого рода
деятельностью. Мы записали их дни рождения, чтобы проследить, какие подарки
он им покупал. Насколько мы знаем, ни одной из них он не причинил никакого
вреда, и ни одна не согласилась о нем что бы то ни было говорить. О его
сексуальных пристрастиях нам ничего не известно.

- А я всегда считал, что он гомосексуалист.

- Почему вы так говорите, мистер Крендлер?

- Да вся эта фигня - искусство, штучки-дрючки всякие. Камерная музыка,
еда как на званом чаепитии... Я лично ничего против не имею, если вам так уж
нравятся такие люди или у вас есть такие друзья. Главное, что я пытаюсь
довести до вас, Старлинг, это что лучше бы вам потеснее со мной
сотрудничать. Никакого местничества. Мне нужны копии всех рапортов по форме
302, всех хронометражных карт, мне нужна информация обо всех наводках и
находках. Вы меня поняли, Старлинг?

- Да, сэр.

Подойдя к двери, он обернулся:

- Лучше бы вы меня как следует поняли, Старлинг. Тогда, может, у вас
появится шанс улучшить свое положение здесь. В вашей, так сказать, "карьере"
малейшая помощь вам очень бы пригодилась.

Будущий просмотровый зал был уже оборудован мощными вентиляторами.

Глядя Крендлеру прямо в глаза, Клэрис включила вентиляторы, очищая комнату
от запаха его лосьона и крема для обуви. Крендлер рывком раздвинул шторы и
вышел, не попрощавшись.

Воздух перед глазами Клэрис дрожал, словно мерцающее марево зноя на
артиллерийском полигоне.

Проходя через холл, Крендлер услышал позади себя голос Старлинг:

- Я выйду вместе с вами, мистер Крендлер.

Крендлера ждала машина с водителем. По положению ему пока еще полагался
служебный транспорт не выше седана модели "меркурий гранд маркиз".

Прежде чем он успел подойти к машине, Клэрис, оказавшись на свежем
воздухе, сказала:

- Задержитесь на минутку, мистер Крендлер.

Удивленный, он остановился и повернулся к ней. Не проблеск ли надежды?
Может - злится, но сдает позиции? Он навострил уши.

- Ну, вот, мы с вами - в великом открытом пространстве вне стен, -
сказала Старлинг. - Нигде никаких подслушивающих устройств, если только на
вас ничего такого нет. - Порыв, ее охвативший, был непреодолим. Для работы с
пыльными книгами и бумагами она надела свободную полотняную блузу поверх
коротенького, плотно прилегающего топа.

Не делай этого, не надо... А, к черту!

Она рванула застежки на блузе и широко раскинула полы.

- Видите, на мне нет подслушки. - Бюстгальтера на ней тоже не было. -
Возможно, это первый и последний раз, когда мы можем поговорить наедине, и я
хочу задать вам вопрос. Я работаю здесь уже много лет, и всякий раз, как вам

представлялась возможность, вы всаживали мне в спину нож. Что же такое
происходит с вами, мистер Крендлер?
- Я буду рад, если вы придете поговорить об этом... Выберу для вас
время, если вы хотите пересмотреть...
- Но сейчас мы уже говорим об этом.
- Так соображайте сами, Старлинг.
- Это что - все потому, что я не захотела встретиться с вами на стороне? Потому, что посоветовала отправиться домой, к собственной жене?
Он снова взглянул на нее: на ней и в самом деле не было подслушки.
- Не обольщайтесь на свой счет, Старлинг... В нашем городе деревенских
шлюх - таких, как вы, - навалом, бери - не хочу.
Он уселся рядом с водителем и постучал пальцем по щитку; длинная машина
двинулась прочь. Губы Крендлера зашевелились, изменяя сказанное так, как ему
хотелось бы сказать: "Деревенские кривоссыхи - такие, как вы". В будущем
Крендлеру предстояло - он был абсолютно в этом уверен - часто выступать с
политическими речами, и теперь он оттачивал приемы словесного карате,
обретая сноровку в умении жалить словом как можно больнее.

ГЛАВА 50

- Говорю вам, это должно сработать, - произнес Крендлер, обращаясь к
хрипло дышащей тьме, в которой лежал Мэйсон. - Десять лет назад этого нельзя
было бы сделать, но теперь списки покупателей проходят через ее компьютер,
как дерьмо через гуся. - Крендлер беспокойно ерзал на кушетке под ярким
светом ламп гостиной.
На фоне аквариума Крендлеру был виден силуэт Марго. Он уже привык

браниться при ней и даже получал от этого удовольствие. Он готов был побиться об заклад - она жалеет, что у нее нет члена. Ему очень хотелось произнести слово "член" в ее присутствии, и он даже нашел способ это сделать:

- Так она сумела воспроизвести область его пристрастий. Думаю, она могла бы даже сказать, с какой стороны он член носит.

- На этой ноте, Марго, мы, пожалуй, можем остановиться и пригласить доктора Демлинга, - сказал Мэйсон.

Доктор Демлинг ждал в игровой комнате, посреди огромных чучел самых разных животных. На видеоэкране Мэйсон наблюдал, как доктор внимательно рассматривает плюшевый пах высоченного жирафа - очень похоже на то, как Виггерты вершили орбиту за орбитой вокруг гениталий Давида. На экране доктор казался совсем крохотным, гораздо меньше игрушек, будто сам специально уменьшился, чтобы вползти в какое-то иное детство, не похожее на его собственное.

В свете ламп мэйсоновой гостиной психолог оказался сухоньким человечком, необычайно опрятным, но каким-то облезлым, с несколькими прядями сухих волос, зачесанных на лысину в старческой гречке, и ключом "Фи-Бета-Каппа" на цепочке карманных часов. Он сел по другую сторону кофейного столика, напротив Крендлера: казалось, он хорошо знаком с этой комнатой.

В одном из яблок, лежавших в вазе с фруктами и орехами, доктор Демлинг

заметил червоточину. Он повернул яблоко червоточиной в противоположную от себя сторону. За стеклами очков глаза его следили за Марго с чуть ли не идиотским удивлением, когда она подошла, чтобы взять из вазы еще пару орехов, а потом вернулась к своему месту у аквариума.

- Доктор Демлинг возглавляет психологический факультет Университета Бэйлора и заведует кафедрой имени Верже, - пояснил Крендлеру Мэйсон. - Я спросил у него, какого рода связи могут существовать между доктором Лектером и агентом ФБР Клэрис Старлинг. Доктор...

Демлинг сидел в кресле совершенно прямо, глядя перед собой, будто находился на месте свидетеля в суде; он повернул голову в сторону Мэйсона так, словно смотрел на присяжных. Крендлер совершенно четко разглядел в нем готовность опытного и осторожного, привыкшего к участию в судебных процессах эксперта-свидетеля, получающего за экспертизу две тысячи долларов в день.

- Мистеру Верже, несомненно, известна моя квалификация. Должен ли я сообщить вам свои звания? - спросил Демлинг.

- Нет, - ответил Крендлер.

- Я рассмотрел записи этой женщины, Старлинг, сделанные во время ее бесед с Ганнибалом Лектером, его письма к ней, и материалы, касающиеся их биографий, которыми вы меня снабдили, - начал Демлинг.

Услышав это, Крендлер вздрогнул и поморщился, а Мэйсон сказал:

- Доктор Демлинг подписал договор о неразглашении.

- Корделл даст ваши слайды на монитор, когда вам это понадобится, доктор, - сказала Марго.

- Сначала - биографии, вкратце. - Демлинг заглянул в свои записи. - Мы

зна-а-а-ем, что Ганнибал Лектер родился в Литве. Отец его - граф, этим титулом семья владела с десятого века; его мать - итальянка весьма высокого происхождения, из семьи Висконти. Во время немецкого отступления из России несколько нацистских танков, походя, с дороги, обстреляли их имение под Вильнюсом, убив обоих родителей и большинство слуг. После этого дети исчезли. Детей было двое - Ганнибал и его сестра. Нам неизвестно, что случилось с сестрой. Главное, к чему я веду, - Лектер был сиротой, как и Клэрис Старлинг.

- Об этом я вам сказал, - раздраженно произнес Мэйсон.

- Но какой вывод вы из этого сделали? - спросил доктор Демлинг. - Я вовсе не предлагаю увидеть здесь сочувствие двух сирот друг другу, мистер Верже. Речь идет не о сочувствии. Сочувствие не имеет ко всему этому отношения. И милосердие тоже лежит в пыли, истекая кровью. Послушайте меня. Что дает доктору Лектеру общий опыт их сиротства? Да просто большую возможность ее понять и в конечном счете более успешно управлять ею, ее контролировать. Речь идет о контролировании.

Эта женщина - Старлинг - провела детство в приютах, и из того, что вы мне сообщили, никаких свидетельств, что у нее есть постоянные личные отношения с каким-либо мужчиной, не имеется. Она живет вместе с бывшей соученицей - молодой женщиной, афро-американкой.

- Похоже, тут секс замешан, - сказал Крендлер.

Психиатр даже не удостоил Крендлера взглядом: Крендлер был автоматически отвергнут.

- Никогда нельзя с уверенностью сказать, почему кто-то предпочитает
жить вместе с кем-то еще.

- Это - одна из тех вещей, что сокрыты от нас, как говорится в Библии,
- сказал Мэйсон.

- Старлинг, на мой взгляд, довольно аппетитна, если кто любит пшеничный
хлеб с отрубями, - высказалась Марго.

- Ну, я-то думаю о том, что привлекает Лектера, а не ее, сказал Крендлер. - Вы же ее видели. Она холодная, как рыба.

- Неужели - как рыба, мистер Крендлер? - Марго это вроде бы показалось
забавным.

- Ты что, думаешь - она извращенка, а, Марго? - спросил Мэйсон.

- Какого черта? Мне-то откуда знать? Кем бы она ни была, это ее сугубо
личное дело, такое у меня впечатление. Я думаю, она - твердый орешек, пришла
она к нам по делу, и выражение лица у нее было соответствующее, но я не
сказала бы, что она холодная, как рыба. Мы с ней не очень много говорили, но
вот что я из этого вынесла. Это ведь было до того, как тебе стала необходима
моя помощь, Мэйсон, ты тогда меня выгнал - помнишь? Нет, я не скажу, что она
холодная, как рыба. Девушке с такой внешностью, как у Старлинг, нужно
держать дистанцию, и это должно быть написано у нее на лице, ведь все эти
козлы западают на нее без разгона.

Тут Крендлер, хотя видел он только силуэт Марго, почувствовал, что ее
взгляд задержался на нем слишком долго.

Как любопытно сочетаются все эти голоса в огромной комнате:
старательный канцелярит Крендлера, педантическое блеяние Демлинга, глубокие,

звучные тона Мэйсона, с мучительно отсутствующими взрывными звуками и то и дело дающими течь шипящими, и голос Марго - низкий и скрипучий, сквозь полусжатые зубы, будто она - норовистая лошадка, раздраженная попытками ее взнуздать. И все это - на фоне вздохов респиратора, помогавшего Мэйсону обрести дыхание.

- У меня есть соображения о ее личной жизни, основанные на ее навязчивой идее, на явном тяготении к отцу, - продолжал Демлинг. - Но об этом несколько позже. Итак, у нас имеются три документа доктора Лектера, касающиеся Клэрис Старлинг. Два письма и рисунок. Рисунок - это часы-распятие, которые он изобрел, находясь в спецбольнице. - Доктор Демлинг поднял глаза к монитору: - Слайд, будьте добры.

Откуда-то извне Корделл дал изображение поразительного наброска на высоко поднятый монитор. Оригинал был выполнен углем на грубой оберточной бумаге. Экземпляр, полученный Мэйсоном, был светокопией, все линии оказались сине-фиолетовыми, цвета свежей ссадины.

- Он попытался это запатентовать, - сказал доктор Демлинг. - Как видите, Христос распят на этом циферблате, и Его руки вращаются, указывая время, точно так, как это сделано на диснеевских часах с Микки Маусом. Это интересно потому, что лицо и упавшая на грудь голова - это лицо и голова Клэрис Старлинг. Он зарисовал ее во время их бесед. Вот фотография этой женщины. Как вас, Корделл, кажется? Дайте снимок, будьте добры.

Никаких сомнений - у Иисуса была голова Старлинг.

- Еще одна аномалия - руки Распятого пригвождены ко кресту сквозь кисти, а не сквозь ладони.

- Это очень точно, - вмешался Мэйсон. - Это необходимо - когда пригвождают к кресту, надо вбивать большие деревянные клинья именно в кисти, иначе руки срываются и начинают размахивать. Мы с Иди Амином выяснили это на собственном тяжком опыте, когда воспроизводили всю сцену во время Пасхи в Уганде. Так что наш Спаситель был пригвожден сквозь кисти рук. Все картины Распятия - неправильные. Результат неправильного перевода Библии с древнееврейского на латынь.

- Благодарю вас, - сказал доктор Демлинг не очень искренне. - Распятие здесь несомненно представляет разрушенный объект почитания. Обратите внимание - рука, служащая минутной стрелкой, стоит на шести и стыдливо прикрывает срам. Часовая стрелка стоит на девяти, или чуть сдвинута выше. Девять - совершенно четкая ссылка на традиционно упоминаемый час, когда Христос был распят.

- А если мы поставим шесть и девять рядом, то - обратите внимание - получим шестьдесят девять, цифру, традиционно упоминаемую в процессе социального общения, - не удержалась Марго. В ответ на возмущенный взгляд доктора Демлинга она расколола в кулаке два ореха; скорлупки с треском полетели на пол.

- Теперь возьмем письма доктора Лектера к Клэрис Старлинг. Корделл, не дадите ли их на монитор? - Доктор Демлинг достал из кармана лазерную указку.

- Вы можете видеть, что почерк - четкий, каллиграфический; самопишущая ручка с прямоугольным пером; письмо настолько ровное, что кажется - пишет машина. Такое письмо можно видеть на средневековых папских буллах. Почерк очень красивый, но ненормально ровный. Ничего спонтанного. Лектер все планирует. Первое письмо он написал вскоре после побега, во время которого убил пять человек. Прочтем текст:

"Итак, Клэрис, ягнята теперь молчат?

Вы обещали сообщить мне, если они перестанут блеять, и я хотел бы это сообщение получить.

Вы вполне можете поместить объявление об этом в любой крупной газете - "Таймс" или "Интернэшнл геральд трибюн", первого числа любого месяца. И в "Чайна мэйл" тоже, так будет еще лучше.

Меня вовсе не удивит, если Ваш ответ будет "и да, и нет". Ягнята теперь на некоторое время замолчат.

Однако, Клэрис, Вы не вполне верно судите о себе.

Фемида недаром слепа, и весы ее колеблются постоянно. Вам придется вновь и вновь выпрашивать у судьбы это благословенное молчание. Потому что Вами движет чужая беда: Вы видите чужую беду, и это заставляет Вас действовать. Но чужие беды нескончаемы, они существуют вечно.

Я не собираюсь наносить визит Вам, Клэрис. Мир для меня более интересен, пока в нем есть Вы. Ожидаю той же любезности и от Вас...

Доктор Демлинг подтолкнул повыше к переносице очки без оправы и откашлялся.

- Это - классический пример того, что в своей недавно опубликованной

работе я определил термином "авункулизм"... Этот термин уже широко
упоминается в специальной литературе как "авункулизм Демлинга". Возможно, он
будет включен в справочник "Диагностика и статистика". Для неспециалистов
это явление можно выразить через следующее определение: "деяние, дающее
возможность представить себя в качестве заботливого покровителя, с целью
осуществления собственных планов".

Из записей, касающихся этого дела, я заключаю, что вопрос о блеющих
ягнятах относится к опыту, пережитому Клэрис Старлинг в детстве - к забою
ягнят на ранчо ее приемных родителей в Монтане, - сухо и педантично
продолжал доктор Демлинг.

- Это бартер, - сказал Крендлер. - Она меняла сведения о себе на информацию Лектера. Он что-то знал о серийном убийце Буффало Билле.

- Второе письмо, семью годами позже, на первый взгляд выглядит письмом
утешения и поддержки, - сказал доктор Демлинг. - Он поддразнивает ее
упоминаниями о ее родителях, которых она, по всей видимости, глубоко чтит.
Он называет ее отца погибшим ночным сторожем, а мать - горничной. А потом
наделяет их самыми высокими качествами, какие она только может себе
представить, она верит, что эти качества у них действительно были. Затем он
приводит их в качестве объяснения неудач в ее собственной карьере. Речь
здесь опять-таки идет о снискании расположения, о контролировании.

Я полагаю, что эта женщина - Старлинг, возможно, испытывает прочную и
неистребимую привязанность к отцу, то, что мы называем "имаго"; это мешает

ей легко вступать в сексуальные связи и, возможно, порождает в ней
склонность к доктору Лектеру, в результате некоей трансференции, которую он,
с его извращенной психикой, немедленно старается использовать. Во втором
письме он снова побуждает ее вступить с ним в контакт посредством
персонального объявления в газете и сообщает ей кодовое имя.

Ох Ты Боже мой! Этот тип никак не остановится. Скука и беспокойство
Мэйсона были для него истинной пыткой, ведь он не мог ерзать на месте!

- Хорошо, прекрасно, замечательно, доктор, - прервал он Демлинга, -
Марго, приоткрой окно. У меня появился новый источник информации о Лектере,
доктор Демлинг. Это человек, который знает обоих - и Лектера, и Старлинг,
видел их вместе и провел вблизи Лектера больше времени, чем кто другой. Я
хочу, чтобы вы с ним поговорили.

Крендлер, поняв, к чему это все ведет, прямо-таки корчился на своей
банкетке, у него даже в животе забурчало.

ГЛАВА 51

Мэйсон произнес несколько слов в микрофон внутренней связи, и в комнату
вошел человек высоченного роста, с мускулатурой столь же выразительной, как
у Марго, и одетый во все белое.

- Это Барни, - сказал Мэйсон. - Он шесть лет отвечал за Отделение для
буйных в Спецбольнице для невменяемых преступников в Балтиморе, как раз
когда там был Лектер. Теперь работает на меня.

Барни предпочел встать у аквариума, рядом с Марго, однако доктору
Демлингу понадобилось, чтобы он вышел в освещенную часть комнаты. Тогда он

сел рядом с Крендлером.
- Ваша фамилия - Барни, верно? Итак, Барни, какое профессиональное
образование вы получили?
- У меня ЛПМ.
- То есть вы имеете лицензию как практикующий мед-брат? Очень хорошо. И
это - все?
- Я получил степень бакалавра гуманитарных наук. Закончил
Всеамериканский колледж заочного обучения, - невозмутимо сообщил Барни. - А
также имею удостоверение о прохождении курса в Школе мортологических наук
Камминса. Аттестат квалифицированного мортолога. Работал по ночам, когда
учился на медбрата.
- Так что вы зарабатывали на свою ЛПМ в качестве служителя морга?
- Да. Увозил трупы с места преступления и помогал при аутопсии.
- А до того?
- Морская пехота.
- Понятно. И когда вы работали в спецбольнице, вы видели Клэрис
Старлинг и Ганнибала Лектера во взаимодействии? То есть я хочу сказать, - вы
наблюдали их беседы?
- Мне казалось, что они...
- Давайте начнем с того, что вы точно видели, а не с того, что вы думали о том, что видели... Можем мы поговорить только об этом?
- Он достаточно сообразителен, чтобы высказывать собственное мнение, -
перебил Мэйсон. - Барни, вы ведь знаете Клэрис Старлинг.
- Да.
- Вы знали Ганнибала Лектера шесть лет.
- Да.
- И что же между ними было?
Поначалу Крендлеру было трудно воспринимать речь Барни, его высокий

хриплый голос, но именно Крендлер задал ему вопрос, более всего относящийся
к делу.
- Барни, скажите, Лектер вел себя с Клэрис Старлинг иначе, чем с
другими?
- Да. В большинстве случаев он вообще не реагировал на посетителей, -
ответил Барни. - Иногда он открывал глаза и смотрел на посетителя достаточно
долго, чтобы тот почувствовал себя оскорбленным. Это - когда какой-нибудь
ученый пытался покопаться у него в мозгах. Одного профессора он довел до
слез. С Клэрис Старлинг он был достаточно жестким, но отвечал ей больше, чем
другим. Ему было с ней интересно. Она его заинтриговала.
- Каким образом?
Барни пожал плечами.
- Он практически никогда там не видел женщин. А она по-настоящему
хороша собой...
- Я не нуждаюсь в вашем мнении на этот счет, - отрезал Крендлер. - Это
все, что вам известно?
Барни не ответил. Он взлянул на спросившего так, будто правое и левое
полушария мозга у Крендлера превратились в двух сцепившихся друг с другом
собак.
Марго расколола еще один орех.
- Продолжайте, Барни, - произнес Мэйсон.
- Они были откровенны друг с другом. В этом смысле он совершенно
обезоруживает. У человека создается такое впечатление, что он не снисходит
до лжи.
- Он ... чего не делает до лжи? - спросил Крендлер.
- Не снисходит, - повторил Барни.

- С-Н-И-С-Х-О-Д-И-Т-Ь, - раздался из тьмы голос Марго Верже. - Опуститься до... Или - соизволить солгать, мистер Крендлер.

- Доктор Лектер, - продолжал Барни, - сообщил ей что-то весьма неприятное о ней самой, а затем что-то очень приятное. Она смогла выдержать это неприятное, зато потом была тем более рада услышать о себе что-то хорошее. Она поняла, что это не пустая болтовня. Он находил ее очаровательной и забавной.

- Вы способны судить о том, что именно Ганнибал Лектер находил забавным? - спросил доктор Демлинг. - Из чего вы исходите, медбрат Барни?

- Из того, что слышал, в каких именно случаях он смеется, доктор Темнинг. Нас этому обучали в медицинском колледже, лекция называлась "Лечение и оптимистическое мировосприятие".

Тут то ли Марго фыркнула, то ли что-то в аквариуме породило похожий звук.

- Остыньте, Барни, - сказал Мэйсон, - рассказывайте дальше.

- Хорошо, сэр. Иногда мы с доктором Лектером разговаривали далеко заполночь, когда в отделении становилось потише. Говорили о курсах, которые я для себя выбрал, о других вещах. Он...

- Может, вы случайно и курс психологии заочно проходили? - не удержался доктор Демлинг.

- Нет, сэр. Я не считаю психологию наукой. Как и доктор Лектер. - Барни поспешил продолжить, прежде чем респиратор Мэйсона дал тому возможность сделать замечание. - Я только могу повторить то, что он говорил мне: он мог

видеть, чем она становится, она была очаровательна, как очарователен бывает котенок, совсем маленький, который затем вырастет большим... станет взрослой, большой кошкой. С которой потом уже не поиграешь. В ней он видел искренность и серьезность такого вот детеныша - так он говорил. У нее имелся целый арсенал оружия - миниатюрного, но постепенно обретающего должные размеры, однако пока все, что она умела делать, это - бороться с такими же детенышами, как она сама. Это его забавляло.

Возможно, что-то вам скажет то, как это между ними начиналось. Поначалу он был с ней учтив, но довольно быстро, хоть и вежливо, от нее отделался... Потом, когда она уходила, другой обитатель отделения швырнул ей в лицо свою сперму. Это обеспокоило доктора Лектера, огорчило. Именно тогда я впервые увидел его расстроенным. Она это тоже заметила и решила воспользоваться ситуацией. Думаю, его восхитила ее выдержка.

- А как он относился к этому другому обитателю - к тому, который швырнул ей в лицо сперму? - спросил доктор Демлинг. - Какие-то отношения между ними были?

- Я бы не сказал, - ответил Барни. - Просто доктор Лектер в ту ночь его убил.

- Они находились в отдельных камерах? - спросил Демлинг. - Как он это сделал?

- Через три камеры друг от друга, и к тому же на противоположных сторонах коридора, - сказал Барни. - Посреди ночи доктор Лектер какое-то время с ним говорил, а потом велел ему проглотить язык.

- И вот так Клэрис Старлинг и Ганнибал Лектер стали друзьями? - спросил Мэйсон.

- В достаточно официальных рамках, - пояснил Барни. - Они обменивались информацией. Доктор Лектер помог ей понять что-то о серийном убийце, за которым она тогда гонялась, а она расплачивалась за это сведениями о себе лично. Доктор Лектер сказал мне, что с его точки зрения, воля у нее слишком сильная для ее собственного благополучия. "Избыток целеустремленности и рвения" - так он это называл. Он полагал, она может слишком близко подойти к краю пропасти, если сочтет, что ее работа того требует. А еще он однажды сказал, что на ней "лежит проклятье хорошего вкуса". Не знаю, что это значит.

- Доктор Демлинг, он что - хочет ее трахнуть, убить или съесть? Как по-вашему? - спросил Мэйсон, полагая, что исчерпал все возможные варианты.

- Вполне возможно и то, и другое, и третье, - ответил доктор Демлинг. - Я не хотел бы предсказывать, в каком порядке он станет осуществлять эти действия. Но могу сказать вам следующее: как бы таблоиды - и таблоидный образ мышления - ни романтизировали все это, как бы ни пытались изобразить эти отношения как отношения "Красавицы и Чудовища", его целью здесь является ее деградация, ее страдания, ее смерть. Он дважды откликнулся ей: когда ее оскорбили, швырнув ей в лицо пригоршню спермы, и когда ее рвали на куски газеты, после того, как она застрелила тех пятерых. Он выступает под личиной

ментора, учителя, но его возбуждает беда. Когда история Ганнибала Лектера
будет наконец написана, а она несомненно будет написана, его поведение
охарактеризуют как случай авункулизма Демлинга. Чтобы привлечь его, нужно,
чтобы Старлинг попала в беду.

Меж бровей на широком тугом лбу Барни появилась глубокая складка.

- Можно мне вставить тут словечко, мистер Верже, раз уж вы меня
спрашивали? - Однако в разрешении он не нуждался. - В психушке доктор Лектер
откликнулся ей, когда она прекрасно владела собой, стояла там, вытирала
малафейку с лица и делала порученное ей дело. В письмах он называет ее
воином и подчеркивает, что во время перестрелки она того ребенка спасла. Он
восхищается ею, уважает ее отвагу и четкость действий. Он сам говорит, что
не собирается здесь появляться. А единственное, что он не способен делать,
это лгать.

- Вот вам точный пример того самого таблоидного образа мышления, о
котором я упоминал, - сказал Демлинг. - Доктор Лектер не способен
чувствовать ничего, подобного восхищению или уважению, не питает ни к кому
ни теплых чувств, ни привязанности. Это романтическая иллюзия,
свидетельствующая о том, как опасно быть малообразованным.

- Доктор Демлинг, вы меня, видимо, не помните, да? - спросил Барни. - Я
дежурил в Отделении как раз, когда вы пытались поговорить с доктором
Лектером. Многие пытались, но именно вы, помнится, ушли из отделения в

слезах. Потом он опубликовал в "Американском психиатрическом журнале"
рецензию на вашу книгу. Я не удивился бы, если бы вы расплакались из-за этой
рецензии.

- Достаточно, Барни, - сказал Мэйсон. - Позаботьтесь, чтобы мне подали
ланч.

- Полуиспеченный автодидакт - что может быть хуже? - прокомментировал
доктор Демлинг, когда Барни вышел из комнаты.

- А вы не говорили мне, что интервьюировали доктора Лектера, доктор, -
сказал Мэйсон.

- Он тогда был в кататоническом состоянии, от него ничего нельзя было
ожидать.

- И вы из-за этого расплакались?

- Это неправда.

- Вы не принимаете в расчет то, что говорит Барни?

- Он так же обманывается, как и девушка.

- Да Барни небось сам от Старлинг заторчал, - заметил Крендлер.

Марго рассмеялась - тихонько, но достаточно внятно, чтобы расслышал
Крендлер.

- Если вы хотите, чтобы Клэрис Старлинг стала привлекательной для
доктора Лектера, он должен увидеть, что она в беде, - сказал Демлинг. -
Пусть он увидит нанесенный ей вред, и пусть этот вред покажется ему таким
же, какой мог бы нанести он сам. Если он увидит, что она ранена - пусть
только символически - это возбудит его, как если бы он увидел, как она
мастурбирует. Когда лиса слышит, как пищит кролик, она бросается к нему, но
вовсе не затем, чтобы прийти на помощь.

ГЛАВА 52

- Я не могу сдать вам Клэрис Старлинг, - сказал Крендлер, когда Демлинг ушел. - Я могу в большинстве случаев сообщать вам, где она находится и чем занимается, но не могу контролировать задания Бюро. А если Бюро само решит сделать из нее приманку, они дадут ей прикрытие что надо, можете мне поверить.

Чтобы подчеркнуть важность того, что говорит, Крендлер потряс указательным пальцем в ту сторону, где во тьме лежал Мэйсон.

- Вы не сможете вмешаться в их действия. Не смогли бы даже перекрыть это прикрытие и перехватить Лектера. Коп на стреме вмиг ваших людей обнаружит. И второе - Бюро не начнет никаких активных действий, пока он не вступит с ней в контакт снова или пока они не получат свидетельство того, что он где-то поблизости - он же и раньше писал ей, но никогда близко не появлялся. Им понадобилось бы человек двенадцать минимум, чтоб, выставив ее как приманку, поставить наружное наблюдение. Это дорого обходится. Вот если бы вы не вытаскивали ее из огня, когда ее поджаривали за ту стрельбу на рыбном рынке... Трудновато будет снова заварить ту кашу и навесить на нее те же обвинения.

- Если бы да смогли бы... - произнес Мэйсон, вполне сносно, если учесть все обстоятельства, справившись со звуком "с". - Марго, взгляни-ка в ту миланскую газетку, "Коррьере делла Сера", субботний номер, он вышел на следующий день после убийства Пацци, посмотри раздел "Объявления страждущих", первый абзац. Прочти нам.

Марго поднесла страницу поближе к свету - шрифт был мелкий, печать
плотная.
- Объявление по-английски, адресовано А. А. Аарону. Текст: "Сдайтесь
властям в ближайшем полицейском участке, враги близко. Ханна". А кто это -
Ханна?
- Так звали лошадь, которая была у Старлинг в детстве, - ответил
Мэйсон. - Это - предупреждение Лектеру. От Старлинг. Он объяснил ей в своем
письме, как с ним связаться.
Крендлер вскочил на ноги:
- Черт возьми! Она же не могла ничего знать о Флоренции! Если она об
этом знает, то наверняка знает, что я вам все эти бумаги показывал.
Мэйсон вздохнул, подумав, достаточно ли Крендлер умен, чтобы стать
полезным ему политическим деятелем.
- Да она и не знала ничего. Это я поместил объявление в "Ла Национе",
"Коррьере делла Сера" и "Интернэшнл Геральд Трибюн", на следующий день после
того, как мы начали атаку на Лектера. Таким образом, если бы мы
промахнулись, он мог бы подумать, что она старалась ему помочь. И у нас еще
осталась бы возможность его захомутать - через Старлинг.
- Никто не откликнулся?
- Нет. Может, Ганнибал Лектер и откликнулся - все-таки. Может, он
поблагодарил ее за это - по почте или лично - кто знает? Впрочем,
послушайте-ка, почта ее по-прежнему перлюстрируется, а?
Крендлер кивнул.
- Непременно. Если он ей напишет, вы увидите письмо раньше, чем она.
- А теперь слушайте меня внимательно, Крендлер. Объявление это было

заказано и оплачено так, что Старлинг ни за что не докажет, что сама она его
не помещала. А это - преступление. Она тут переступила черту. Вы сможете
легко свернуть ей шею за это, Крендлер. А вы прекрасно знаете, ФБР заботится
о своих, как о куске дерьма, если кого выгоняют. Хоть на собачий корм их
пускай. Ей даже разрешение скрытно носить оружие не выдадут. Никто не станет
следить за ней - кроме меня. И Лектер узнает, что ее выперли и что она
теперь одна-одинешенька. Только сначала мы кое-что другое попробуем. -
Мэйсон смолк - перевести дух, затем заговорил снова: - Если это не
сработает, сделаем, как Демлинг говорит - устроим ей "беду" из-за этого
объявления... такую беду - черт, да вы ее запросто надвое переломите. Только
я вам вот что посоветую: ту половинку, где пизденка, - сохраните. С
другого-то конца она слишком уж серьезная, черт бы ее побрал. Ох, Господи,
прости, я не хотел чертыхаться!

ГЛАВА 53

Клэрис Старлинг, бегущая сквозь осыпающиеся листья в лесопарке штата
Вирджиния, в часе езды от дома... Парк - любимейшее место, ни души не видно
вокруг в этот осенний день - рабочая неделя, а у нее выходной, в котором она
так нуждалась. Она бежала по знакомой дорожке, вьющейся в заросших лесом
холмах, близ реки Шенандоа. Воздух на вершинах холмов прогрет лучами раннего
солнца, зато в долинах - неожиданный холодок, а иногда - теплый воздух в
лицо, а ноги холодит ветерок, и все в одно и то же время.

В эти дни земля у Старлинг под ногами, казалось, утрачивала прочность,
когда она шла пешком, но становилась несколько более твердой, когда Клэрис
бежала.

Старлинг, бегущая в ярком свете дня, сквозь яркие пляшущие блики света,
сквозь осенние листья, дорожка испятнана солнцем, а местами исполосована
тенями деревьев: раннее солн-це еще не успело высоко подняться. Впереди
перед нею три оленя бросились наутек - две самочки и самец - одним
великолепным, радующим душу прыжком очистив ей дорогу, их белые подхвостья
сверкали в лесной мгле, когда они мчались прочь. Радость, радость - Старлинг
и сама запрыгала.

Неподвижный, словно фигурка на средневековом гобелене, Ганнибал Лектер
сидел посреди опавших листьев на склоне холма над рекой. Ему были видны сто
пятьдесят футов беговой дорожки; свой полевой бинокль он прикрыл самодельным
козырьком из картона, чтобы линзы не отсвечивали на солнце. Сначала он
увидел оленей - они бросились прочь с дорожки и проскакали мимо него вверх
по холму, а затем, впервые за семь лет, он увидел Клэрис Старлинг всю
целиком - во плоти.

Та часть лица его, что не была закрыта биноклем, не изменила своего
выражения, только ноздри широко раздулись от глубокого вдоха - будто он мог
уловить ее аромат на таком расстоянии.

Вдох этот принес ему запах сухих листьев, с чуть заметным привкусом
корицы, сырой палой листвы под ними и нежно-терпкого лесного перегноя,

запашок кроличьего помета откуда-то издали, резкий мускус разодранной
беличьей шкурки из-под опавших листьев, но только не аромат Клэрис Старлинг
- его он распознал бы где угодно. Он видел, как бросились наутек перед нею
олени, видел, как они удалялись прыжками - он видел их еще долго после того,
как они исчезли у нее из виду.

Она же оставалась в его поле зрения меньше минуты: бежала легко, не
борясь с землей под ногами. Минимум припасов на день в небольшом рюкзачке
высоко за плечами, бутылка воды. Раннее солнце освещало ее сзади, в лучах
света размывались очертания лица, казалось, что кожа ее осыпана цветочной
пыльцой. Следуя за нею, его бинокль поймал яркий отблеск солнца на воде, и
несколько минут Ганнибал Лектер видел только цветные пятна. Клэрис Старлинг
исчезла из виду: дорожка теперь вилась вниз по склону, и последнее, что он
видел, был ее затылок: волосы, стянутые в "конский хвост", подпрыгивали,
точно белое подхвостье оленя.

Доктор Лектер оставался неподвижным, он не пытался следовать за ней.
Образ бегущей Клэрис четко запечатлелся в его мозгу. Вот так она будет
бежать там столько времени, сколько он пожелает. Это - первый раз за семь
лет, что он увидел ее в действительности: не станем считать снимки в
таблоидах и - изредка, издали - силуэт головы в окне автомобиля. Он
откинулся на спину, на теплые листья, заложил руки за голову, глядя, как
трепещет над ним редеющая листва клена, а небо над кленом такой густой

синевы - почти лиловое. Лиловое, пурпурное... Ягоды дикого винограда,
сорванные им, пока он взбирался сюда, тоже были лиловыми, пурпурными, они
уже привяли, утратив полноту и матовую пыльцу; он съел несколько ягод,
остальные размял в ладони и слизал сок - так ребенок облизывает свою широко
раскрытую ладошку. Лиловый, лиловый...

Лиловые баклажаны в огороде.

В дальнем охотничьем домике на холме горячей воды в середине дня не
было, и няня Мики вынесла медную кованую ванночку в огород, на солнцепек,
чтобы солнце нагрело воду - купать двухлетнюю Мику. Мика сидела в сверкающей
ванночке посреди пышной огородной зелени, в теплых лучах солнца, белые
бабочки-капустницы вились вокруг. Вода едва прикрывала пухленькие ножки
девочки, но ее торжественно-серьезный брат и огромный пес получили строгий
наказ сторожить ее, пока няня сходит за банной простынкой.

Некоторым слугам Ганнибал Лектер казался ребенком, которого следовало
опасаться. Он пугал их своей силой и напряженностью, противоестественным
многознанием; но старая няня его совсем не опасалась: она прекрасно знала
свое дело; не боялась его и маленькая Мика - она брала его за щеки
растопыренными, словно звездочки, ладошками и смеялась ему в лицо.Теперь она
потянулась куда-то мимо него, потянулась руками к баклажанам - ей нравилось
смотреть на них в солнечные дни. Глаза у Мики были не карие, как у брата, а
синие, и когда она смотрела на баклажаны, ее глаза, казалось, темнели,

вбирая в себя их цвет. Ганнибал Лектер понимал - этот цвет она любит до страсти. После того, как Мику отнесли в домик и помощник повара, ворча, явился, чтобы вылить из ванночки воду в огород, Ганнибал опустился на колени перед грядкой с баклажанами; тонкая пленка мыльных пузырьков сверкала отражениями всех оттенков зеленого, фиолетового, пока пузырьки не полопались на рыхлой земле. Он достал из кармана перочинный ножик и обрезал стебель одного из баклажанов, тщательно вытер и отполировал баклажан носовым платком; баклажан нагрелся на солнце и был теплым, словно живое существо, когда он нес его в детскую Мики, прижав к себе обеими руками; там он положил его так, чтобы она могла его видеть. Мика всегда любила темно-фиолетовый цвет, цвет спелого баклажана, всегда - до конца жизни.

Ганнибал Лектер закрыл глаза, чтобы снова увидеть оленей, прыжками мчавшихся прочь от Старлинг, увидеть ее, прыжками спускавшуюся вниз по дорожке, в золотом нимбе солнечного света, падавшего на нее сзади, но на этот раз олени были не те, был олень - маленький и хилый, с торчащим обломком стрелы, упиравшийся, сопротивлявшийся ремню на шее, когда его тащили к топору, тот самый олешек, которого съели перед тем, как съесть Мику, и Ганнибал Лектер не мог больше оставаться неподвижным, он вскочил на ноги, его ладони и рот были испачканы лиловым виноградным соком, углы губ опустились, как на греческой маске. Он глядел вслед Старлинг, на бегущую

вниз дорожку. Сделал глубокий вдох через нос, вдохнув очищающий аромат леса.
Теперь он остановил пристальный взгляд на том месте, где Старлинг скрылась
из глаз. Дорожка, по которой она пробежала, казалась светлее, чем весь
остальной лес, словно Клэрис оставила после себя светящийся след.

Ганнибал Лектер быстро взобрался на гребень холма и поспешил вниз по
противоположному склону, к месту парковки машин у поляны, где обычно
разбивали лагерь: там он оставил свой грузовичок. Он хотел уехать из парка
до того, как Старлинг вернется к своему автомобилю, что стоял в двух милях
отсюда, на главной стоянке, у будки смотрителя парка, теперь закрытой на
холодный сезон.

Ей понадобится самое малое минут пятнадцать, чтобы добежать до машины.

Доктор Лектер поставил грузовичок рядом с ее "мустангом", оставив мотор
включенным. У него уже был случай - и не один - как следует рассмотреть ее
машину на стоянке у продуктового магазина, близ ее дома. Годовой льготный
талон на посещение парка в окне старого "мустанга" Клэрис и привлек его
внимание к этому месту; он сразу же купил несколько карт парка и на досуге
изучил его досконально.

"Мустанг" был заперт; он словно припал на широкие колеса, будто спал.
Автомобиль Клэрис забавлял доктора Лектера: он выглядел капризным и - в то
же время - ужасно деловитым. На хромированной дверной ручке, даже
наклонившись совсем близко, он не уловил никакого запаха. Доктор Лектер

раскрыл плоский стальной щуп и плавно ввел его в дверь над замком.
Сигнализация? Да? Нет? Щелк! Нет.
Доктор Лектер забрался в машину, в атмосферу, которая была так явственно и интенсивно - Клэрис Старлинг. Рулевое колесо - толстое, обшито кожей. На клаксоне - буквы "МОМО". Он сидел, склонив голову набок, словно попугай, рассматривал эти буквы, и его губы шевелились, изображая слово "МОМО". Откинувшись на спинку кресла, он прикрыл глаза, сидел, глубоко дыша, высоко подняв брови, будто слушал музыку.
И вдруг острый розовый кончик его языка, как бы обладавшего собственным отдельным мозгом, высунулся змейкой у него изо рта. Не изменив выражения лица, словно не подозревая даже, что он делает, Ганнибал Лектер наклонился вперед, по запаху отыскал обтянутый кожей руль, и обвил руль языком там, где на нижней его стороне шли углубления для пальцев. Губами он ощущал вкус отполированного местечка в верхней четверти колеса, где обычно лежала ее ладонь. Потом он снова откинулся на спинку кресла, язык тоже вернулся домой, на свое обычное место, плотно сжатые губы шевелились, словно доктор Лектер дегустировал вино. И снова он сделал глубокий вдох и задерживал дыхание, пока вылезал из машины, пока запирал старый "мустанг" Клэрис Старлинг. Он так и не сделал выдоха, так и хранил ее во рту, в легких, до тех пор, пока его грузовичок не выехал за пределы парка.

ГЛАВА 54

В науке о психологии поведения существует аксиома: вампиры действуют в

пределах определенной территории, каннибалы свободно передвигаются по всей стране.

Кочевая жизнь очень мало привлекала доктора Лектера. Успех его стараний избежать встречи с властями объяснялся, прежде всего, высоким качеством его фальшивых документов и той осторожностью, с которой он ими долгое время пользовался. Кроме того, у него всегда был свободный доступ к деньгам. Частая и беспорядочная перемена мест никакой роли в этом успехе играть просто не могла.

Пользуясь двумя разными комплектами фальшивых документов, он выдавал себя за двух разных людей, каждый из которых имел надежный кредит; к тому же у него имелся еще и третий комплект документов, чтобы пользоваться транспортными средствами. Так что ему не составило слишком большого труда устроить себе уютное гнездышко в Соединенных Штатах всего через неделю после приезда.

Он предпочел Мэриленд: всего около часа езды до поместья Мэйсона Маскрэт-Фарм и вполне удобно выезжать в театр и на концерты в Вашингтон и Нью-Йорк.

Ничто в видимых глазу занятиях доктора Лектера не привлекало внимания; обе его личины спокойно выдержали бы рутинную проверку. Навестив одну из камер хранения в Майами, он снял у некоего лоббиста - толкача немецких интересов - очень приятный изолированный дом на берегу Чесапикского залива на целый год.

Пользуясь двумя промежуточными телефонами с разными номерами, установленными в дешевой квартирке в Филадельфии, он мог давать себе самые блестящие рекомендации, когда и куда бы ни потребовалось, не покидая своего уютного нового убежища.

Он всегда расплачивался наличными и очень скоро смог получать от билетных спекулянтов по льготной цене самые лучшие билеты на симфонические концерты и на те оперные и балетные спектакли, которые его интересовали.

Среди особенно привлекательных черт в его новом доме был просторный гараж на две машины, с мастерской и удобными, закатывающимися наверх воротами. Там доктор Лектер и поместил два своих автомобиля: видавший виды шестилетний грузовичок-пикап "шевроле", с трубчатой рамой над кузовом и установленными в кузове тисками, который он купил у маляра и слесаря, и "ягуар-седан" с наддувом, взятый в рассрочку через посредство холдинговой компании в Делаваре. Изо дня в день пикап менял свое обличье. Оборудование, которое доктор Лектер помещал в кузов или на раму, включало лестницу для малярных работ, бухту полихлорвинилового шланга, котел для барбекю и баллон с бутаном.

Управившись с устройством дома, он подарил себе восхитительную неделю музыки и посещения музеев в Нью-Йорке, откуда послал каталоги самых интересных художественных выставок в Париж, своему кузену - великому художнику Бальтусу. В Нью-Йорке же, на аукционе у Сотби, он купил два

превосходных музыкальных инструмента, что тот, что другой - одинаково редкостная находка. Первый - фламанд-ский клавесин конца восемнадцатого века, почти такой же, как клавесин работы Далкина, 1745 года, в Смитсоновском Институте, с верхним мануалом, чтобы исполнять Баха: этот инструмент явился достойным преемником чембало, что было у Ганнибала Лектера во Флоренции. Другая покупка - один из ранних электронных инструментов, теремин, созданный в 1930-х годах самим профессором Тереминым. Теремин с давних пор вызывал у доктора Лектера жгучий интерес. Он даже сам построил теремин, когда был еще мальчишкой. На инструменте играют движением раскрытых ладоней в магнитном поле. Жестами рук вы рождаете звуки.

Теперь доктор Лектер считал, что вполне устроен. Теперь можно было и поразвлечься.

Доктор Лектер вел машину домой, в свое приятное убежище на мэрилендском берегу залива, после утра, проведенного в лесу. Образ Клэрис Старлинг, бегущей по лесной дорожке сквозь осыпающиеся осенние листья, теперь прочно обосновался во дворце его памяти. Этот дворец - постоянный источник наслаждения, легко достижимый, не нужно и секунды, чтобы войти в его фойе. Он видит, как бежит Старлинг и - таково уж качество его визуальной памяти - может находить в этой сцене все новые детали; может слышать, как скачут прочь, выше и выше по склону холма, большие, здоровые белохвостые олени, видит мозоли у них на сгибах ног, зеленоватое пятно от травы на подбрюшье у

того, что поближе. Он сохранил это воспоминание в высокой и солнечной
дворцовой палате, как можно дальше от маленького раненого олешка....

Снова дома, снова дома... Ворота гаража опускаются за пикапом с тихим
жужжаньем.

Когда в полдень ворота поднялись снова, из них выкатился черный "ягуар"
с одетым для города, весьма элегантным доктором Лектером за рулем.

Доктор Лектер очень любил делать покупки. Он поехал прямо к Хаммахеру
Шлеммеру, поставщику дорогих спортивных и хозяйственных аксессуаров, а также
кухонных принадлежностей, и там позволил себе потратить ровно столько
времени, сколько ему хотелось. Все еще пребывая в, так сказать, "лесном"
настроении, он измерил карманной рулеткой три большие корзины для пикника,
все из лакированных прутьев, с вшитыми кожаными ручками и петлями и запорами
из чистой меди. В конце концов его выбор пал на средней величины корзину,
поскольку она должна была вместить столовый набор всего лишь на одну
персону.

В этом плетеном чемоданчике находился термос, прочные бокалы из
толстого стекла, тяжелый фарфор, а также ножи, вилки и ложки из нержавеющей
стали. Чемоданчик продавался вместе с аксессуарами. Вы обязаны были их
купить.

Далее он последовал в магазины Тиффани и Кристофля. У Тиффани доктор
смог заменить тяжелые тарелки для пикника жьенским фарфором из Франции, с
узором chasse - листья и птицы холмов. У Кристофля он приобрел столовое

серебро девятнадцатого века в стиле "кардинал" - он предпочитал именно такое
столовое серебро - с клеймом мастера, вычеканенным в углублении ложки, и
парижским "крысиным хвостиком" на нижней стороне каждой из ручек. Вилки
сильно изогнуты, зубцы их расставлены широко, а ручки ножей приятной
тяжестью ложатся глубоко в ладонь. Каждый предмет ощущается в руке, словно
хороший дуэльный пистолет. Что касается хрусталя, доктор мучился сомнениями
насчет бокалов для аперитива - какой размер выбрать, и наконец взял ballon с
узким горлышком для бренди; зато насчет бокалов для вина сомнений у него не
было. Доктор выбрал риделевский резной хрусталь ручной работы, бокалы двух
размеров, и с таким горлышком, что носу там было бы вполне просторно.

У Кристофля он, кроме того, купил столовые салфетки под тарелки из
сливочно-белого полотна и несколько очаровательных салфеток из дамаста,
каждая с крохотной дамасской розой в уголке - алой, словно капелька крови.
Игра слов - "дамаст - дамасской" - показалась доктору Лектеру забавной, и он
купил полдюжины салфеток, чтобы всегда быть во всеоружии, с учетом сроков
возврата белья из прачечной.

Еще он купил две переносные газовые горелки, мощностью в 35.000 BTU, -
такие используют в ресторанах, когда готовят прямо у столика, и
элегантнейший медный сотейник и медную fait-tout - делать соусы; и то и
другое было изготовлено для торгового дома "Dehillerin" в Париже; кроме того

- две сбивалки. Он не смог найти кухонные ножи из углеродистой стали - он всегда предпочитал их ножам из нержавейки; не смог он отыскать и ножи специального назначения, какие вынужден был оставить в Италии.

Последнюю остановку он сделал в магазине медицинских инструментов, недалеко от Главной больницы Милосердия. Там он смог очень удачно купить почти новую секционную пилу, которая прекрасно поместилась в новой корзине, в тех ременных петлях, где раньше покоился термос. Пила все еще была на гарантии, и к ней прилагались насадки: одна - общего назначения, другая - для вскрытия черепа, и черепной крюк, так что доктор смог практически полностью укомплектовать свою batterie de cuisine.

Стеклянные двери в доме доктора Лектера распахнуты в свежий вечерний воздух. Залив то угольно-черен, то серебрист под луной и бегучими тенями облаков. Доктор Лектер наполнил вином новый хрустальный бокал и поставил его на напольный подсвечник у клавесина. Изысканный букет вина смешивается с солоноватым прибрежным воздухом, и доктор Лектер может наслаждаться им, не отрывая пальцев от клавиш.

В свое время у него были клавикорды, верджинел, и другие старинные клавишные инструменты. Он предпочитает звучание клавесина и ощущение, вызываемое игрой на нем, потому что невозможно строго контролировать звучность управляемых щипковым механизмом струн, и музыка является тебе как эксперимент, как неожиданный, сам себе довлеющий опыт.

Доктор Лектер смотрит на инструмент, сжимая и разжимая пальцы. Он

начинает знакомство с только что приобретенным клавесином так, как мог бы обратиться к привлекательной незнакомке: он начинает с легкой шутки, наигрывает арию, написанную Генрихом VIII: "Зеленеет падуб".

Поощренный к продолжению знакомства, он переходит к Моцарту - "Соната Ля мажор". Доктор Лектер и клавесин еще не достигли интимной близости, но отклик инструмента на касания его рук обещает - долго ему ждать этого не придется. Поднимается ветерок, свечи вспыхивают, их пламя колеблется, но глаза доктора Лектера закрыты, чтобы не мешал свет, лицо обращено вверх, он играет. Мыльные пузырьки слетают с растопыренных звездочками ладошек Мики, когда она взмахивает руками над ванночкой, и плывут в легком ветерке, легко пролетают сквозь лес и, как раз когда он принимается за третью часть сонаты, сквозь лес бежит, все бежит Клэрис Старлинг, шорох листьев у нее под ногами, шорох ветра вверху, в кронах меняющих цвет деревьев, а перед нею прочь срываются олени, самец и две самочки, прыжками освобождающие ей путь, - так прыгает сердце в груди. Земля вдруг становится холоднее, и оборванные люди тащат из леса маленького тощего оленя, раненного стрелой - она все еще торчит у него из бока, он упирается, сопротивляется ремню, обвившему его шею, а люди тащат его, раненого, чтобы не надо было нести олешка к ожидающему его топору, и музыка резко обрывается, прозвенев над окровавленным снегом, и руки доктора Лектера сжимают края сиденья. Он делает

глубокий вдох, еще и еще один, заставляет себя сыграть следующую фразу...
вторую, третью, но музыка снова обрывается. Тишина.

Мы слышим тонкий, пронзительный вопль, обрывающийся так же неожиданно, как и музыка. Ганнибал Лектер долго сидит, склонив над клавишами голову. Потом бесшумно поднимается и выходит из комнаты. Невозможно определить, где он теперь находится - в доме темно. Ветер с Чесапикского залива набирает силу, колеблет пламя свечей, они гаснут, а ветер, в полной тьме, поет в струнах клавесина, то наигрывая неожиданную мелодию, то извлекая пронзительный вопль, вопль из далекого прошлого.

ГЛАВА 55

Среднеатлантическая межрегиональная выставка огнестрельного и холодного оружия в зале Военного мемориального комплекса. Многие акры столов и стендов, целые поля стрелкового оружия, в основном пистолеты и охотничьи ружья типа боевых. Красные лучики лазерных прицелов танцуют на потолке.

Очень немногие из тех, кто и в самом деле работает не в четырех стенах, посещают такие выставки, это ведь дело вкуса. Стрелковое оружие теперь исключительно черного цвета, и выставки эти мрачны, лишены ярких тонов, и столь же безрадостны, как и внутренний мир тех, кто сюда приходит.

Только посмотрите на эту толпу - неопрятные, со злым прищуром, облысевшие, сердитые люди, с поистине засохшими сердцами. Они-то и представляют собой наибольшую опасность для частных лиц, желающих сохранить право на владение огнестрельным оружием.

Больше всего таким нравится боевое оружие, предназначенное для массового производства, дешевое, штампованное, обеспечивающее высокую убойную силу в руках невежественных и плохо обученных солдат.

Посреди этих пивных животов, рыхлых и бледных, как сырое тесто лиц, стрелков, вечно пребывающих в четырех стенах, движется доктор Лектер, аристократически худощавый и стройный. Стрелковое оружие его не интересует, он сразу же проходит к стендам ведущего поставщика ножей на этой выставке. Фамилия поставщика - Бак, и он весит, должно быть, фунтов триста двадцать пять. На стендах у Бака множество поражающих воображение мечей и кинжалов - в основном имитации средневековых и варварских предметов вооружения, но у него имеются и самые лучшие современные ножи, и даже дубинки, так что доктор Лектер сразу же замечает обозначенные в его списке предметы - те, что ему пришлось оставить в Италии.

- Что вас интересует? Помочь? - У Бака дружелюбные щеки, дружелюбная улыбка и недружелюбный взгляд.

- Да, будьте любезны. Мне нужна вон та "гарпия" и прямой зубчатый нож фирмы "Спайдерко", с четырехдюймовым лезвием, а еще вон тот, что сзади, скорняжный - "скинер" с опущенным острием.

Бак достал со стенда все, о чем его просили.

- Мне нужна хорошая пила для разделки дичи. Нет, не эта - хорошая. И дайте-ка мне пощупать вон тот плоский кожаный сап, черный... - Доктор Лектер задумчиво осмотрел пружину в ручке. - Его я тоже возьму.

- Что-нибудь еще?

- Да. Мне хотелось бы взять еще нож "Спайдерко сивилиан", но я его здесь не вижу.

- Не так уж много народу про него знают. Никогда не привожу сюда больше одного.

- А мне и нужен один.

- Его нормальная цена - двести двадцать долларов. Могу уступить за сто девяносто, с ножнами.

- Прекрасно. А ножи из углеродистой стали у вас есть?

Бак покачал массивной головой.

- Да вы найдете таких сколько угодно на блошином рынке, только старые. Я сам их там покупаю. Можно наточить о донышко блюдца.

- Упакуйте все, я вернусь за пакетом через несколько минут.

Бака не очень часто просили упаковать его товар. Он выполнил просьбу, но брови его при этом были высоко подняты.

Весьма характерно - выставка эта вовсе не выставка, а настоящий базар. Тут было несколько столов с пропылившимися памятными предметами Второй мировой войны, они теперь выглядели очень древними. Здесь можно было купить винтовку "М-1", противогазы с растрескавшимися стеклами очков, солдатские котелки. Были здесь и киоски с предметами нацистского вооружения. Можно было приобрести настоящий баллон из-под газа "Циклон Б", если он пришелся вам по вкусу.

Но почти ничего не было здесь такого, что говорило бы о войне в Корее или во Вьетнаме, и уж вовсе ничего о "Буре в пустыне".

Многие покупатели явились сюда в камуфляжной форме, будто лишь ненадолго вернулись с линии фронта - посетить выставку оружия, но еще больше

самых разнообразных камуфляжных костюмов предлагалось на продажу, включая гилли - комплект камуфляжа, предназначенный полностью скрыть снайпера или стрелка из лука: один из главных отделов выставки был посвящен охоте с луком.

Доктор Лектер как раз рассматривал снайперское облачение, когда скорее почувствовал, чем увидел рядом с собой двух людей в полицейской форме. Он взял со стола перчатку для стрельбы из лука и, подняв ее к свету, чтобы рассмотреть клеймо мастера, смог разглядеть, что эти двое были егеря из Отдела охоты и рыбной ловли во внутренних водах штата Вирджиния. Отдел тоже имел на выставке свой стенд, посвященный охране природы.

- Донни Барбер, - сказал старший из инспекторов, указав на кого-то подбородком, - если когда притащишь его в суд, дай мне знать. Ох, как хочется попереть из леса этого сукиного сына - надолго, до конца его жизни.

Они наблюдали за человеком лет тридцати в противоположном конце отдела лучной охоты. Донни Барбер стоял лицом к ним, поглощенный сюжетом на видео. Парень был в камуфляже, рукава блузы он завязал вокруг пояса, чтобы майка цвета хаки могла ярче подчеркнуть его обильную татуировку; костюм довершала бейсбольная шапочка козырьком назад.

Доктор Лектер медленно отошел от егерей, по дороге разглядывая экспонаты выставки. Остановился у стола с лазерными прицелами для пистолетов и сквозь решетчатый стенд, увешанный кобурами, пригляделся к мелькающим на видео изображениям, так захватившим Донни Барбера.

Это был видеофильм об охоте с луком и стрелами на безрогого оленя.

Очевидно, кто-то за камерой гнал оленя вдоль ограды лесного участка, пока охотник натягивал тетиву. На охотнике было подслушивающее устройство - чтобы озвучить фильм. Дыхание его участилось. Он прошептал в микрофон: "Щас он у меня получит!"

Олень как-то сгорбился, когда его ударила стрела, и дважды налетел на ограду, прежде чем смог перепрыгнуть сетку и помчаться прочь.

Поглощенный происходящим на экране, Донни Барбер дернулся и простонал, когда стрела вонзилась в оленя.

Теперь видеоохотник собирался свежевать оленя. Он начал с того, что назвал "АНН-ус".

Донни Барбер остановил видео и прокрутил назад, туда, где стрела попала в оленя; она все попадала в него - снова и снова и снова, пока к Барберу не подошел продавец-стендист.

- А пошел ты, козел, - сказал ему Донни Барбер. - На хрен мне такое дерьмо у тебя покупать.

В следующем киоске он купил несколько желтых стрел с широкими наконечниками с четырьмя бритвенно острыми гранями. Тут был еще и киоск, где разыгрывались призы за дорогую покупку. Донни Барбер со своей покупкой отправился туда и получил бланк участника. Приз был - двухдневная лицензия на охоту на оленей.

Донни Барбер заполнил бланк и опустил его в прорезь ящика, ручку продавца он забрал с собой, вышел, неся длинный пакет со стрелами, и вскоре исчез, смешавшись с толпой молодых людей в камуфляже.

Как глаза лягушки отмечают малейшее движение, так и глаза продавца подмечают любую паузу в движении проходящей мимо него толпы. Но этот человек у стенда стоял совершенно неподвижно.

- Что, это и есть ваш лучший арбалет? - спросил у продавца доктор Лектер.

- Нет. - Продавец достал из-под прилавка футляр. - Вот самый лучший. Мне загнутый вперед больше нравится, чем составной, если приходится навскидку стрелять. И у него ворот есть, можно от 'лектродрели задействовать, а то и вручную. Вы знаете, тут, в Вирджинии, арбалетом запрещено оленей бить... если только вы не инвалид, - добавил он.

- Мой брат потерял руку и жаждет подстрелить хоть что-нибудь той, что осталась, - пояснил доктор Лектер.

- А, понял.

Всего лишь за пять минут доктор Лектер приобрел отличный арбалет и две дюжины коротких толстых стрел, какие в арбалетах и используются.

- Упакуйте, пожалуйста, - сказал доктор Лектер.

- Заполните вот этот бланк и можете получить призовую охоту на оленя. Два дня - прекрасная лицензия, - посоветовал продавец.

Доктор Лектер заполнил бланк, опустил его в прорезь ящика. Как только продавец занялся другим покупателем, доктор Лектер снова обратился к нему:

- Вот досада! - сказал он. - Забыл указать свой номер телефона на бланке. Можно мне?..

- Без проблем, валяйте.

Доктор Лектер снял с ящика крышку и вынул два верхних бланка. Дополнил ложную информацию на своем и внимательно рассмотрел тот, что лежал под ним; глаза его моргнули только раз - словно щелкнул затвор фотокамеры.

ГЛАВА 56

Тренажерный зал в поместье Маскрэт-Фарм выдержан в стиле "хай-тек" - сплошь черные и хромированные детали, имеет полный набор тренировочных аппаратов фирмы "Наутилус", штанги и все необходимое для поднятия тяжестей, оборудование для занятий аэробикой, и бар, полный разнообразнейших соков.

Барни почти уже закончил тренировку и остывал, спокойно крутя педали велотренажера, когда обнаружил, что он в зале не один. Марго Верже в углу зала стягивала с себя тренировочный костюм. Она осталась в эластичных шортах и коротеньком топе поверх спортивного бюстгальтера. Теперь к этому костюму она добавила пояс штангиста. Барни услышал, как звякнули "блины" на штанге. Услышал, как размеренно она дышит, делая подготовительные упражнения. Барни крутил педали, не включив сопротивления, одновременно вытирая голову полотенцем, когда Марго подошла к нему в перерыве между упражнениями.

Она посмотрела на его руки, потом на свои. Они выглядели почти одинаково.

- Ты сколько сможешь выжать в жиме лежа, как думаешь? - спросила она.

- Не знаю.

- Думаю, знаешь прекрасно.

- Может, фунтов триста восемьдесят пять, около того.

- Триста восемьдесят пять? Ни за что не поверю, малыш. Тебе не выжать триста восемьдесят пять.

- Может, ты и права.

- Вот тут у меня сотня долларов, она утверждает, что тебе ни в жизнь не выжать триста восемьдесят пять.

- Против чего ставишь?

- Какого черта! Против сотни, конечно. А я тебя подстрахую.

Барни взглянул на нее и наморщил тугой лоб:

- Идет.

Они загрузили штангу. Марго пересчитала "блины" на том конце, где их вешал Барни, будто боялась, что он сжульничает. В ответ Барни с особым тщанием пересчитал "блины" с ее стороны.

Барни вытянулся на скамье, Марго, в обтягивающих эластичных шортах, встала у самой его головы. Там, где ее бедра соединялись с нижней частью живота, образуя арку, бугрились мускулы, как на фигурах барокко, а массивный торс, казалось, доставал чуть не до потолка.

Барни нашел позицию поудобнее, ощущая спиной плоскость скамьи. Бедра Марго пахли свежестью, вроде каким-то бальзамом. Руки ее, с крашенными алым лаком ногтями, легко лежали на грифе штанги - прекрасной формы руки, не надо бы им обладать такой силой.

- Готов?

- Да.

Барни выжал штангу вверх, к склоненному над ним лицу. Труда это ему не составляло. Он уложил штангу на скобы еще до того, как Марго успела его подстраховать. Она достала деньги из спортивной сумки.

- Спасибо, - сказал Барни.

- Зато я делаю больше приседаний, чем ты.

- Знаю.

- Откуда это ты знаешь?

- Я-то писаю стоя.

Массивная шея Марго покраснела.

- И я так могу.

- Спорим на сотню?

- Сбей-ка мне фруктовый мусс, - сказала Марго.

На баре стояла ваза с фруктами и орехами. Пока Барни сбивал им обоим фруктовый мусс, Марго взяла из вазы два ореха и расколола в кулаке.

- А ты можешь расколоть один орех, если его не к чему прижать? - спросил Барни. Он разбил два яйца о край миксера и вылил внутрь.

- А ты - можешь? - спросила Марго и протянула ему орех.

Орех лег на раскрытую ладонь Барни.

- Не знаю.

Он очистил пространство перед собой на стойке бара; один из апельсинов скатился с вазы и упал на пол со стороны Марго.

- Оп! Прошу прощения! - сказал Барни.

Она подняла апельсин и положила обратно в вазу.

Огромный кулак Барни сжался. Взгляд Марго переходил с его кулака на лицо и обратно, на шее у Барни вздулись жилы, лицо налилось кровью. Он дрожал от напряжения. Из кулака донесся слабый треск, лицо Марго словно опало, Барни двинул дрожащий кулак над миксером в сторону Марго: треск послышался явственней. Яичный желток и белок вылились в миксер. Барни включил миксер и облизал кончики пальцев. Марго рассмеялась, сама того не желая.

Барни разлил мусс по бокалам. С другого конца зала оба они могли бы показаться борцами или тяжелоатлетами в двух близких весовых категориях.

- Ты считаешь, тебе надо уметь делать все, что делают парни? - спросил он.

- Только без их дурацких штучек.

- А потрахаться, как мужик с мужиком, не хочешь?

Марго больше не улыбалась.

- Не вздумай подкатываться, Барни. Я тебе не трахалка дешевая.

Барни потряс крупной головой:

- Ну, с тобой не соскучишься, - сказал он.

ГЛАВА 57

В "Доме Ганнибала" прозрений день ото дня становилось все больше.
Клэрис Старлинг нащупывала путь по коридорам вкусов доктора Лектера:

Рашель Дю Берри была несколько старше доктора, когда весьма активно
опекала Балтиморский симфонический оркестр, а еще она была замечательно
красива - Старлинг могла убедиться в этом, глядя на ее фотографии в выпусках
журнала "Вог" того времени. Все это имело место двумя богатыми мужьями
раньше. Теперь она была миссис Франц Розенкранц, из династии текстильных
Розенкранцев. Секретарь миссис Розенкранц по общественным связям соединил с
ней Клэрис:

- Теперь я просто посылаю оркестру деньги, милочка. Мы слишком много
путешествуем, чтобы более активно способствовать его деятельности, -
объяснила миссис Розен-кранц, урожденная Дю Берри. - Если речь идет о
каких-то налоговых делах, я могу дать вам телефон нашей бухгалтерии.

- Миссис Розенкранц, когда вы входили в попечитель-ские советы
Филармонии и Западной школы, вы были знакомы с доктором Лектером?

Довольно длительное молчание.

- Миссис Розенкранц?

- Полагаю, мне следует взять ваш номер телефона и перезвонить через
коммутатор ФБР.

- Разумеется.

Когда беседа возобновилась, миссис Розенкранц сказала:

- Да, я была знакома с доктором Лектером - мы с ним бывали в обществе -

много лет назад, и с тех самых пор газетчики просто лагерем стоят у моего порога из-за него. Он был совершенно очаровательным человеком, просто уникальным. От него прямо-таки пушок у вас на коже искриться начинал - если вы представляете, что я имею в виду. Мне много лет понадобилось, чтобы поверить, что та, другая его сторона - действительно правда.

- А он когда-нибудь дарил вам подарки, миссис Розен-кранц?

- Я обычно получала от него записочку в день рождения, даже когда он находился в заключении. Иногда - небольшой подарок, это до того, как его посадили. Он дарит изысканнейшие вещи.

- И доктор Лектер устроил тот знаменитый обед в честь вашего дня рождения. С винами урожая именно того года, когда вы родились.

- Да, - ответила она. - Сюзи считает, что это была самая замечательная вечеринка после черно-белого бала Капоте.

- Миссис Розенкранц, если бы вы вдруг получили от него весточку, не могли бы вы позвонить в ФБР по номеру, который я дам вам? И еще одну вещь я хотела бы спросить у вас: может быть, у вас с доктором Лектером есть особые, общие годовщины? И, миссис Розенкранц, я должна попросить вас сообщить мне дату вашего рождения.

Из телефонной трубки совершенно явственно повеяло холодом.

- Я полагаю, подобная информация вам вполне доступна из ваших собственных источников.

- Да, мадам, но есть некоторое несоответствие между датами на вашем свидетельстве о рождении, на карточке социального страхования и в водительских правах. Ни одна из дат не совпадает с другой. Извините,

пожалуйста, но мы сейчас проверяем заказы, сделанные доктором Лектером на
дорогостоящие подарки известным знакомым к их дням рождения.
     - Известным знакомым? Значит, я теперь "известная знакомая"... Какое
ужасное выражение! - Миссис Розен-кранц усмехнулась. Она была из того
поколения женщин, что не прочь были и сигарету выкурить, и коктейль выпить -
да не один, так что голос у нее был низкий и хрипловатый. - Агент Старлинг,
а вам сколько лет?
     - Мне тридцать два, миссис Розенкранц, а перед Рождеством, за два дня
до него, будет тридцать три.
     - Скажу вам - просто по доброте душевной, - я очень надеюсь, что у вас
в жизни еще будет парочка "известных знакомых". Они очень помогают скоротать
время.
     - Разумеется, мадам. Вашу дату рождения назовите, пожалуйста.
     Миссис Розенкранц в конце концов открыла тайну, назвав реальную дату,
которая "доктору Лектеру была прекрасно известна".
     - А могу я спросить, мадам... я понимаю, когда меняют год рождения, но
месяц и день - зачем?
     - Мне хотелось быть Девой, этот знак Зодиака лучше подходил мистеру
Розенкранцу, а мы тогда только начали встречаться.

     Те, с кем доктор Лектер познакомился, когда сидел в клетке, смотрели на
него несколько иначе.
     Несколько лет назад Старлинг удалось спасти Кэтрин, дочь бывшего
сенатора США, Рут Мартин, из кошмарного подвала Джейма Гама, серийного
убийцы по прозвищу "Буффало Билл". И если бы сенатор Мартин не проиграла на

очередных выборах, она могла бы многое сделать для Старлинг. Она тепло
откликнулась на телефонный звонок Клэрис, рассказала о том, что нового у
Кэтрин, и поинтересовалась, что нового у самой Клэрис.

- Вы никогда ни о чем меня не просили, Старлинг. Если вам когда-нибудь
будет нужна работа...

- Спасибо, сенатор Мартин.

- Что касается этого чертова Лектера - нет. Я бы немедленно сообщила в
Бюро, если бы что-нибудь от него получила, и я запишу ваш номер телефона
прямо здесь, рядом с моим аппаратом. Чарлси знает, как обращаться с
письмами. Не думаю, что он мне напишет. Последнее, что этот подонок мне
сказал тогда в Мемфисе, это - "Прелестный костюм". Он тогда сделал одну
вещь... такой жестокости по отношению ко мне никто никогда не совершал.
Хотите знать, что?

- Он издевался над вами, я знаю.

- Когда Кэтрин пропала, и мы были в отчаянии, а он сказал, что обладает
информацией о Джейме Гаме, и я умоляла его мне эту информацию сообщить, он
посмотрел мне прямо в глаза своим змеиным взглядом и спросил, кормила ли я
Кэтрин сама. Он хотел знать, кормила ли я Кэтрин грудью. Я ответила "да". И
тогда он сказал: "Вызывает жажду, верно?" Это вдруг вернуло меня назад, я
снова ощутила, как держала ее на руках, маленькую, ждала, пока она
насытится, а мне так хотелось пить! Это пронзило меня такой болью, я никогда
ничего подобного не испытывала, а он словно пил из меня мою боль, упивался
ею.

- А какой он был, сенатор Мартин?
- Какой он был?... Простите, не поняла.
- Какой костюм был на вас, что так понравился доктору Лектеру?
- Дайте подумать. Темно-синий, от Живанши, очень хорошо сшитый, - ответила сенатор Мартин, несколько уязвленная предпочтениями Клэрис Старлинг. - Когда засунете его назад в тюрягу, приезжайте повидаться, Старлинг, поездим на лошадях.
- Спасибо, сенатор Мартин, я не забуду о вашем приглашении.

Два телефонных звонка - по разные стороны доктора Лектера: один показал обаяние этого человека, другой - чешую чудовища. Старлинг записала:

"Вина, выдержанные с даты рождения" - эта тема ее программы была уже раскрыта. Она взяла на заметку "Живанши", чтобы добавить к списку дорогостоящих товаров. Немного подумав, записала и "кормить грудью", почему - она и сама не могла бы объяснить, но времени подумать об этом у нее не было - зазвонил красный телефон.
- Психология поведения? Я пытаюсь дозвониться Джеку Крофорду, это шериф Дюма из округа Кларендон, штат Вирджиния.
- Шериф, с вами говорит ассистент Джека Крофорда. Он сегодня в суде. Я могу вам помочь. Я - спецагент Старлинг.
- Да мне надо бы с Джеком Крофордом поговорить. У нас тут парень один в морге лежит, его разделали, ну прям как мясную тушу. Вроде и правда - на мясо. Я в тот отдел попал?
- Да, сэр. Мы тут как раз мя... Да, сэр, точно, в тот самый отдел. Если вы мне точно скажете, где вы находитесь, я выезжаю к вам - немедленно, и я

свяжусь с мистером Крофордом, как только он закончит свидетельские показания
в суде.

"Мустанг" Старлинг вылетел со стоянки в Квонтико на второй скорости,
оставив на асфальте достаточно резины, чтобы морской пехотинец у ворот
укоризненно покачал головой и, силясь не улыбнуться, погрозил Клэрис
пальцем.

ГЛАВА 58

Окружной морг Кларендона, на севере Вирджинии, присоединен к Окружной
больнице небольшим тамбуром с воздушным шлюзом, мощным вентилятором-отсосом
в потолке и широкими двойными дверями с обоих концов, чтобы обеспечить
удобный доступ мертвым. Помощник шерифа стоял на страже у дверей, преграждая
доступ пятерым репортерам и фотографам, толпившимся перед ним.

Старлинг приподнялась на цыпочки и высоко подняла свой значок, чтобы
заместитель шерифа увидел ее за спинами репортеров. Разглядев значок, тот
кивнул, и Старлинг нырнула в толпу. Замелькали вспышки фотокамер, а позади
нее полыхнул софит телевизионщика.

Тишина в секционном помещении, слышно только, как позвякивают
инструменты, ложась в металлические кюветы.

В Окружном морге четыре стола из нержавеющей стали - для проведения
аутопсии, у каждого стола - своя раковина и свои весы. Два стола были
закрыты простынями, натянутыми странно, точно палатки, над останками,
которые они прикрывали. Сейчас в секционной, на столе у окна, шло рутинное
больничное вскрытие. Патологоанатом с ассистентом делали какую-то особенно

тонкую работу и даже не подняли глаз, когда вошла Старлинг.

Пронзительный визг электропилы заполнил комнату, и минуту спустя патолог осторожно отложил в сторону крышу черепа, а затем поднял в сомкнутых ладонях мозг и поместил на весы. Тихим шепотом он сообщил вес в нагрудный микрофон, осмотрел лежащий в чаше весов мозг и тронул его затянутым в перчатку пальцем. Разглядев за плечом ассистента лицо Старлинг, он бросил мозг в раскрытую полость грудной клетки трупа, швырнул резиновые перчатки в бачок, щелкнув ими, как мальчишка рогаткой, и подошел к Старлинг, обойдя стол.

Пожимая ему руку, Клэрис почувствовала, как по коже у нее побежали мурашки.

- Клэрис Старлинг, специальный агент ФБР.

- А я - доктор Холлингзворт, медицинский эксперт, патологоанатом, шеф-повар и главный мойщик бутылок.

У доктора Холлингзворта ярко-голубые глаза, белки сверкают, как хорошо очищенные куриные яйца, сваренные в крутую. Не отводя взгляда от Старлинг, он сказал ассистенту:

- Марлен, позвони на пейджер шерифу, он в кардиологии, в отделении интенсивной терапии, и открой вон те останки ... пожалуйте, мэм.

По опыту Старлинг знала, что медэксперты обычно умны и интеллигентны, но довольно часто случается, что в общении с другими людьми, в беседе бывают глуповаты, неосторожны, и склонны к показухе. Холлингзворт заметил, куда смотрит Старлинг.

- Вас заинтересовал этот мозг?

Она кивнула и развела раскрытые ладони.

- Мы здесь вовсе не небрежны, спецагент Старлинг. С моей стороны это просто услуга гробовщику, что я не уложил мозг обратно в черепную коробку. В данном случае у них будет открытый гроб и длительные поминки перед погребением. Невозможно предотвратить вытекание ткани мозга на подушку, поэтому мы заполняем черепную коробку памперсами "хаггис", или что там есть под рукой, и закрываем ее снова, а затем я ставлю над обоими ушами по скобе, чтобы крыша черепа не съезжала. Родственники получают тело усопшего в целости и сохранности, и все довольны.

- Понимаю.

- Скажете мне, если вы и вот это понимаете, - сказал он.

За спиной у Старлинг ассистент доктора Холлингзворта успел снять закрывавшие секционные столы простыни.

Старлинг повернулась и увидела все сразу как единый, целостный образ, которому предстояло оставаться с ней на протяжении всей ее жизни. Бок о бок на двух стальных секционных столах лежали олень и человек. В теле оленя торчала желтая стрела. Древко стрелы и рога оленя натягивали простыню, словно шесты палатки.

Голова человека была пробита тоже желтой стрелой, только более короткой и толстой: стрела прошла насквозь, пробив верхние кончики обоих ушей. На убитом еще оставался один предмет одежды - перевернутая козырьком назад бейсбольная шапочка, пришпиленная к голове желтой стрелой.

При взгляде на него Старлинг вдруг почувствовала непреодолимый приступ нелепого смеха, но подавила его так быстро, что смешок можно было принять за

возглас ужаса. Одинаковые позы, в которых лежали человек и олень - каждый на боку, а не на спине, как обычно при вскрытии, давали возможность убедиться воочию, что оба тела были разделаны почти одинаково: седло и вырезка были извлечены весьма аккуратно и экономно, вместе с так называемым "малым филе", что лежит пониже спинного хребта.

Олений мех на нержавеющей стали стола. Голова приподнята рогами над стальным изголовьем и повернута, белый глаз словно пытается рассмотреть, что это за блестящая палка там, сзади, принесшая ему смерть... Лесное создание, лежащее на боку в озерце собственного отражения, в этой обители гнетущего порядка, казалось еще более диким, более чуждым человеку, чем когда бы то ни было мог казаться олень в лесу.

Глаза убитого человека были открыты, несколько капель крови вытекли из слезных проток, словно он плакал.

- Странно видеть их вместе, - сказал доктор Холлингзворт. - Их сердца весили совершенно одинаково. - Он взглянул на Старлинг - убедиться, что с ней все в порядке. - Разница между оленем и человеком - видите? - вот здесь, где короткие ребра отделены от позвоночника и легкие извлечены со стороны спины. Выглядят прямо как крылья, правда?

- Кровавый орел! - пробормотала Старлинг после минутного раздумья.

- Я такого никогда не видел.

- Я тоже.

- Какой-то термин существует для этого, правда? Как вы это назвали?

- Кровавый орел. Об этом в материалах Квонтико есть литература. Это

такой древнеисландский обычай жертвоприношения. Прорубиться через короткие ребра и вытащить легкие наружу из спины, распластать их, как в этом случае, чтобы они походили на крылья. В Миннесоте был такой неовикинг, занимался этим в тридцатых годах.

- Вам много такого видеть приходится? Не точно такого, я этого не имею в виду, но вроде того?

- Да. Иногда приходится.

- Это несколько вне моей компетенции. Мы имеем дело с простыми убийствами: в людей стреляют, убивают ножом... Но хотите знать, что я об этом думаю?

- Очень хочу, доктор.

- Я думаю, человек этот - по документам его зовут Донни Барбер - убил оленя незаконно, вчера, за день до открытия сезона охоты, я знаю, олень умер вчера. Стрела - такая же, как остальные стрелы в его охотничьем снаряжении. Он свежевал оленя в спешке. Я еще не сделал анализа на антигены, но на руках у него точно оленья кровь. Он как раз собирался вырезать кусок - охотники называют это "хомут" - видите, неаккуратный надрез, короткий, края рваные. Тут и получил сюрприз в виде стрелы в голову. Того же цвета стрела, но другого вида, без выемки на хвосте. Вы такие знаете?

- Похоже на арбалетную стрелу, - сказала Старлинг.

- Второй человек, возможно, именно тот, с арбалетом, закончил разделку оленя, это у него получилось гораздо более искусно, а потом, Господи, прости, он и парня этого разделал. Смотрите, как точно отогнуты края оленьей

шкуры, и какие точные надрезы на теле у человека, какая решительная рука -
сам Майкл Дебейки не смог бы лучше провести операцию. Никаких признаков
сексуального вмешательства - ни у того убитого, ни у другого. Тела просто
разделаны на мясо.

Старлинг коснулась губами костяшек сжатой в кулак руки. На мгновение
патологу показалось, что она целует какой-то амулет.

- Доктор Холлингзворт, а печень у них тоже отсутствовала?

Пауза - меньше секунды, - прежде чем он ответил, глядя на нее поверх
очков:

- Печень оленя отсутствовала. Печень мистера Барбера, очевидно, не
соответствовала требованиям. Она была частично иссечена и осмотрена, имеется
разрез вдоль воротной вены. Тут явный цирроз, печень обесцвечена. Она
оставлена в трупе. Хотите посмотреть?

- Нет, спасибо. А тимус?

- "Сладкое мясо"? Да, в обоих случаях тимус отсутствовал. Агент Старлинг, никто ведь еще не назвал его имени, верно?

- Нет, - ответила Старлинг. - Пока еще нет.

Прошипел воздушный шлюз, и в дверях появился худощавый, явно побывавший
в переделках человек, в спортивной курт-ке из твида и брюках цвета хаки.

- Шериф, как там Карлтон? - спросил Холлингзворт. - Агент Старлинг, это
шериф Дюма. Брат шерифа, Карлтон, в отделении интенсивной терапии, в
кардиологии.

- Он держится. Говорят, состояние стабильное, он "оберегается", что бы
это ни значило, - сказал шериф. И крикнул в дверь: - Иди сюда, Уилберн.

Шериф пожал руку Старлинг и представил ей своего спутника:

- Это Уилберн Моди, егерь, он у нас дичь охраняет.

- Шериф, если вы хотите быть поближе к брату, мы можем вместе пройти наверх, - сказала Старлинг.

Шериф Дюма покачал головой:

- Меня все равно к нему не пустят, по меньшей мере еще часа полтора. Не хотел бы вас обидеть, мисс, но я звонил Джеку Крофорду. Он приедет?

- Он застрял в суде. Когда вы звонили, он как раз давал свидетельские показания. Думаю, он очень скоро нам позвонит. Мы очень ценим, что вы так быстро нам сообщили.

- Старина Крофорд преподавал в моем классе в Полицейской академии в Квонтико, сто лет назад. Чертовски умный малый. Если он вас сюда послал, значит, вы дело знаете. Хотите - начнем?

- Пожалуйста, шериф.

Шериф вытащил из кармана куртки блокнот.

- Данный индивид со стрелой, пробившей ему голову, это Донни Лео Барбер, белый, мужского пола, возраст - тридцать два года, проживает в жилом автоприцепе, в Трэйлерз-Энд Парке, в Кэмероне. Место работы неизвестно. Несколько лет назад уволен вчистую из Военно-Воздушных сил, без права служить в любых родах войск. Имеет свидетельство ФАА о праве работать на авиазаводах и на электростанциях. Был в свое время механиком по обслуживанию самолетов. Оштрафован за хулиганство - стрельба из огнестрельного оружия в пределах города, оштрафован за преступные нарушения в прошлый охотничий сезон. Признал себя виновным в браконьерской охоте на оленя в округе Саммит... Когда это, а, Уилберн?

- Два сезона назад, только что лицензию обратно получил. Его у нас в

Отделе давно знают. Выследить подранка не больно-то трудился. Ранил, а тот
не упал, так он просто другого подождет и... Один раз...
- Расскажи, что ты сегодня обнаружил, Уилберн.
- Ну, я ехал по сорок седьмой окружной дороге, и там, примерно в миле
на запад от моста, - это семь утра было или около того, - старый Пекмэн
машет мне, чтоб я остановился. Дышит тяжело и за сердце хватается. И - ни
слова: все, что он мог, так это рот то откроет, то закроет, и все туда, на лес показывает. Ну, я прошел, может, всего-то... да ярдов так сто пятьдесят,
не больше, в глубину, где лес погуще, а там этот Барбер - сидит, развалившись, у дерева и стрела у него сквозь башку торчит, и олень тот тут
же рядом, и в нем - стрела. Они оба, видно, еще со вчерашнего дня мертвые
были, это если по меньшей мере считать.
- Со вчерашнего утра, скорее всего, погода прохладная, - заметил доктор
Холлингзворт.
- А сезон-то только сегодня утром открылся, вот дело-то в чем, - сказал
егерь. - У этого Донни Барбера с собой настил сборный был, чтоб с дерева
стрелять, только он его установить не успел. Похоже, он вчера туда
отправился, чтоб к сегодняшнему утру подготовиться, или просто пошел
браконьерничать. А то зачем бы ему лук свой брать, совсем непонятно. Если он
только настил установить хотел. А тут такой хороший олень возьми да
подвернись, он просто удержаться не мог, - видал я таких, кто удержаться не
может, их не так уж и мало. Такое поведение у охотников теперь часто
встречается, случ?аев таких - как кабаньих следов. А потом этот другой

является - и на него, а тот как раз оленя разделывает. Про его след ничего не могу сказать - там дождик прошел, да такой сильный, ну просто как небо прям тогда и разверзлось...

- Мы поэтому несколько снимков сделали и трупы вывезли, - пояснил шериф Дюма. - Этот лес старому Пекмэну принадлежит. А Донни этот двухдневную лицензию на охоту там получил - законную, она при нем была, и подпись Пекмэна на ней имеется, только она с сегодняшнего утра начинается. Пекмэн всегда одну лицензию в год продает, и объявления об этом дает, а продажу брокерам поручает. У Донни в заднем кармане еще письмо было: "Примите наши поздравления, Вы выиграли двухдневную лицензию на отстрел оленей". Все бумаги промокли, мисс Старлинг. Ничего против наших ребят не имею, только, может, вам лучше снять отпечатки пальцев в вашей лаборатории? И стрелы тоже проверьте. Все было мокрое, когда мы туда прибыли. Мы постарались ни до чего не дотрагиваться.

- Вы хотите забрать стрелы с собой, агент Старлинг? Как мне следует их извлекать? - спросил доктор Холлингзворт.

- Если вы будете держать их ретракторами и у самой поверхности кожи распилите надвое со стороны оперения, а остальную часть протолкнете наружу, я закреплю их у себя на щитке для вещдоков специальными зажимами, - ответила Старлинг, открывая чемоданчик.

- Не думаю, что там была драка, но, может, вам нужны соскобы из-под ногтей?

- Мне бы лучше получить срезы, для определения ДНК. И мне не надо их идентификации по каждому пальцу, только поместите ногти с правой руки отдельно от левой, и укажите, что - где, хорошо, доктор?

- А вы можете сделать анализ на реакцию ПЦР- СТР?

- У нас в главной лаборатории смогут. Мы сообщим вам результаты через два-три дня, шериф.

- А кровь оленя сами определить сможете? - спросил Моди.

- Нет, только - что это кровь животного.

- А вот если вы вдруг обнаружите мясо оленя у кого-то в холодильнике, - сказал Моди, - вы же захотите узнать, от этого оленя мясо или нет, правда ведь? А иногда даже нам приходится отличать одного оленя от другого по крови, чтоб определить случаи браконьерства и в суде доказать. Ведь кажный олень - разный, от другого отличается. Вам небось и в голову не пришло? А нам приходится их кровь посылать в Портленд, штат Орегон, в Орегонский отдел охоты и рыболовства, они могут определить, если подольше подождешь. Образцы возвращаются с ответом "Это - Олень номер один, а то и просто - Олень А", и дают длиннющий номер дела. У оленей-то имен не бывает, вы же знаете. Нам-то, во всяком случае, они неизвестны.

Старлинг нравилось обветренное, морщинистое лицо егеря.

- Этому мы дадим имя "Джон Доу", хорошо? Нам полезно знать про Орегон, хорошо, что вы сказали. Может быть, мы сможем вместе с ними поработать, спасибо вам, - сказала она, а он покраснел и принялся крутить в пальцах фуражку.

Она наклонила голову, роясь в сумочке, а доктор Холлингз-ворт смотрел

на нее с огромным удовольствием. Лицо ее на мгновение прямо-таки осветилось, когда она разговаривала со старым Моди. А родинка на щеке очень походила на след сгоревшего пороха. Он готов был уже спросить ее об этом, но передумал.

- А вы куда поместили бумаги, не в пластик? - спросила Старлинг у шерифа.

- В пакеты из плотной коричневой бумаги. В таких пакетах редко что портится. - Шериф потер ладонью шею пониже затылка и взглянул Старлинг в глаза. - Вы знаете, почему я в вашу контору позвонил и Джека Кроуфорда хотел сюда вызвать. Я рад, что вы приехали - я теперь вспомнил, кто вы. Никто за этими стенами еще не произнес слово "каннибал", ведь газетчики весь лес истопчут, как только это отсюда просочится. Пока все, что им известно, это - что произошел несчастный случай на охоте. Может, они слышали, что над телом надругались. Им неизвестно, что Донни Барбера порезали на мясо. А каннибалов у нас тут не так уж много.

- Да, шериф. Их не так уж много.

- Ужас, как аккуратно сделано.

- Да уж, это точно.

- Может, он мне в голову пришел, потому что газеты о нем столько шумят? А вам как кажется, похоже это на того Ганнибала Лектера?

Старлинг следила за пауком-косиногом, пытавшимся спрятаться в стоке раковины того секционного стола, что был свободен.

- Шестой жертвой доктора Лектера был человек, охотившийся с луком, - ответила она.

- И он его съел?

- Того - нет. Он оставил его висящим на стене, на доске объявлений, и
ран на нем было много, и все - разные. Он был похож на средневековое
медицинское   пособие -   иллюстрацию всевозможных   ран, она называется
"Человек-рана". Доктора Лектера очень интересуют всякие средневековые вещи.

Патолог указал на легкие, распластанные на спине Донни Барбера.

- Вы говорили, это - древний ритуал?

- Я так полагаю. Я не знаю, доктор Лектер сделал это, или нет.Если он
это и сделал, нанесение повреждений для него вовсе не фетиш, такое
оформление трупа для него вовсе не обязательно.

- Тогда что же это такое?

- Каприз, - сказала она и посмотрела на них, чтобы убедиться, что
смогла прекратить вопросы точно найденным словом. - Это - каприз, а именно
из-за каприза его и удалось поймать в прошлый раз.

ГЛАВА 59

Лаборатория ДНК была совсем новая, пахла как новая, и сотрудники там
были все моложе Клэрис. С этим нужно поскорее свыкнуться, вдруг с болью
подумала она, ведь очень скоро она станет еще на год старше.

Молодая женщина - на ее именной планке стояло "А.Беннинг" - расписалась
за две стрелы, привезенные Старлинг.

А.Беннинг,   видимо, имела довольно большой и неприятный опыт с
получением вещественных доказательств, судя по явному облегчению, с которым
она увидела, что обе стрелы закреплены у Старлинг на щитке для вещдоков
специальными закрепками.

- Вы представить себе не можете, что я иногда вижу, когда все это

открываю, - сказала А.Беннинг. - И вы должны понять, что я не смогу ничего
сообщить вам, скажем, через пять минут...

- Нет, - сказала Старлинг. - Материалов ПДРФ о докторе Лектере, с
которыми вы могли бы соотнести результаты анализа, вы получить не сможете -
он бежал слишком давно, и артефакты загрязнены, чуть ли не сотня людей ими
занималась.

- Лабораторное время слишком дорого, чтобы можно было обследовать
каждый экземпляр, вроде четырнадцати волосков из какой-нибудь комнаты в
мотеле. Если вы приносите...

- Послушайте меня сначала, - сказала Старлинг, - потом будете говорить
сами. Я попросила итальянскую Квестуру прислать мне зубную щетку, которая,
как они полагают, принадлежала доктору Лектеру. Вы можете взять с нее на
анализ эпителиальные клетки. Проведите на них ПЦР-СТР и сделайте короткие
тандемные повторы. Эта арбалетная стрела была под дождем, сомневаюсь, что
вам много удастся здесь получить, но посмотрите вот сюда...

- Простите, я думала, вы не разбираетесь...

Старлинг удалось выжать из себя улыбку.

- Пусть это вас не волнует, А.Беннинг, мы прекрасно сработаемся. Вот,
видите, обе стрелы - желтые. Арбалетная стрела желтая потому, что она была
выкрашена вручную, неплохо вышло, только немного краска подтекла. И еще -
глядите, на что это похоже, вот здесь, под краской?

- Вроде - волосок, может, от кисточки?

- Может быть. Но видите, как он изогнут, и на кончике у него что-то
вроде крохотной луковицы? Что, если это - ресница?

- Если тут имеется фолликула...

- Верно.
- Слушайте, я могу сделать анализ на ПЦР-СТР, три цвета одновременно, на одной полосе, в геле, а также за один раз получить три сайта ДНК. Для суда потребуется трина-дцать сайтов, но пары дней хватит, чтобы сказать достаточно определенно, он это или нет.
- Ну, А.Беннинг, я знала, что вы мне поможете!
- А вы - Старлинг. То есть, я хочу сказать, спецагент Старлинг. Мне вовсе не хотелось наши отношения... так сказать, не с той ноги начинать... Просто я такое вижу, когда нам копы вещдоки присылают... К вам это совсем не относится.
- Я понимаю.
- А я думала, вы гораздо старше. У нас тут все девочки... то есть, я хочу сказать, все наши сотрудницы, про вас знают, ну просто - все и каждая. Знаете, вы ... ну, вы для нас, - А.Беннинг отвела глаза, - вы для нас вроде совсем особенная. - А.Беннинг подняла вверх толстенький и короткий большой палец. - Удачи вам с этим "Другим". Если только вам не неприятно, что я так говорю.

ГЛАВА 60

Мажордом Мэйсона Верже, Корделл, был человеком крупным, с какими-то преувеличенными чертами лица; он мог бы считаться даже красивым, если бы лицо его было чуть более оживленным. Ему было тридцать семь лет, и он никогда больше не смог бы у себя в Швейцарии найти работу в области здравоохранения или в любой другой области, где ему нужно было бы иметь дело с детьми.

Мэйсон очень хорошо платил за то, что Корделл управлял всеми делами в его крыле дома и лично отвечал за медицинский и прочий уход за хозяином, а также за то, чем, как и когда его кормят. Мэйсон нашел в нем служащего не только весьма надежного, но и готового на все, что угодно. Корделл - при посредстве видео - был свидетелем такой жестокости со стороны Мэйсона по отношению к детям во время его бесед с ними, какая у любого другого вызвала бы ярость или слезы.

Сегодня Корделл был несколько встревожен проблемой, единственно для него священной, - проблемой денег.

Он постучал в дверь условным стуком - два раза - и вошел в комнату Мэйсона. Там царила тьма, светился лишь огромный аквариум. Угорь немедленно почувствовал, что кто-то вошел, и поднялся из своей пещеры, полный надежд.

- Мистер Верже?

Миг молчания. Мэйсон проснулся.

- Мне необходимо переговорить с вами... Я должен на этой неделе дополнительно выплатить некоторую сумму тому человеку в Балтиморе, о котором мы с вами уже беседовали. Особой срочности нет, но это было бы с нашей стороны предусмотрительно. Этот мальчик, негритенок по имени Франклин, съел порцию крысиного яда и в начале этой недели находился в критическом состоянии. Теперь он говорит своей приемной матери, что это вы посоветовали ему отравить его любимую кошку, чтобы не дать полицейским ее мучить. Так что он отдал кошку соседям, а яд принял сам.

- Полнейший абсурд, - сказал Мэйсон. - Я не имею к этому никакого отношения.

- Расумеется, абсурд, мистер Верже.

- А кто жалуется? Та женщина, которая нам детей поставляет?

- Именно ей и следует саплатить немедленно.

- Корделл, а вы-то сами ничего такого не сделали с этим маленьким ублюдком? Они в нем ничего такого не обнаружили там, в больнице, а? Я ведь обязательно выясню.

- Нет, сэр. В вашем доме?! Ни са что и никогда. Клянусь вам, сэр. Вы же снаете - я не настолько глуп. Я люблю свою работу.

- А где же Франклин?

- В мэрилендской больнице "Мизерикордия". Когда его выпишут, он отправится в приют. Вы же снаете - женщину, у которой он жил, лишили права детей усыновлять за то, что она марихуану курит. Это она и жалуется на вас. Возможно, нам придется с ней какую-то сделку заключить.

- Наркоманка? С ней проблем практически не будет.

- Она не снает никого, к кому можно было бы с этим обратиться. Я думаю, к ней очень осторошно надо подойти. В самшевых перчатках. Та женщина - работник соцобеспечения - хочет, чтопы она молчала.

- Я об этом подумаю. Давайте, заплатите соцработнику.

- Тысячу долларов?

- Только дайте ей вполне определенно понять, что больше она ничего не получит.

Лежа в ногах постели Мэйсона, в полной тьме, Марго Верже - щеки ее были словно стянуты высохшими обильными слезами - слушала его разговор с Корделлом. Она пыталась уговорить Мэйсона, а он взял и заснул. Очевидно,

Мэйсон решил, что она ушла. Она старалась дышать открытым ртом, в такт шипению респиратора, чтобы ее присутствие не обнаружили. Промельк сероватого дневного света в приоткрывшейся двери - это вышел Корделл. Марго недвижно лежала на постели. Ей пришлось ждать почти двадцать минут, пока дыхательный аппарат не начал работать в ритме "Мэйсон спящий". Только тогда она вышла из комнаты. Угорь заметил, как она уходила, Мэйсон - нет.

ГЛАВА 61

Марго Верже и Барни стали часто проводить время вместе. Разговаривали они не так уж много, но вместе смотрели футбольные матчи по телику в рекреационном зале, сериал "Симпсоны", иногда слушали концерты по образовательной программе и вместе следили за развитием событий в фильме "Я, Клавдий". Когда Барни должен был работать и пропустил какие-то эпизоды, они заказали видеопленку.

Марго нравился Барни, ей нравилось быть с ним на равных, просто "еще одним парнем". Он - единственный из всех, кого она знала, - держался с ней совершенно хладнокровно. Барни был очень умен и вроде бы немного не от мира сего. Это ей тоже нравилось.

Помимо информатики, Марго была хорошо образована в области изящных искусств. Самоучка Барни имел обо всем собственные представления, порой наивные до инфантильности, но порой свидетельствовавшие о его глубокой проницательности. Марго как бы создавала контекст для его представлений. Ее образованность была широким, открытым плато, границы которого определял

разум. Но это плато покоилось на вершине, подножием которой была психика Марго, точно так же, как мир человека, считавшего, что земля плоская, покоился на спине черепахи.

Марго отплатила Барни за его шутку насчет необходимости п?исать, присев. Она была уверена, что ноги у нее - сильнее, чем у него, и время доказало, что это действительно так. Сделав вид, что ей трудно выполнять толчок, она вызвала его на спор и отыграла свою сотню долларов. Кроме того, используя свои преимущества, - ведь весила она гораздо меньше, чем он, она смогла больше раз подтянуться на одной руке, правда, пари она держала только о правой, поскольку левая была повреждена еще в детстве, когда она однажды попыталась сопротивляться Мэйсону.

Иногда, по вечерам, когда Барни заканчивал свою смену у Мэйсона, они тренировались вместе, подстраховывая друг друга на скамье. Тренировки шли в полную силу, чаще всего - в полном молчании, слышалось лишь их дыхание. Иногда за весь вечер они произносили только "спокойной ночи", когда Марго собирала свою спортивную сумку и скрывалась в семейной части дома, куда служащим доступа не было.

В этот вечер она явилась в тренажерный зал прямо из комнаты Мэйсона, со слезами на глазах.

- Эй-эй, - сказал Барни. - С тобой все в порядке?

- Да так, семейные дрязги, что тут еще скажешь? Я в порядке, - ответила Марго.

Сегодня она работала с дьявольским усердием - слишком тяжелый вес,

слишком много повторений.

Один раз Барни даже подошел к ней, отобрал гантель и покачал головой:

- Так ты порвешь себе что-нибудь, - сказал он.

Она еще вовсю работала на велосипеде, когда Барни закончил тренировку и отправился в душевую. Он стоял под обжигающими струями, давая горячей воде унести с собой всю усталость, все тяжкие впечатления долгого, трудного дня. Душ при тренажерном зале был общий, с четырьмя душевыми головками наверху, еще несколькими на уровне поясницы и ниже - у бедер. Барни любил включить два душа сразу, чтобы потоки воды сливались на его крупном теле.

Очень скоро его окутал густой туман, скрывший все от его глаз; он ощущал лишь, как струи воды разбиваются о его голову. Барни нравилось размышлять в душевой. Облака пара. "Облака" - Аристофан. Доктор Лектер объяснил ему про то, почему ящерица помочилась на Сократа. Он подумал - а ведь до того, как его выправил безжалостный молот логики доктора Лектера, кто-нибудь вроде профессора Демлинга мог распоряжаться им без всякого труда.

Когда он услышал, как включили другой душ, он не обратил на это внимания и продолжал растираться жесткой щеткой. Другие служащие тоже пользовались тренажерным залом, но в основном рано утром и после полудня. Правила мужского этикета не позволяют обращать внимание на других моющихся в душе спортсменов, но Барни задумался - кто бы это мог быть? Он надеялся, что не Корделл, от которого у него каждый раз перехватывало дыхание. Очень редко

кто пользовался душем при зале так поздно. Кто же, черт возьми, это мог быть? Барни повернулся, подставив воде затылок и шею. Клубы пара, из которых временами проглядывают отдельные фрагменты, словно фрагменты фрески на штукатурке стены. То - массивное плечо, то - мускулистая нога. Прекрасной формы рука растирает мощную шею и плечи, алые ногти... Это же - рука Марго! Крашеные ногти на пальцах ноги. Нога Марго.

Барни поднял лицо к душевой головке, струи воды били по лбу и щекам. Он глубоко вдохнул и задержал дыхание. Совсем рядом с ним женщина поворачивалась то так, то сяк, растиралась очень по-деловому. Теперь она мыла голову. Это, конечно, Марго, ее втянутый мускулистый живот, небольшие, упругие груди на массивном торсе, соски напряглись под бьющими струями воды, ее лоно, ее бугрящиеся мускулы в той арке, что образуют ноги, соединяясь с телом, и розовое, обрамленное светлыми, тщательно подстриженными волосами... ее норка?

Барни еще раз сделал вдох, такой глубокий, на какой только хватило легких... Он чувствовал, что у него возникает некоторая проблема. Кожа Марго блестела после тяжелой тренировки, как шкура скаковой лошади. Интерес Барни возрастал и становился все более очевидным, ему пришлось повернуться спиной. Может, удастся не обращать на нее внимания, пока она не уйдет?

Воду рядом выключили, но теперь послышался голос Марго:

- Эй, Барни, какие там ставки на "Патриотов"?

- Ну... через моего парня можно получить по пять с половиной на их игру против команды Майами. - Он глянул через плечо.

Теперь она растиралась полотенцем чуть поодаль, так чтобы брызги от душа Барни на нее не попадали. Волосы прилипли ко лбу, лицо теперь было свежим, от слез не осталось и следа. Оказалось, что у Марго прекрасная кожа.

- Так ты будешь на них ставить? - спросила она. - У Джуди в конторе они на "Патриотов" все вместе ставят...

Дослушать ее Барни уже просто не был способен. Розовое, обрамленное светлыми подстриженными волосами... Лицо у Барни горело, эрекция достигла предела. Он был озадачен, встревожен. На какой-то миг его пробрала дрожь. Он же никогда в жизни не испытывал влечения к мужчинам! Но Марго, несмотря на всю свою мускулатуру, была все-таки женщиной. И она ему нравилась.

Какого хрена она приперлась в душ одновременно с ним!?

Он выключил воду и мокрым предстал перед Марго. Ни на миг не задумавшись о том, что делает, он погладил ладонью ее щеку.

- Ради всего святого, Марго, - пробормотал он, задыхаясь.

Она глянула вниз:

- Черт возьми, Барни! Не вздумай...

Барни вытянул шею и попытался нежно поцеловать ее лицо, не коснувшись ее тела напряженным членом, но все равно - коснулся, она отшатнулась, глядя на струйку прозрачной жидкости, протянувшуюся между ним и ею, и, выбросив вперед руку, какой мог бы позавидовать центральный защитник в американском футболе, нанесла в широченную грудь Барни такой удар, что ноги его подкосились и он со всего размаху сел на мокрый пол душевой.

- Ах ты, подонок долбаный! - прошипела она. - Как я раньше не догадалась! Извращенец! Возьми эту свою штуку и засунь в ...

Барни вскочил на ноги и бросился прочь из душевой, на ходу натягивая одежду на мокрое тело; из зала он вышел, ни слова не промолвив.

Барни жил в доме с черепичной крышей, стоявшем отдельно от главного здания; когда-то здесь была конюшня, а теперь размещались гаражи с квартирами для служащих наверху.

Поздно ночью он сидел, постукивая по клавишам ноутбука, работал над заданием для заочного курса в Интернете. Ощутил, как задрожал пол, - по лестнице поднимался человек весьма солидного веса.

Легкий стук в дверь. Когда дверь открылась, за ней стояла Марго, облаченная в толстый свитер и обтяжную шерстяную шапочку.

- Можно к тебе на минутку?

Несколько секунд Барни пристально смотрел на носки своих ботинок и только потом отступил в сторону от двери, давая ей пройти.

- Слушай, Барни, прости меня за то, что случилось там, в этой... - сказала она. - Я как-то вроде труханула. Ну, я хочу сказать, я труханула, а потом и вовсе ударилась в панику. Мне нравилось, что мы - друзья.

- Мне тоже.

- Я думала, что мы можем... ну вроде дружить по-настоящему, как два товарища.

- Марго, да ладно тебе! Я сказал - будем друзьями, только ведь я не какой-нибудь чертов евнух. А ты взяла и заявилась ко мне в этот стебаный душ. Ты выглядела просто здорово, я ничего не мог с этим поделать. Ты стоишь голышом под душем, и я вижу сразу две такие штуки, которые мне очень даже нравятся.

- Ну да, - сказала Марго, - меня и мою норку.

Оба так удивились, что не могли не рассмеяться.

Марго подошла и обняла Барни, прижав к себе так, что, будь он послабее,
без телесных повреждений дело бы не обошлось.

- Слушай, - сказала она. - Если бы я хотела заиметь парня, это обязательно был бы ты. Никто другой. Но такие вещи не для меня. По правде.
Ни сейчас. Ни когда-нибудь еще в жизни.

Барни кивнул.

- Ага, я знаю. Просто из головы вон.

Они постояли немного молча, по-прежнему обнявшись.

- Хочешь, попробуем быть друзьями? - спросила она.

Он помолчал с минуту, размышляя.

- Ага. Только ты должна мне чуточку помочь. Давай заключим сделку. Я
сделаю над собой невероятное усилие, чтоб забыть то, что видел в душевой, а
ты больше никогда мне этого не показывай. И титьки свои тоже, когда мы в
зале. Ну, как? Идет?

- Я могу быть хорошим другом, Барни. Приходи к нам завтра, ладно? Джуди
здорово готовит. Да и я готовить умею.

- Ага. Только вряд ли ты умеешь готовить лучше, чем я.

- Ну, с тобой не соскучишься! - сказала Марго.

ГЛАВА 62

Доктор Лектер поднял бутылку "Шато Петрю" к свету. Он поставил ее
прямо, донышком вниз, еще накануне, на всякий случай - вдруг там образуется
осадок. Взглянул на часы и решил, что настало время откупорить вино.

Это была задача, связанная, по мнению доктора Лектера, с довольно
существенным риском, здесь приходилось полагаться на случай в большей
степени, чем ему того хотелось бы. Поспешности здесь он не допускал. Ему
хотелось насладиться цветом вина в хрустальном графине. А что, если он

вытащит пробку слишком рано, вдруг окажется, что характерный священнейший запах вина уже ослабел и может быть совсем утрачен при переливании его в графин? Лучи света обнаружили присутствие небольшого осадка.

Он извлек пробку с такой же осторожной тщательностью, какая могла бы потребоваться при трепанации черепа, и поместил бутылку в специальное устройство для переливания вина, снабженное заводной ручкой с винтом, чтобы бутылку можно было наклонять крохотными шажками. Пусть солоноватый воздух сделает свое дело, а он примет решение немного погодя.

Доктор Лектер разжег огонь в камине - древесный уголь, грубоватый, негладкий, будто сохранивший память о лесных деревьях, и приготовил себе выпить - "Лиллет", несколько кубиков льда и ломтик апельсина - в то же время размышляя о теме, над которой работал уже много дней. Он следовал вдохновенной идее Александра Дюма в формировании набора продуктов для приготовления бульона. Всего три дня назад, возвратившись из того самого леса, где по лицензии охотятся на оленей, он добавил к этому набору упитанную ворону, долго набивавшую себе брюхо ягодами можжевельника. Ее мелкие черные перья до сих пор плавали на поверхности спокойных вод Чесапика. А большие, маховые перья доктор Лектер сохранил. Он сделает из них плектр - медиатор для клавесина.

Теперь доктор Лектер растолок свежие можжевеловые ягоды, собранные им самим, и принялся растирать лук-шаллот в медной кастрюле. Обмотав вокруг

пучка свежей зелени хлопковую нить, он завязал ее аккуратным хирургическим узлом и осторожно, половником стал наливать в кастрюлю - поверх зелени - крепкий бульон.

Вырезка, которую доктор Лектер извлек из керамического сосуда, потемнела от маринада, капли маринада стекали в сосуд. Доктор Лектер промокнул влагу, завернул тонкий конец вырезки и связал его ниткой так, чтобы диаметр этой части совпадал с диаметром всего куска мяса.

Наконец пламя в камине стало как раз таким, как надо: посередине образовалась совершенно раскаленная область, а вокруг - валик из прогоревших углей. Вырезка зашипела на вертеле, и голубой дымок струйкой потек по саду, его плавное движение словно подчинялось музыке, льющейся из звукоусилителей доктора Лектера. Он наигрывал трогательную композицию Генриха VIII "О если б ныне правила любовь".

Поздно вечером доктор Лектер, губы которого обагрены красным "Шато Петрю", играет Баха. На напольном подсвечнике рядом с клавесином - небольшой хрустальный бокал "Шато д'Икем", вино золотистое, словно мед. Во дворце его памяти Клэрис Старлинг бежит сквозь осенние листья. Перед нею бросаются прочь испуганные олени, они бегут мимо доктора Лектера, неподвижно сидящего на склоне холма. Бегут, все бегут... он начинает "Вариацию вторую" "Вариаций Гольдберга", горящие свечи бросают блики на его бегающие по клавишам пальцы... неровность в музыке, словно грубый шов... промельк - окровавленный

снег, испачканные зубы, на этот раз - только промельк, исчезающий с
явственным громким звуком, четким "хлоп": это стрела арбалета пронзает череп
... и перед нами опять красивый лес, плавные звуки музыки, и Старлинг в
цветочной пыльце солнечного света бежит сквозь лес, скрываясь с глаз, а ее
волосы, стянутые в "конский хвост", подпрыгивают, словно хвостик оленя, и
без перерывов Ганнибал Лектер доигрывает всю часть до конца, и сладкая
тишина, объявшая его теперь, изысканна, как "Шато д'Икем".

Доктор Лектер поднимает бокал к свету свечи. Свеча блещет сквозь вино и
хрусталь, как блещет солнце на воде, а само вино того же цвета, что лучи
зимнего солнца на коже Клэрис Старлинг. Близится ее день рождения, думает
доктор Лектер. Интересно, существует ли бутылка "Шато д'Икем" урожая того
года, когда она родилась? Может быть, пора уже сделать подарок Клэрис
Старлинг, которая через три недели проживет ровно столько, сколько прожил
Христос.

ГЛАВА 63

В тот самый момент, когда доктор Лектер поднимал бокал с вином к свече,
А.Беннинг, задержавшаяся допоздна в лаборатории ДНК, подняла к свету
последние результаты анализа в геле и всмотрелась в полосы электрофореза,
испещренные зелеными, красными и желтыми точками. Образцом были
эпителиальные клетки, взятые с зубной щетки, доставленной из Палаццо Каппони
итальянской дипломатической почтой.

- М-м-м, м-м-м, м-м-м, - произнесла А.Беннинг, и тотчас же набрала

номер телефона Старлинг в Квонтико.

Ответил ей Эрик Пикфорд.

- Привет, могу я поговорить с Клэрис Старлинг?

- Ее сегодня не будет, а я тут за нее, могу я вам как-то помочь?

- А номер ее пейджера не дадите?

- Она сегодня по другому номеру работает. А что у вас такое?

- Передайте ей, пожалуйста, - звонила Беннинг из Лаборатории ДНК.
Пожалуйста, скажите, что результаты анализа зубной щетки и ресницы со стрелы
совпадают. Это - доктор Лектер. И попросите, пусть она мне позвонит.

- Дайте мне ваш добавочный. Я ей сразу же передам, не сомневайтесь.
Спасибо.

Старлинг вовсе по другому номеру не работала. Пикфорд позвонил
Крендлеру домой. Не дождавшись звонка Старлинг в лабораторию, А.Беннинг была
несколько разочарована: ведь она очень старалась, потратила на исследование
уйму собственного свободного времени. Домой она ушла задолго до того, как
Пикфорд удосужился позвонить Старлинг домой.

Мэйсон узнал о результатах анализа на целый час раньше Старлинг.

Он очень коротко поговорил с Крендлером, не позволяя себе торопиться,
дожидаясь, пока респиратор даст ему возможность делать нормальный вдох и
нормальный выдох. Голова работала четко, решение было принято.

- Самое время подставить Старлинг, выкинуть ее на улицу. Пока они сами
не начали мозгами шевелить, пока сами не выставили ее как наживку. Сегодня
пятница, у вас есть целый уик-энд, действуйте, Крендлер. Намекните
итальяшкам про объявление, и пусть ей дадут пинка под зад, пора уже ей
выкатиться отовсюду. И еще, Крендлер...

- Жалко, что мы раньше...

- Делайте, что вам говорят, и когда получите еще одну открытку с Каймановых Островов, увидите там под маркой совсем новую цифру.

- Хорошо, ладно, я... - сказал Крендлер, но услышал в трубке долгий гудок.

Этот короткий разговор оказался чрезвычайно утомительным для Мэйсона.

Последнее, что он успел сделать, прежде чем погрузился в тревожный сон, было вызвать Корделла и сказать ему: "Пошлите за свиньями".

ГЛАВА 64

Физически гораздо труднее перевезти полудикую свинью из одного места в другое против ее воли, чем осуществить похищение человека. Свиней труднее схватить, чем людей, а крупные особи гораздо сильнее человека, и их нельзя запугать оружием. А если вас заботит сохранение в целости вашего собственного живота и собственных ног, то следует к тому же учитывать наличие у таких свиней клыков.

Клыкастые свиньи в схватке инстинктивно стремятся выпустить внутренности любой прямоходящей особи, будь то человек или медведь. Вообще-то, по природе им не свойственно подрезать прямоходящим поджилки, но они очень быстро овладевают этим приемом.

Если вам необходимо доставить такого зверя живьем, вы даже не можете обездвижить его при помощи электрошока, так как в подобных случаях у свиней наступает фатальная предсерд-ная фибрилляция.

Карло Деограциас, главный свинарь, обладал терпеливостью крокодила. Он экспериментировал с усыплением свиней, используя для животных тот же

ацепромазин, который собирался использовать для человека, - при похищении доктора Лектера. Теперь он совершенно точно знал, сколько потребуется снотворного, чтобы усыпить стокилограммового дикого кабана, а также с какими интервалами и в каких дозах вводить лекарство повторно, чтобы продержать животное в этом состоянии четырнадцать часов, без серьезных последствий для его здоровья.

Поскольку фирма Верже была крупным импортером и экспортером скота и давним партнером Департамента сельского хозяйства в экспериментальных животноводческих программах, отправка мэйсоновских свинок проходила весьма гладко. Справка ветеринарной службы по форме 17-129 была послана факсом в Инспекцию животноводства и растениеводства в Ривердэйле, штат Мэриленд, как требовалось, вместе с ветеринарными свидетельствами из Сардинии и суммой в 39 долларов 50 центов, уплачиваемой пользователем, за пятьдесят пластмассовых трубочек с замороженным кабаньим семенем, которое Карло собирался ввезти в США.

Разрешение на ввоз свиней и семени пришло тоже факсом, вместе с освобождением от обычного карантина для свиней в Ки-Уэсте и подтверждением, что животные будут осмотрены ветеринарным инспектором прямо на борту самолета в Международном аэропорту "Балтимор-Вашингтон".

Карло и его помощники, Пьеро и Томмазо Фальчоне, собрали контейнеры. Контейнеры были замечательные, с задвигающимися дверями с обоих концов, с

усыпанным песком полом и обитыми войлоком стенами. В последний момент они вспомнили, что надо упаковать в контейнер и бордельное зеркало. Отраженные в зеркале свиньи, заключенные в золоченую раму в стиле "рококо" чем-то особенно понравились Мэйсону на посланных ему снимках.

Очень осторожно Карло ввел животным снотворное; их было шестнадцать - пять кабанов, выращенных в одном загоне, и одиннадцать самок, одна из них супоросая, ни одной с течкой. Когда они были усыплены, он внимательно обследовал их физическое состояние. Проверил зубы, осмотрел устрашающие клыки, потрогав пальцами их острия. Подержал в ладонях страшные морды, заглянул в остекленевшие глаза и внимательно слушал их дыхание, чтобы убедиться, что дыхательные пути чисты, а затем надел путы на их элегантно тонкие щиколотки. Потом животных на брезенте втащили в контейнеры и задвинули двери.

Тяжелые грузовики с ревом шли вниз по дороге с гор Женарженту в Кальяри. В аэропорту их ждал грузовой реактивный аэробус компании "Каунт флит эрлайнз", специализировавшейся на транспортировке скаковых лошадей. Самолет этот обычно перевозил американских скаковых лошадей на скачки в Дубаи и обратно в Америку. Сейчас он тоже вез одну, взяв ее в Риме. Но лошадь не могла оставаться спокойной, учуяв запах диких животных, она ржала и била копытами в обитые войлоком стенки стойла, пока экипаж не снял ее с борта и не оставил на земле. Несколько позже это вынудило Мэйсона совершить

значительные траты, так как ему пришлось оплатить специальную доставку лошади, а кроме того, компенсировать владельцу понесенные убытки. В ином случае ему не удалось бы избежать судебной ответственности.

Карло вместе с помощниками летел в герметизированном грузовом отсеке, там же, где находились кабаны. Каждые полчаса, пока они летели над вздымающимися океанскими водами, он навещал своих свиней - каждую по отдельности, клал ладонь на щетинистый бок и слушал, как бьется в огромном зверином теле мощное сердце.

Даже если они здоровы и голодны, шестнадцать свиней не могут скушать доктора Лектера целиком и полностью за один присест. Им ведь понадобился целый день, чтобы без остатка съесть киношника.

Мэйсону хотелось, чтобы в первый день доктор Лектер смог понаблюдать, как они обгладывают его ступни. А ночью он будет подвешен так, чтобы у свиней слюнки текли до следующего утра - в ожидании второй трапезы, а сам доктор, под капельницей с физраствором, наслаждался бы этим зрелищем.

Мэйсон обещал, что Карло сможет провести с доктором Лектером целый час именно в это время.

Во время второй трапезы свиньи выгрызут его внутренности, съедят брюшину и лицо - все в течение одного часа: самые крупные кабаны и супоросая самка, наевшись, отступят, и вторая волна подкатится, чтобы довершить начатое. Впрочем, к тому времени самое забавное уже все равно будет позади.

ГЛАВА 65

До сих пор Барни не приходилось бывать в амбаре. Он вошел в боковую дверь, расположенную под рядами кресел, с трех сторон окружавших демонстрационную арену. Пустая и замолкшая, если не считать воркования голубей на стропилах, арена все равно сохраняла атмосферу некоего предвкушения. За кафедрой аукционера простирался огромный амбар. Широченные двустворчатые двери открывали путь в крыло, где располагались стойла и хранилище конской сбруи.

Услышав голоса, Барни крикнул:

- Привет!

- Мы в хранилище, Барни, давай к нам, - ответил ему глубокий, низкий голос Марго.

Хранилище оказалось светлой, веселой комнатой, она была увешана сбруей, изящного силуэта седлами и другими предметами шорного искусства. Пахло кожей. Теплые солнечные лучи, усиливая запах кожи и сена, лились в комнату сквозь пыльные стекла окон, поднятых высоко, под самый свес крыши. Открытый чердачный настил с одной стороны комнаты переходил в сеновал амбара.

Марго развешивала недоуздки и укладывала на место скребницы. Волосы ее были светлее соломы, а глаза - синее, чем штамп санинспекции на мясной туше.

- Здрасьте, - произнес Барни, остановившись в дверях. Он подумал, что помещение выглядит чуть слишком театральным, декорацией для детей, приходящих в гости. А высота комнаты и падающие сквозь высоко поднятые окна лучи делали ее похожей на церковь.

- Привет, Барни. Потерпи малость, минут через двадцать сможем приняться за еду.

С чердака послышался голос Джуди Ингрэм:

- Барни-и-и! Доброе утро. Подожди, вот увидишь, что у нас приготовлено к ланчу! Марго, хочешь, попробуем поесть на воздухе?

Марго и Джуди взяли себе в обычай каждую субботу тщательно чистить разномастных толстеньких шетландских пони, которых держали для катания детей, приходивших в поместье. Поэтому они всегда приносили в амбар корзинку с едой.

- Давай выйдем на южную сторону амбара, на солнышко, - предложила Марго.

Казалось, обе они слишком уж щебечут. Человеку с больничным опытом Барни обычно известно, что излишний щебет ничего хорошего адресату такого щебета не сулит.

Над хранилищем возвышался конский череп, водруженный на стену чуть повыше человеческого роста, в уздечке и шорах, задрапированный в жокейские цвета Верже.

- Это Флит Шэдоу, он выиграл скачки в Лоджполе, в 1952 году. Единственный победитель из всех скаковых лошадей отца, - сказала Марго. - Папочка был слишком скуп, чтобы потратиться на чучело. - Она подняла голову и посмотрела на череп. - Сильно смахивает на Мэйсона, верно?

В углу комнаты была печь с принудительной тягой, рядом стояли мехи. В печи горели угли - Марго разожгла небольшой огонь, помещение выстыло за ночь. На огне грелась кастрюля с чем-то, что пахло как суп.

На верстаке лежал полный набор инструментов коновала и орудий для ковки

коней. Марго взяла кузнечный молот с короткой ручкой и тяжелым бойком. С
мощными руками и широкой грудной клеткой, Марго и сама могла бы сойти за
кузнеца или коновала с необычно заостренными грудными мышцами.

- Не бросишь мне потники? - крикнула сверху Джуди.

Марго подобрала с полу сверток свежевымытых потников и одним
размашистым движением мускулистой руки забросила их наверх.

- Порядок! Я только помоюсь и пойду достану все из джипа. Еда - через
пятнадцать минут, идет? - сказала Джуди, спускаясь к ним по приставной
лестнице.

Барни, почувствовав, что Марго пристально за ним наблюдает, не стал и
пытаться получше изучить задницу Джуди.

В комнате лежали тюки спрессованного сена, укрытые сложенными попонами.
Они служили здесь сиденьями. Марго и Барни удобно уселись.

- Ты не застал наших пони. Их отвезли в Лестер, в конюшни, - сказала
Марго.

- Я слышал утром грузовики, - ответил Барни. - С чего это вдруг?

- Мэйсоновы дела.

Молчание. Им всегда было легко молчать друг с другом. Но не в этот раз.

- Ладно, Барни. Бывает, что доходишь до какого-то предела, когда уже
нельзя больше говорить, если не можешь сделать что-то определенное. Так с
нами и происходит, верно?

- Ну да. Когда роман или еще что-то в этом роде.

Неловкая аналогия повисла в воздухе.

- "Роман!" - сказала Марго. - У меня для тебя в запасе такое, что в
тыщу раз лучше всякого романа. Понимаешь, о чем разговор идет?

- В основном, - ответил Барни.

- Но если бы ты решил, что сам не станешь этого делать, а это все равно

бы случилось, ты ведь знаешь, что не сможешь повернуть на сто восемьдесят градусов и устроить мне тут что-нибудь вроде маленького шантажа? - Говоря это, она постукивала молотком по ладони - видимо, в рассеянности - и пристально глядела на Барни синими глазами мясника.

Барни за свою жизнь насмотрелся разных физиономий и остался в живых потому, что научился читать выражение, на них написанное. Он понимал - Марго говорит правду.

- Знаю.

- Все равно как если бы мы сделали все это вместе. Один раз я смогу быть очень щедрой. Но только один раз. Но там будет достаточно. Хочешь знать, сколько?

- Марго, ничего не должно случиться в мое дежурство. И до тех пор, пока я беру у него деньги за то, что о нем забочусь.

- Почему, Барни?

Сидя на тюке сена, он пожал широченными плечами.

- Договор есть договор.

- И это ты называешь договором? Вот что будет настоящим договором, - произнесла Марго. - Пять миллионов долларов, Барни. Те самые, что должен получить Крендлер за то, что продаст Мэйсону ФБР, если хочешь знать.

- Мы ведь говорим о том, чтобы получить от Мэйсона достаточно спермы, чтобы Джуди забеременела.

- Мы говорим и еще кое о чем. Ты же знаешь, если возьмешь у Мэйсона малафейку и оставишь его в живых, он до тебя доберется, Барни. Куда бы ты ни убежал. Отправишься к гребаным свиньям.

- Отправлюсь куда, ты сказала?

- Что такое с тобой, Барни? Semper Fi, как у тебя на плече начертано?

- Когда я согласился брать у него деньги, я обязался о нем заботиться.
Пока я на него работаю, я не причиню ему никакого вреда.

- И не надо... Тебе не придется ничего другого с ним делать, только
медицинские дела. Уже когда он будет мертв. Я не могу даже прикоснуться к
нему... в этом месте. Ни за что. Никогда больше. Возможно, тебе придется
помочь мне с Корделлом.

- Если ты убьешь Мэйсона, ты сможешь взять только одну порцию спермы, -
сказал Барни.

- Мы получим пять кубических сантиметров, даже при нормально низком
спермоотделении, введем наполнители и можем сделать пять попыток
осеменения... можем попробовать in vitro - семья у Джуди очень плодовитая.

- Ты что, собиралась купить Корделла?

- Нет. Он не сдержал бы обещания. Его слово - дерьмо. Рано или поздно
он явился бы меня шантажировать. Его придется убрать.

- Ты долго над этим думала.

- Да, Барни. Тебе надо будет взять на себя контроль за медицинскими
приборами. Каждый монитор снабжен записывающим устройством, записи
дублируются, записывается каждая секунда. Есть ТВ-установка с прямой
трансляцией, но нет видеозаписи. Мы... то есть я... просуну руку под
прозрачный панцирь респиратора, и грудная клетка Мэйсона будет обез-движена.
Монитор покажет, что респиратор работает. Когда в сердцебиении и кровяном
давлении наступят изменения, ты поспешишь к нам, он будет без сознания, ты

можешь попытаться оживить его - делай все, что угодно, в полное свое
удовольствие. Только случится так, что меня ты не заметишь. Делай ему
искусственное дыхание, пока он не помрет. Ты же присутствовал на стольких
аутопсиях, Барни. Что там ищут, когда хотят обнаружить удушение?

- Кровоизлияние под веками.

- У Мэйсона вовсе нет век.

Марго была весьма начитанна и привыкла покупать все, что хотела, и
всех, кого хотела.

Барни взглянул ей прямо в глаза, но боковым зрением следил за молотом в
ее руке, когда ответил:

- Нет, Марго.

- А если бы я согласилась, чтоб ты меня трахнул, ты сделал бы это?

- Нет.

- А если бы я тебя трахнула, сделал бы?

- Нет.

- А если бы ты здесь не работал и не нес медицинской ответственности за
него, сделал бы?

- Скорее всего - нет.

- Это что - этические соображения или просто в штаны наложил?

- Откуда мне знать?

- Попробуем выяснить. Ты уволен, Барни.

Он кивнул, не очень удивившись.

- И вот еще что, Барни. - Она приложила палец к губам. - Ш-ш-ш! Дай мне
слово, ладно? Надо ли предупреждать, что я могла бы прикончить тебя вот этим
где-нибудь в Калифорнии, раньше, чем все случится? Мне ведь не надо тебя
предупреждать, верно?

- Тебе незачем беспокоиться, - сказал Барни. - Беспокоиться надо мне. Я
ведь не знаю, как Мэйсон расстается со своими людьми. Может, они просто
исчезают.

- Тебе тоже незачем беспокоиться. Я просто объясню Мэйсону, что у тебя обнаружился гепатит. О его делах тебе не так уж много известно, только, что он пытается помочь правосудию... и он знает, что по договору тебе запрещается распространять о нем какую бы то ни было информацию. Так что он тебя отпустит.

А Барни подумал: кто же из них казался доктору Лектеру интереснее с точки зрения психотерапии - Мэйсон Верже или его сестричка?

ГЛАВА 66

Ночь уже наступила, когда длинный серебристый трейлер подошел к амбару в поместье Маскрэт-Фарм. Трейлер сильно запаздывал, и терпенье у всех было на пределе.

Поначалу все процедуры в Международном аэропорту Балтимор-Вашингтон проходили гладко, инспектор Сельхоздепартамента прямо на борту самолета проштамповал документы о доставке шестнадцати свиней. Инспектор Департамента был весьма опытным экспертом в области свиноводства, но ничего, подобного этим свиньям, он в жизни своей не видел. Потом Карло Деограциас заглянул внутрь грузовика. Это был трейлер для перевозки скота, и запах в нем стоял соответствующий; помимо этого, от множества предыдущих обитателей грузовика во всех щелях и трещинах остались следы их пребывания. Карло ни за что не соглашался разрешить, чтобы его свинок вы-грузили из самолета. Самолет ждал, пока разъяренный водитель, Карло и Пьеро Фальчоне отыщут другой трейлер для перевозки скота, более подходящий для перевозных контейнеров, найдут мойку с

паровым шлангом и с помощью влажного пара отмоют грузовик изнутри.

И наконец, у самых главных ворот поместья Маскрэт-Фарм - последняя неприятность. Охранник проверил тоннаж машины и запретил въезд, ссылаясь на предел максимальной нагрузки декоративного моста. Он направил их к служебному въезду по дороге, идущей через государственный лесной заповедник.
Ветви деревьев скребли по крыше и бокам высоченного трейлера, пока он медленно преодолевал последнюю пару миль.

Карло понравился просторный и чистый амбар поместья. Понравился и небольшой автопогрузчик с вильчатым захватом, плавно переносивший контейнеры в стойла, предназначавшиеся для пони.

Когда водитель скотоперевозчика принес электрошоковый щуп и предложил оживить одну из свиней, чтобы проверить, глубоко ли они усыплены, Карло с такой яростью вырвал у него щуп и так его напугал, что тот побоялся попросить щуп обратно.

Карло хотел дать своим огромным страшным подопечным оправиться от снотворного в полутьме, не выпуская их из клеток до тех пор, пока они окончательно не встанут на ноги, не станут нормально реагировать на то, что их окружает. Он опасался, что те, что проснутся первыми, могут попробовать на вкус своих не вполне пришедших в себя соседей. Любое лежащее на земле тело привлекало свиней, если стадо спало не вместе.

Пьеро и Томмазо должны были соблюдать особую осторожность с тех пор, как стадо сожрало киношника Оресте, а потом и его замороженного ассистента.

Ни Пьеро, ни Томмазо не могли находиться в загоне или на пастбище, когда там
были свиньи. Свиньи никак не угрожали людям, не скрежетали зубами, как это
делают дикие кабаны, они просто следили за людьми с ужасающей свиной
целеустремленностью и подбирались все ближе и ближе, пока не оказывались
достаточно близко, чтобы напасть.

Карло, отличавшийся такой же целеустремленностью, не мог успокоиться и
дать себе отдых, пока не прошел с фонарем вдоль всего забора, отгородившего
мэйсоново лесное пастбище от огромного государственного леса.

Карло рыл землю карманным ножом под деревьями на паст-бище, чтобы
проверить перегной, и обнаружил желуди. В последнем закатном свете, когда
ехали сквозь лес, он слышал соек и решил - похоже, что тут должны быть
желуди. И точно, правда, не так уж много. Ему вовсе не надо было, чтобы
свиньи находили еду прямо на земле, а в большом лесу это было бы им так
легко!

В открытом торце амбара Мэйсон построил прочный барьер с голландскими
воротами из двух горизонтальных створок, точно такими, какие были у Карло в
Сардинии.

Защищенный этим барьером, Карло мог без опаски кормить своих питомцев,
забрасывая им через барьер человеческую одежду, набитую дохлыми курами,
бараньими ножками, овощами.

Его свиньи не были по-настоящему одомашнены, но людей не боялись, не
боялись они и шума. Даже сам Карло не мог войти к ним в загон. Свиньи ведь

не похожи на других животных. В них есть какая-то искра сообразительности и ужасающей практичности. Питомцы Карло вовсе не были настроены враждебно к людям. Просто им нравилось их есть. Они были легконоги, как мьюрский бык, могли резануть клыками, словно овчарка, а их манера двигаться в присутствии своих хранителей носила характер грозной преднамеренности. У Пьеро был опаснейший момент, когда ему едва удалось благополучно отобрать у них рубаху, которую свинари хотели использовать снова.

Таких свиней никогда еще не бывало: они были крупнее европейского дикого кабана и почти столь же свирепы. Карло чувствовал себя их создателем. Он знал: то, что им предстояло совершить, освобождение земли от того зла, которое они должны уничтожить, будет такой великой заслугой, что она обеспечит ему вечное блаженство на том свете.

К полуночи все они заснули в амбаре; Карло, Пьеро и Томмазо спали без сновидений на чердачном настиле в хранилище конской сбруи, свиньи сопели в своих клетках-контейнерах; их элегантные ножки подергивались - им снились сны; то та, то другая начинали шевелиться на чистых брезентовых подстилках. Череп скаковой лошади - Флит Шэдоу, - тускло освещенный отблесками горящих в кузнечной печи углей, взирал на все это сверху.

ГЛАВА 67

Начать кампанию против агента Федерального бюро расследований, используя фальшивую улику Мэйсона Верже, было для Крендлера кульбитом сложным и опасным. У него поначалу даже дыхание перехватило. Если

Генеральный прокурор его на этом поймает, его раздавят в один момент, как
таракана.
Если же не думать о риске, которому подвергался он сам, вопрос о том,
чтобы погубить Клэрис Старлинг Крендлера практически не беспокоил. Вот если
бы на ее месте был мужчина... Мужчина ведь должен содержать семью - Крендлер
же содержит свое семейство, каким бы алчным и неблагодарным оно ни было.
А от Старлинг, вне всякого сомнения, необходимо избавиться. Если ее
оставить в покое, то, следуя путеводным нитям, обнаруженным благодаря
мелкому, придирчивому бабскому копанью, приемам типичной домохозяйки, Клэрис
Старлинг обязательно отыщет Ганнибала Лектера. И если такое случится, Мэйсон
Верже не даст Крендлеру ни гроша.
Чем скорее ее лишат всех и всяческих возможностей, чем скорее она
окажется вне ведомственных стен, останется снаружи одна, станет приманкой,
тем лучше.
Крендлеру и раньше, на пути к собственным вершинам, приходилось губить
чужие карьеры: сначала в качестве окружного прокурора, активно занимавшегося
политикой, а потом уже и в Депюсте. По опыту он знал, что испортить карьеру
женщине гораздо легче, чем навредить в этом плане мужчине. Если женщина
получает повышение, какого женщинам получать вообще-то не положено, очень
просто сказать, что она заслужила его, лежа на спине.
И все же, подумал Крендлер, невозможно будет приклеить этот ярлык
Клэрис Старлинг. Фактически ему на ум вообще не приходил никто другой, кто

так, как она, нуждался бы в хорошем перетрахе - пусть и против воли, - чтобы хоть немного пройти вверх по грязной карьерной дорожке. Иногда, ковыряя пальцем в носу, он даже представлял себе это ее согласие-несогласие, этот невыносимо чудесный акт.

Крендлер ни за что не мог бы объяснить свою враждебность по отношению к Клэрис Старлинг. Это шло из самого нутра, рождалось в таком месте его существа, куда он не мог проникнуть. В этом месте были мягкие кресла в чехлах и элегантные плафоны под потолком, медные дверные ручки и оконные задвижки и была девушка того же окраса, что Старлинг, только без ее убеждений, но зато со штанишками, спущенными на одно колено, и вопрошающая, какого черта, что с ним такое, почему не идет и не делает, что надо, неужели он паршивый извращенец? извращенец? извращенец?

Если не знать, какая Старлинг стебаная стерва, размышлял Крендлер, надо было бы признать, что - дураку ясно - ее реальная работа заслуживает гораздо большего, чем те немногие поощрения, которые выпали на ее долю. И наград у нее, к его огромному удовольствию, очень немного. Добавляя по капельке яда то тут, то там, когда дело касалось ее продвижения по службе, за эти годы Крендлеру удавалось влиять на Отдел кадров ФБР так, что Отдел не допускал, чтобы ей поручались выгодные задания или давались хорошие назначения, а ее независимая манера держаться и роток, на который не накинешь платок, только способствовали его усилиям.

Мэйсон не станет ждать развертывания дела о бойне на рыбном рынке "Фелисиана". Да и гарантии, что хоть сколько-то дерьма налипнет на Старлинг во время слушаний, тоже нет. То, что Эвельду Драмго и остальных застрелили, было результатом очевидного провала городской службы безопасности. Просто чудо, что Старлинг удалось спасти этого ублюдка-грудничка. Еще один нахлебник на шее налогоплательщиков. Сорвать засохшую корку с этого грязного дела будет нетрудно, только вот удастся ли этим кружным путем подобраться к Старлинг?

Лучше пойти дорогой, предложенной Мэйсоном. Так будет быстрее, и ее выпрут отовсюду. Время как раз подходящее.

Одна из вашингтонских аксиом, гораздо чаще проверенная на опыте, чем теорема Пифагора, утверждает, что если, при наличии в помещении кислорода, кто-то один громогласно испустит газы, став очевидным виновником дурного запаха, его деяние легко прикроет множество мелких проступков того же рода, при обязательном условии, что они совершаются точно в то же время.

Эрго, процесс президентского импичмента отвлечет Департамент юстиции от всех других проблем, что и позволит Крендлеру засудить Старлинг.

Мэйсону хочется, чтобы история Старлинг попала в газеты и чтобы это увидел доктор Лектер. Но Крендлер должен сделать так, чтобы сообщения в прессе выглядели как нежелательная утечка информации. К счастью, приближается событие, которое прекрасно послужит его целям, - день рождения ФБР.

Крендлеру удалось здорово приручить свою совесть: она помогала ему отпускать грехи самому себе.

И теперь эта прирученная совестьего утешала: если Старлинг потеряет работу, то в самом худшем случае их чертов лесбиянский притон, в котором она с кем-то там живет, станет обходиться без большой телевизионной тарелки и они не все спортпрограммы смогут принимать. В самом худшем случае он просто помогает скатить за борт сорвавшееся орудие, чтобы оно больше никому не угрожало.

"Сорвавшееся орудие", сброшенное за борт, перестанет "раскачивать судно", подумал он, очень довольный собой и вполне утешившийся двумя флотскими метафорами, будто они логически уравновешивали друг друга. Тот факт, что именно раскачивающееся судно перекатывает сорвавшееся орудие, его вовсе не беспокоил.

Сейчас Крендлер переживал такой взлет фантазии, на какой только было способно его воображение. Ради собственного удовольствия он рисовал себе Старлинг старухой, спотыкающейся о собственные отвислые груди, когда-то стройные ноги ее обвивают вздутые синие вены, она с трудом карабкается вверх и вниз по лестницам с охапками грязного белья, отворачивая лицо от испятнанных простыней, отрабатывая таким образом ночлег и завтрак в притоне, которым владеет парочка старых, волосатых ведьм-лесбиянок.

Он представлял себе, что еще скажет ей, когда - на вершине собственного триумфа - снова встретится с этой "деревенской кривоссыхой".

Вооруженный прозрениями Демлинга, он собирался встать к ней поближе после того, как она вынуждена будет сдать оружие, и сказать, не шевеля губами: "Ты стара даже с собственным отцом трахаться, хоть вы с ним и с Юга, и родом из белого отребья". Он повторил в уме эту фразу и даже подумал, не стоит ли записать ее в свой дневничок.

У Крендлера было теперь все необходимое - и средство, и время, и злобность, - чтобы сокрушить карьеру Старлинг, и когда он принялся за дело, ему сильно помог случай и, к тому же, почта из Италии.

ГЛАВА 68

Кладбище Бэттл Крик под Хаббардом, в центре штата Техас, - всего лишь крохотный шрам на львиной шкуре голой декабрьской земли. В этот момент над кладбищем свистит ветер; впрочем, он всегда здесь свистит, переждать его невозможно.

В новой секции кладбища надгробья плоские, так что траву выкашивать нетрудно. Сегодня над одной из могил здесь танцует по ветру воздушный шарик в форме серебряного сердца - хоронили девочку, умершую в день рождения. В старой части кладбища траву вдоль дорожек приходится подстригать постоянно, а между надгробий проходить газонокосилкой, когда только возможно. Обрывки лент, засохшие цветочные стебли смешаны с землей. В самом конце кладбища - мусорная куча, сюда отправляются увядшие цветы. Между мусорной кучей и танцующим серебряным сердцем застыл небольшой экскаватор с обратной лопатой; молодой негр сидит у рычагов управления, второй - на земле, на корточках,

прикрывает ладонями от ветра горящую спичку - закуривает сигарету.

- Мистер Клостер, я просил вас присутствовать, когда мы будем заниматься этим, чтобы вы сами могли видеть, с чем мы здесь столкнемся. Уверен, вы сможете уговорить дорогих родственников не открывать крышку, - сказал мистер Гринли, директор хаббардского похоронного бюро. - Этот гроб - и тут я должен еще раз сделать комплимент вашему вкусу - этот гроб будет смотреться великолепно, и этого достаточно, больше им видеть ничего не надо. Я буду счастлив предоставить вам на этот гроб профессиональную скидку. Мой собственный батюшка, в настоящее время уже усопший, покоится именно в таком гробу.

Он кивнул водителю экскаватора, и челюсть машины выгрызла кусок земли из заросшей сорняками, просевшей могилы.

- Вы приняли твердое решение насчет надгробья, мистер Клостер?

- Да, - ответил доктор Лектер. - Дети хотят, чтобы был один камень для обоих, для отца и матери вместе.

Теперь они стояли молча, ветер трепал обшлага их штанин; экскаватор прошел примерно два фута в глубину.

- Отсюда лучше идти лопатой, - сказал мистер Гринли.

Рабочие спрыгнули в яму и принялись выгребать раскисшую землю привычно легкими взмахами лопат.

- Поосторожнее, - сказал мистер Гринли. - Гроб-то у него поначалу был не очень... Не то, что он получает теперь.

Дешевый гроб из прессованных древесных плит, верх и правда успел провалиться внутрь, на того, кто в нем покоился. Гринли заставил своих

рабочих вычистить грязь вокруг гроба и осторожно подвести брезент под его днище, оказавшееся совсем целым. В этом брезентовом гамаке гроб подняли и закинули в кузов грузовика.

На козлоногом столе в гараже хаббардского похоронного бюро из гроба извлекли куски провалившейся крышки; открылся скелет крупного мужчины. Доктор Лектер быстро обследовал его. Пуля раздробила короткое ребро над печенью, на черепе имелась вмятина и пулевое отверстие в левой верхней части лба. Череп, замшелый и забитый землей, был оголен лишь отчасти; а эти высокие, прекрасной лепки скулы ему уже приходилось видеть раньше.

- Земля не больно-то много нам оставляет, - сказал мистер Гринли.

На скелете сохранились остатки сгнивших брюк и ковбойской рубахи. Ее перламутровые застежки провалились сквозь ребра. Ковбойская касторовая шляпа, самого большого размера, с загнутыми в стиле "Форт Уорт" полями, покоилась на груди. В одном месте поля были надорваны, а в тулье виднелось пулевое отверстие.

- Вы знали покойного? - спросил доктор Лектер.

- Мы купили это бюро как филиал нашей компании и взяли на себя здешнее кладбище недавно, только в восемьдесят девятом, - ответил мистер Гринли. - Я теперь живу здесь, а главная контора нашей фирмы находится в Сент-Луисе. Вы хотите, чтобы мы попробовали сохранить одежду? А то я мог бы договориться, чтобы вам дали костюм... только я не думаю...

- Нет, - сказал доктор Лектер. - Почистите кости, одежды никакой не

надо - только шляпу оставьте, пряжку и сапоги; мелкие кости рук и ступней поместите в мешок, длинные кости скелета и череп оберните в саван из лучшего вашего шелка, и в него же вложите мешок с мелкими костями. Не нужно их выкладывать в определенном порядке, просто соберите все вместе. Может ли то, что я оставляю вам старое надгробье, служить компенсацией за перезахоронение?

- Да, конечно, только подпишите вот здесь, и я отдам вам копии других документов, - сказал мистер Гринли, весьма довольный тем, какой гроб ему удалось продать. Большинство сотрудников похоронных бюро, приезжающих за телами усопших, отправили бы кости в картонной коробке и продали бы родственникам гроб из собственных запасов.

Бумаги, разрешавшие доктору Лектеру эксгумацию, полностью соответствовали Уложению о здравоохранении и санитарной безопасности штата Техас, разд.711.004, в чем доктор Лектер и не сомневался, поскольку сделал их сам, загрузив в свой компьютер необходимые требования и факсимильные бланки из Техасской ассоциации окружных библиотек, специализировавшихся на справочных юридических материалах.

Двое рабочих, весьма довольные тем, что на арендованном доктором Лектером грузовике задний борт был откидным да еще с механическим подъемником, вкатили новый гроб в кузов и прикрепили его вместе с тележкой на роликах рядом с единственным другим предметом, находившимся там, - стоячим гардеробом из оргалита.

- Прекрасная идея - возить с собой собственный шкаф. Костюм для торжественных церемоний не мнется, не то что в чемодане, правда? - заметил мистер Гринли.

В Далласе доктор достал из гардероба футляр для альта и поместил в него обернутые в шелк кости; шляпа прекрасно улеглась в нижнем отделе футляра, приняв череп в свои мягкие объятья.

Гроб доктор Лектер, опустив задний борт грузовика, сбросил на кладбище Фиш-Трэп и вернул арендованный грузовик в аэропорту Даллас-Форт Уорт. Там же он сдал в багаж свой футляр, отправив его прямым ходом в Филадельфию.

Часть IV
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ
В КАЛЕНДАРЕ УЖАСА

ГЛАВА 69

В понедельник Старлинг надо было проверить экзотические покупки, сделанные в выходные, но в ее системе обнаружились сбои, и ей пришлось обратиться за помощью к компьютерному технику из Инженерного отдела. Даже после строжайшего просеивания списков покупателей двух-трех самых редких марочных вин у пятерых виноторговцев, даже после сокращения числа американских поставщиков foie gras до двух, а поставщиков деликатесов - до пяти, количество покупок было невообразимо огромным. Звонки от владельцев

отдельных винных магазинов, поступавшие по телефону, указанному в спецбюллетене, приходилось вводить в систему вручную.

Основываясь на том, что доктор Лектер был идентифицирован как убийца охотника на оленей в штате Вирджиния, Старлинг ограничила список покупок Восточным побережьем США, за исключением фирмы "Сонома", поставляющей foie gras; Фошон в Париже отказался сотрудничать. Старлинг не смогла разобрать, что ей ответили по телефону из флорентий-ской "Вера даль 1926", и послала факс в Квестуру, прося выяснить, не заказывал ли там доктор Лектер белые трюфели.

Под конец рабочего дня, в понедельник, 17 декабря, Старлинг отобрала двенадцать возможных вариантов, которые требовали дальнейшего расследования. Они представляли собой комбинации покупок по кредитным карточкам. Один покупатель приобрел ящик "Шато Петрю" и "ягуар" с наддувом на одну и ту же карточку "Америкэн Экспресс".

Другой заказал ящик "Батар-Монтраше" и ящик зеленых устриц из Жиронды.

Старлинг передала каждый из вариантов для дальнейшего расследования в местные отделения ФБР.

Старлинг и Эрик Пикфорд работали в разные смены, лишь частично пересекаясь друг с другом, чтобы в часы работы розничной торговой сети в их офисе обязательно находился сотрудник.

В этот понедельник Пикфорд работал здесь уже четвертый день, и часть этого дня он потратил на то, чтобы запрограммировать свой телефонный аппарат с автонабором. Кнопки набора обозначать он не стал.

Когда Пикфорд вышел выпить кофе, Старлинг нажала верх-нюю кнопку на его аппарате. Ответил на звонок сам Крендлер.

Старлинг повесила трубку и долго сидела в полной тишине. Пора было идти домой. Сидя в своем вращающемся кресле и медленно поворачиваясь вместе с ним, она рассматривала предметы, заполнявшие "Дом Ганнибала". Рентгеновские снимки, книги, стол, накрытый на одну персону. Потом вышла, резко откинув шторы затемнения.

Кабинет Крофорда был открыт и пуст. Свитер, связанный Джеку покойной женой, висел на вешалке в углу. Старлинг протянула к свитеру руку, не решаясь его коснуться, бросила собственное пальто через плечо и отправилась в долгий путь, туда, где стоял ее "мустанг".

Больше она не увидит Квонтико. Никогда.

ГЛАВА 70

Вечером семнадцатого декабря зазвонил звонок входной двери в доме Клэрис Старлинг. На въездной дорожке она разглядела за своим "мустангом" машину федерального маршала.

Это был Бобби - тот самый маршал, что вез ее домой из больницы после перестрелки на рыбном рынке "Фелисиана".

- Привет, Старлинг.

- Привет, Бобби. Входи.

- Да я бы с удовольствием, только лучше сначала я тебе скажу. У меня тут повестка, и я должен тебе ее вручить.

- Ну, какого черта! Вручишь в доме, там хотя бы тепло, - сказала Старлинг, почувствовав, как все внутри у нее похолодело.

Повестка на бланке Генерального инспектора Департамента юстиции требовала, чтобы на следующее утро, в девять ноль ноль восемнадцатого

декабря, она явилась на слушание ее дела в здание имени Эдгара Гувера.

- Хочешь, я тебя завтра подвезу? - спросил Бобби.

Старлинг потрясла головой.

- Спасибо, Бобби. Поеду на своей машине. Кофе выпьешь?

- Нет, спасибо. Мне очень жаль, Старлинг.

Маршалу явно очень хотелось поскорее уйти. Наступило неловкое молчание.

- Ухо у тебя вроде совсем зажило, - отважился он наконец произнести.

Она помахала ему из дверей, когда его машина задом выезжала с дорожки.

В тексте письма было лишь требование явиться. Без объяснения причин.

Арделия Мэпп, ветеран внутренних войн ведомства и бельмо на глазу у всех, поддерживающих систему отношений "ты - мне, я - тебе", тотчас же заварила для Клэрис бабушкин лечебный чай, известный способностью стимулировать умственную деятельность. Старлинг всегда опасалась прибегать к этому средству, но на этот раз возможности увильнуть не было.

Мэпп постучала пальцем по бланку.

- Генеральный инспектор и не должен тебе ничего объяснять. Какого черта? - заявила Мэпп, прихлебывая чай. - Если бы обвинения шли от нашей Инспекции личного состава или даже от ИЛС Депюста, они должны были бы тебе сообщить, в чем тебя обвиняют, представить тебе все документы. Должны были бы прислать повестку по форме 645 или 644, с формулировкой обвинений прямо там же, и если бы на тебя вешали преступление, ты имела бы право на адвоката, на полную открытость материалов следствия, то есть получила бы все те права, которые даже проходимцам предоставляются. Верно или нет?

- Чертовски верно.
- Ну, а в данном случае ты получаешь дырку от бублика. Генеральный инспектор - должность политическая. Он может взять на себя рассмотрение любого дела.
- Вот он и взял.
- Ну да. Когда Крендлер вони напустил. Что бы там ни было, если ты решишь опираться на Положение о равных возможностях, у меня есть все ссылки. Теперь слушай меня внимательно, Старлинг, тебе надо обязательно заявить, что ты хочешь записывать все на магнитофон. У Генерального показания не подписываются. Лонни Гейнз попал в переделку именно из-за этого. Протокол они ведут, но то, что ты им говоришь, почему-то порой меняется, - уже после того, как было сказано. Тебе записи никогда не показывают.

Когда Старлинг дозвонилась Крофорду, голос у него был такой, будто он еще спал.

- Я не знаю, в чем дело, Старлинг, - сказал он. - Сделаю несколько звонков. Но одно я знаю твердо. Завтра утром я там буду сам.

ГЛАВА 71

Утро. "Здание Гувера" - огромная клетка из бетона и бронированного стекла, угрюмо нависает над молочным туманом.

В нашу эпоху бомб и взрывчатки, заложенных в автомобили, главный вход в здание и его двор чаще всего закрыты, а вокруг всего здания размещены старые автомашины ФБР, как бы создавая импровизированный защитный барьер. Полиция Округа Колумбия придерживается своей дурацкой политики и день за днем помещает штрафные ярлыки на передние стекла некоторых из этих машин; пачки

ярлыков растут под щетками стеклоочистителей и сорванные ветром бумажки
летают по всей улице.
Бомж, гревшийся над тротуарной решеткой, окликнул Старлинг и поднял к
ней руку. Одна щека у него была оранжевого цвета - видимо, обработана
бетадином в отделении "скорой помощи". В руке он держал пластиковый
стаканчик, истертый по краям. Старлинг порылась в кошельке, отыскивая
доллар, и дала ему два, наклонившись и попав в струю теплого, затхлого
воздуха и пара.
- Храни тебя Бог, - сказал он.
- Мне это очень нужно, - ответила она. - Тут любая малость может
помочь.
Старлинг взяла большую кружку кофе в булочной "Au Bon Pain", с той
стороны "здания Гувера", что выходит на 10-ую стрит; за годы работы в Бюро
она много таких кружек выпила в этой булочной. Ей очень хотелось кофе после
тревожно проведенной ночи, однако на этот раз она решила ограничиться
половиной кружки - боялась, что может захотеть в туалет во время слушаний.
Увидев в окно Крофорда, она выскочила из булочной и, догнав его, предложила:
- Хотите, поделюсь с вами кофе? Можно взять там пустую кружку.
- А он без кофеина?
- Нет.
- Тогда не рискну. А то еще из собственной шкуры выскочу.
Кроформ выглядел постаревшим и осунувшимся. На кончике носа у него
повисла прозрачная капля. Они остановились чуть в стороне от потока
пешеходов, направлявшихся в боковой вход штаб-квартиры ФБР.

- Не знаю, по какому поводу они собираются сегодня, Старлинг. Больше никого из участников инцидента на рыбном рынке не вызвали - это-то я смог выяснить. Я буду с вами.

Старлинг протянула ему бумажный носовой платок, и они влились в непрекращающийся поток служащих дневной смены.

Старлинг показалось, что служащие выглядят необычайно нарядными.

- Девяностолетие ФБР, - напомнил ей Кроформ. - Буш приедет сегодня, выступит перед сотрудниками.

На боковой улочке выстроились четыре ТВ-фургона со спутниковыми антеннами.

Бригада операторов из ВФУЛ - вашингтонского местного телевидения - расположилась на тротуаре, снимая молодого человека с подстриженными под машинку волосами, произносившего что-то в ручной микрофон. Ассистент режиссера, занимавший пост на крыше фургона, заметил шагавших в толпе людей Старлинг и Кроформа.

- Вон она, вон она, в синем плаще! - крикнул он вниз.

- Начинаем! - сказал Стриженый. - Поехали!

Телеоператоры подняли волну в потоке служащих, пробиваясь к Старлинг, чтобы придвинуть камеру к самому лицу Клэрис.

- Спецагент Старлинг, что вы можете сказать по поводу расследования дела о бойне на рыбном рынке "Фелисиана"? А рапорт вы уже подали? Вам уже предъявили обвинение по делу об убийстве пятерых?..

Кроформ снял шляпу и, притворяясь, что пытается защитить от света глаза, ухитрился на миг закрыть объектив телекамеры. Только охраняемые двери здания смогли остановить телевизионщиков.

- Сукины дети! Их предупредили!

Оказавшись внутри, под защитой охраны, Старлинг и Крофорд остановились в холле. Туман оставил на их лицах крохотные капельки влаги. Крофорд бросил в рот таблетку китайского гинкго. Запить было нечем, он проглотил ее всухую.

- Старлинг, я думаю, они выбрали сегодняшний день из-за импичмента и девяностолетия ФБР. Что бы они ни собирались сделать, в суете это может пройти незамеченным.

- Тогда зачем им было предупреждать прессу?

- Да потому что не все и каждый в этом деле поют по одним и тем же нотам. У вас есть десять минут. Хотите попудрить носик?

ГЛАВА 72

Старлинг редко приходилось бывать на седьмом, административном этаже "Здания Гувера". Вместе с другими выпускниками своего класса, семь лет тому назад, она была приглашена сюда посмотреть, как директор поздравляет Арделию Мэпп, произнесшую от имени всего класса речь по поводу окончания Академии ФБР, а еще - когда помощник директора пригласил Клэрис Старлинг, чтобы вручить ей медаль чемпиона соревнований по стрельбе из боевого пистолета.

Ей еще не приходилось ступать по ковру с таким густым и высоким ворсом, как в кабинете Нунана, помощника директора ФБР. Глубокие кожаные кресла, ощутимый аромат дорогих сигарет... атмосфера скорее как в аристократическом клубе, а не в помещении для заседаний. Интересно, они что же, спустили окурки в унитаз и проветрили комнату к ее приходу?

Трое мужчин встали, когда Клэрис с Крофордом вошли в комнату. Один - не

встал. Встали: Пирселл, прежний начальник Старлинг из Отделения ФБР по Вашингтону и Округу Колумбия в Баззардз-Пойнт, помдир Нунан из ФБР и высокий рыжеволосый человек в костюме из шелка-сырца. Остался сидеть Пол Крендлер из конторы Генерального инспектора. Он лишь повернул к ней голову на длинной шее, будто хотел определить ее местонахождение по запаху. Когда он повернулся к ней лицом, ей стали видны оба его круглых уха сразу. Странно, что в помещении находился и неизвестный ей федеральный маршал: он стоял в дальнем углу.

Сотрудники ФБР и Депюста вообще тщательно следят за своей внешностью, но эти люди выглядели особенно вылощенными в ожидании телесъемки. Старлинг догадалась, что чуть позже, днем, они должны будут присутствовать на церемонии встречи с бывшим президентом Бушем внизу, в зале. Не то ее вызвали бы в Департамент юстиции, а не в "здание Гувера".

Крендлер нахмурился, увидев Джека Кроофорда рядом со Старлинг.

- Мистер Крофорд, я не думаю, что ваше присутствие во время этих слушаний обязательно.

- Я непосредственный начальник специального агента Старлинг. Мое место - здесь.

- Я так не думаю, - сказал Крендлер и повернулся к Нунану. - Официально ее начальник Клинт Пирселл, у Крофорда она вообще никто. Я полагаю, агент Старлинг должна быть допрошена без посторонних, - добавил он. - Мы можем попросить начальника отдела Крофорда находиться где-нибудь поблизости, чтобы

мы могли его вызвать, если нам понадобится дополнительная информация.

Нунан кивнул:

- Мы, вне всякого сомнения, будем вам признательны, Джек, за любое участие, после того как выслушаем независимые показания... гм... специального агента Старлинг. Я хотел бы, чтобы вы побыли здесь, поблизости. Если вас не затруднит, посидите в читальном зале библиотеки, располагайтесь поудобнее, я вас позову.

Кроуфорд поднялся на ноги.

- Директор Нунан, могу я сказать?...

- Вы можете выйти отсюда, вот что вы можете сделать, - сказал Крендлер.

Нунан встал с кресла.

- Посдержанней, мистер Крендлер, пока что веду заседание я. Потерпите, пока я передам бразды правления вам. Джек, нас слишком многое связывает, не говоря уже о долгих годах совместной работы. Этот джентльмен - из Депюста, он совсем недавно назначен, ему этого не понять. Ты обязательно скажешь нам то, что хотел. А теперь оставь нас, и пусть Старлинг говорит сама за себя. - Он наклонился к Крендлеру и тихо сказал ему что-то на ухо, отчего тот покраснел.

Крофорд взглянул на Старлинг. Все, что он мог теперь сделать, это возмущаться и жаловаться лишь самому себе.

- Спасибо, что пришли, сэр, - сказала Старлинг.

Маршал проводил Крофорда из кабинета.

Услышав, как щелкнула, закрываясь, дверь за ее спиной, Старлинг выпрямилась, расправила плечи и храбро встретила взгляды четверых мужчин.

С этого момента расследование шло со скоростью, с какой в восемнадцатом веке совершались ампутации конечностей.

Нунан, представляя ФБР, был здесь высшим начальством, однако Генеральный инспектор мог отменить любое его решение, а Крендлер, по всей видимости, был послан сюда в качестве полномочного представителя Генерального.

Нунан взял со стола папку с делом:

- Будьте любезны, назовите свое имя и должность. Это - для протокола.

- Специальный агент Клэрис Старлинг. А что, будет протокол, директор Нунан? Я была бы очень этому рада.

Он не ответил; тогда она спросила:

- Вы не станете возражать, если я запишу слушания? - и достала из сумочки портативный магнитофон "Награ".

Заговорил Крендлер:

- Вообще-то такие предварительные заседания проводятся в кабинете Генерального инспектора, в Департаменте юстиции. Мы проводим слушания здесь потому, что это всем удобнее из-за сегодняшней церемонии, но правила Генинспектора действуют и здесь. Это дело касается секретной дипломатической информации. Никаких магнитофонов.

- Сообщите ей, в чем она обвиняется, мистер Крендлер, - сказал Нунан.

- Агент Старлинг, вы обвиняетесь в противозаконной передаче секретных сведений беглому преступнику, - произнес Крендлер, безупречно владея выражением собственного лица. - В частности, вы обвиняетесь в помещении данного объявления в двух итальянских газетах, с целью предупредить

сбежавшего Ганнибала Лектера о том, что ему грозит опасность быть арестованным.

Федеральный маршал принес Старлинг страничку смазанной газетной печати из "Ла Национе". Она повернула страничку к окну, чтобы прочесть обведенный чернилами текст:

"А.А. Аарону. Сдайтесь властям в ближайшем полицейском участке, враги близко. Ханна".

- Что вы ответите?

- Это не я. Я впервые это вижу.

- Как тогда вы объясните тот факт, что в письме использовано кодовое имя, известное лишь доктору Лектеру и вашему Бюро? Кодовое имя, которое вам посоветовал использовать доктор Лектер?

- Я не знаю. А кто это обнаружил?

- Служба подбора документальных материалов в Лэнгли случайно заметила это объявление, когда они переводили материалы о докторе Лектере, опубликованные в "Ла Национе".

- Если код известен только Федеральному бюро, как же Служба подбора материалов в Лэнгли могла его обнаружить в этой газете? Ведь эта Служба - в подчинении ЦРУ. Давайте выясним у них, кто обратил их внимание на имя "Ханна".

- Я уверен, что переводчик был знаком с файлом доктора Лектера.

- В таких деталях? Сомневаюсь. Давайте спросим у него, кто ему посоветовал искать это имя. Откуда мне было знать, что доктор Лектер во Флоренции?

- Это же вы нашли компьютерный запрос Квестуры о доступе к файлу Лектера на сайте в Информационном центре ФБР в Квонтико, - сказал Крендлер. - Запрос пришел за несколько дней до убийства Пацци. Нам неизвестно, когда вы этот запрос обнаружили. Почему еще могла флорентийская Квестура запрашивать о Лектере?

- Какая у меня могла быть причина его предупреждать? Директор Нунан, почему это дело в компетенции ГИ? Я готова в любой момент пройти испытание на детекторе лжи. Пусть доставят сюда аппарат.

- Итальянцы внесли дипломатический протест в связи с попыткой предупредить известного преступника на территории их страны, - сказал Нунан, указывая на рыжеволосого человека, сидевшего рядом с ним. - Это - мистер Монтенегро, из Посольства Италии.

- Здравствуйте, сэр. А как итальянцы узнали об этом? - спросила Старлинг. - Не из Лэнгли же?

- Дипломатические жалобы метят в наш огород, - сказал Крендлер, прежде чем мистер Монтенегро успел раскрыть рот. - Мы намерены в этом разобраться к всеобщему удовлетворению, включая итальянские власти, Генерального инспектора и меня, и разобраться мы хотим по-быстрому, одна нога здесь, другая - там. Для всех будет лучше, если мы сопоставим все факты. Что за отношения у вас с Лектером, мисс Старлинг?

- Я опрашивала доктора Лектера несколько раз по приказу начальника отдела Крофорда. С момента побега доктора Лектера я получила от него за семь лет два письма. Оба они у вас, - ответила Старлинг.

- На самом деле мы имеем гораздо больше, - заявил Крендлер. - Вчера мы получили вот это. А что вы еще получали, нам неизвестно.

Он протянул руку за спину и достал картонную коробку, испещренную почтовыми штемпелями и сильно потрепанную в процессе пересылки.

Крендлер сделал вид, что наслаждается ароматом, исходившим из коробки. Он ткнул пальцем в почтовый ярлык, не потрудившись показать его Старлинг.

- Адресовано вам, послано на ваш домашний адрес в Арлингтоне, специальный агент Старлинг. Мистер Монтенегро, будьте любезны, скажите нам, что это за предметы?

Итальянский дипломат порылся в завернутом в папиросную бумагу содержимом коробки.

- Да, это есть лосьоны, sapone di mandorle - знаменитый миндальный мыло от Санта Мария Новелла во Флоренции, у них там есть такой аптека, и несколько духи. Такие вещи люди дарят, когда они влюблен.

- Это все проверено на токсины и раздражители, верно, Клинт? - спросил Нунан у прежнего начальника Старлинг.

Пирселл выглядел так, будто ему невыносимо стыдно.

- Да, - ответил он. - Там все в порядке.

- Дары любви, - произнес Крендлер с чувством некоторого удовлетворения. - Тут еще и любовная записочка имеется.

Он развернул листок пергамента, вложенный в посылку, и поднял его так, чтобы все могли видеть портрет Старлинг: ее голова с фотографии в таблоидной газетке на теле крылатой львицы. Он перевернул листок и прочел слова, написанные каллиграфическим почерком доктора Лектера:

"Вы когда-нибудь задумывались, Клэрис, почему эти филистеры не в

состоянии вас понять? Да потому, что вы - ответ на загадку Самсона. Вы - мед в теле льва".

- "Il miele dentro la lionesse" - как красиво! - сказал Монтенегро, мысленно записав это для дальнейшего употребления.

- Как что? - спросил Крендлер.

Итальянец отмахнулся от вопроса, поняв, что Крендлер не способен ни расслышать музыку, звучащую в метафоре доктора Лектера, ни когда бы то ни было воспринять живущие в музыке чувственные образы.

- Генеральный инспектор полагает начать отсюда в связи с возможными международными осложнениями, - пояснил Крендлер. - По какой линии это пойдет - по линии административной ответственности или уголовной - будет зависеть от того, что мы обнаружим в процессе дальнейшего расследования. Если по уголовной, специальный агент Старлинг, дело передадут в Отдел профессионального соответствия Департамента юстиции, а Отдел, в свою очередь, передаст дело в суд. Вас известят заблаговременно, чтобы вы могли подготовиться. Директор Нунан...

Нунан набрал в легкие побольше воздуха и повыше занес топор:

- Клэрис Старлинг, я объявляю вам, что с данного момента вы находитесь в административном отпуске до тех пор, пока по вашему делу не будет вынесено соответствующее решение. Вы сдадите оружие и удостоверение сотрудника ФБР. Вам запрещается доступ к любым объектам и оборудованию ФБР, а также в здания Ведомства, кроме тех, куда допускается обычная публика. Вас проводят к выходу. Будьте добры немедленно сдать оружие и удостоверение специальному агенту Пирселлу. Выполняйте.

Подходя к столу, Старлинг на миг увидела этих мужчин так, будто они - всего лишь кегли, мишени на стрелковых соревнованиях. Она могла бы застрелить всех четверых прежде, чем они успеют схватиться за пистолеты. Но мгновенное наваждение миновало. Она достала свой пистолет сорок пятого калибра и, пристально глядя на Крендлера, выщелкнула в ладонь обойму, а затем и патрон из ствола. Обойму она положила на стол, а патрон Крендлер поймал в воздухе и сжал в кулаке так, что побелели костяшки.

За пистолетом последовали значок и удостоверение.

- У вас имеется запасное оружие? - спросил Крендлер. - И ружье?

- Старлинг! - окликнул ее Нунан.

- У меня в машине. Под замком.

- Другое боевое снаряжение?

- Шлем и жилет.

- Мистер маршал, вы заберете все это, когда проводите мисс Старлинг к ее автомобилю, - приказал Крендлер. - А сотовый телефон с шифром у вас имеется?

- Да.

Крендлер взглянул на Нунана, высоко подняв брови.

- Сдайте, - сказал Нунан.

- Я хочу кое-что сказать. Думаю, я имею на это право.

Нунан взглянул на часы.

- Давайте, - сказал он.

- Это все сфабриковано. Я думаю, Мэйсон Верже пытается поймать доктора Лектера сам, с целью осуществить личную месть. Я думаю, во Флоренции он лишь самую малость промахнулся. Я думаю, что мистер Крендлер может быть в сговоре с Верже и хочет, чтобы усилия ФБР, направленные на поимку доктора Лектера, могли быть использованы Верже. Я думаю, что Пол Крендлер из Департамента

юстиции делает на этом деньги и, кроме того, я думаю, что он стремится уничтожить меня, чтобы я ему не мешала их делать. Мистер Крендлер раньше уже вел себя со мной неподобающим образом и теперь пытается разделаться со мной из злости в той же степени, что из соображений личной материальной выгоды. Всего неделю назад он обозвал меня деревенской шлюхой. Я призываю мистера Крендлера перед лицом собравшихся здесь пройти испытание на детекторе лжи в связи с этим делом. Я в вашем распоряжении. Мы могли бы приступить прямо сейчас.

- Спецагент Старлинг, вам сильно повезло, что вы не под присягой... - начал Крендлер.

- Так приведите меня к присяге. И присягните сами.

- Я хочу заверить вас, что, если доказательства окажутся недостаточными, вы будете иметь право на полное и беспристрастное восстановление, - произнес Крендлер самым доброжелательным тоном. - А пока суд да дело, вы сохраняете зарплату и страховку и все медицинские льготы. Административный отпуск сам по себе не является наказанием, агент Старлинг, постарайтесь использовать его с пользой для себя, - добавил Крендлер, теперь взяв тон вполне доверительный. - На самом деле, если бы вы решили использовать этот перерыв для того, чтобы вам убрали эту грязь со щеки, уверен, врачи...

- Это не грязь, - перебила его Старлинг. - Это порох. Неудивительно, что вы не можете отличить одно от другого.

Маршал ждал у дверей, протянув к ней руку.

- Мне очень жаль, Старлинг, - произнес Клинт Пирселл, держа в руках ее снаряжение. Она бросила на него взгляд и отвернулась. Пол Крендлер медленно двигался к ней поближе, в то время как другие ждали, пока итальянский дипломат Монтенегро выйдет из комнаты. Крендлер начал было говорить сквозь зубы что-то, явно подготовленное заранее - "Старлинг, ты стара даже..."

- Извините. - Это был Монтенегро. Рослый дипломат вернулся от двери, чтобы поговорить с Клэрис. - Извините, - произнес он еще раз, глядя Крендлеру прямо в глаза, так что тот вынужден был отойти с исказившимся от злости лицом.

- Мне очень жаль, что такое произошло с вами, - сказал Монтенегро. - Надеюсь, вы невиновны. Обещаю, что заставлю Квестуру Флоренции выяснить, как этот inserzione, этот объявлений, был оплачен в "Ла Национе". Если вы подумаете, что что-то в моем районе Италии надо проследить, пожалуйста, сообщите, и я буду на этом настаивать.

Монтенегро протянул ей свою карточку, маленькую, твердую, с выпуклыми буквами и, выходя в дверь, по всей видимости, не заметил протянутую ему Крендлером руку.

Репортеры, допущенные в здание через главный вход, чтобы снимать торжественную церемонию, толпились во дворе. Многие здесь, казалось, прекрасно знали, кого именно им следует ждать.

- Вы должны придерживать меня за локоть? - спросила Старлинг у федерального маршала.

- Нет, мэм, что вы! - ответил тот, прокладывая ей путь сквозь толпу,
минуя протянутые к ней микрофоны, не обращая внимания на выкрикиваемые
вопросы.

На этот раз Стриженый, по всей видимости, знал, о чем надо спрашивать.
Вопросы, которые выкрикивал он, были вполне конкретными:

- Это правда, что вас отстранили от дела Ганнибала Лектера? Ожидаете ли
вы обвинения в совершении уголовного преступления? Что вы ответите на
обвинения итальянцев?

В гараже Старлинг вручила маршалу свой бронежилет, шлем, ружье и
курносый запасной револьвер. Маршал ждал, пока она его разряжала и протирала
масляной тряпкой.

- Я видел вас на стрельбах в Квонтико, агент Старлинг, - сказал он. - Я
и сам выходил в четвертьфинал, когда готовился стать федеральным маршалом. Я
протру ваш сорок пятый, перед тем как отправить его на полку.

- Спасибо вам, - сказала Старлинг.

Он задержался и после того, как она села в машину. И сказал еще что-то,
но за рокотом мотора она не расслышала. Опустила стекло, и он повторил:

- Противно, что такое случилось с вами.

- Спасибо, сэр. Это очень ценно, что вы так сказали.

У выезда из гаража ее ждала машина прессы, тотчас же погнавшаяся
следом. Старлинг бросила "мустанг" во всю прыть, чтобы оторваться от
репортеров, и через три квартала от "Здания Гувера" налетела на штраф за
превышение скорости. Фотографы делали снимки, пока патрульный полицейский
Округа Колумбия выписывал ей талон.

Помощник директора Нунан после заседания сидел за столом в своем кабинете, растирая красные пятна, оставшиеся на носу от очков.

То, что они отделались от Старлинг, не так уж сильно его взволновало - он полагал, что женщины привносят некий эмоциональный элемент, не всегда подходящий к атмосфере Бюро. Но ему было больно смотреть, как унижают Джека Кроформа. Джек был одним из самых лучших и надежных сотрудников, одним из однокашников, одним из "старых друзей". Может, у Джека и было некоторая слабость к этой девочке - Старлинг, но такое случается, жена Джека ведь умерла, и вообще... У самого Нунана как-то выдалась целая неделя, когда он глаз не мог оторвать от одной стенографисточки, но пришлось от нее отделаться, пока она не натворила бед.

Нунан надел очки и пошел в лифт, чтобы спуститься в библиотеку.

В читальном зале он отыскал Джека Кроформа: тот сидел в кресле, прислонившись затылком к стене. Нунан подумал, что Джек заснул. Лицо Кроформа было серым, кожа покрылась потом. Он приоткрыл глаза и вздохнул с каким-то странным всхлипом.

- Джек? - Нунан потрепал его по плечу, потом коснулся влажного от пота лица. В библиотеке раздался его громкий возглас: - Эй, кто там! Библиотекарь! Врачей, срочно!

Кроформа отправили в больницу ФБР, а оттуда - в Отделение интенсивной терапии кардиологического корпуса в Мемориальном комплексе Джефферсона.

ГЛАВА 73

Крендлер и пожелать бы не мог лучшего освещения происшедшего в прессе.

Празднование девяностолетия ФБР совместилось с экскурсией журналистов по новому антикризисному центру. Телевизионные новостные программы вовсю использовали преимущества необычно открытого доступа в "Здание Гувера". Компания Си-Спэн дала высказывания экс-президента Буша в прямом эфире полностью, как и речь директора Бюро. Си-эн-эн включила эти выступления в текущие репортажи и все до одной телекомпании пустили этот материал в вечерних новостных передачах. И вот, когда высокопоставленные лица покидали сцену, для Крендлера наступил момент триумфа. Молодой, энергичный Стриженый, стоя рядом со сценой, задал ему вопрос:

- Мистер Крендлер, правда, что спецагент Клэрис Старлинг отстранена от расследования дела Ганнибала Лектера?

- Полагаю, было бы преждевременно - и несправедливо по отношению к спецагенту - делать какие-либо заявления по этому поводу в данный момент. Могу лишь сказать, что Генеральная инспекция внимательно рассматривает проблемы, связанные с делом Лектера. Никаких обвинений никому не было предъявлено.

Си-эн-эн тоже поняла, куда ветер дует:

- Мистер Крендлер, итальянские новостные агентства утверждают, что доктор Лектер мог неподобающим образом получить информацию из государственных органов, позволившую ему вовремя скрыться. Явилось ли это основанием для отстранения спецагента Старлинг? Не по этой ли причине вмешался Генеральный инспектор? Ведь обычно это компетенция

внутриведомственной Инспекции личного состава?

- Я не могу комментировать сообщения иностранных новостных агентств, Джефф. Могу лишь сказать, что ГИ расследует утверждения, которые пока еще ничем не подтверждены. Мы несем такую же ответственность в отношении наших сотрудников, как и в отношении наших заокеанских друзей, - заявил Крендлер, ткнув пальцем куда-то вверх, будто он был одним из семейства Кеннеди. - Дело Ганнибала Лектера - в хороших руках, не только в руках Пола Крендлера, но и экспертов, представляющих самые разные направления деятельности ФБР и Департамента юстиции. Мы работаем согласно плану, который будет предан гласности, когда принесет свои плоды.

Немецкий толкач, сдавший дом доктору Лектеру, поставил в гостиной огромный телевизор "Грюндиг" и попытался придать ему соответствующий стилю дома вид, водрузив на этот ультрасовременный ящик одну из бронзовых статуэток - правда, размером поменьше, - изображающих Леду и лебедя.

Доктор Лектер смотрел фильм под названием "Краткая история времени" о великом астрофизике Стивене Хокинге и его трудах. Доктор Лектер уже много раз смотрел этот фильм. Сейчас шла самая любимая его часть, где чайная чашка соскальзывает со стола на пол и разбивается.

Хокинг, скрючившийся в инвалидном кресле, произносит голосом, синтезированным с помощью компьютера:

- Откуда является различие между прошлым и будущим? Законы науки не

проводят различия между прошлым и будущим. Однако в обычной жизни различие между прошлым и будущим весьма велико.

Вы можете видеть, как чайная чашка падает со стола и разбивается на куски. Но вы никогда не сможете увидеть, как эти куски снова соберутся в чашку и вспрыгнут обратно на стол.

Лента прокручивается назад и показывает, как чашка собирается воедино и возвращается на стол. Хокинг продолжает:

- Возрастание беспорядка, или энтропии, и является тем, что отличает прошлое от будущего, поскольку дает времени направление.

Доктор Лектер восхищался трудами Хокинга и, насколько мог, пристально следил за его работой по математическим журналам. Он знал, что когда-то Хокинг полагал, что наступит время, когда Вселенная перестанет расширяться и сожмется снова, а энтропия обратится вспять. Позднее Хокинг объявил, что ошибался.

Лектер хорошо разбирался в высшей математике, но Стивен Хокинг находится на совершенно ином уровне, чем все остальные люди. Уже многие годы Лектер размышлял над этой проблемой: ему очень хотелось, чтобы Хокинг все-таки оказался прав в своем первоначальном предположении, чтобы расширение Вселенной прекратилось, чтобы вспять обратилась энтропия и чтобы съеденная Мика снова стала целой и невредимой.

Пора. Доктор Лектер остановил видеомагнитофон и включил новости.

Перечень телевизионных и прочих новостей, касающихся ФБР, ежедневно появляется на общедоступном сайте ФБР в Интернете. Доктор Лектер посещал

этот сайт каждый день, чтобы убедиться, что они все еще пользуются его старой фотографией на страничке "Десять особо важных преступников в розыске". Таким образом он узнал о праздновании дня рождения ФБР задолго до того, как надо было включить программу новостей. Он сидел в глубоком кресле, в домашней куртке и шейном платке, и наблюдал, как лжет Крендлер. Он наблюдал за Крендлером, полуприкрыв глаза, держа суженный кверху бокал с коньяком у самого носа и тихонько побалтывая напиток. Ему не приходилось видеть это бледное лицо с тех пор, как семь лет тому назад Крендлер стоял у его клетки в Мемфисе, незадолго до его побега.

В городских новостях из Вашингтона он увидел, как Старлинг вручают штрафной талон, а в окно ее "мустанга" просовываются репортерские микрофоны. К этому моменту в телевизионных новостях уже объявили, что Старлинг "обвиняется в нанесении ущерба государственной безопасности" в связи с делом Лектера.

При виде Старлинг вишнево-карие глаза доктора Лектера широко раскрылись, и в глубине зрачков, вокруг образа Клэрис, зароились искры. Он хранил ее лицо целым и совершенным в глубине своего мозга еще долго после того, как оно исчезло с экрана, и попытался слить этот образ с другим - с образом Мики; он соединял, спрессовывал эти два образа до тех пор, пока из алой плазменной сердцевины их слияния не взлетели вверх искры, унося единый образ на восток, в ночное небо, где этот слиянный лик будет носиться вместе

со звездами над водным простором.
Теперь, если только Вселенная сожмется, если только время обратится вспять и разбитые чашки воссоединятся, в мире можно будет создать место и для Мики. Самое достойное место из всех, известных доктору Лектеру: место Старлинг. Мика сможет занять в мире место Старлинг. Если до этого дойдет, если это время вернется, уход из этого мира Старлинг освободит место для Мики. Место столь же сверкающее и чистое, как медная ванночка в солнечном саду.

ГЛАВА 74

Доктор Лектер поставил свой пикап в квартале от мэриленд-ской больницы "Мизерикордия" и, прежде чем опустить монетки в четверть доллара в автомат платной стоянки, тщательно их протер. В стеганом комбинезоне, какие носят рабочие в холодную погоду, в кепке с длинным козырьком, способной укрыть его лицо от телекамер охраны, он вошел в главный подъезд больницы.

Пятнадцать лет минуло с тех пор, как доктор Лектер в последний раз был в мэрилендской больнице "Мизерикордия", но в основном все здесь осталось по-прежнему. Новая встреча с местом, где он начинал свою медицинскую практику, для него ровно ничего не значила. Закрытые для посторонних помещения наверху подверглись косметическому обновлению, но скорее всего их прежнее расположение почти не изменилось, если судить по поэтажному плану здания, с которым он ознакомился в Департаменте строительства.

Получив у дежурного пропуск на одноразовое посещение, он смог попасть в

лечебное отделение. Медленно проходя широким коридором, он читал фамилии пациентов и лечащих врачей на дверях палат. Отделение было послеоперационное, сюда привозили выздоравливающих из Отделения интенсивной терапии, после операций на сердце или на мозге.

Глядя на то, как доктор Лектер идет по коридору, можно было бы подумать, что читает он очень медленно: губы его беззвучно шевелились, и время от времени он почесывал голову, как какой-нибудь недотепа. Затем он уселся в приемной так, что ему был хорошо виден весь коридор. Он прождал полтора часа, слушая, как пожилые женщины рассказывают друг другу о своих семейных невзгодах, и даже вытерпел фильм "Достойная цена", который шел по телевизору. Наконец он увидел то, чего ожидал с таким терпением: хирург, все еще облаченный в зеленый операционный костюм, делал обход палат. Совершенно один. Так... Это будет палата... хирург собирается посмотреть пациента доктора... Силвермэна. Доктор Лектер встал, почесался, взял растрепанную газету с низкого столика у дивана и вышел из приемной. Палата с другим пациентом доктора Силвермэна была чуть дальше - через две двери от первой. Доктор Лектер проскользнул внутрь. В палате царил полумрак, пациент, к счастью, спокойно спал, голова и одна сторона лица его были плотно забинтованы. На экране монитора ровными горбиками полз светящийся червячок.

Доктор Лектер быстро сбросил стеганый комбинезон и остался в зеленом

хирургическом костюме. Натянул бахилы и шапочку, надел маску и перчатки. Из кармана он достал и развернул белый полиэтиленовый мешок для мусора. Доктор Силвермэн вошел, продолжая разговаривать с кем-то, оставшимся в коридоре.

Неужели с ним идет медсестра? Нет!

Доктор Лектер взял мусорный бачок и принялся вытряхивать его содержимое в мешок, стоя спиной к двери.

- Извините, доктор, сейчас уйду, не буду вам мешать, - сказал доктор Лектер.

- Ничего, все нормально, - сказал доктор Силвермэн, беря температурную карту, висевшую на спинке кровати. - Делайте, что собирались.

- Спасибо, - сказал доктор Лектер и нанес хирургу удар в затылок тяжелым кожаным сапом; это было не трудно, потребовалось всего лишь одно движение кисти; хирург не успел упасть - как только он обмяк, доктор Лектер обхватил его торс руками. Поразительно видеть, как легко доктор Лектер поднимает человека того же размера, что и он сам, словно муравей, способный нести тяжесть, равную или превышающую его собственный вес. Доктор Лектер отнес доктора Силвермэна в ванную комнату при палате, спустил ему брюки и усадил на стульчак.

Хирург остался сидеть там, уронив голову на колени. Доктор Лектер приподнял врача за плечи и долго всматривался в его зрачки, потом отстегнул несколько именных планок с хирургической робы доктора Силвермэна.

Затем он заменил эти верительные грамоты своим одноразовым пропуском,

перевернув его обратной стороной наружу. Стетоскоп хирурга он повесил себе на шею, словно модное боа, а хитроумные хирургические очки с увеличительными стеклами отправились к доктору Лектеру на лоб. Кожаный сап скрылся в рукаве хирургической робы.

Теперь доктор Лектер был готов проникнуть в святая святых больницы "Мизерикордия".

Больница строго придерживается правительственных постановлений, касающихся обращения с наркотическими средствами. В лечебных отделениях шкафы медсестер, в которых хранятся лекарства, запираются на замок. К ним имеются два ключа - один у дежурной медсестры, другой - у ее первой помощницы; чтобы получить доступ к шкафу, следует попросить ключ. Ведется строжайший учет, все тщательно записывается.

В операционных отсеках - а это наиболее надежно охраняемая часть больницы - каждая операционная снабжается всеми лекарственными средствами, необходимыми для каждой следующей операции, за несколько минут до того, как привезут пациента. Лекарственные средства для анестезиолога помещаются рядом с операционным столом в шкафчике, одна часть которого - холодильная камера, а в другой поддерживается комнатная температура.

Определенный запас лекарственных средств и наркотиков хранится в специальной хирургической аптеке, рядом с помещением, где размываются врачи. В этой аптеке содержатся препараты, которых обычно не найти в главной аптеке, что находится внизу. Это сильные успокоительные и необычные

седативно-гипнотические средства, обеспечивающие возможность операций на открытом сердце или на мозге у пациентов, хорошо осведомленных и чутко реагирующих на происходящее.

В течение рабочего дня в аптеке всегда находится кто-нибудь из сотрудников, и пока фармацевт здесь, шкафы не запираются. Если во время кардиологической операции возникают чрезвычайные обстоятельства, времени на возню с ключами не остается. Доктор Лектер, в маске и шапочке, быстрым шагом вошел сквозь распашные двери операционного отсека.

В попытке несколько оживить антураж стены операционного отделения были покрашены в разные яркие цвета, сочетание которых даже человек при последнем издыхании счел бы отвратительным. Несколько врачей, шедших впереди доктора Лектера, расписались в журнале и прошли в размывочную. Доктор Лектер взял журнал и провел ручкой над страницей, ничего не написав.

В вывешенном на стене расписании в Операционной "В" первой в этот день значилась операция по удалению опухоли мозга. Она должна была начаться через несколько минут. В размывочной доктор Лектер стянул перчатки и принялся тщательно, до локтей, мыть руки, высушил их, напудрил тальком и снова надел перчатки. Теперь - в коридор. Аптека должна быть справа, следующая дверь. Нет. На двери абрикосового цвета - табличка: "Генераторная", а впереди - двойные двери Операционной "В". У самого его локтя остановилась медсестра.

- Доброе утро, доктор.

Доктор Лектер откашлялся не снимая маски, и пробормотал: "Доброе утро".

Продолжая бормотать, он повернул обратно к размывочной, вроде бы забыв там что-то. Сестра с минуту смотрела ему вслед, потом прошла в операционную.
Доктор Лектер сорвал с рук перчатки и швырнул в мусорный бачок. Никто не обращал на него никакого внимания. Он взял новую пару. Тело его находилось в размывочной, но сам он в этот момент мчался через фойе своего дворца памяти, мимо бюста Плиния, вверх по ступеням широкой лестницы, в Зал архитектуры. В прекрасно освещенном пространстве зала, где надо всем доминировал макет великого создания Кристофера Рена - собор Святого Павла, на чертежном столе были разложены поэтажные планы больницы. Операционные отсеки мэрилендской больницы "Мизерикордия", чертежи из Департамента строительства, от точки до точки. Он находится вот здесь. Аптека должна быть вот тут. Нет. Чертеж неправильный. Видимо, расположение изменилось после того, как планы были переданы в Департамент. Генераторная показана с противоположной стороны в зеркальном изображении коридора, ведущего к Операционной "А". Возможно, просто поменяли таблички. Должно быть, именно так. У него нет времени тыкаться носом в разные двери.

Доктор Лектер вышел из размывочной и направился по коридору к Операционной "А". Дверь слева. Табличка-"МРТ". Дальше, дальше, не останавливаться. Следующая дверь - "Аптека". Они разделили помещение, указанное на плане, на две части - на лабораторию магнитно-резонансной томографии и комнату для хранения лекарственных средств.

Тяжелая дверь в аптеку была открыта, дверной упор опущен. Доктор Лектер скользнул в комнату и закрыл дверь за собой. Низенький и толстый фармацевт сидел на корточках у шкафа, укладывая что-то на нижнюю полку.

- Могу я вам помочь, доктор?

- Да, будьте добры.

Молодой человек собрался было подняться на ноги, но не успел. Глухой удар сапа, и, задохнувшись, фармацевт мешком свалился на пол.

Доктор Лектер поднял подол своей хирургической робы и заткнул за пояс оказавшегося под ней фартука для работы в саду.

Быстро, вверх и вниз по полкам аптечного шкафа, ярлыки прочитываются с молниеносной скоростью: амбиен, амобарбитал, амитал, хлоралгидрат, дальман, флуразепам, хальцион... десятки пузырьков и флаконов исчезают в огромных садовничьих карманах. Потом - к холодильнику, снова читает ярлыки и сгребает в карманы: мидазолам, ноктек, скополамин, пентотал, квазепам, солцидем...

Чуть более полминуты, и доктор Лектер уже снова в коридоре - закрывает за собой дверь аптеки.

Обратно он опять идет через размывочную, проверяет, глядя на свое отражение в зеркалах, не торчат ли под робой набитые карманы. Теперь спокойно, не спеша, через распашные двери, именная планка нарочно перевернута вверх ногами, лицо скрыто маской и очками, уже надетыми на глаза, но увеличительные линзы подняты, пульс почти в норме - семьдесят два; по пути он обменивается краткими приветствиями с другими врачами. Спускается в лифте, вниз, вниз, маска по-прежнему надета, просматривает температурный

лист, захваченный по дороге.

Посетители, входившие в двери, могли бы счесть странным, что он не снимал маску до тех пор, пока не миновал телекамеры охраны. Праздношатающиеся на улице могли бы заинтересоваться, почему это доктор ведет такой обшарпанный и тарахтящий пикап.

А в операционном отсеке анестезиолог, нетерпеливо и безуспешно постучав в дверь аптеки, обнаружил фармацевта на полу, все еще не пришедшим в сознание, и только через пятнадцать минут выяснилось, что пропали лекарства.

Когда доктор Силвермэн пришел в себя, он обнаружил, что лежит на полу в ванной, со спущенными штанами. Он не помнил, как вошел в палату, и не представлял себе, где находится. Он полагал, что, по всей вероятности, у него произошло что-то с мозгом, возможно - микроинсульт, вызванный напряжением при работе кишечника. Он опасался сделать какое-либо резкое движение, чтобы не сдвинуть с места тромб, и осторожно полз по полу, пока не смог высунуть в коридор руку. Обследование выявило легкое сотрясение мозга.

Прежде чем вернуться домой, доктор Лектер сделал еще две остановки. Первая - у почтового отделения с ящиками "до востребования" в пригороде Балтимора, где он получил посылку, заказанную через Интернет в фирме ритуальных услуг. В посылке находился смокинг с вшитыми в него сорочкой и галстуком; все вместе было разрезано вдоль спины.

Теперь ему оставалось лишь купить вино, что-нибудь действительно

по-настоящему праздничное. Надо поехать в Аннаполис. Жалко только, что он
едет не на "ягуаре".

ГЛАВА 75

Крендлер был одет для бега трусцой в холодную погоду, так что ему
пришлось расстегнуть молнию комбинезона, чтобы не перегреться, когда к нему
домой, в Джорджтаун, позвонил Эрик Пикфорд.

- Эрик, отправляйтесь в кафетерий и позвоните мне из кабины таксофона.

- Извините, не понял, мистер Крендлер.

- Просто делайте, что я вам говорю.

Крендлер стянул с головы шерстяную повязку, снял перчатки и швырнул все
это на рояль в гостиной. Ожидая, пока разговор возобновится, он одним
пальцем тыкал в клавиши, подбирая мотивчик из фильма "Сеть".

- Старлинг в технике здорово разбирается, Эрик. Мы не знаем, что она
там у себя сделала с телефонами. Мы с вами должны обеспечить безопасность
дела государственной важности.

- Конечно, сэр.

- Так что там у вас?

- Старлинг звонила мне, мистер Крендлер. Она хочет забрать свой цветок
и личные вещи - эту дурацкую птичку - указатель влажности, которая воду пьет
из стаканчика. Но она кое-что ценное мне сообщила, и оно сработало. Она
велела не учитывать последнюю цифру в почтовых кодах подозрительных
подписчиков на журналы. Сказала, доктор Лектер может пользоваться
несколькими почтовыми ящиками "до востребования", расположенными поблизости
друг от друга.

- И что же?

- А я таким образом нащупал кое-что. "Журнал нейрофизиологии" поступает в отделение с одним почтовым кодом, а "Physica Scripta" и "Икарус" - с другим. Отделения находятся примерно в десяти милях друг от друга. Подписчики имеют разные фамилии, подписка оплачена почтовыми переводами.

- Что еще за "Икарус"?

- Это международный научный журнал, публикует исследования о солнечной системе. Двадцать лет назад доктор Лектер пользовался льготной подпиской на него. Почтовые отделения эти в Балтиморе. Они обычно получают журналы примерно десятого числа каждого месяца. И еще одна удача - всего минуту назад звонок получил: продажа одной бутылки "Шато" - как оно там - "Юкум"?

- Ага, только произносится "И-и-иким". Ну и что с того?

- Один из центральных винных магазинов в Аннаполисе. Я ввел покупку в программу и вышел на список важных дат, который сделала Старлинг. Программа высветила год рождения Старлинг. Год, когда вино это было сделано, - год рождения Старлинг. Объект уплатил за бутылку триста двадцать пять долларов наличными и...

- Это когда было - до или после того, как она позвонила?

- Сразу после, всего минуту назад.

- Так что она про это не знает?

- Нет. Я должен позвонить...

- Вы говорите, поставщик позвонил вам о покупке одной бутылки вина?

- Да, сэр. У нее здесь записи есть. Таких бутылок на Восточном побережье вообще-то всего три имеется. Она всех трех владельцев известила. Можно только восхищаться.

- А кто купил-то? Как он выглядел?

- Мужчина, белый, роста среднего, с бородой. Очень тепло одетый, закутанный какой-то.

- А телекамера охраны в том винном магазине есть?

- Да, сэр, про это я первым делом спросил. Сказал, мы за пленкой человека пришлем. Только я еще никого не послал. Служащий магазина спецбюллетеня не видел, он хозяину сказал только потому, что уж очень необычная покупка была. Хозяин выбежал, чтобы посмотреть, и увидел, как объект - то есть он думает, что это был объект, - отъезжает на старом пикапе. Сером, с тисками в кузове. Если это Лектер, вы думаете, он пошлет вино Старлинг? Тогда нам надо ее предупредить.

- Нет, - сказал Крендлер. - Ничего ей не говорите.

- А я могу ввести это в бюллетень Информационного центра в Квонтико и в файл доктора Лектера?

- НЕТ! - сказал Крендлер, быстро про себя что-то соображая. - Вы получили ответ из Квестуры насчет компьютера Лектера?

- Нет, сэр.

- Ну, тогда вы не можете ввести это в бюллетень ИЦ до тех пор, пока мы не будем уверены, что Лектер сам его не читает. Он мог добыть код доступа, которым пользовался Пацци. Или сама Старлинг прочтет и найдет способ предупредить его, как она сделала во Флоренции.

- Ох, верно! Теперь понял. Так ведь аннаполисское отделение может забрать пленку!

- Не беспокойтесь, теперь этим займусь я сам.

Пикфорд продиктовал Крендлеру адрес винного магазина в Аннаполисе.

- Продолжайте заниматься подпиской. И сообщите о своих находках

Крофорду, когда он выйдет на работу. Он может организовать слежку за почтовыми ящиками после десятого.

Крендлер сразу же позвонил Мэйсону и отправился бегать трусцой. От своего городского дома в Джорджтауне он легко бежал по направлению к парку Рок-Крик.

В сгущающихся сумерках видны были лишь его белая головная повязка фирмы "Найк", белые кроссовки - тоже от "Найк", и белая полоса на боку темного комбинезона для бега, все той же "Найк". Впечатление было такое, что внутри этих фирменных знаков человека вовсе и нет.

Энергичная пробежка заняла всего полчаса. Подбегая к посадочной площадке около зоопарка,он услышал, как рокочет винт вертолета. Он даже смог поднырнуть под вращающиеся лопасти и вскочить на подножку, не снижая взятого темпа. Взлет реактивного вертолета вызвал в душе радостный трепет; радовал вид города, подсвеченных монументов, падавших ниц в то время, как воздушный аппарат поднимал его на ту высоту, которой он, Крендлер, был достоин, и уносил его прочь - в Аннаполис, за пленкой, а затем к Мэйсону, в Маскрэт-Фарм.

ГЛАВА 76

- Слушайте, Корделл, вы что, не можете толком сфокусировать эту гребаную фигню? - слышен глубокий радиобас Мэйсона с безгубыми согласными: "сфокусировать" и "фигня" звучат скорее как "хокусировать" и "хигня".

Крендлер стоял рядом с Мэйсоном в затемненной части комнаты, чтобы лучше видеть экран высоко поднятого монитора. В жаркой атмосфере комнаты

Мэйсона Крендлер расстегнул свой молодежный комбинезон для бега, спустил его
до пояса и обвязал рукава вокруг талии, оставшись в футболке с надписью
"Принстон". Его головная повязка и кроссовки поблескивали в свете, падавшем
от аквариума.

С точки зрения Марго, плечи у Крендлера были совершенно цыплячьи. Когда
Крендлер прибыл в поместье, они едва кивнули друг другу.

Ни счетчика кадров, ни таймера у камеры охраны винного магазина не
было, а рождественская распродажа шла весьма оживленно. Корделл нажимал
кнопку быстрого прогона пленки, переходя от одного покупателя к другому, а
их было великое множество. Мэйсон пытался убить время, говоря всем как можно
больше гадостей.

- А что вы сказали в винном магазине, когда явились туда в этом вашем
костюме для бега и сунули им в нос свою жестянку, а, Крендлер? Вы что,
сказали, что участвуете в Олимпий-ских спецсоревнованиях?

Мэйсон вел себя с ним гораздо менее уважительно после того, как
Крендлер положил в банк деньги, полученные по его - Мэйсона - чекам.

Крендлер не смел оскорбиться - ведь тогда пострадали бы его собственные
интересы.

- Я им сказал, что я - секретный агент. А какую слежку вы теперь установили за Старлинг?

- Скажи ему, Марго. - Казалось, Мэйсон стремится сберечь свое драгоценное дыхание для дальнейших оскорблений.

- Мы вызвали из Чикаго - из нашего отдела безопасности - двенадцать
человек. Они уже в Вашингтоне. Три команды, один из членов в каждой

зарегистрирован как помощник шерифа в штате Иллинойс. Если полиция застукает
их, когда они схватят Лектера, они скажут - мол, опознали его, выполняют
свой гражданский долг, и все такое прочее. Команда, которая его схватит,
передаст его в руки Карло. Затем все возвращаются в Чикаго - и это все, что
им известно.

Пленка все бежала и бежала.

- Минуточку... Корделл, прогоните назад, секунд на тридцать, - сказал
Мэйсон. - Посмотрите-ка на это!

Телекамера охраны охватывала пространство от входа в магазин до кассы.

Расплывчатое изображение на беззвучной пленке: входит человек в кепке с
длинным козырьком, в громоздкой клетчатой куртке и перчатках. Густая борода,
усы и темные очки скрывают лицо. Человек поворачивается спиной к камере и
аккуратно закрывает за собой дверь.

С минуту покупатель объясняет продавцу, что именно он хочет купить.
Затем продавец идет следом за бородатым покупателем к винной стойке, куда не
достигает глаз видеокамеры.

Тянутся три долгие минуты. Наконец продавец с покупателем возвращаются
в поле зрения камеры. Продавец отирает с бутылки пыль и, прежде чем положить
в пакет, заворачивает ее в бумагу со специальной мягкой прокладкой.
Покупатель стягивает с руки одну только правую перчатку и платит наличными.
Губы продавца движутся, произнося "Спасибо", но покупатель уже повернулся к
нему спиной и уходит.

Пауза - несколько секунд. Теперь продавец окликает кого-то - камера не

видит кого. На пленке появляется плотного сложения человек. Он сразу же бросается к выходу из магазина.

- Это - хозяин, тот парень, что видел пикап.

- Корделл, можете скопировать этот кусок и увеличить голову покупателя?

- В одну секунду, мистер Верже. Только будет расплывчато.

- Давайте... Он не снял левую перчатку, - сказал Мэйсон. - Вполне может быть, что меня просто кинули с тем рент-геновским снимком, а я за него такую кучу денег отвалил.

- Так Пацци же говорил, что Лектеру этот палец убрали, верно ведь? - сказал Крендлер.

- Да Пацци мог этот палец в собственный зад засунуть, никому верить нельзя. Марго, ты его видела, что скажешь? Это Лектер?

- Так восемнадцать лет прошло, - сказала Марго. - Он всего-то три сеанса со мной провел и просто вставал за своим столом, когда я приходила, никогда по кабинету не ходил. Очень был спокоен, неподвижен. Больше всего я помню его голос.

Голос Корделла произнес в микрофон:

- Мистер Верже, пришел Карло.

От Карло несло свинарником и еще чем-то похуже. Он вошел в комнату, прижимая к груди шляпу, и тошнотворный запах колбасы из хряковины, шедший от его волос, заставил Крендлера резко, через нос, выдохнуть воздух. В знак величайшего уважения сардинский похититель людей целиком втянул в рот кабаний зуб, который жевал.

- Карло, ну-ка взгляни на пленку. Корделл, прокрутите назад, пусть пройдет опять от двери.

- Это тот stronzo сын суки, - произнес Карло, прежде чем субъект на
пленке успел сделать четыре шага. - Борода у него новый, но это он так
ходит.
- Ты его руки видел, там, в Firenze, Карло?
- Si.
- Пять пальцев на левой или шесть?
- ... Пять.
- Ты заколебался.
- Только чтоб вспомнить, как cinque будет по-английски. Пять там было,
это точно.
Мэйсон приоткрыл безгубые челюсти, насколько мог, - это означало
улыбку.
- Обожаю! Это он носит перчатку, пытаясь сохранить соответствие
собственному описанию, вроде у него по-прежнему шесть пальцев, - сказал он.
Вероятно, запах Карло проник в аквариум через воздуходувное устройство.
Угорь появился из грота - посмотреть, что происходит, и уже не вернулся
туда, все крутил и крутил бесконечные восьмерки по воображаемой ленте
Мебиуса, обнажая в дыхании зубы.
- Карло, я думаю, скоро мы со всем этим покончим, - сказал Мэйсон. -
Ты, Пьеро и Томмазо - моя самая первая команда. Я вам доверяю, хоть он и
побил вас во Флоренции. Я хочу, чтобы вы держали под наблюдением Старлинг
целый день накануне ее дня рождения, в самый день рождения и на следующий.
Освобождаетесь, когда она спит у себя дома. Я дам вам водителя и фургон.
- Padrone? - произнес Карло.
- Да?
- Я хочу иметь время один на один с dottore, за-ради моего брата

Маттео. Вы сказали, я могу иметь. - Карло перекрестился, упоминая имя умершего брата.

- Я прекрасно понимаю твои чувства, Карло. И глубоко тебе сочувствую. Карло, я хочу, чтобы доктора Лектера скушали в два присеста. В первый вечер пусть свинки пожуют его ступни, а он пусть понаблюдает за этим процессом из-за решетки. И я хочу, чтобы он для этого был в хорошей форме. Ты доставишь его мне в хорошей форме. Никаких ударов по голове, никаких переломов костей, никаких синяков под глазами. Потом он ночку поживет без ступней, ожидая, когда - на следующий день - свинки с ним покончат. Я с ним какое-то время побеседую, а потом ты получишь его в свое распоряжение на целый час, перед последней трапезой. Я только попрошу тебя оставить ему один глаз и чтобы он был в сознании, чтобы мог видеть, как свинки к нему приближаются. Хочу, чтобы он видел их милые физиономии, когда они примутся за его собственную физиономию. Если ты, скажем, решишь лишить его мужских признаков, что ж, это целиком на твое усмотрение, но тогда я хочу, чтобы Корделл остановил кровотечение. И мне нужен фильм.

- А если он истечет кровью там, в загоне, в самый первый раз?

- Не истечет. И за ночь не умрет. В эту ночь он просто будет ждать со съеденными ногами. Корделл проследит за этим и компенсирует потерю жидкости; я так понимаю, он будет всю ночь под внутривенной капельницей, может, двумя.

- Или четырьмя, если понадобится, - произнес в микрофон бестелесный голос Корделла. - Я могу зашить ему культи.

- Ты сможешь поплевать ему в капельницу, Карло, или даже нассать туда напоследок, перед тем, как вкатишь его в загон, - посоветовал Мэйсон самым доброжелательным тоном. - А то и войти туда сам, если захочешь.

Лицо Карло просветлело при мысли о таких богатых возможностях, но тут он вспомнил про мускулистую signorina и искоса бросил на нее виноватый взгляд.

- Grazie mille, Padrone. А вы сможете прийти посмотреть, как он умирает?

- Не знаю, Карло. Пыль в амбаре меня очень беспокоит. Я ведь могу наблюдать все это на видео. А ты мог бы привести сюда свинку? Мне хочется положить руку ей на голову.

- Сюда? В вашу комнату, Padrone?

- Нет, но меня могут ненадолго снести вниз, аппаратура будет работать на блоке питания.

- Тогда мне придется усыпить одну, Padrone, - с сомнением в голосе произнес Карло.

- Так усыпи одну из самок. Доставь ее на лужайку перед подъездом, где лифт, ты сможешь подвести погрузчик по траве.

- Вы как планируете, обойтись одним фургоном или возьмете и фургон, и аварийку? - спросил Крендлер.

- Карло?

- Да один фургон хватит. Дайте мне помощника машину вести.

- У меня для вас еще кое-что имеется, - сказал Крендлер. - Можно свет зажечь?

Марго подвинула рычажок реостата, а Крендлер положил свой рюкзачок на стол у вазы с фруктами. Он натянул хлопчатобумажные перчатки и вытащил из

рюкзачка небольшой монитор с антенной и скобой крепления, при нем также
имелись внешний жесткий диск и блок питания.

- За Старлинг наблюдать не так просто - она живет в тупике, там негде
укрыться для слежки. Но ей ведь приходится выходить: она помешана на
физических упражнениях, - пояснил Крендлер. - Ей пришлось взять абонемент в
частный тренажерный зал, теперь, когда она больше не может пользоваться
ничем, что относится к ФБР. Мы обнаружили ее машину на стоянке у этого зала
в четверг и поставили на днище маячок. Маячок системы "Ni-CAD", он
подзаряжается, когда мотор работает, так что она не обнаружит его из-за
потекших батареек. Программное обеспечение позволяет покрывать пять соседних
штатов. Кто сможет с этим работать?

- Корделл, зайдите сюда, - приказал Мэйсон.

Корделл и Марго опустились на колени рядом с Крендлером, а Карло
высился над ними, держа шляпу на уровне их ноздрей.

- Гляньте сюда, - Крендлер включил монитор. - Это все равно как
бортовая навигационная система автомобиля, только он показывает, где
находится машина Старлинг.

На экране монитора появилась панорама собственно Вашингтона.

- Дайте нужный квадрат крупным планом, перемещайте его вот этими
стрелками, понятно, как? Ладно, сейчас он ничего не принимает. Если пойдет
сигнал от маячка Старлинг, он высветится вот тут и вы услышите звуковой
сигнал - "бип-бип-бип". Чем ближе вы окажетесь к ее машине, тем чаще будут
звучать сигналы. Вот тут - микрорайон Старлинг в масштабе карты городских

улиц. Вы сейчас не получаете никаких сигналов, потому что мы вне пределов досягаемости. А в самом Вашингтоне или Арлингтоне, где бы вы ни были, обязательно получите. Я получил сигнал даже в вертолете, когда мы вылетали. Вот это - переходник для розетки переменного тока в вашем фургоне. Еще одно. Вы должны обеспечить, чтобы эта штука никогда не попала в не те руки. Меня за это так взгреют! Это устройство еще даже не поступило в магазины шпионской спецтехники. Оно должно либо вернуться в мои руки, либо лежать на дне Потомака. Понятно?

- Тебе понятно, Марго? - спросил Мэйсон. - Вам понятно, Корделл? Велите Мольи вести фургон и объясните ему его обязанности.

* ЧАСТЬ V *

ФУНТ МЯСА

ГЛАВА 77

Прелесть пневматической винтовки в том, что из нее можно стрелять прямо из фургона, не оглушая при этом сидящих рядом: нет необходимости высовывать дуло из окна машины всем напоказ.

Затемненное окно чуть приоткроется, и крохотная пуля-шприц вылетит из дула, несся весьма значительную дозу ацепромазина прямо в мышцы спины или ягодиц доктора Лектера.

Раздастся только негромкий треск, возвещающий, что из дула вылетела пуля - словно обломилась зеленая ветка; ни грохота, ни звука выстрела, когда вылетает обычный снаряд, ничего такого, что могло бы привлечь внимание окружающих.

На репетициях отрабатывали все мероприятие так, чтобы, когда доктор Лектер только начнет падать, Пьеро и Томмазо, одетые в белое, "помогли" ему оказаться в фургоне, при этом заверяя рядом стоящую публику, что его отвезут в госпиталь. Из них троих Томмазо говорил по-английски лучше всех, так как изучал язык в духовной семинарии, но звук "г" в слове "госпиталь" доводил его до умопомрачения.

Мэйсон был совершенно прав, что поручил главную роль в поимке доктора Лектера итальянцам. Несмотря на их провал во Флоренции, они были лучше всех физически подготовлены к поимке человека и более всех способны захватить его живым.

Помимо винтовки с транквилизатором, Мэйсон позволил взять еще только одно ружье - для водителя, Джонни Мольи, помощника шерифа из Иллинойса, в настоящее время свободного от работы и давно уже находящегося на службе у семейства Верже. Мольи вырос в доме, где все говорили по-итальянски. Он был удивительным человеком: собираясь убить кого-то, он отвечал согласием на все, что говорила ему намеченная им жертва, а затем совершал убийство.

Карло и братья - Пьеро и Томмазо - приготовили сеть, дробовик,

баллончик с газом мейс, и самые разнообразные путы. Всего этого хватит им с лихвой.

Только рассвело, а они уже заняли намеченную позицию, в пяти кварталах от дома Старлинг в Арлингтоне, на стоянке для машин инвалидов, расположенной на одной из торговых улиц.

Сегодня фургон украшали наклеенные на бока надписи: "Медтранспорт для перевозки граждан старшего возраста". С зеркала заднего вида свисала табличка "Инвалиды", а на бампере был прикреплен инвалидный номерной знак - фальшивый. В бардачке лежала квитанция из автомастерской о недавней замене бампера, чтобы можно было сослаться на ошибку в гараже и на время запутать дело, если бы вдруг кто усомнился в подлинности номерного знака. Идентификационные номера машины и свидетельство о регистрации были подлинными. Подлинными были и стодолларовые бумажки, вложенные в права и в свидетельство, - откупаться от слишком любопытных патрульных.

На мониторе, прикрепленном к панели управления и включенном в розетку для прикуривателя, светилась карта микрорайона Старлинг. Тот же самый навигационный спутник, который сейчас определял местоположение фургона, показывал и местонахождение автомобиля Старлинг - светящейся точкой перед ее домом.

В 9.00 Карло разрешил Пьеро поесть. В 10.30 поесть смог Томмазо. Карло не хотел, чтобы они оба одновременно сидели тут с набитыми животами: вдруг придется долго гнаться за кем-то на своих двоих. Дневная трапеза тоже

проходила поочередно, к тому же не вполне удачно. Томмазо как раз шарил в холодильнике - собирался съесть сандвич, когда послышался сигнал "бип-бип".

Зловонная голова Карло резко качнулась к монитору.

- Она выезжает, - сказал Мольи и тронул фургон.

Томмазо опустил крышку холодильника.

- Так, поехали. Поехали... Вот она - едет вверх по Тиндал-стрит, направляется к главному шоссе.

Джонни Мольи влился в поток машин. Следовать за Старлинг на расстоянии трех кварталов было очень удобно - заметить слежку при этом она никак не могла.

Но и Мольи не мог заметить, как старый серый пикап влился в поток машин на расстоянии одного квартала от Старлинг. Сзади, закрывая габаритки пикапа, свисала рождественская елка.

Вести "мустанг" было для Старлинг удовольствием, на какое она всегда могла рассчитывать. Мощная машина, без АБС и системы контроля сцепления с дорогой, разумеется, задавала ей трудные задачи на скользких зимних мостовых. Зато, когда дороги были чистыми, как приятно было чуточку прибавить оборотов восьмицилиндровому двигателю на второй передаче и слушать, как урчат выхлопы в глушаках!

Арделия Мэпп, собирательница льготных купонов, какой не было в мире равных, вручила Старлинг толстенную пачку вырезок, сколотых скрепкой, и список продуктов, которые следовало купить. Арделия и Клэрис должны были запечь окорок, приготовить тушеную говядину и две запеканки - рисовую и

картофельную - с овощами. Другие участники обеда должны были доставить индейку.

Старлинг и подумать сейчас не могла бы о праздничном обеде по поводу собственного дня рождения. Однако пришлось согласиться, так как Мэпп и поразительное количество сотрудниц - некоторых Клэрис едва знала в лицо, а некоторые ей не очень-то и нравились - собирались прийти, поддержать ее в беде, развеять дурное настроение.

Ее одолевали тягостные мысли о Джеке Кроформе. Навещать его в Отделении интенсивной терапии не разрешалось, нельзя было и поговорить с ним по телефону. Она оставляла ему записки у дежурной сестры, смешные открытки с собачками, с самыми шутливыми посланиями, на какие только была сейчас способна.

От тоскливых мыслей ее отвлекал "мустанг": она играла с ним, то делая перегазовку и включая пониженную передачу, то использовала торможение двигателем, чтобы, сбавив ход на повороте к супермаркету "Сейфвей", въехать на стоянку у магазина; тормозов она коснулась, только чтобы мигнуть тормозными огнями водителям, ехавшим позади нее.

Ей пришлось четыре раза проехать взад и вперед по стоянке, прежде чем отыскалось место для парковки, оказавшееся свободным потому, что его загораживала брошенная кем-то магазинная тележка. Клэрис вышла из машины и откатила тележку в сторону. Пока она ставила машину, тележку успел увести какой-то другой покупатель. Она отыскала свободную у дверей супермаркета и

покатила ее в продуктовый отдел.

Джонни Мольи увидел на экране монитора, что она повернула и
остановилась у супермаркета, а впереди, справа - и сам огромный супермаркет
"Сейфвей", быстро приближавшийся к их фургону.
- Она едет к продуктовому отделу. - Мольи повернул на стоянку. Всего
несколько секунд понадобилось, чтобы засечь ее машину. И он увидел, как
молодая женщина катит тележку ко входу в магазин.
Карло навел на женщину бинокль.
- Это Старлинг. Похожа на свои фотокарточки. - Он передал бинокль
Пьеро.
- А я бы ее сфотографировал. У меня тут и телеобъектив есть, - сказал
Пьеро.
Как раз напротив ее "мустанга", через проезд, оказалось свободное место
для инвалидных машин. Мольи въехал туда, обогнав огромный "линкольн" с
инвалидными номерными знаками. Водитель "линкольна" яростно сигналил ему
вслед.
Теперь они смотрели в заднее окно фургона на хвост "мустанга" Клэрис.
Возможно потому, что он был привычен к американским автомобилям, Мольи
первым заметил старенький грузовичок, припаркованный довольно далеко, у
самого края стоянки. Виден был только задний откидной борт серого пикапа.
Джонни указал на пикап:
- Карло, посмотри, есть там тиски в кузове или нет? Про которые этот
парень из винного магазина говорил? Давай, глянь в бинокль. Мне не видно
из-за этой гребаной елки. Carlo, c'e una morsa sul camione?

- Si. Да, есть, тиски там. А внутри никого.

- А надо нам следить за ней в магазине? - Томмазо очень редко задавал Карло вопросы.

- Нет. Если он что-то и станет делать, то только здесь, - ответил Карло.

Первыми в списке шли молочные продукты. Старлинг, просматривая купоны, выбрала сыр для запеканки и готовые булочки "подогрей и ешь".

Не хватает еще булки самим печь для этой чертовой оравы.

Она уже подошла к мясному отделу, когда обнаружила, что забыла взять сливочное масло, и отправилась обратно - в молочный. Тележку с продуктами она оставила в мясном.

Когда она снова пришла туда, оказалось, что кто-то увел ее тележку. Продукты этот кто-то вынул и положил на полку, а купоны и список оставил себе.

- Черт возьми! - вырвалось у Старлинг так громко, что услышали другие покупатели. Она огляделась. Никто поблизости не держал в руке толстой пачки купонов. Клэрис сделала парочку глубоких вдохов. Конечно, можно покрутиться у касс и попытаться углядеть у кого-то в руках свой список, если он по-прежнему приколот к купонам скрепкой. Какого черта! Всего-то пара долларов лишних! Нельзя допустить, чтобы такая ерунда весь день испортила.

Свободнх тележек у касс не оказалось. Старлинг вышла из магазина, чтобы отыскать тележку на стоянке машин.

- Ecco! - Карло увидел, как он идет между машинами свойственным ему

быстрым, легким шагом: доктор Ганнибал Лектер, в пальто из верблюжьей шерсти
и мягкой шляпе с полями, нес свой дар, осуществляя неодолимый каприз. -
Madonna! Он идет к ее машине.

Тут охотничий инстинкт Карло взял верх над всеми остальными чувствами,
и он постарался взять себя в руки, контролируя дыхание и готовясь к
выстрелу. Кабаний зуб, который он жевал, на миг высунулся у него изо рта.

Заднее окно фургона не открывалось.

- Metti in motto! Сдай назад и повернись к нему боком, - приказал Карло.

Доктор Лектер остановился было у задней двери "мустанга", потом
передумал и прошел к передней, возможно, намереваясь вдохнуть аромат
рулевого колеса.

Он огляделся; из его рукава выскользнул плоский стальной щуп.

Фургон стоял теперь боком. Карло - с винтовкой на изготовку, коснулся
кнопки электрооткрывателя бокового окна. Ничего не произошло.

Голос Карло, неестественно спокойный теперь, когда надо действовать:

- Мольи, il fenestro!

Должно быть, на предохранителе, чтобы дети не открыли. Мольи попытался
отыскать кнопку предохранителя.

Доктор Лектер ввел щуп в щель рядом с окном "мустанга" и отпер дверь
машины. Он уже почти влез на водительское сиденье.

Выругавшись, Карло откатил чуть в сторону дверь фургона и поднял
винтовку, Пьеро поспешно отодвинулся, чтобы не мешать, фургон качнулся
одновременно с негромким треском выстрела.

Шприц блеснул на солнце и, с чуть слышным хлопком пронзив крахмальный

воротничок доктора Лектера, вошел в шею. Наркотик подействовал быстро - огромная доза, да еще в такое критическое место. Он попытался выпрямиться, но ноги его подкосились. Пакет с подарком выпал у него из рук и скатился под машину. Когда доктор Лектер падал в узкое пространство между дверью и кузовом "мустанга", он успел вытащить из кармана и даже раскрыть нож, хотя под воздействием транквилизатора его руки и ноги становились все более непослушными, словно растекались, как вода. "Мика!" - произнес он, чувствуя, что в глазах у него мутится.

Пьеро и Томмазо бросились на доктора Лектера, словно два огромных кота, прижав его к земле между машинами. Они держали его так, пока не убедились, что он совсем ослаб.

Старлинг, таща по стоянке свою вторую за этот день тележку, услышала щелчок пневматической винтовки и тотчас же распознала звук, возвещающий выстрел; послушная рефлексу, она резко присела, в то время как люди рядом с ней по-прежнему брели по своим делам, ничего не заметив. Трудно было бы сказать, откуда послышался этот звук. Она взглянула туда, где стоял ее "мустанг", увидела исчезающие в фургоне мужские ноги и подумала: "Ограбление!"

Она шлепнула себя по тому боку, где раньше жил пистолет, и бросилась бежать к фургону, по пути огибая машины.

Огромный "линкольн" с пожилым водителем возвратился и сигналил, чтобы ему дали въехать на инвалидную стоянку, загороженную фургоном. Его яростные

гудки заглушали крики Старлинг:

- Стоять! Стоп! ФБР! Стойте, не то буду стрелять.

Может, хоть номерные знаки удастся увидеть.

Заметив, что она приближается, Пьеро перерезал ножом доктора Лектера сосок на передней шине со стороны водителя и бросился в фургон. Фургон подскочил на выпуклой разделительной стоянки и рванул к выезду. Старлинг смогла разглядеть номерной знак. Она записала номер на пыльном капоте какой-то машины.

Подходя к своей машине и доставая ключи, она услышала шипенье воздуха, бьющего из шины "мустанга". Вдали ей был виден верх выезжающего со стоянки фургона.

Старлинг постучала в окно "линкольна", теперь сигналившего ей.

- У вас нет сотового телефона? Я из ФБР. Пожалуйста, есть у вас в машине телефон?

- Поезжай, Ноэль, - проговорила женщина, сидевшая в "линкольне", тыча пальцем в колено водителя и даже ущипнув его за ногу. - Это какой-то скандал, она тебя дурачит. Не вмешивайся.

И "линкольн" двинулся прочь.

Старлинг бросилась к автомату и набрала 911.

Помощник шерифа Мольи пятнадцать кварталов промчался на предельной скорости.

Карло вытащил пулю-шприц из шеи доктора Лектера, почувствовав облегчение оттого, что из ранки не брызнула кровь. Под кожей образовалась гематома размером с монету в четверть доллара. Они рассчитывали, что наркотик рассосется в объемных мышцах спины или ягодиц, а инъекция попала в

шею. Сукин сын вполне может подохнуть раньше, чем его скушают свинки.

В фургоне не разговаривали, слышалось только тяжелое дыхание мужчин и кваканье полицейского сканера под приборной панелью. Доктор Лектер лежал на полу фургона в модном пальто, шляпа скатилась с гладко причесанной головы, на белоснежном воротничке алело кровавое пятно... он и здесь выглядел элегантным, словно фазан в витрине мясника.

Мольи въехал в гаражную стоянку, проехал на третий уровень и задержался там всего на несколько минут, пока отклеивал надписи с боков фургона и менял номерные знаки.

Однако помощник шерифа зря беспокоился. Он только рассмеялся про себя, когда полицейский сканер получил срочное сообщение, с полным описанием разыскиваемого автомобиля. Оператор 911, видимо не поняв описания, сообщенного ему Старлинг ("серый фургон или микроавтобус"), выдал информационный бюллетень о розыске автобуса компании "Серая борзая". Следует сказать, что оператор сумел все-таки правильно записать все цифры фальшивого номерного знака, кроме одной.

- Точно как у нас в Иллинойсе, - заметил Мольи.

- Я как у него нож увидел, испугался - вдруг он с собой покончит, чтоб выкарабкаться из того, что его ждет, - сказал Карло братьям Пьеро и Томмазо.
- Ох и пожалеет он, что глотку себе не перерезал.

Когда Старлинг проверяла другие шины своего "мустанга", она увидела под машиной пакет.

Трехсотдолларовая бутылка "Шато д'Икем" и записка таким знакомым

почерком: "С днем рождения, Клэрис".
Только тогда она поняла, чему была свидетелем.
ГЛАВА 78
Нужные ей телефонные номера Старлинг помнила наизусть. Ехать домой, за десять кварталов отсюда, чтобы позвонить? Нет, бегом назад, к кабине таксофона, забрать липкую от пота трубку из руки молодой женщины, извиниться и, бросая в щель аппарата четвертьдолларовые монеты, слышать, как та женщина призывает магазинного охранника...
Старлинг позвонила в группу быстрого реагирования в Баззардз-Пойнт, в Отделении ФБР по Вашингтону и Округу Колумбия.
В группе, где она прослужила столько лет, о Старлинг знали буквально все и без разговоров соединили ее с кабинетом Клинта Пирселла. Выискивая в кошельке монеты и в то же время объясняясь с магазинным охранником, требовавшим, чтобы она предъявила удостоверение, она ждала, пока ей ответят.
Наконец в трубке раздался знакомый голос Пирселла.
- Мистер Пирселл, я видела, как трое, а возможно, четверо мужчин похитили Ганнибала Лектера на стоянке супермаркета "Сейфвей" примерно пять минут назад. Они порезали мне шину, я не могла их преследовать.
- Это то сообщение про автобус, полицейский ПОР?
- Ничего не знаю ни про какой автобус. Это был серый фургон, с инвалидным номером.
- Откуда вам известно про Лектера?
- Он... он оставил для меня подарок... Пакет был под моей машиной.
- Понятно... - Пирселл на миг умолк, и Старлинг прямо-таки ворвалась в эту паузу:
- Мистер Пирселл, вы же знаете - за этим стоит Мэйсон Верже. Иначе

просто не может быть. Никто другой не смог бы этого сделать. Он же садист.
Он замучает доктора Лектера до смерти и захочет понаблюдать, как он
мучается. Нужно взять под спецнаблюдение все автомашины Верже и обратиться к
федеральному прокурору в Балтиморе, чтобы он начал процедуру выдачи ордера
на обыск его поместья.

- Старлинг... Господи, Старлинг! Послушайте, я задам вам только один
вопрос. Вы уверены, что видели именно это? Задумайтесь об этом на секунду.
Подумайте о том хорошем, что вы когда-либо здесь у нас сделали. О том, в чем
вы присягали. Ведь пути назад не будет. Старлинг! Что именно вы видели?

Что же мне сказать? Что я не истеричка? Именно это первым делом и
говорят все истерички.

Старлинг моментально осознала, как мало теперь доверяет ей Пирселл и
какой дешевкой было его доверие вообще.

- Я видела трех, возможно - четырех мужчин, похитивших человека на
автостоянке у супермаркета "Сейфвей". На месте происшествия я обнаружила
подарок от доктора Лектера - бутылку вина "Шато д'Икем", произведенного в
год моего рождения, с запиской, написанной его почерком. Я описала
автомобиль. Я докладываю о происшедшем вам, специальный агент Пирселл из
Баззардз-Пойнт.

- Я дам этому делу ход, Старлинг, квалифицируя его как похищение.

- Я сейчас же еду к вам. Я могла бы представлять вашу контору и
отправиться вместе с группой быстрого реагирования.

- Не приезжайте сюда, Старлинг. Я все равно не смогу вас впустить.

Плохо, что Старлинг не удалось уехать прежде, чем на стоянку прибыла арлингтонская полиция. Потребовалось пятнадцать минут, чтобы исправить ПОР автомобиля, данное в полицейском сообщении. Плотная женщина-полицейский, в тяжелых лакированных туфлях, записывала показания Старлинг. Книжка штрафных повесток, жезл, пистолет и наручники угловато топорщились на массивном заду женщины, шлицы ее пиджака неопрятно расходились, полы топырились в стороны. Она никак не могла решить, указать ли ФБР в качестве места работы Старлинг или написать "не работает". Старлинг прогневала ее тем, что предвосхищала ее вопросы и она стала задавать их еще медленнее. А когда Старлинг показала полицейским следы грязи и снега на разделительной полосе, в том месте, где фургон подскочил, выезжая, ни у кого из них не оказалось фотокамеры. Старлинг пришлось показывать им, как пользоваться ее фотоаппаратом.

Снова и снова в голове у Клэрис, пока она повторяла бесконечные ответы на бесконечные вопросы, возникала одна и та же мысль:

Надо было броситься за ними в погоню, надо было броситься в погоню, надо было броситься в погоню. Надо было вытащить того старого пердуна из "линкольна" и броситься в погоню.

ГЛАВА 79

Крендлер поймал самое первое донесение о похищении. Он сразу же обзвонил своих информаторов, а затем позвонил Мэйсону по телефону, который точно не прослушивался.

- Старлинг видела захват, на это мы не рассчитывали. Устроила бучу в

Вашингтонском отделении. Рекомендовала выдать ордер на обыск в вашем
поместье.
- Крендлер... - Мэйсон долго переводил дух, а, может, просто обозлился:
Крендлер не мог точно определить. - Я уже подал жалобу в местные органы,
шерифу и окружному прокурору, что Старлинг надоедает мне телефонными
звонками посреди ночи, досаждает непонятными угрозами.
- А она это делает?
- Вовсе нет, но доказать, что это не так, она ведь в любом случае не
сможет, а моя жалоба замутит воду. Теперь слушайте: здесь, у себя в округе и
даже в штате, я смогу отбиться от ордера на обыск. Но мне надо, чтобы вы
позвонили федеральному прокурору в Вашингтоне и напомнили ему, что эта
стерва-истеричка меня преследует. С местными я сам управлюсь, можете мне
поверить.

ГЛАВА 80

Освободившись, наконец, от полицейских, Старлинг сменила колесо и
поехала домой, к собственному телефону и компьютеру. Ей ужасно недоставало
казенного сотового телефона, а собственный она купить еще не успела.

На автоответчике было сообщение от Мэпп: "Старлинг, заправь специями
мясо и поставь в духовку, на самый слабый огонь. Овощи пока НЕ клади.
Вспомни, что ты натворила в прошлый раз. Я пробуду на этом чертовом слушании
о высылке из страны примерно до пяти".

Старлинг поспешно включила портативный компьютер и попробовала вызвать
файл о Лектере в программе задержания опасных преступников, но оказалось,
что ей заблокирован доступ не только в ИЦ Квонтико, но и во всю компьютерную

сеть ФБР. У нее не было теперь даже того доступа, который имеет любой
сельский коп в Соединенных Штатах.

Зазвонил телефон.

Это был Клинт Пирселл.

- Старлинг, вы досаждали Мэйсону Верже телефонными звонками?

- Никогда, могу поклясться.

- Он жалуется, что вы его преследуете. Пригласил шерифа обойти его
поместье, фактически умолял его произвести осмотр, и теперь они к нему едут.
Так что ордера на обыск не будет. Мы не смогли найти ни одного свидетеля
похищения. Кроме вас.

- Там был белый "линкольн" с двумя пожилыми людьми - мужем и женой.
Мистер Пирсел, может, стоит проверить покупки по кредитным карточкам в
"Сейфвее", сделанные до похищения? При таких покупках время регистрируется.

- Мы доберемся и до этого. Но...

- ... это требует времени, - закончила за него Старлинг.

- Старлинг?

- Слушаю, сэр?

- Между нами, я буду держать вас в курсе основных событий. Только вы не
лезьте в это дело. Вы уже не блюститель закона - вы временно отстранены от
работы, и считается, что вы не можете обладать никакой информацией. Сейчас
вы - никто, просто человек с улицы.

- Да, сэр. Я понимаю.

Куда смотрят люди, когда принимают решение? Наша культура не
рефлективна, мы не возносим очи горе. В большинстве случаев мы принимаем
важнейшие решения, глядя на покрытый линолеумом пол, или в учрежденческий

коридор, или торопливо перешептываясь в приемной, под верещанье телевизора, возвещающего очередную чепуху.

Старлинг, в поисках неизвестно чего (или - кого), прошла на ту половину дома, что принадлежала Арделии Мэпп. Посмотрела на фотографию крохотной, но такой энергичной Бабушки Мэпп, умевшей заваривать "умственный" чай. Посмотрела на страховой полис Бабушки Мэпп, висевший в рамке на стене. Та половина дома, где обитала Мэпп, выглядела вполне обитаемой, казалось, Арделия присутствует здесь, даже когда ее нет.

Старлинг отправилась назад, на свою половину. Эта половина дома показалась ей нежилой. А что она, Клэрис Старлинг, смогла повесить в рамке на стене? Только диплом Академии ФБР. Не осталось ни одной фотографии ее родителей. Она так долго жила без них, а они жили только в ее мыслях. Иногда в запахах приготовленного ею завтрака, в донесшемся откуда-то аромате, в обрывках чьего-то разговора, в какой-нибудь случайно услышанной домашней приговорке она вдруг ощущала прикосновение их рук. Еще сильнее она чувствовала их руки, когда размышляла о собственных представлениях о добре и зле.

Да кто же она такая, черт возьми? Кто-нибудь хоть когда-нибудь признавал ее в этом мире?

Вы воин, Клэрис. Вы можете быть стойкой и сильной - стоит лишь захотеть.

Старлинг могла понять, почему Мэйсон так хочет убить Ганнибала Лектера.

Если бы он сделал это сам или нанял убийцу, она могла бы это стерпеть: у
Мэйсона была причина желать этой смерти.

Но думать о том, что доктора Лектера станут мучить и замучают до
смерти, было непереносимо: она содрогалась при одной мысли об этом, как
когда-то, давным-давно, содрогалась, узнав, что забивают ягнят и лошадей.

Вы воин, Клэрис.

И почти столь же непереносимо безобразным было то, что Мэйсон собирался
совершить этот акт с согласия людей, присягнувших защищать закон. Таков мир,
в котором мы живем.

Подумав так, она пришла к очень простому решению:

Этот мир не будет таким там, куда я смогу дотянуться.

Тут вдруг она обнаружила, что стоит на табуретке в стенном шкафу -
пытается дотянуться до самой верхней полки.

Оттуда она достала шкатулку, которую осенью передал ей командир Джона
Бригема. Казалось, с того дня прошла целая вечность.

Есть некая мистика в устоявшейся традиции завещать боевое оружие
уцелевшему соратнику. Это как бы означает, что высшие ценности продолжают
жить вопреки индивидуальной смерти.

Людям, живущим в такое время, когда их собственная безопасность
обеспечивается другими людьми, бывает трудно это понять.

Шкатулка, в которую было уложено оружие Джона Бригема, была ценным
даром уже сама по себе. По-видимому, он купил ее где-то в странах Востока,
когда служил в морской пехоте.

Шкатулка красного дерева, с крышкой, инкрустированной перламутром.

Оружие - точно сам Бригем: видавшее виды, безупречно отлаженное и вычищенное. Кольт M1911A1, пистолет сорок пятого калибра, и вариант пистолета того же калибра - "сафари" - с укороченным стволом, для скрытого ношения; кроме того - кинжал для ношения на голени, у которого на тыльной стороне лезвия пилка. Ремни и портупея у Старлинг были свои. Свой старый значок ФБР Бригем укрепил на подставке из красного дерева. Но его значок УБН лежал на дне шкатулки, ни к чему не прикрепленный.

Старлинг открепила значок ФБР от подставки и сунула его в карман. Сорок пятый отправился в кобуру на бедре, скрытую полой пиджака.

Короткоствольный "сафари" угнездился на одной голени, кинжал - на другой, надежно спрятавшись в сапожках. Клэрис вытащила из рамки свой диплом и сложила так, чтобы он уместился в кармане. В темноте кто-нибудь может принять его за ордер на обыск. Складывая плотную бумагу, она поняла, что немного не в себе, и обрадовалась.

Еще три минуты - у компьютера. С сайта "Мэпквест" она вывела на принтер крупномасштабную карту поместья Маскрэт-Фарм и окружающего ее лесного заповедника. Какой-то миг она вглядывалась в мясное королевство Мэйсона Верже, ведя пальцем по его границам.

Мощный выдох выхлопных труб "мустанга" уложил плашмя сухую траву у въездной дорожки, когда Старлинг отправилась нанести визит Мэйсону Верже.

ГЛАВА 81

На Маскрэт-Фарм царит тишина, спокойствие, подобное умиротворенности

древней Субботы - священного дня отдохновения. Мэйсон взволнован и ужасно горд - провернул такое дело! Про себя, никому в этом не признаваясь, он приравнивает это свое достижение по трудности к открытию радия.

Иллюстрированная книга о естественных науках со школьных лет более всего запомнилась Мэйсону и чаще всего теперь вспоминалась: она была самой высокой и широкой из всех школьных учебников, так что позволяла ему беспрепятственно мастурбировать в классе. Он часто смотрел на фотографию мадам Кюри, когда занимался этим, и теперь думал о ней и о тоннах уранита, которые ей пришлось кипятить, чтобы получить радий. Предпринятые ею усилия очень напоминают его собственные, решил он.

Мэйсон представлял себе, что доктор Лектер - продукт его упорных поисков и безмерных затрат - светится в темноте, словно колба в лаборатории мадам Кюри. Он представлял себе, как животы свиней, сожравших этот продукт и отправившихся спать к себе, в лесной загон, будут светиться во тьме, словно электролампы.

Был вечер пятницы, уже почти стемнело. Вся хозяйственная и техническая обслуга разошлась по домам. Никто из работников поместья не видел, как прибыл фургон, тем более что въехал он не через главные ворота, а по идущей через лесной заповедник противопожарной просеке, которую Мэйсон использовал в качестве подсобной дороги. Шериф и его команда успели завершить поверхностный осмотр поместья и убраться восвояси задолго до того, как

фургон подъехал к амбару. Сейчас главные ворота были под усиленной охраной, а в поместье остались только наиболее доверенные люди, так сказать, "расчет сокращенной численности":

Корделл у электронной установки в игровой комнате - его ночной сменщик явится в полночь. При Мэйсоне - Марго и помощник шерифа Мольи, все еще не снявший значка, надетого, чтобы запудрить мозги местному шерифу, а команда профессиональных похитителей - в амбаре, занятая своими делами.

Прежде чем подойдет к концу воскресный день, все уже будет сделано, улики сожжены или переварены в желудках шестнадцати свиней. Мэйсон подумывал о том, чтобы скормить угрю самые деликатесные части доктора Лектера, скажем - его нос. Тогда все те годы, что ему - Мэйсону - предстоит прожить, он сможет, глядя, как движется свирепая лента, бесконечно вершащая бесконечную восьмерку, знать, что знак бесконечности, который эта лента вычерчивает, знаменует, что Лектер мертв - отныне и навсегда, навсегда, навсегда...

В то же время Мэйсон понимал - очень опасно получать именно то, чего хочешь. Чем он станет заниматься после того, как уничтожит доктора Лектера? Разумеется, можно будет разрушить сколько-то семейств с приемными детьми, помучить сколько-то малышей. Можно выпить сколько-то мартини с детскими слезами. Но непреходящая крутая забава - откуда ей будет взяться?

Неужели он такой идиот, чтобы позволить страху о будущем ослабить теперешнее наслаждение, разбавить пресной водичкой грядущий экстаз? Мэйсон подождал, пока фонтанчик крохотных брызг смочит его единственный глаз, пока

очистится линза, а затем дохнул в трубочку выключателя: в любой момент,
стоит лишь пожелать, он сможеть включить видеокамеру и насладиться
созерцанием своего вожделенного трофея.

ГЛАВА 82

Хранилище конской сбруи в мэйсоновом амбаре: запах пылающих в печи
углей сливается с неистребимыми запахами кожи, конского и людского пота.
Отблеск огня на длинном черепе скаковой лошади по имени Флит Шэдоу,
пустопорожнем словно Провидение; он пристально - сквозь шоры - следит за
происходящим.

Красные угли пылают в кузнечной печи, разгораясь ярче и ярче: шипят
мехи, Карло накаляет железную полосу, и так уже раскалившуюся до
вишнево-красного цвета.

Доктор Ганнибал Лектер висит на стене, под конским черепом, точно
ужасающий запрестольный образ. Его руки раскинуты под прямым углом к плечам
и крепко привязаны к вальку - толстой дубовой поперечине от повозки, в
которую впрягались пони. Валек проходит поперек спины доктора Лектера, будто
ярмо, и прикреплен к стене скобой, собственноручно выкованной Карло. Ноги
доктора Лектера не достигают пола. Ноги его перевязаны поверх штанин, как
перевязывают мясо для ростбифа - отдельными, далеко отстоящими друг от друга
веревочными петлями, каждая петля - с узелком. Ни ножных кандалов, ни
наручников - ничего металлического, что могло бы повредить свиньям зубы и
отвратить их от угощения.

Когда железная полоса в печи раскаляется добела, Карло щипцами относит ее к наковальне и берется за молот; взмах, удар за ударом по ярко светящейся железине, и она превращается в скобу... красные искры разлетаются, сверкают в полутьме, отскакивают от груди Карло, сыплются на висящего на стене доктора Ганнибала Лектера.

Телекамера Мэйсона - она странно выглядит здесь, посреди древних орудий кузнеца и коновала - вглядывается в доктора Лектера с паукообразного металлического треножника. На верстаке расположился монитор, в настоящий момент его экран темен. Карло снова раскаляет скобу и, пока она еще ярко светится, пока остается ковкой, спешит с нею к вильчатому автопогрузчику.

Удары молота отдаются эхом в огромном пространстве высоченного амбара: удар - и эхо, удар - и эхо, БАМ-бам, БАМ-бам.

Скрипучее чириканье доносится сверху. Это на чердаке Пьеро находит на коротких волнах ретрансляцию футбольного матча из Рима. Его любимая команда "Кальяри" играет с ненавистным "Ювентусом".

Томмазо сидит в плетеном кресле, винтовка с транквилизатором прислонена к стене рядом с ним. Взгляд его темных священнических глаз прикован к лицу доктора Лектера.

Томмазо замечает какое-то изменение в распятом на стене человеке. Едва заметное изменение - от бессознательного состояния к состоянию предельного, противоестественного самоконтроля; возможно, изменилось только что-то в ритме дыхания.

Томмазо поднимается с кресла и кричит в глубину амбара:

- Si sta svegliando.

Карло возвращается в хранилище, кабаний зуб то высовывается из его рта, то снова исчезает. Он несет пару штанин, набитых овощами, фруктами, дохлыми курами. Натирает ими тело доктора Лектера, между ног и под мышками.

Старательно держа руку подальше от лица доктора Лектера, Карло за волосы поднимает ему голову и произносит:

- Buona sera, Dottore.

Громкоговоритель у монитора издает легкое потрескивание. Экран зажигается, возникает лицо Мэйсона...

- Включите свет над камерой, - приказывает Мэйсон. - Добрый вечер, доктор Лектер.

Доктор впервые открывает глаза.

Карло показалось, что в глазах этого дьявола к зрачкам слетаются искры; впрочем, возможно, это всего лишь отражается пламя печи. Карло крестится, защищаясь от Дурного Глаза.

- Мэйсон! - произносит доктор, обращаясь к камере. За Мэйсоном Лектеру виден силуэт Марго, черный абрис на фоне светящегося аквариума. - Добрый вечер, Марго. Рад снова увидеться с вами.

Речь доктора ясна, он явно пришел в себя уже некоторое время тому назад.

- Доктор Лектер! - звучит хриплый голос Марго.

Томмазо наконец отыскал кнопку и включил прожектор над камерой.

Резкий свет на секунду ослепил всех в хранилище.

И снова - звучный радиоголос Мэйсона:

- Доктор, минут через двадцать мы собираемся угостить наших свинок первым блюдом, это будут ваши ступни и щиколотки. А после этого устроим

небольшую вечеринку без галстуков, только вы и я. Вы к тому времени сможете уже быть в шортах. Корделл постарается продлить вам жизнь на достаточный срок...

Мэйсон еще что-то говорил, Марго наклонилась над ним, чтобы лучше видеть, что происходит в амбаре.

Доктор Лектер вгляделся в экран монитора - убедиться, что Марго за ним наблюдает. Затем его скрипучий, словно ржавый металл, шепот зазвучал прямо в ухе Карло:

- От твоего брата Маттео воняло еще сильнее, чем от тебя, - ведь он наложил в штаны, когда я его порезал.

Карло сунул руку в задний карман штанов и вытащил электрощуп для скота. В ярком свете телепрожектора он хлестнул доктора по уху, задев и висок. Схватив Лектера за волосы одной рукой, другой он нажал кнопку на ручке щупа, держа щуп почти вплотную к его лицу - высоковольтная дуга яростно искрилась между двумя электродами.

- ... твою мать! - прошипел Карло, тыча искрящимся щупом доктору Лектеру в глаз.

Доктор Лектер не издал ни звука; звук раздался из громкоговорителя - Мэйсон взревел, насколько позволяло ему дыхание, а Томмазо силился оттащить Карло от распятого. С чердака вниз, на помощь брату, сбежал Пьеро. Вместе они усадили Карло в плетеное кресло. И теперь держали его там.

- Ослепишь его, и все - ухнули наши денежки! - с обеих сторон одновременно, прямо ему в уши проорали братья.

Доктор Лектер поправил жалюзи во дворце памяти, чтобы ослабить

невыносимое сияние и жар. Ах-х-х-х! Он прислонился щекой к холодному
мраморному бедру Венеры.

Доктор Лектер повернул лицо к телекамере и четко произнес:

- Я не ем шоколада, Мэйсон.

- Сучий сын совсем опсихел, - сказал помощник шерифа Мольи. - Только
про это мы давно знали. А вот Карло-то почище псих оказался.

- Отправляйся-ка туда, разнимать их, - сказал Мэйсон.

- А вы уверены, что у них оружия нет? - спросил Мольи.

- А разве не ты нанимался как крутой коп? Нет. Только винтовка с
транквилизатором.

- Давай лучше я пойду, - сказала Марго. - Думаю, я сумею прекратить
этот их дерьмовый самцовский выпендреж. Итальяшки своих мамаш уважают. И
Карло знает, что деньгами распоряжаюсь я.

- Тогда выйди с камерой наружу и покажи мне свинок, - сказал Мэйсон. -
Обед когда, в восемь?

- Ну, мне-то незачем оставаться здесь ради этого, - сказала Марго.

- Нет уж, будь любезна остаться, - ответил ей Мэйсон.

ГЛАВА 83

Остановившись перед входом в амбар, Марго набрала в легкие побольше
воздуха. Если она готова его убить, ей следует быть готовой взглянуть ему в
лицо. Запах Карло она почувствовала задолго до того, как открыла дверь в
хранилище сбруи. Пьеро и Томмазо стояли по обе стороны доктора Лектера,
лицом к Карло, сидевшему в плетеном кресле.

- Buona sera, signori, - сказала Марго. - Твои друзья правы, Карло.
Искалечишь его - не видать тебе денег, как своих ушей. А ведь ты так далеко
заехал и так здорово поработал.

Карло не отрывал глаз от лица доктора Лектера.

Марго достала из кармана сотовый телефон. Потыкала пальцем в цифры на

освещенном экране и протянула аппарат Карло.

- Вот, возьми, - сказала она, поднеся телефон к его лицу так, чтобы он видел слова на экране автонабора. - Читай.

На экране высветилась надпись: "BANCO STEUBEN"

- Это - твой банк в Кальяри, signore Деограциас. Завтра утром, когда дело будет сделано, когда ты заставишь его расплатиться за твоего храброго брата, вот тогда я наберу этот номер и назову твоему банкиру свой код и скажу: "Выдайте сеньору Деограциасу все деньги, которые вы для него храните". Твой банкир подтвердит тебе это по телефону. Завтра вечером ты будешь уже в воздухе, на пути домой, ты возвратишься богатым человеком. И семья Маттео будет богата. Ты сможешь отвезти им яйца доктора Лектера в сумке с молнией - пусть это их утешит. Но если доктор Лектер не сможет увидеть собственную смерть, не увидит, как приближаются свиньи, чтобы сожрать его лицо, ты не получишь ни цента. Так будь же мужчиной, Карло. Иди приведи свиней. Я побуду здесь, с этим сукиным сыном. Через полчаса ты услышишь, как он завизжит, когда свиньи станут грызть его пятки.

Карло поднял голову и глубоко вздохнул.

- Piero, andiamo! Tu, Tommazo, rimani.

Томмазо снова уселся в плетеное кресло у двери.

- Я контролирую ситуацию, Мэйсон, - сказала Марго, глядя в камеру.

- Я хочу, чтобы его нос принесли мне, хочу взять его с собой, в дом. Скажи об этом Карло, - распорядился Мэйсон.

Экран монитора погас. Переезд из комнаты вниз потребовал невероятных усилий от Мэйсона и от тех, кто его окружал. Пришлось подсоединить все его

трубки к баллонам на специально оборудованной каталке и подключить респиратор к переносному блоку питания.

Марго вгляделась в лицо доктора Лектера.

Поврежденный глаз у него распух и закрылся; электроды оставили черные следы ожогов по обе стороны брови.

Доктор Лектер открыл здоровый глаз. Он все еще хранил на щеке ощущение прохлады от прикосновения к мраморному бедру Венеры.

- Мне нравится запах вашего бальзама, прохладный запах лимона, - произнес доктор Лектер. - Спасибо, что пришли, Марго.

- Точно то же самое вы сказали мне, когда старшая сестра привела меня к вам в кабинет, в самый первый день. Когда впервые проводили психиатрическое обследование Мэйсона.

- Я так сказал? - Только что вернувшийся из дворца памяти, где он как раз перечитывал запись первой беседы с Марго, доктор Лектер, разумеется, знал, что так оно и было.

- Да. Я плакала от ужаса, что придется рассказать вам про меня и Мэйсона. От ужаса, что надо будет сесть на стул. Но вы так и не предложили мне сесть - ведь вы знали, что у меня там швы, правда? Мы вышли в сад. Ходили там. Вы помните, что тогда сказали мне?

- Вы не более виноваты в том, что с вами случилось, чем...

- Чем если бы меня укусила за задницу бешеная собака. Вы сделали так, что с вами мне было легко, и тогда, и потом, во время других моих посещений. Какое-то время я была вам очень благодарна за это.

- А что еще я вам говорил?

- Вы говорили, что сами вы - человек гораздо более извращенный, чем мне

предстоит когда-либо стать, - ответила Марго. - Что ничего страшного в этом
нет.
- Если вы попытаетесь, вы сможете вспомнить все, о чем мы с вами
говорили. Помните...
- Пожалуйста, не просите меня сейчас ни о чем, ладно? - Это вырвалось у
нее против воли, она хотела сказать ему об этом совсем иначе.
Доктор Лектер сделал чуть заметное движение, скрипнули веревки.
Поднявшись с кресла, Томмазо подошел проверить его путы.
- Attenzione alla bocca, Signorina. Берегитесь его страшных зубов.
Марго так и не поняла, что имеет в виду Томмазо - страшные зубы в
прямом смысле или - страшные слова.
- Марго, с тех пор, как я лечил вас, прошло много времени, но мне
хотелось бы поговорить с вами об истории вашей болезни, буквально одну
секунду, только наедине. - Он скосил здоровый глаз в сторону Томмазо.
Марго на миг задумалась.
- Томмазо, не оставишь ли нас одних на минутку?
- Не могу, синьорина, уж простите. Но я постою снаружи, за открытой
дверью.
Томмазо взял винтовку и вышел в амбар, откуда - с некоторого расстояния
- следил за доктором, не спуская глаз.
- Я никогда не решился бы поставить вас в неловкое положение своими
просьбами, Марго. Мне просто интересно узнать, почему вы это делаете? Могли
бы вы мне объяснить? Вы что, теперь едите шоколад, как Мэйсон любит
выражаться? А вы ведь так долго ему сопротивлялись! Нам ведь не нужно делать
вид, что вы желаете отомстить мне за его физиономию?
И Марго ему объяснила. Рассказала про Джуди, про то, что они хотят

ребенка. Ей потребовалось на это минуты три, всего-навсего. Поразительно, - удивилась она, - как легко все ее беды укладываются в краткое резюме.

Отдаленный шум, скрежет, приглушенный вопль. Это за амбаром Карло возится с магнитофоном, готовясь вызвать свиней с лесного пастбища записанными на пленку воплями отчаяния, страха и боли тех жертв, что давно уже мертвы или выкуплены у похитителей.

Если доктор Лектер и слышал что-то, вида он не подал.

- Марго, вы полагаете, Мэйсон вот так просто даст вам то, о чем вы просите? Вы умоляете Мэйсона. Что, ваши мольбы сильно помогли вам, когда он все вам там порвал? Ведь это то же самое, что согласиться есть его шоколад, дав ему возможность обращаться с вами, как ему заблагорассудится. Он ведь заставит Джуди есть... его колбасу. А она к этому непривычна.

Марго не ответила, только на скулах у нее заходили желваки.

- А вы знаете, что произойдет, если, вместо того чтобы унижаться перед Мэйсоном, вы стимулируете его простату электрощупом для скота? Вон, видите щуп - там, на верстаке?

Марго поднялась было с кресла.

- Так выслушайте же меня! - прошипел доктор Лектер. - Мэйсон своего обещания не выполнит. Вы знаете, что вам придется с ним покончить. Вы знали это целых двадцать лет. С тех пор как он велел вам впиться зубами в подушку и не орать так.

- Вы что, хотите сказать, что сделаете это вместо меня? Да я вам никогда в жизни не поверю.

- Разумеется, нет. Но вы можете поверить в то, что я никогда не стану

отрицать, что это сделал я. На самом-то деле для вас было бы гораздо полезнее - для полнейшего терапевтического эффекта - убить Мэйсона собственными руками. Вы, наверное, помните, что я рекомендовал вам это, когда вы были еще маленькой девочкой.

"Подождите, пока сможете это сделать так, чтобы не попасться", - сказали вы. Это послужило мне некоторым утешением.

С профессиональной точки зрения - это катарсис, который я вынужден был рекомендовать вам. Теперь вы человек вполне взрослый. А мне - какая мне разница, одним обвинением в убийстве будет больше или меньше? Вы знаете - вам просто необходимо убить его. Когда вы его убьете, блюстители закона проследят, кому отойдут его деньги, и выйдут прямо на вас и новорожденного младенца. Марго, ведь я - единственный подозреваемый, кроме вас. Если я умру раньше Мэйсона, кто станет единственным подозреваемым? Вы сможете убить его, когда сочтете удобным, а я напишу вам письмо о том, каким наслаждением для меня было убить его собственноручно.

- Нет, доктор Лектер. Извините. Слишком поздно. Я заключила с ним договор. - Она взглянула ему прямо в лицо своими ярко-синими глазами - глазами мясника. - Я способна убить его и спокойно спать после этого. Вы знаете - я способна на это.

- Да. Я знаю - вы способны на это. Это мне всегда нравилось в вас. Вы гораздо интереснее... гораздо способнее брата.

Она поднялась с кресла, собираясь уйти.

- Мне очень жаль, доктор Лектер. Хотя мои сожаления мало чего стоят.

Она не успела дойти до двери, когда он спросил:

- Марго, когда у Джуди очередная овуляция?

- Что? Через два дня.

- У вас уже есть все, что нужно? Наполнители, оборудование для быстрого замораживания?

- У меня есть все, чем обладает хорошая клиника искусственного оплодотворения.

- Тогда выполните одну мою просьбу.

- Какую?

- Обругайте меня и вырвите клок волос, откуда-нибудь повыше лба, если вам не трудно. Сдерите немного кожи. Несите все это в ладони, когда пойдете назад, в дом. Подумайте, как вложить это в руку Мэйсона. Когда он уже будет мертв.

Когда вернетесь в дом, попросите Мэйсона выполнить его обещание. Посмотрите, как он прореагирует. Вы меня доставили, ваша часть договора выполнена. Держите мои волосы в руке и попросите у него то, что вам необходимо. Посмотрите, что он ответит. Когда он рассмеется вам в лицо, возвращайтесь сюда. Все, что вам надо будет сделать, это - взять винтовку с транквилизатором и выстрелить в того, кто у вас за спиной. Или ударить его молотом. У него в кармане нож. Просто перережьте веревки на одной руке и дайте нож мне. И уходите. Все остальное я сделаю сам.

- Нет.

- Марго?

Она взялась рукой за притолоку, набираясь сил для отказа.

- Вы все еще в силах раскалывать орехи?

Марго сунула руку в карман, достала два ореха. Мускулы на ее предплечье напряглись. Послышался треск скорлупы - орехи раскололись.

Доктор усмехнулся:

- Прекрасно. Такая сила - и всего-навсего - орехи! Вы сможете предложить Джуди парочку орехов, чтобы отбить вкус мэйсоновой колбасы.

Марго, с решительно сжатыми губами, прошла назад, к доктору. Плюнула ему в лицо и выдернула клок волос у него с макушки. Трудно было понять, что она задумала.

Уходя, она услышала, как доктор Лектер что-то тихонько напевает себе под нос.

Когда Марго шла назад, к освещенному дому, окровавленный кусочек скальпа приклеился к ее ладони, волосы свисали с руки вниз; ей даже не пришлось сжимать пальцы в кулак, чтобы удержать трофей.

Корделл проехал мимо нее на автокаре, нагруженном медицинским оборудованием, - готовить пациента.

ГЛАВА 84

Глядя на север с развязки скоростной автомагистрали, примерно в полумиле от съезда No 30, Старлинг могла разглядеть ярко освещенный домик привратника - дальний аванпост Маскрэт-Фарм. По дороге в Мэриленд Старлинг приняла решение: она явится с черного хода. Если она попытается проехать через главные ворота без должных документов, без ордера на обыск, ее выставят с территории округа под конвоем шерифа или отправят в окружную тюрьму. К тому времени, как ей удастся выйти на свободу, все будет кончено.

Наплевать на все и всяческие разрешения. Она проехала к съезду No 29, оставив Маскрэт-Фарм далеко позади, и вернулась по подсобной дороге.

Щебеночно-асфальтовая подсобная дорога показалась ужасно темной после ярко освещенной автомагистрали. Автомагистраль шла от нее справа, слева - ров и высокий забор из крупноячеистой металлической сетки, отделявший дорогу от густой черноты заповедного леса. На карте Старлинг отыскала противопожарную просеку, пересекающую эту дорогу примерно в миле от съезда и совсем невидимую от главных ворот. Как раз тут она и остановилась по ошибке, когда приезжала в поместье в первый раз. Судя по карте, просека вела прямо к Маскрэт-Фарм. Старлинг проверила расстояние по одометру. "Мустанг" вроде бы рокотал громче обычного, мотор работал на второй, педаль газа она придавила лишь самую малость.

Вот они - в свете фар ее машины - тяжелые ворота из сварных труб, с колючей проволокой поверху. Плакатик с надписью "СЛУЖЕБНЫЙ ВЪЕЗД" теперь исчез. Въезд зарос сорной травой, трава росла перед и под воротами, у переезда через ров и даже на лежащей там водопропускной трубе.

В свете фар Старлинг было видно, что трава примята - явно совсем недавно. В тех местах, где мелкий гравий и песок, смытые дождями, образовали небольшие наплывы, можно было разглядеть следы зимних шин. Тех же, что у фургона, следы которых она видела на выпуклой разделительной стоянки у "Сейфвея"? Нельзя с уверенностью сказать, что следы те же, но очень похожие.

Ворота были заперты на цепь и хромированный висячий замок. Тут и попотеть не придется. Старлинг оглядела дорогу. Никого. Незаконное

вторжение: самую чуточку, но незаконное. Она чувствовала себя преступницей.
Проверила воротные столбы - нет ли сенсорного устройства. Нет. Работая двумя отмычками и держа фонарик в зубах, она и пятнадцати секунд не потратила на то, чтобы отпереть замок. Проехала в ворота и не остановилась, пока не оставила их довольно далеко позади. Затем вернулась пешком - закрыть створки. Накинула снаружи цепь с замком. С небольшого расстояния все выглядело вполне нормально. Свободные концы цепи она оставила внутри, чтобы машина, если понадобится, легким толчком могла распахнуть ворота.

Судя по карте - она измерила расстояние большим пальцем - до зданий фермы надо было ехать лесом еще мили две. Она вела машину по просеке сквозь древесный туннель; иногда сквозь кроны деревьев виднелось ночное небо, иногда нет - ветви плотно смыкались над головой. Она вела машину тихонько, на второй скорости, чуть придавив педаль газа, включив лишь габаритные огни: старалась заставить "мустанг" вести себя как можно тише; сухие сорняки скребли по днищу машины. Когда одометр показал одну и восемь десятых мили, Старлинг остановилась. Выключив мотор, она услышала, как в темноте закаркала ворона. Ворону что-то ужасно разозлило. Господи, пусть это и в самом деле окажется всего лишь ворона!

ГЛАВА 85

Корделл вошел в хранилище быстрым шагом, словно палач, неся под мышками бутыли с раствором для внутривенного вливания; в такт шагам болтались свисавшие с бутылей резиновые шланги.

- Тот самый доктор Ганнибал Лектер! - произнес он. - Я просто мечтал получить вашу посмертную маску для нашего клуба в Балтиморе. У нас с подружкой имеется что-то вроде подвальчика - этакое подземельице, знаете, - травка, опиум, С-М девочки и мальчики...

Он расположил свой багаж на поднаковальне и сунул в огонь кочергу - пусть калится.

- Есть новость плохая, но есть хорошая, - продолжал он наигранно-веселым тоном больничной сестры, с легким швейцарским акцентом. - Мэйсон рассказал вам уже про эксперимент? Эксперимент будет вот какой. Через немного времени я привезу сюда Мэйсона и свинки начнут кушать ваши ноги. Потом вы будете ждать до утра, а завтра Карло с братьями просунут вас сквозь барьер и скормят вас свинкам с другой стороны: начнут с головы, чтобы свинки скушали вам лицо, точно как собачки скушали лицо Мэйсона. А я буду поддерживат в вас жизнь внутривенными и турникетами, пока упражнения не закончатся. На этот раз вам и правда конец, вы понимаете. Это - плохая новость.

Корделл взглянул на телекамеру - убедиться, что она выключена.

- Хорошая новость есть то, что эти упражнения обязательно не будут страшнее, чем визит к зубному врачу. Проверьте вот это, доктор. - Корделл поднес к лицу Лектера шприц с длинной иглой. - Будем говорить как два медика. Я могу зайти сзади и ввести вам кое-что в позвоночник, так что вы совсем ничего не будете чувствовать там, внизу. Вы можете просто закрыть

глаза и пробовать ничего не слышать. Просто почувствуете, как там толкают и тянут. А когда Мэйсон уже получит свои вечерние забавы и отправится назад, в дом, я введу вам такое, что остановит ваше сердце. Хотите посмотреть? - Корделл положил на ладонь ампулу с павулоном и поднес поближе к здоровому глазу доктора Лектера, однако на таком расстоянии, чтобы доктор не мог его укусить.

Отблески пламени освещали сбоку алчное лицо Корделла, в глазах его светилась жгучая радость.

- У вас же куча денег, доктор Лектер. Все говорят. Я знаю, как это делают. Я тоже деньги в разные места кладу. Забирать их, перекладывать, заботиться о них... Я могу по телефону, уверен, вы тоже. - Корделл извлек из кармана сотовый телефон. - Сейчас мы будем звонить вашему банкиру, вы говорите ему ваш код, он подтвердит мне, и я вас сразу обработаю. - Он поднял шприц повыше. - Чик-чик. Говорите со мной.

Доктор Лектер пробормотал что-то, низко опустив голову. "Чемодан"... "Камера хранения"... - было все, что услышал Корделл.

- Давайте, доктор, давайте, а потом просто заснете. Ну же!

- В немеченых сотенных купюрах, - произнес доктор Лектер затухающим голосом.

Корделл придвинулся поближе, и доктор Лектер рванулся, вытянув шею, впился мелкими острыми зубами тому в бровь, и в тот самый момент, когда Корделл дернулся назад, отхватил весьма значительный кусок. Затем выплюнул откушенную бровь в лицо Корделлу, словно виноградную кожуру.

Корделл осушил рану тампоном и заклеил пластырем в форме бабочки. Это

сразу придало ему чудаковатый, комичный вид.

Убирая шприц, он произнес:

- Такое облегчение... и потеряно зря. Ближе к рассвету вы посмотрите на все это по-другому. Понимаете, у меня есть стимуляторы, чтобы направить вас в обратный сторона. И я заставлю вас долго ждать.

Он снял с огня кочергу.

- Я собираюсь теперь подключать вас к капельницам, - сказал он. - Будете сопротивляться, я буду вас прижигать. Вот так. Чувствуете?

Он прижал кочергу к груди доктора Лектера, поджаривая ему сосок сквозь рубашку. На рубашке разросся пламенный круг, который Корделлу пришлось тут же загасить.

Доктор Лектер не издал ни звука.

На пятящемся задом автопогрузчике в хранилище въехал Карло. Вместе с Пьеро они подняли и перетащили валек с доктором Лектером на вильчатый рычаг и вдели в укрепленную на нем скобу, перед кабиной. Томмазо стоял с винтовкой на готове. Теперь доктор сидел на рычаге, с растянутыми на вальке руками; ему растянули и ноги, привязав каждую к одному из зубцов рычажных вил.

Корделл ввел внутривенную иглу в тыльную поверхность кистей доктора Лектера, закрепив иглы двойным пластырем. Ему пришлось встать на тюк сена, чтобы подвесить бутыли с плазмой на автопогрузчик по обе стороны от доктора.

Затем он отошел подальше - полюбоваться своей работой. Как странно видеть доктора растянутым вот так, с иглами в ладонях... будто пародия на что-то, очень смутно забрезжившее в памяти. Корделл наложил турникеты со скользящими

узлами чуть выше колен доктора Лектера, приспособив к ним шнуры так, чтобы их можно было из-за забора затянуть и не дать доктору умереть от потери крови. Сейчас затягивать их было нельзя: Мэйсон придет в ярость, если ноги у Лектера занемеют и утратят чувствительность.

Пора спустить Мэйсона вниз. Внести в фургон. А в фургоне, стоявшем все это время за амбаром, холодно. Да еще эти сарды оставили там свой вонючий ланч. Корделл выругался и выкинул их переносной холодильник из машины прямо на землю. Придется около дома вычистить чертов фургон пылесосом. И как следует проветрить. Проклятые сарды курили в машине, а он ведь им это строго-настрого запретил. Зажигалку в гнездо вставили, а провода от монитора, ловившего сигналы маячка, так и бросили висеть на щитке. Вот кретины.

ГЛАВА 86

Старлинг выключила в салоне свет и, прежде чем открыть дверь, потянула рычажок, отпирающий багажник.

Если доктор Лектер действительно здесь, если ей удастся его заполучить, она, возможно, сумеет надеть на него наручники и сковать ноги, уложить в багажник и отвезти в окружную тюрьму. У нее с собой были четыре пары наручников и моток веревки - она свяжет его по рукам и ногам так, чтобы он и двинуться не мог. И лучше пока не думать о том, какой он сильный.

Гравий аллеи подмерз - она сразу же почувствовала это, стоило ей спустить на дорогу ноги. Старый "мустанг" застонал, расправляя пружины, освобожденные от тяжести ее тела.

- Не можешь не жаловаться, старый ты сукин сын, - чуть слышно прошептала она своему любимцу. И вдруг вспомнила, как разговаривала с Ханной - лошадью, на которой уехала во тьму, с фермы, где забивали ягнят... Дверь машины она лишь слегка прикрыла. Ключи засунула в тугой карман брюк, чтобы не звенели.

Вечер был ясным, луна в первой своей четверти освещала аллею, и Старлинг могла идти без фонарика там, где кроны деревьев не скрывали небо. Она попробовала было идти по краю дороги, но обнаружила, что он неровный и гравий там рассыпается под ногами. Гораздо тише получается, если идти по убитой колее, глядя вперед, и, чуть повернув голову в сторону, боковым зрением определять, как расположена аллея. Старлинг шла, словно утопая в мягкой тьме, - ей слышно было, как хрустит гравий под ногами, но дорогу она не видела.

Особенно трудно пришлось, когда она перестала видеть "мустанг", только ощущала его присутствие где-то у себя за спиной. Ей не хотелось уходить от машины.

Она вдруг почувствовала, что она - женщина, что ей уже тридцать три, что ее служебная карьера рухнула, что ружья у нее нет и что она совершенно одна в темном ночном лесу. Она сейчас видела себя очень четко, видела зарождающиеся морщинки у самых уголков глаз... Ей отчаянно хотелось вернуться к машине. Шаги ее замедлились, ей было слышно, как громко она дышит.

Каркнула ворона, ветер сотряс безлистые ветви над головой Старлинг, и тут раздался вопль, разодравший вечернюю тьму. Вопль такой ужасающий, такой безнадежный, то взлетающий на недосягаемую высоту, то словно падающий в пропасть, и закончившийся мольбой о смерти ... голос был такой сорванный, хриплый - он мог принадлежать кому угодно. "UCCIDIMI!" И снова вопль.

От первого вопля Старлинг застыла на месте, второй заставил ее броситься вперед бегом, пробиваясь сквозь мрак; пистолет ее так и остался в кобуре, незажженный фонарик она держала в одной руке, другую вытянула во тьму перед глазами. Нет, Мэйсон, нет! Ты не посмеешь. Нет! Быстрей, ну же! Быстрей! Она обнаружила, что может держаться утрамбованной части дороги по звуку собственных шагов или ощущая, как на обочинах - то справа, то слева - рассыпается гравий. Аллея свернула и потянулась вдоль забора. Прекрасный забор, из сварных труб, футов шесть высотой.

Послышались рыдания, исполненные страха, мольбы и снова - нарастающий вопль, а где-то впереди, за забором, Старлинг расслышала какое-то движение в кустарнике, затем топот бегущих ног - более легкий, чем перестук лошадиных копыт, да и ритм явно более быстрый. И тут она услышала хрюканье. Не узнать его было невозможно.

Отчаянные крики все ближе, кричит, несомненно, человек, но голос искажен и поверх него - однотонный взвизг; он длился всего секунду, но Старлинг поняла - это либо запись на пленку, либо голос, усиленный

микрофоном. И вот - свет сквозь деревья и силуэт огромного амбара. Старлинг прижалась лбом к холодному металлу забора - посмотреть, что за ним. Темные тени мчались вдоль него, длинные, высокие - человеку до бедра. Напротив, ярдах в сорока - торец амбара с огромными, настежь раскрытыми воротами; торец отгорожен барьером, в барьере - ворота из двух горизонтальных створок, а над ними - вычурное зеркало; оно помещено так, что отражает свет из амбара, ярко высвечивая небольшой клочок земли. На освещенной траве перед амбаром - коренастый человек в шляпе держит микрофонный журавль с магнитолой. Одно ухо он прикрыл рукой, чтобы приглушить исходящие из магнитолы вопли и звуки рыданий.

И вот из кустарника появляются они - дикие свиньи, с ужасающими яростными мордами, словно мчащаяся стая волков, длинноногие, мощногрудые, поросшие грубой серой щетиной.

Карло бросился прочь и захлопнул за собой створки ворот, когда свиньи были от него ярдах в тридцати. Они встали полукругом, в нетерпеливом ожидании, их огромные изогнутые клыки торчали вверх, приподнимая им губы в постоянной ухмылке. Словно форварды в ожидании мяча, они то подавались вперед, то замирали на месте, толкались, ворча и щелкая зубами.

Старлинг в свое время повидала не так уж мало домашних животных, но ничего, подобного этим свиньям, видеть ей не приходилось. Их отличала какая-то дикая красота, изящество, стремительность. Они не спускали глаз с

открытых ворот амбара, толкаясь, то бросаясь вперед, то снова отступая, но морды их были неизменно повернуты к барьеру, перегородившему его открытый торец.

Карло сказал что-то через плечо и исчез в глубине амбара.

Внутри амбара стал виден пятившийся задом фургон. Старлинг сразу же узнала серую машину. Фургон остановился близ барьера, под углом к нему. Из фургона вылез Корделл и отодвинул боковую дверь. Прежде чем он выключил плафон освещения, Старлинг разглядела в салоне Мэйсона, простертого внутри прозрачного панциря респиратора. Он был приподнят на подушках, длинные волосы, заплетенные в косу, свернуты кольцом на груди. Место в первом ряду, у самой арены. Над воротами амбара зажглись прожекторы.

С земли у своих ног Карло поднял что-то, что Старлинг поначалу не разглядела. Похоже было на чьи-то ноги или даже на нижнюю половину тела. Однако, если это так, Карло должен обладать неимоверной силой. Старлинг даже испугалась - не ноги ли это доктора Лектера, но ноги гнулись неправильно, суставы не позволили бы им гнуться таким образом. Это могли бы быть ноги доктора Лектера только в том случае, если бы его колесовали и потом заплели. А вдруг? Эта мысль пришла ей всего на один, но очень тяжкий миг. Карло крикнул что-то в глубину амбара. Старлинг услышала, как зарокотал мотор.

В поле зрения возник автопогрузчик: за рулем - Пьеро; впереди - доктор Лектер, высоко поднятый на вильчатом рычаге, с руками, растянутыми на

вальке; с обеих сторон над руками - бутыли для внутривенного вливания, они болтаются в такт движению машины. Доктор Лектер поднят высоко, так, чтобы он мог видеть голодных прожорливых свиней, мог знать, что его ждет.

Автопогрузчик двигался с торжественной медлительностью, будто на похоронах. Рядом с машиной шагал Карло, по другую сторону - вооруженный Джонни Мольи.

Старлинг на миг всмотрелась в значок Мольи: помощник шерифа, однако значок не такой, как носят здешние копы, - звезда. Седые волосы, белая рубаха - точно как у того, кто вел фургон похитителей.

Из фургона донесся глубокий радиобас Мэйсона. Он напевал марш "Пышная процессия" и посмеивался.

Свиньи, возбужденные шумом, не испугались автопогрузчика, наоборот, казалось, они рады его появлению.

Погрузчик остановился у самого барьера. Мэйсон сказал что-то доктору Лектеру, но Старлинг не расслышала. Доктор Лектер и головой не повел, не подал ни малейшего знака, что слышал сказанное. Он был поднят высоко, даже выше, чем сидящий у руля Пьеро. Кажется, он посмотрел в ее сторону? Она так и не узнала этого, потому что быстро двинулась вдоль линии забора, потом вдоль стены амбара и отыскала двустворчатые ворота, через которые в амбар въехал задом автопогрузчик.

Карло закинул набитые едой брюки в свиной загон. Кабаны - все, как один, - бросились вперед, у каждой штанины места хватало только двоим, они оттирали друг друга плечами. Рвали, огрызались, растаскивали и раздирали

добычу на части, куски битых кур разлетались из штанин, свиньи мотали головами из стороны в сторону, болтались куриные кишки. Целое море сталкивающихся друг с другом щетинистых спин.

Карло предложил им лишь самую легкую закуску - для возбуждения аппетита: трех кур и немного салата. Через несколько секунд от брюк остались лохмотья, и свиньи снова обратили алчные взгляды на барьер.

Пьеро опустил рычаг низко, почти до земли. Верхняя створка ворот на время удержит свиней на некотором расстоянии от жизненно важных органов доктора Лектера. Карло снял с ног доктора башмаки и носки.

- А этот поросенок всю дорогу домой визжал "И-ИИ-ИИИ!" - процитировал из фургона Мэйсон.

Старлинг приближалась к ним сзади. Все они смотрели в другую сторону - на свиней. Она прошла мимо двери в хранилище в центральную часть амбара.

- Так. Не дайте ему истечь кровью, - сказал из фургона Корделл. - Будьте наготове, я скажу вам, когда затянуть турникеты. - Он протирал линзу Мэйсона мягкой фланелью.

- Хотите что-нибудь сказать, доктор Лектер? - раздался радиобас Мэйсона.

Пистолет сорок пятого калибра грохнул особенно громко в закрытом пространстве амбара. За выстрелом - голос Старлинг:

- Руки вверх! Стоять! Выключить мотор!

Пьеро вроде бы не понял.

- Fermate il motore, - пришел на помощь доктор Лектер.

Теперь слышалось только нетерпеливое повизгивание свиней.

Старлинг видела только один пистолет - на бедре у седоволосого человека с полицейским значком на груди. Кобура открывается легко - одним щелчком

большого пальца. Надо уложить всех на землю.

Корделл скользнул за руль, фургон двинулся прочь. Мэйсон орал на Корделла во все горло. Старлинг бросилась вслед, краем глаза заметила, что седой, крикнув "Полиция!", выхватил пистолет - убить ее, резко повернулась и выстрелила в него дважды, прямо в грудь.

Его триста пятьдесят седьмой выплюнул два фута огня прямо в землю у его ног, а сам он, отступив полшага назад, упал на колени, глядя вниз, себе на грудь, где тюльпаном расцвел полицейский значок, пробитый мощной пулей сорок пятого колибра, ушедшей затем чуть вбок - сквозь сердце.

Мольи упал на спину и затих.

Томмазо в хранилище услышал выстрелы. Схватив пневматическую винтовку, он взобрался на чердачный настил, упал на колени и по рассыпанному на настиле сену прополз к тому краю, что выходил в амбар.

- Кто следующий? - спросила Старлинг, не узнавая собственного голоса. Надо действовать быстро, пока смерть Мольи еще удерживает их. - Все на землю! Ты - головой к стене. Ты - головой в другую сторону. В другую!

- Girati dal altra parte, - перевел доктор Лектер с автопогрузчика.

Карло взглянул на Старлинг, понял - убьет, и лежал неподвижно.

Она быстро, одной рукой, надела на них наручники, сковав ногу Карло с рукой Пьеро, а ногу Пьеро - с рукой Карло, держа пистолет с взведенным курком у каждого над ухом.

Вытащив из-за голенища нож, Старлинг обогнула погрузчик и подошла к доктору Лектеру.

- Добрый вечер, Клэрис, - произнес он, когда смог ее увидеть.

- Вы сможете идти? Ноги действуют?

- Да.

- Видеть нормально можете?

- Да.

- Я сейчас обрежу веревки, освобожу вас. Но, при всем уважении к вам, доктор, если вы подкинете мне подлянку, я застрелю вас на месте. Это вы понимаете?

- Безусловно.

- Ведите себя правильно - это сохранит вам жизнь.

- Слышу голос протестантки.

Все это время она не переставала работать ножом. Нож был острый. Старлинг обнаружила, что гладкую новую веревку быстрее режет зазубренное лезвие.

Свободна правая рука.

- Я сделаю все остальное сам, если вы дадите мне нож.

Старлинг заколебалась - всего на миг. Отступила назад на длину его руки и передала ему короткий кинжал.

- Моя машина - ярдах в двухстах отсюда, на противопожарной просеке.

Ей приходилось следить и за ним, и за двумя парнями, лежавшими на земле.

Доктор Лектер высвободил одну ногу.Теперь он работал над другой: нужно было перерезать каждое веревочное кольцо поочередно. Он не мог ничего видеть позади себя, там, где лицами вниз лежали Карло и Пьеро.

- Когда освободитесь, не пытайтесь бежать. До дверей не успеете добраться. Я дам вам две пары наручников, - сказала Старлинг. - На земле, за вами - двое в наручниках. Заставьте их отползти к погрузчику, потом прикуете обоих к нему, чтобы не дать им добраться до телефона. Потом наденете наручники на себя.

- Двое? - спросил он. - Осторожно. Их должно быть трое.

Как раз когда он это произносил, из ружья Томмазо вылетел заряд со снотворным, сверкнув серебром в свете прожекторов, и задрожал между лопатками Старлинг. Она резко повернулась, сразу же ощутив головокружение, помутившимся зрением пытаясь отыскать цель, разглядела ствол на краю чердачного настила, и стреляла, стреляла, стреляла... Томмазо откатился назад от края, летевшая от настила щепа впивалась ему в кожу, голубой пороховой дым поднимался к потолку в свете прожекторов. Старлинг выстрелила еще раз, совсем теряя зрение, и потянулась за новой обоймой, хотя колени ее уже подгибались.

Казалось, шум еще больше возбудил свиней; видя людей в зовущих позах на земле, они хрюкали и повизгивали, давя на барьер.

Старлинг упала ничком, пустой пистолет с открытым затвором отлетел в сторону. Карло и Пьеро подняли головы - посмотреть и попытались ползти, неловко, вместе, помогая и мешая друг другу. Они ползли, словно летучая мышь, к трупу Мольи - за его пистолетом и ключами от наручников. Новый звук с чердачного настила - Томмазо заряжает пневматическую винтовку - у него остался еще один заряд с транквилизатором. Теперь он поднялся на ноги и подошел к краю настила, глядя поверх ружейного ствола, пытаясь разглядеть доктора Лектера с той стороны погрузчика.

Вот он - Томмазо - шагает по краю настила. Никуда от него не спрячешься.

Доктор Лектер поднял Старлинг на руки и быстро, спиной вперед, двинулся

к барьеру, к самым воротам, стараясь держаться так, чтобы автопогрузчик отгораживал его от Томмазо. Томмазо продвигается медленно, осторожно ставит ноги - край настила коварен. Вот он выстрелил, и пуля-шприц, нацеленная в грудь доктора, ударилась о голенную кость Старлинг. Доктор Лектер отодвинул засовы на воротах в барьере.

Пьеро, обезумев от страха, схватил цепь с ключами с пояса Мольи, Карло торопливо подполз поближе к его пистолету, и тут появились свиньи - они спешили к обеду, к еде, пытавшейся подняться на ноги. Карло удалось выстрелить - упала одна свинья, другие же, топча упавшую, бросились к Карло и Пьеро, к трупу Мольи. Были и такие, что промчались через амбар и скрылись в ночи.

Доктор Лектер, со Старлинг на руках, стоял как раз за воротами, когда свиньи бросились к амбару.

С чердачного настила Томмазо видел внизу, среди беснующихся свиней, лицо брата. Миг - и на месте лица осталось лишь кровавое месиво. Винтовка выпала из рук Томмазо в рассыпанное сено. Доктор Лектер с Клэрис на руках, держась прямо, словно танцовщик, вышел из-за ворот и босиком прошел через амбар, посреди хищных свиных морд. Он шел среди колышущихся, словно морские волны, щетинистых спин, сквозь кровавые брызги, летящие со всех сторон. Две огромных свиньи - одна из них супоросая - расставив ноги, угрожающе наклонили головы в его сторону, готовясь к нападению. Он повернулся к ним

лицом: не учуяв запаха страха, они отвернулись и потрусили назад, к легкой добыче, валявшейся на гладком земляном полу амбара.

Доктор Лектер видел, что из дома никто на помощь похитителям не спешит. Выйдя на просеку, он остановился под деревьями, чтобы выдернуть пули-шприцы из тела Старлинг и высосать из ранок кровь. Игла, попавшая в голень, согнулась о кость.

Свиньи ломились сквозь густой кустарник.

Доктор Лектер снял с Клэрис сапожки и натянул на собственные босые ноги. Сапожки были маловаты, немного жали. Второй ее пистолет он оставил, как был, у нее на голени, так, чтобы, неся Старлинг на руках, он сам легко мог до него дотянуться.

Десять минут спустя охранник у главных ворот поднял от газеты голову, услышав в отдалении мощный рев мотора, будто где-то близко шел на бреющем полете старый истребитель - с поршневым двигателем. Это пятилитровый "мустанг" рванул через верхнюю эстакаду на автомагистраль между штатами; его двигатель давал 5800 оборотов в минуту.

ГЛАВА 87

Мэйсон плакал и кричал, чтобы его отвезли назад, в его комнату, так кричал, как давным-давно, в летнем лагере, если кто-то из девчонок или мальчишек помладше, сопротивляясь, успевал нанести ему несколько ударов, прежде чем ему удавалось налечь и смять противника всем своим весом.

Марго и Корделл отвезли Мэйсона в его крыло дома, а затем подняли в лифте наверх и уложили в любимую и такую надежную кровать, подсоединив к

постоянным источникам энергии.

Мэйсон был зол, как никогда, Марго редко приходилось видеть его в таком состоянии, сосуды под кожей на лишенных плоти лицевых костях надулись и пульсировали.

- Пожалуй, стоит ввести ему что-нибудь, - сказал Корделл, когда они вышли в игровую комнату.

- Пока не надо. Ему еще нужно некоторое время подумать. Дайте-ка мне ключи от вашей "хонды".

- Зачем?

- Надо же съездить туда, проверить - может, кто в живых остался. Хотите поехать сами?

- Нет, но...

- Я смогу въехать на вашей машине в хранилище, фургон не пройдет в двери, так что давайте ваши гребаные ключи.

Так. Вниз по лестнице, быстро на въездную аллею. Томмазо бежит навстречу из леса, через поляну, бежит рысцой, оглядывается в страхе...
Думай, Марго! Она глянула на часики: восемь двадцать. В полночь явится сменщик Корделла. Еще останется время, чтобы вызвать вертолет с командой из Вашингтона, убрать все и вычистить. Она направила машину прямо по траве навстречу Томмазо.

- Я пробуй догонять их, свини меня сшиб. Он, - Томмазо изобразил, как доктор Лектер нес на руках Старлинг, - женщину. Они уехал громкий машина.
Она получил due, - он поднял вверх два пальца, - frecette. - Он указал себе на спину и на ногу. - Frecette. Dardi. Втыкнулся. Бам! Due frecette. - Томмазо изобразил, как стреляют из ружья.

- Два заряда, - сказала Марго.

- Заряда. Может, очен много narcotico. Может, она умер.
- Давай, садись, - сказала Марго. - Надо посмотреть.

Марго проехала в боковые двустворчатые ворота, те самые, через которые Старлинг проникла в амбар. Повизгиванья, хрюканье, толчея щетинистых спин. Марго двинулась вперед, отчаянно сигналя, и отогнала свиней на достаточное расстояние, чтобы увидеть останки троих людей. Ни одного из них узнать теперь было совершенно невозможно.

На машине Марго и Томмазо въехали в хранилище и закрыли за собой двери.

Марго подумала - Томмазо единственный, не считая Корделла, кто видел ее сегодня в амбаре.

Возможно, та же самая мысль пришла в голову и Томмазо. Он остановился на безопасном от нее расстоянии и не спускал с ее лица взгляда умных темных глаз. На щеках его блестели слезы.

Думай, Марго! Тебе вовсе не надо, чтобы эти сарды тут вони напустили. Они там, у себя, прекрасно знают, что именно ты распоряжаешься деньгами. Продадут ни за грош в первый же удобный момент.

Томмазо внимательно следил за рукой Марго, когда она сунула ее в карман.

Сотовый телефон. Она набрала код Сардинии, домашний номер банкира из банка "Штейбен". В два тридцать ночи. Коротко поговорив с банкиром, передала трубку Томмазо. Тот кивнул, ответил в трубку, снова кивнул и вернул ей телефон. Теперь деньги принадлежали Томмазо. Он взобрался на чердачный настил, забрал свой рюкзак, прихватив пальто и шляпу доктора Лектера. Пока

он собирал свои вещи, Марго взяла с верстака электрощуп для скота,
проверила, есть ли ток, и засунула к себе в рукав. Небольшой кузнечный молот
она тоже взяла с собой.

ГЛАВА 88

Томмазо на "хонде" Корделла подвез Марго к дому. Он оставит машину на
долгосрочной стоянке у международного аэропорта Далласа. Марго обещала ему
похоронить то, что осталось от Пьеро и Карло, как можно пристойнее.

Он считал необходимым сказать ей еще кое-что, и он взял себя в руки и
собрал воедино все английские слова, которые знал:

- Синьорина, свини, они помогать дотторе. Они отступать, делать большой
круг от дотторе. Они убивать мой брат, убивать Карло, но отступать от доктор
Лектер. Я думай, они уважать дотторе. - Томмазо перекрестился. - Не надо,
чтобы вы ловить доктор Лектер. Никогда.

И всю свою долгую жизнь на Сардинии Томмазо рассказывал эту историю
именно так. К тому времени, когда ему исполнилось шестьдесят, он уже
утверждал, что доктора Лектера с женщиной на руках свиньи вынесли из амбара
на своих спинах.

Когда "хонда" исчезла под деревьями просеки, Марго еще несколько минут
постояла у дома, глядя на освещенные окна мэйсоновой комнаты. Ей было видно,
как перемещается по стенам тень Корделла, который суетился вокруг Мэйсона,
водружая на место мониторы, регистрировавшие дыхание и пульс ее брата. Она
сунула молоток за пояс сзади, так что ручка спряталась в брюках, а боек
оказался прикрыт полой куртки. Когда Марго выходила из лифта, Корделл шел ей

навстречу из комнаты Мэйсона с подушками в руках.
- Корделл, приготовьте Мэйсону мартини.
- Не знаю, надо ли...
- Я знаю. Приготовьте ему мартини.
Корделл положил подушки на козетку и опустился на колени перед холодильником бара.
- А сока тут нет? - спросила Марго, подойдя к Корделлу сзади.
Взмахнув молотком, она с силой опустила его на затылок Корделла и услышала треск. Корделл ударился головой о холодильник, его отбросило назад, и он упал на спину, с поднятыми коленями, уставившись открытыми глазами в потолок; один зрачок у него расширился, другой - нет. Марго повернула его голову боком, плотнее прижав к полу, и снова ударила молотком, пробив висок. Из ушей Корделла хлынула темная густая кровь.
Марго совершенно ничего не чувствовала.
Мэйсон услышал, как открывается дверь его комнаты, и обратил в ту сторону усиленный линзой взгляд единственного глаза. Он немного поспал, свет в комнате был приглушен. Угорь тоже спал у себя в гроте.
Крупная фигура Марго вырисовывалась в дверном проеме. Войдя, она плотно закрыла за собой дверь.
- Привет, Мэйсон.
- Что там, внизу, произошло? На кой хрен ты торчала там так долго?
- "Там, внизу" они все подохли, Мэйсон. - Марго подошла к кровати и, выдернув из розетки телефонный провод, бросила его на пол. - Пьеро, и Карло, и Джонни Мольи - все подохли. Доктор Лектер сбежал и унес с собой эту свою Старлинг.
Мэйсон выругался, между зубами у него выступила пена.
- Я отослала Томмазо домой, отдав ему деньги.

- Ты ... ЧТО??? Ах ты сука! Дура гребаная! Теперь слушай меня! Мы все тут вычистим и начнем все сначала. У нас целая суббота и воскресенье впереди! Нечего беспокоиться, что эта Старлинг все видела. Если Лектер ее забрал, ей конец, она уже все равно что труп.

Марго пожала плечами:

- Ну, меня-то она вообще не видела.

- Давай берись за трубку, звони в Вашингтон. Пусть эти четверо подонков летят сюда. Пошли вертолет. Покажи им где раки зимуют. Покажи им... Корделл! Давай ко мне! - Мэйсон подул в многоствольный, словно флейта Пана, свисток.

Марго оттолкнула свисток в сторону и наклонилась над братом, чтобы видеть его лицо.

- Корделл не придет, Мэйсон. Корделл умер.

- Что?!

- Я убила его. Там, в игровой комнате. А сейчас, Мэйсон, ты дашь мне то, что мне причитается. Что задолжал. - Она подняла вверх боковые поручни кровати и, сняв с его груди кольцо заплетенных в длинную толстую косу волос, сорвала одеяло. Его иссохшие ноги были не толще скатанного колбасками теста для печенья. Рука Мэйсона - единственный член его тела, еще способный двигаться, затрепетала у телефонной трубки. Респиратор вздымался и опадал в обычном ритме.

Из кармана брюк Марго извлекла неспермоцидный презерватив и подняла повыше, чтобы брат смог его увидеть. Из рукава вытащила электрощуп.

- Помнишь, Мэйсон, как ты когда-то плевал себе на член, чтобы он был

более скользким? Как думаешь, сможешь сейчас набрать немножко слюны? Нет?
Тогда, может, я смогу.

Мэйсон вопил, когда позволяло дыхание: вопли его напоминали скорее ослиные, чем человеческие крики, но буквально через полминуты процедура завершилась - и к тому же вполне успешно.

- Теперь ты труп, Марго.

У него получилось "Нарго".

- О Мэйсон, все мы тут трупы. Разве ты этого не знал? Но эти вот - живые, - сказала она, устраивая теплый резервуар у себя под блузкой. - Они крутятся, и вертятся, и пробираются, куда надо. Я покажу тебе, как они это делают. На наглядном примере.

Марго взяла лежавшие рядом с аквариумом колючие перчатки, какими берут крупную рыбу.

- Я мог бы усыновить Джуди, - сказал Мэйсон. - Она стала бы моей наследницей. И мы могли бы оформить договор о передаче имущества...

- Мы, конечно, могли бы, - сказала Марго, доставая карпа из бачка для живого корма. Она принесла стул из "гостиной" и, встав на него, сняла крышку с огромного аквариума. - Но не станем.

Она склонилась над аквариумом, опустив руки глубоко в воду. Держа карпа за хвост, поднесла рыбину поближе ко входу в грот и, когда угорь выполз оттуда, схватила его сзади пониже головы мощной рукой и вытащила из воды, высоко подняв над собой. Здоровенный угорь бился в ее руке, он был огромен - длиной с Марго, и очень толст, его празднично окрашенная шкура сверкала. Ей пришлось держать его обеими руками и, когда он извивался, она могла лишь с

трудом удерживать его колючими перчатками - их колючки впивались в его тело.

Осторожно спустившись со стула, она вернулась к Мэйсону с извивающимся угрем в руках; голова угря формой напоминала мощные кусачки, зубы, загнутые назад, страшные зубы, из которых никогда не могла вырваться ни одна рыба, щелкали, словно телеграфный ключ. Марго швырнула извивающегося угря Мэйсону на грудь, прямо на респиратор и, придерживая угря одной рукой, обмотала его мэйсоновой косой - раз, и еще раз, и еще...

- Крутись, вертись, Мэйсон! - сказала она.

Держа угря пониже головы одной рукой, другой она раскрыла Мэйсону рот, всем своим весом надавив ему на подбородок, он напрягся изо всех сил, что у него еще оставались, но рот его, с каким-то странным скрипом, с хрустом, широко раскрылся.

- Зря ты не ел шоколада, - сказала Марго, и сунула угря раскрытой пастью прямо в рот Мэйсону; угорь впился острыми, как бритва, зубами ему в язык, схватив его, точно рыбу, и не отпускал, не отпускал ни на мгновение, а его змеиное тело билось и извивалось, опутанное мэйсоновой косой. Из носового отверстия Мэйсона хлынула кровь. Он захлебывался, он тонул...

Марго так и оставила их вместе - Мэйсона и угря. Карп, в полном одиночестве, описывал в аквариуме круги. Усевшись за рабочий стол Корделла, Марго вглядывалась в экраны мониторов до тех пор, пока бегущие на них линии не выпрямились окончательно.

Угорь все еще извивался, когда она вернулась в комнату Мэйсона.

Респиратор вздымался и опадал, раздувая плавательный пузырь угря, одновременно выкачивая кровавую пену из легких Мэйсона. Марго прополоскала электрощуп в аквариуме и спрятала в карман.

Из небольшого пакетика, лежавшего в другом кармане, она извлекла содранный с головы доктора Лектера кусок кожи с прядью его волос. Сцарапала кровь с кожи ногтями Мэйсона - это было нелегко, мешали непрекращающиеся конвульсии угря - и продернула волосы между пальцами брата. Напоследок она нацепила один волосок на колючую перчатку.

Марго шла из комнаты мимо мертвого Корделла, даже не глянув в его сторону. Шла домой, к Джуди, неся ей свой теплый трофей, упрятанный туда, где он мог оставаться теплым.

Часть VI
ДЛИННАЯ ЛОЖКА

Кто норовит трапезовать с Сатаной,
Пусть длинную ложку прихватит с собой.
Джеффри Чосер.
Кентерберийские рассказы
(Рассказ купца)

ГЛАВА 89

Клэрис Старлинг в бессознательном состоянии лежит на огромной кровати под льняной простыней и стеганым одеялом. Руки ее, прикрытые рукавами шелковой пижамы, лежат поверх одеяла, они привязаны шелковыми шарфами, чтобы пальцы не доставали до лица и чтобы из тыльной стороны ладони не выскочила игла от баллона с раствором для внутривенного вливания.

В комнате только три световых пятна - низко стоящая лампа с абажуром и красные точки в центре зрачков доктора Лектера, который наблюдает за Клэрис.

Он сидит в кресле, пальцы сплетены под подбородком. Через некоторое время он поднимается с кресла и измеряет ей кровяное давление. Потом с помощью маленького фонарика исследует ее зрачки. Сует руку под одеяло, ощупывает ногу Клэрис, достает ее ступню из-под простыни и, внимательно следя за выражением ее лица, щекочет ей ступню ключом. С минуту он стоит, очевидно, погруженный в размышления, нежно держа ее ногу, будто в ладони у него какой-нибудь маленький зверек.

В фирме, производящей шприцы с транквилизатором для духового ружья, используемые ветеринарами, он сумел выяснить, какой именно там был транквилизатор. Поскольку второй выстрел таким шприцем попал Старлинг в кость, доктор склонен полагать, что она не получила полных двух доз. Но все равно он с огромной осторожностью вводит ей противоядие и стимулирующие средства.

В промежутках между процедурами и уходом за Старлинг он сидит в кресле и занимается вычислениями в огромном блокноте из грубой оберточной бумаги, какой обычно пользуются мясники. Страницы испещрены символами, относящимися и к астрофизике, и к физике элементарных частиц. Многократно повторяются также символы, относящиеся к теории последовательностей. Те немногие математики, которые в состоянии понять все это, могли бы сказать, что его

вычисления начинаются просто блестяще, но потом теряют всякий блеск, буквально задавленные тем, что доктор Лектер постоянно стремится выдать желаемое за действительное: он хочет повернуть время вспять, чтобы увеличение энтропии более не определяло направление движения времени. Он желает, чтобы путь ему указывала все более возрастающая упорядоченность. Он желает, чтобы молочные зубы Мики вернулись обратно из выгребной ямы. За его лихорадочными вычислениями явно просматривается отчаянное желание освободить для Мики место в этом мире, может быть, место, которое сейчас занимает Клэрис Старлинг.

ГЛАВА 90

Утро. Золотистые лучи солнца освещают игровую комнату в поместье Маскрэт-Фарм. Огромные чучела животных с их пуговичными глазами пялятся на тело Корделла, уже накрытое простыней.

Хотя сейчас середина зимы, откуда-то взявшаяся навозная муха обнаружила-таки мертвое тело и теперь ползает по закрывающей его простыне в том месте, где ткань пропиталась кровью.

Если бы Марго Верже только могла себе представить, какое чудовищное напряжение придется испытать руководству отдела по расследованию убийств, и без того задерганному средствами массовой информации, она никогда не стала бы засовывать угря в глотку своему брату.

То, что она решила даже и не пытаться навести порядок в бедламе, устроенном в поместье, и предпочла просто смыться и отсидеться, пока не

уляжется буря, оказалось самым мудрым. Никто из оставшихся в живых не видел ее, когда погиб Мэйсон и остальные.

Она же заявила, что ее разбудил первый отчаянный звонок медбрата, явившегося на смену в полночь, когда она спала в домике, в котором жила вместе с Джуди. Она прибыла на место трагедии вскоре после приезда первых полицейских из управления шерифа.

Ведущий дело следователь из управления шерифа, детектив Кларенс Фрэнкс, оказался молодым человеком со слишком близко посаженными глазами, но не таким уж тупым, как надеялась Марго.

- Да сюда ж никто и подняться-то не может, лифт ведь надо ключом открывать, правда? - спросил он у Марго. Они сидели вдвоем на тесном диванчике.

- Думаю, так оно и есть, если только они проникли сюда этим путем.

- ОНИ, мисс Верже? Вы считаете, что их было много?

- Не имею понятия, мистер Фрэнкс.

Она уже видела тело брата с намертво вцепившейся в него муреной, прикрытое простыней. Кто-то отключил респиратор. Криминалисты брали образцы воды из аквариума и соскобы крови с пола. Ей также было видно, что рука Мэйсона по-прежнему сжимает кусочек скальпа доктора Лектера. Полиция его еще не заметила. Детективы смотрели на Марго, как смотрели бы мистер Твидлдэм и мистер Твидлди.

Детектив Фрэнкс что-то писал у себя в блокноте.

- Никто не знает, кто все эти бедняги? - спросила Марго. - У них остались родственники?

- Мы работаем над этим, - ответил Фрэнкс. - Здесь стреляли из трех стволов, которые можно отследить.

В действительности же в управлении шерифа не имели ни малейшего понятия, сколько человек погибло в амбаре, поскольку свиньи укрылись в густых зарослях и уволокли с собой все изуродованные останки - на потом.

- В ходе данного расследования нам, возможно, придется просить вас и вашу давнюю компаньонку пройти обследование на полиграфе. Это детектор лжи. Вы согласны на это, мисс Верже?

- Мистер Фрэнкс, я сделаю все, чтобы помочь вам поймать этих людей. Отвечая конкретно на ваш вопрос, скажу, что вы можете обращаться ко мне и Джуди в любое время, когда мы вам понадобимся. Следует ли мне предупредить нашего семейного адвоката?

- Если вам нечего скрывать, в этом нет нужды, мисс Верже.

- Скрывать?! - Марго сумела даже выдавить слезу.

- Не надо, прошу вас, мисс Верже, у меня просто работа такая! - Фрэнкс хотел было положить руку на ее мощное плечо, но вовремя одумался.

ГЛАВА 91

Старлинг очнулась в полумраке, ощущая какой-то свежий аромат и отчего-то - подсознательно - зная, что находится недалеко от моря. Она чуть пошевелилась. Все тело ужасно болело, и она снова потеряла сознание. Когда она очнулась в следующий раз, то услышала чей-то тихий голос, предлагавший ей теплое питье. Она отпила из чашки - вкус напитка напоминал тот чай из трав, что присылала Арделии Мэпп ее бабушка.

Еще один день, еще один вечер, запах свежих цветов в доме и один раз еле ощутимый укол иглы шприца. Остатки пережитого страха и боли подобно

отдаленному артиллерий-скому салюту громыхали где-то на горизонте, но не близко, ни разу рядом. Она словно очутилась в тихом саду в самом центре урагана.

- Вы просыпаетесь, вы совершенно спокойны. Вы просыпаетесь в очень приятной обстановке, - говорил ей между тем тихий голос. До нее донеслись чуть слышные звуки камерной музыки.

Она ощущала, что все ее тело очень чистое, кожа пахнет мятой - как будто натерта каким-то бальзамом, который дает ощущение тепла и полного покоя.

Она широко раскрыла глааза.

На некотором расстоянии от нее стоял доктор Лектер, очень неподвижный, такой же, как стоял тогда в камере, когда она увидела его в первый раз. Мы теперь уже привыкли видеть его без пут и оков. Нас это уже больше не шокирует - видеть его на открытом пространстве и рядом с другим смертным.

- Добрый вечер, Клэрис.

- Добрый вечер, доктор Лектер, - ответила она, пользуясь теми же словами, но толком не зная, который теперь час.

- Если вы чувствуете какое-нибудь неудобство, не обращайте внимания - это всего лишь ушибы и царапины, вы их получили, когда упали. Скоро все будет в порядке. Хотя мне бы хотелось сейчас кое-что проверить - не могли бы вы повернуться сюда? - Он приблизился к ней с небольшим фонарем в руке. Пахло от него, как от свежевыглаженной скатерти.

Она заставила себя держать глаза открытыми, пока он изучал ее зрачки; потом он отступил назад.

- Благодарю вас. Здесь имеется весьма комфортабельная ванная комната, вон там. Не хотите попробовать встать? Тапочки стоят возле постели. Боюсь, мне пришлось позаимствовать ваши сапожки.

Она чувствовала себя так, словно и проснулась, и еще не проснулась. Ванная и в самом деле оказалась весьма комфортабельной - здесь было все, что только можно себе представить. В последующие дни она уже подолгу наслаждалась, лежа в горячей воде, но так ни разу и не посмотрела на свое отражение в зеркале - ее это совершенно не волновало, настолько она теперь была далека от прежней Старлинг.

ГЛАВА 92

Целые дни проходили в беседах; иной раз она слушала себя и поражалась: кто это говорит, кто это так хорошо осведомлен о ее самых потаенных думах? И так день за днем - глубокий сон, бульон, омлеты.

А потом однажды доктор Лектер предложил:

- Клэрис, вам, наверное, уже надоели все эти ночные рубашки и пижамы. В шкафу висит кое-какая одежда, она может вам понравиться - естественно, если вы захотите ее носить. - И затем продолжил тем же тоном: - Я положил все ваши вещи, сумочку, пистолет и бумажник в верхний ящик комода, если они вам нужны.

- Благодарю вас, доктор Лектер.

В шкафу оказался довольно широкий выбор одежды - платья, брючные костюмы, длинное сверкающее вечернее платье с расшитым верхом. Нашлись там и кашемировые брюки и пуловеры, которые более всего ей понравились. Она выбрала кашемир темно-песочного цвета и мокасины.

В верхнем ящике комода лежал ее ремень с кобурой "яки", пустой - "кольт" 45 калибра потерялся, но другой, укороченный автоматический "Сафари-Армз", тоже 45 калибра, в кобуре для ношения на голени лежал рядом с сумочкой. Магазин был полон толстеньких патронов, в стволе пусто, как она привыкла носить. И ее засапожный кинжал тоже был там, в ножнах. Ключи от машины лежали в сумочке.

Старлинг чувствовала себя как бы несколько не в себе. Когда она вспоминала последние события, это было так, словно все это она видела со стороны, словно сама за собой наблюдала с некоторого расстояния.

Она очень обрадовалась, увидев в гараже свою машину, когда доктор Лектер привел ее туда. Посмотрела на дворники и решила, что их пора заменить.

- Клэрис, как вы полагаете, каким образом люди Мэйсона умудрились выследить нас в магазине?

Она подняла глаза на потолок гаража и с минуту раздумывала.

Ей понадобилось менее двух минут, чтобы обнаружить провод антенны, тянущийся наискосок от заднего сиденья к полочке под панелью приборов, и, следуя за проводом, она быстро нашла спрятанный радиомаяк.

Она отключила его и отнесла в дом, держа за провод, как будто тащила за хвост дохлую крысу.

- Отличная штука, - сказала она. - Очень современная. И установлена вполне профессионально. Уверена, что на нем остались отпечатки пальцев мистера Крендлера. У вас найдется пластиковый пакет?

- Этот маяк можно засечь с самолета?

- Я его уже выключила. Его не будут искать с помощью самолета, если
Крендлер не сознается, что его использовал. Вы же понимаете, он никогда в
этом не сознается. А вот Мэйсон может послать вертолет.

- Мэйсон мертв.

- Та-а-ак. Тогда, может быть, вы мне немного поиграете?

ГЛАВА 93

Первые дни после кровавой резни в Маскрэт-Фарм Пол Крендлер то почти
падал от изнеможения, то метался, борясь с поднимающейся волной страха. Он
устроил так, чтобы к нему напрямую поступали все доклады из отделения ФБР по
штату Мэриленд.

Он вполне обоснованно считал себя в полной безопасности, если кому-то
вздумается обревизовать все конторские книги Мэйсона - все денежные переводы
от Мэйсона на его собственный номерной счет неизбежно упрутся в тупик на
Каймановых Островах. Но Мэйсон умер, и все гигантские планы Крендлера
остались в подвешенном состоянии - теперь у него не было финансового
покровителя. Марго Верже знала, что он получал деньги от Мэйсона, знала она
также, что он нарушил секретность, разгласив содержание закрытого файла ФБР
на доктора Лектера. Лучше бы этой Марго держать язык за зубами.

Монитор, принимавший сигналы радиомаяка, установленного на машине
Старлинг, тоже его беспокоил. Он забрал его из технического отдела в
Квонтико, не расписавшись за получение, но его фамилия была записана в числе
тех, кто посещал в тот день технический отдел.

Доктор Демлинг и этот здоровенный медбрат, Барни, видели его в

Маскрэт-Фарм, но он присутствовал там по вполне законному поводу - обсуждал с Мэйсоном Верже, как лучше поймать доктора Лектера.

Значительное облегчение для всех наступило на четвертый день после резни, когда Марго Верже представила следователям из управления шерифа только что сделанную запись на ее автоответчике.

Полицейские словно завороженные стояли в ее спальне, глядя на постель, которую она делила с Джуди, и слушая голос опять сбежавшего от них преступника. Доктор Лектер с большим злорадством описывал смерть Мэйсона, убеждая Марго, что ее брат умирал очень долго и ему было очень больно. Она рыдала, прикрывая лицо ладонью, а Джуди ее утешала. В конце концов Фрэнкс вывел ее из комнаты, заметив:

- Не надо вам все это еще раз слушать.

С подачи Крендлера пленку автоответчика доставили в Вашингтон, и анализ голоса показал, что звонивший был действительно доктор Лектер.

Но самое большое облегчение Крендлер испытал тогда, когда вечером четвертого дня у него зазвонил телефон.

Звонил не кто иной, как член Палаты представителей от штата Иллинойс Партон Велмор.

Прежде Крендлер всего несколько раз говорил с конгресс-меном, но хорошо знал его голос по телевизионным выступлениям. Даже просто сам факт, что тот звонит Крендлеру, вселял уверенность в будущем: Велмор являлся членом Юридического комитета Палаты представителей и был известен как трус и засранец - он бы тут же убрался подальше от Крендлера, если бы запахло паленым.

- Мистер Крендлер, насколько мне известно, вы были хорошо знакомы с Мэйсоном Верже.

- Да, сэр.

- Да, все это очень печально. Этот сукин сын, этот садист, сперва испоганил Мэйсону всю жизнь, изуродовал беднягу, а теперь явился снова и убил его! Вы, наверное, слышали, что в этой трагедии погиб еще и один из моих избирателей. Джонни Мольи, он много лет служил штату Иллинойс в органах охраны правопорядка.

- Нет, сэр, я не слыхал об этом. Мне очень жаль.

- Дело в том, Крендлер, что нам надо продолжать двигаться дальше. Верже оставили нам значительное наследство в смысле благотворительных дел; так что глубокий интерес этого семейства к общественной деятельности должен найти соответствующее продолжение. Я уже переговорил с несколькими влиятельными людьми в двадцать седьмом округе и в окружении Верже тоже. Марго Верже рассказала мне о вашем интересе к общественной деятельности. Исключительная женщина! У нее весьма практический подход к делу. Мы скоро соберемся, совершенно тихо и неофициально, и обсудим, что можно сделать до ноябрьских перевыборов. Мы хотим ввести вас в состав Совета. Вы сможете приехать на нашу встречу?

- Да, конгрессмен. Несомненно.

- Марго позвонит вам и сообщит, когда и где. Это будет через несколько дней.

Крендлер положил трубку на рычаг, ощущая, как все его существо наполняет ощущение глубочайшего облегчения.

Найденный в сарае "кольт" 45 калибра, зарегистрированный на имя покойного Джона Бригема, но теперь, как было известно, перешедший в собственность Клэрис Старлинг, явился для ФБР большой неожиданностью.

Старлинг числилась "пропавшей без вести", однако дело в этой связи было открыто отнюдь не по статье "похищение", поскольку никто не видел, чтобы ее действительно похитили.

Она ведь не состояла в списке действующих оперативников. Старлинг была отстранена от исполнения служебных обязанностей и о ее местонахождении никаких данных не было. Было выпущено полицейское сообщение о ее автомобиле с указанием его идентификационного номера и номерных знаков, но личность владельца при этом не упоминалась.

Дела о похищении требуют гораздо больших усилий от правоохранительных органов, нежели дела об исчезновении людей. Подобная классификация применительно к Старлинг привела Арделию Мэпп в такое бешенство, что она написала было рапорт об отставке из Бюро, но потом передумала и решила остаться, чтобы "действовать изнутри". Снова и снова Мэпп заходила на половину Старлинг, надеясь ее наконец обнаружить.

Как выяснила Арделия, файл доктора Лектера на сайте Нацонального центра криминальной информации почти не претерпевал изменений, пополняясь лишь совершенно тривиальными данными. Это тоже приводило ее в бешенство.

Итальянская полиция наконец обнаружила компьютер доктора Лектера -

карабинеры приспособились играть на нем в компьютерные игры в своей комнате отдыха. Аппарат тут же уничтожил всю заложенную в него информацию, едва следователи дотронулись до его клавиатуры.

Мэпп теребила любого, кто имел хоть какое-нибудь влияние в Бюро и до кого она могла достать, с самого момента исчезновения Старлинг.

Ее бесконечные попытки дозвониться до Джека Кроуфорда не давали никакого результата.

Она позвонила в Отдел психологии поведения, где ей сообщили, что Крофорд по-прежнему находится в больнице Джефферсона по поводу непрекращающихся болей в груди.

Больше она ему не звонила. А ведь Крофорд был последним ангелом-хранителем Старлинг в ФБР.

ГЛАВА 94

Старлинг полностью утратила чувство времени. Беседы шли и днем, и ночью. Она сама говорила и говорила, многие минуты подряд, и сама слушала свои речи.

Иногда она начинала смеяться над собой, услышав очередное безыскусное признание, от которого в обычных условиях она умерла бы со стыда. То, что она сообщала доктору Лектеру, частенько изумляло ее самое, иной раз это были совершенно ужасные вещи - с нормальной точки зрения. Но то, что она ему говорила, всегда было правдой. Доктор Лектер тоже многое рассказывал ей. Тихим, ровным голосом. Что касается ее откровений, он выказывал к ним интерес и стремление узнать больше, но никогда не выражал удивления или осуждения.

Он рассказал ей о своем детстве, о Мике.

Иногда они вместе смотрели на один и тот же освещенный предмет, прежде чем начать очередной разговор, и почти всегда в комнате был лишь один источник света. А освещенный предмет менялся ежедневно.

Сегодня они начали разговор при единственном ярком световом пятне в комнате - это было отражение луча света от чайной чашки, но по мере течения беседы доктор Лектер как будто ощутил, что они проникли в некую еще не исследованную ими галерею во дворце ее памяти. Может быть, он просто услышал, как по другую сторону стены дерутся тролли. Он переставил чашку, заменив ее серебряной пряжкой от ремня.

- Это пряжка моего отца, - сказала Старлинг. И сложила руки, прижав их к груди, как ребенок.

- Да, - ответил доктор Лектер. - Клэрис, не хотите поговорить с отцом? Ваш отец здесь. Хотите с ним поговорить?

- Отец здесь! Конечно, хочу!

Доктор Лектер кладет руки на голову Старлинг, ладони над ее висками - это даст ей возможность видеть своего отца столько, сколько ей захочется. Он смотрит ей в глаза, глубоко-глубоко...

- Я понимаю, вам хотелось бы поговорить наедине. Я сейчас уйду. А вы смотрите на пряжку - и через несколько минут услышите, как он постучится в дверь. Понятно?

- Ага! Вот здорово!

- Вот и отлично. Вам только придется несколько минут подождать.

Еле ощутимый угол тонкой иглы - Старлинг даже не посмотрела вниз - и доктор Лектер покинул комнату.

Она смотрела на пряжку до тех пор, пока не услышала стук, два четких удара, и в дверях появился ее отец, такой, каким она его помнила, высокий, со шляпой в руке, волосы приглажены мокрой рукой, таким он всегда являлся к ужину.

- Привет, дочка! Когда в этом доме обычно кормят?

Он не обнимал ее уже двадцать пять лет, с самой своей смерти, но когда он прижал ее к себе, она почувствовала знакомые жесткие кнопочные застежки его рубашки - ощущение было тем же самым, что тогда, и пахло от него тем же дешевым мылом и табаком, и она всем телом ощутила, как бьется его огромное сердце.

- Эй, дочка! Ты что, упала? - Это было точно так же, как тогда, когда он поднимал ее с земли во дворе после того, как она на спор пыталась оседлать здоровенную козу. "Ты здорово держалась, пока она вдруг не взбрыкнула задом, - говорил он ей тогда. - Пойдем-ка на кухню, поглядим, что у нас там есть".

Две вещи на столе в кухне, в доме ее детства. Целлофановый пакет пирожных "Сноу-Боллз" и пакет апельсинов.

Отец открыл свой ножик фирмы "Барлоу" с отломанным кончиком лезвия и очистил два апельсина. Кожура тонкими завитками падала на клеенку. Они сидели на кухонных стульях с решетчатыми спинками, и он делил апельсины на части - сам съест несколько долек, потом даст несколько долек Старлинг. Она выплевывала косточки на ладонь, а потом складывала в подол на коленях. На стуле он выглядел еще более высоким, как Джон Бригем.

Отец всегда жевал одной стороной рта, к тому же на один резец у него
была надета коронка белого металла - такое было в моде у армейских дантистов
в сороковые годы. Когда он смеялся, коронка поблескивала во рту. Они съели
два апельсина и по одному "Сноу-Боллз" каждый, обменявшись при этом
несколькими ядовитыми шуточками. Старлинг теперь успела подзабыть это
чудесное ощущение во рту от твердой корочки глазировочного сахара под
кокосовой крошкой... Потом кухня исчезла; они снова разговаривали как двое
взрослых.

- Как у тебя дела, дочка? - Это был очень серьезный вопрос.

- На службе меня сейчас здорово достали.

- Я знаю. Все эти гады судейские, милая. Жуткие сволочи, хуже не
бывает. Ты же никогда не стреляла без крайней нужды...

- Да, я тоже так считаю. Но там есть и другое...

- И ты ничего не скрывала и не лгала.

- Никогда.

- И ты спасла ребенка.

- Да, он ничуть не пострадал.

- Я очень тобой горжусь.

- Спасибо.

- Ну, ладно, мне пора. Еще увидимся.

- Остаться не можешь?

Он положил ей ладонь на голову:

- Нельзя нам оставаться, дочка. Никто не может оставаться там, где
хочет.

Он поцеловал ее в лоб и вышел из комнаты. Она видела пулевое отверстие
в его шляпе, когда он помахал ей на прощанье рукой, возвышаясь в дверях.

ГЛАВА 95

Клэрис Старлинг любила отца точно так же, как все мы любим своих

родителей, и была в любой момент готова вступить в драку, если бы кому-то
вздумалось чернить его память. И все же в разговоре с доктором Лектером -
под влиянием мощной дозы снотворного и глубокого гипноза - вот что она
сообщила:

- Я тогда просто взбесилась, правда-правда. Я что хочу сказать - как же
это так случилось, что он оказался возле этой проклятой аптеки, глубокой
ночью и пошел против этих двоих подонков, которые его убили... А у него еще
заклинило затвор его старого дробовика - и они убили его. Гнусные
ничтожества - и убили его. Он сам не знал, что делает. Так за всю жизнь
ничему и не научился...

Если б это сказал кто-нибудь другой, она дала бы ему пощечину.

Монстр чуть подвинулся в своем кресле, на какой-то микрон. Ага, вот мы
наконец и добрались до сути дела! А то все эти школьные воспоминания уже
начали надоедать...

Старлинг попыталась поболтать ногами под стулом, как это делают дети,
но у нее ничего не вышло - ноги были слишком длинные.

- Понимаете, у него была такая служба, он ездил и делал то, что ему
велели, катался по округе с этими проклятыми табельными часами, а потом его
убили. А мама все пыталась отмыть кровь с его шляпы, чтобы его в ней
похоронили... И кто после этого каждый день возвращался домой? Да никто уже
не возвращался. И мы уже больше не покупали "Сноу-Боллз", это уж точно. И мы
с мамой убирались в мотелях. А там вечно все оставляли после себя всякую

дрянь, презервативы использованные... Его убили, он ушел от нас, потому что
он был просто тупарь! Ему бы надо было послать всех этих начальничков куда
подальше...

Она бы никогда не произнесла такого вслух, все это были запретные
мысли.

С самого начала их знакомства доктор Лектер все время дразнил ее,
называя ее отца "ночным сторожем". Но теперь он уже выступал в другом
качестве - Лектер-Защитник памяти ее отца.

- Клэрис, но он ведь никогда не желал ничего иного, кроме вашего
счастья и благополучия.

- В одной руке благое желание, в другой - дерьмо, какая перевесит? -
ответила Старлинг. Старая поговорка, которую она подцепила еще в приюте, в
ее устах звучала особенно грубо, однако доктору Лектеру она, видимо,
пришлась по вкусу, даже понравилась.

- Клэрис, я хотел бы попросить вас пройти со мной в другую комнату, -
сказал он. - Вы повидались с отцом, ваша встреча прошла просто отлично,
лучше трудно себе представить. Вы убедились, что, несмотря на ваше жгучее
желание, чтобы он остался с вами, он не смог остаться. Он посетил вас.
Теперь ваша очередь посетить его.

По коридору в гостевую спальню. Дверь туда закрыта.

- Подождите минутку, Клэрис. - Он вошел в комнату.

Она стояла в коридоре, положив ладонь на ручку двери; потом услышала,
как в комнате чиркнула спичка.

Потом доктор Лектер отворил дверь.

- Клэрис, вы знаете, что ваш отец мертв. И знаете это лучше, чем кто-либо другой.

- Да.

- Войдите и взгляните на него.

Кости ее отца были сложены на двуспальной кровати, грудная клетка прикрыта простыней. Эти останки выглядели как барельеф под белым полотном, как лежащая снежная баба, вылепленная ребенком.

Череп, вычищенный мелкими морскими хищниками на мелководье недалеко от дома доктора Лектера, сухой и выбеленный, лежал на подушке.

- Куда девалась его звезда, Клэрис?

- Власти забрали. Сказали, она стоит целых семь долларов.

- Вот что он теперь собой представляет, вот все, что теперь от него осталось. Вот до какого состояния довело его время.

Старлинг посмотрела на кости. Потом повернулась и быстро вышла из комнаты. Это было не бегство, так что доктор Лектер не последовал за нею. Он ждал, стоя в полумраке. Он ничего не опасался, но услышал, как она возвращается, поскольку слушал очень внимательно, как стоящий на страже стада олень-вожак. Она принесла в руке что-то блестящее и металлическое. Значок. Значок Джона Бригема. Положила его на простыню.

- Что для вас значит такой значок, Клэрис? Вы же один такой прострелили, там, в амбаре.

- Для него он значил все на свете. Вот такой он был тупа-а-арь. - Последнее слово она почти промямлила - рот у нее скривился. Она взяла череп отца в руки и села на другую постель. По лицу ее текли горячие слезы.

Потом подняла к лицу подол своего пуловера, как маленький ребенок, закрыла им глаза и зарыдала, горячие слезы капали вниз, шлепаясь - кап-кап! - на пустой череп ее отца, лежащий у нее на коленях, блестела коронка на его переднем зубе. "Я люблю тебя, папочка, ты был такой добрый, ты всегда меня

жалел. Это было самое счастливое время в моей жизни!" И это было истинной правдой, точно такой же правдой, что и раньше, когда ее бессильный гнев вырвался наружу.

Когда доктор Лектер протянул ей салфетку, она просто зажала ее в кулаке, так что он сам отер ее слезы.

- Клэрис, я сейчас оставлю вас наедине с этими останками. Останками, Клэрис. Вы можете сколько угодно рыдать и выть, это не поможет, ответа вы все равно не получите. - Он положил ладони ей на голову. - То, что вам нужно от вашего отца, находится здесь, у вас в голове; вы сами в состоянии судить обо всем этом, а не он. Ладно, я ухожу. Свечи вам нужны?

- Да, оставьте, пожалуйста.

- Когда будете уходить, возьмите только то, что вам действительно нужно.

Он сел ждать ее в гостиной, возле камина. Чтобы скрасить ожидание, он играл на терамине, водя руками в его магнитном поле и таким образом извлекая звуки, будто дирижировал сейчас симфоническим оркестром, водя теми самыми руками, что он клал на голову Клэрис Старлинг. Прежде чем закончилась пьеса, он понял, что Клэрис уже некоторое время стоит позади него.

Когда он к ней обернулся, она мягко и грустно улыбнулась ему. В руках у нее ничего не было.

Доктор Лектер всегда и во всем искал стереотип, определенную схему.

Он знал, что подобно любому наделенному сознанием существу, Старлинг сформировалась под влиянием переживаний и опыта, приобретенного в раннем

детстве, тех стереотипов и ограничений, через которые она позже воспринимала все после-дующие ощущения.

Разговаривая с нею много лет назад в психушке, сквозь прутья решетки, он обнаружил один очень важный для Старлинг момент - забой ягнят и лошадей на ранчо, где она нашла приют после смерти отца. Бедственное, безнадежное положение этих животных наложило неизгладимый отпечаток на ее характер.

В ее неустанной и в итоге успешной охоте на Джейма Гама ею двигало бедственное и безнадежное положение его пленницы.

И самого доктора она спасла от пыток по той же самой причине.

Вот и отлично. Вот он, стереотип поведения.

Всегда внимательно изучая ситуационный ряд в целом, доктор Лектер полагал, что в Джоне Бригеме Старлинг видела лучшие качества собственного отца - и поэтому, обладая всеми добродетелями ее отца, бедняга Бригем также подпадал под табу на инцест. Бригем и, видимо, Крофорд являлись носителями лучших качеств ее отца. А куда, интересно, подевались его плохие качества?

Доктор Лектер внимательно изучал все детали этого стереотипа. Используя снотворные средства и технику гипноза, значительно опережающие обычную камеральную терапию, он обнаружил в личности Старлинг некоторые узловые пункты, ясно указывающие на упрямство и настойчивость, напоминающие наросты на деревьях, а также старые обиды, все еще готовые вспыхнуть вновь словно порох.

Он наткнулся также на запечатленные в ее памяти картины, яркие до

полной безжалостности, старые, но прекрасно сохранившиеся во всех деталях и подробностях, от которых исходило адское свечение ярости и гнева, вспышками пронизывавшее сознание Старлинг, как молнии при грозе.

Большая часть этих вызывавших ярость и гнев картин была связана с Полом Крендлером. Ее обиды на совершенно явную и откровенную несправедливость, которая обрушилась на нее с подачи Крендлера, смешивались с гневом и упреками в адрес отца, в которых сама она никогда и ни за что бы не призналась. Она никак не могла простить отцу его глупую смерть. Он ведь, в сущности, бросил семью на произвол судьбы. Он перестал чистить в кухне апельсины. Он обрек мать на вечную возню с тряпками, щетками и ведрами. Он перестал прижимать к себе Клэрис, лишив ее возможности ощущать, как бьется его огромное сердце, как она потом ощущала сердце Ханны, уходя с нею в ночь.

Крендлер превратился для нее в некий символ, олицетворение неудач и отчаяния. Смогла бы она его игнорировать или бросить ему вызов? Или же Крендлер - как и любой другой большой начальник - был для нее лицом почти священным, своего рода табу, обладающим властью обречь Старлинг на то, что, по мнению доктора Лектера, было просто жалким и беспросветным существованием?

Впрочем, он заметил и один весьма многообещающий признак: при всем ее крайне трепетном отношении к своему значку она все же могла прострелить точно такой же значок и убить его обладателя. Интересно, почему? Да потому,

что она предана делу, и в горячке боя, уяснив для себя, что обладатель значка - преступник, она приняла решение тут же, мгновенно, переступив через сложившийся стереотип. Стало быть, имеет место и потенциальная гибкость психики. Означает ли это, что внутри личности Старлинг есть место и для Мики? Или это просто одно из преимуществ того места, которое Старлинг должна теперь освободить?

ГЛАВА 96

Барни вернулся к себе домой с работы, после окончания смены в больнице "Мизерикордиа", которая продолжалась с трех до одиннадцати вечера. По дороге он съел в кафе тарелку супа, так что когда он вошел в свою квартиру и включил свет, было уже около полуночи.

За кухонным столом сидела Арделия Мэпп. В руке она держала черный автоматический пистолет, направленный прямо ему в лицо. Судя по отверстию ствола, пистолет был не менее 40 калибра.

- Присаживайся, лепила, - сказала Мэпп. Голос ее звучал хрипло, белки глаз покраснели. - Поставь стул вон там и придвинься спиной к стене.

Что напугало его гораздо больше, чем огромный пистолет в ее руке, так это другой пистолет, лежавший на скатерти перед нею. Это был "кольт-вудсмен" 22 калибра с пластиковой бутылкой, прикрученной с помощью изоленты к стволу - в качестве глушителя.

Стул заскрипел под весом Барни.

- Если ножка подломится, не вздумайте стрелять - я тут ни при чем, - сказал он.

- Тебе что-нибудь известно о Клэрис Старлинг?

- Ничего.

Мэпп взяла со стола малокалиберный пистолет:

- Я не собираюсь тут с тобой валандаться, Барни. Если только увижу, что
ты врешь, лепила, тут же всажу тебе пулю в брюхо. Понятно?

- Да. - Барни знал, что это истинная правда.

- Еще раз спрашиваю: тебе известно хоть что-нибудь такое, что могло бы
помочь найти Клэрис Старлинг? На почте мне сказали, что всю твою
корреспонденцию целый месяц пересылали в поместье Мэйсона Верже. Интересно,
за каким чертом, а, Барни?

- Я там работал. Я работал на Мэйсона Верже, ухаживал за ним, а он
расспрашивал меня о Лектере. Мне там совсем не понравилось, и я уволился.
Мэйсон был настоящий подонок.

- Старлинг пропала.

- Я знаю.

- Может быть, ее увез Лектер, а может, сожрали эти свиньи. Если это он
ее увез, что он может с нею сделать?

- Честно скажу - не знаю. Я бы рад помочь Старлинг, если б только мог.
Почему бы не помочь? Она мне нравилась, и она мне помогала. Посмотрите лучше
в ее рапортах или в записках...

- Уже посмотрела. Хочу, чтобы ты кое-что хорошенько усвоил, Барни.
Дважды я тебе ничего предлагать не стану. Если ты что-то знаешь, лучше
говори сразу. И если я когда-нибудь выясню, неважно когда, что ты что-то от
меня скрыл, что могло бы помочь мне, я вернусь сюда - и этот пистолет будет
последним, что ты увидишь на этом свете. Я тебя застрелю, толстый увален,
понимаешь?

- Да.

- Так тебе что-нибудь известно?

- Нет.

За этим последовало долгое-долгое молчание, самое долгое на его памяти.

- Сиди и не рыпайся, пока я не уйду.

Барни потребовалось целых полтора часа, чтобы прийти в себя и наконец уснуть. Он лежал на кровати, глядя в потолок, его широкий, как у дельфина, лоб то весь покрывался испариной, то полностью высыхал от внутреннего жара. Перед тем как выключить свет, он встал и пошлепал босиком в ванную. Достал из своего армейского мешка зеркальце для бритья, из нержавейки, какое обычно выдают морским пехотинцам.

Потом прошлепал на кухню, открыл стенной щиток с электропробками и прикрепил зеркальце к внутренней стороне его дверцы липкой лентой.

Это было все, что он мог сделать для своей безопасности. Во сне он все время подергивался, как собака.

После своего следующиего дежурства в больнице он принес домой аптечку первой помощи.

ГЛАВА 97

Доктор Лектер не имел права вносить значительные изменения в меблировку и общее оформление дома, который он снимал. Выручали цветы и различные экраны и занавеси. Было интересно изучать, как смотрится тот или иной цвет на фоне массивной мебели и высоких, погруженных во тьму потолков. Это очень древняя потребность, и подобный контраст невольно притягивал к себе, как бабочка, освещенная солнцем на закованной в латы руке.

Хозяин дома, видимо, был немного помешан на теме Леды и лебедя.

Совокупление этих двоих представителей разных биологических видов было представлено не менее чем в четырех бронзовых скульптурах разного качества - лучшая из них была копией работы Донателло - да еще восемью полотнами. Одна из этих картин - кисти Энн Шинглтон - очень нравилась доктору Лектеру: в ней были совершенно гениально отображены все анатомические подробности, а сам процесс копуляции запечатлен с истинным жаром и вдохновением. Остальные он просто завесил. Гнусная коллекция бронзовых охотничьих сцен тоже была закрыта чехлами.

Рано утром доктор тщательно накрыл стол на три персоны, все время изучая его с разных сторон, прижав палец к носу; он дважды менял свечи, потом заменил дамастовые салфетки сборчатой скатертью, чтобы визуально сократить огромный обеденный стол до более приемлемых размеров.

Темный и жутковатый сервировочный столик стал меньше напоминать авианосец, когда на него был поставлен столовый сервиз и ярко начищенные медные подогреватели. К тому же доктор Лектер выдвинул несколько ящиков столика и поставил в них цветы - эффект получился такой, словно это нечто вроде висячих садов.

Потом он решил, что цветов слишком много, так что следует добавить еще, чтобы все встало на свои места. Слишком много - это слишком много, а вот чрезмерно много - это будет как раз то, что нужно. Он устроил на столе как бы две икебаны: низкую клумбу из пеоний в серебряном блюде, белых, как

"Сноу-Боллз", и огромный высокий букет из колокольчиков, голландских ирисов,
орхидей и тюльпанов, который закрывал б?ольшую часть огромного пространства
стола и создавал ощущение уюта и интима.

Перед каждой тарелкой стоял набор хрустальных бокалов, сверкающих как
льдинки, а серебряная посуда стояла на подогревателе - ее он поставит на
стол в последний момент, теплой.

Первая перемена будет готовиться у стола, поэтому он соответствующим
образом расставил спиртовки, поставив рядом с ними медные кастрюлю, соусник
и сковородку для тушения, необходимые приправы и анатомическую пилу.

Он сможет купить еще цветов, когда отправится в поездку. Клэрис
Старлинг не обеспокоило, что он собирается уехать. Он предложил ей пока
немного поспать.

ГЛАВА 98

Это произошло на пятый день после резни в Маскрэт-Фарм. Барни только
что закончил бриться и протирал щеки одеколоном, когда услыхал чьи-то шаги
на крыльце. Ему пора было идти на дежурство.

Громкий стук в дверь. На пороге стояла Марго Верже. В руках она держала
большую сумку и небольшой пакет.

- Привет, Барни! - Она выглядела очень усталой.

- Привет, Марго. Заходи.

Он предложил ей присесть у стола в кухне.

- Коки выпьешь?

Потом он вспомнил, что мертвый Корделл воткнулся головой в нутро
холодильника, и пожалел о своем предложении.

- Нет, спасибо, - ответила она.

Он сел к столу напротив нее. Она смотрела на его руки, как осматривают

мышцы соперника перед соревнованиями бодибилдеров, потом взгляд ее переместился обратно на его лицо.

- У тебя все в порядке, Марго?

- Вроде да, - ответила она.

- Насколько я понял из газет, тебе не о чем особо беспокоиться.

- Я иногда вспоминаю, о чем мы с тобой говорили, Барни. И мне кажется, ты мог бы как-нибудь дать о себе знать.

А он в это время думал, не спрятан ли у нее в сумке или в пакете молоток.

- Единственно, как я мог бы дать о себе знать, это как-нибудь заехать, поглядеть, как вы там живете, если ты не против. Мне-то от тебя ничего не надо, Марго, на мой счет можешь быть спокойна.

- Да, знаешь, просто начинаешь беспокоиться, что не все концы подобраны. Не хочется, чтоб торчали. А так мне, собственно, прятать нечего.

Тут он понял, что она все-таки сумела заполучить сперму Мэйсона. И волноваться насчет Барни она начнет только тогда, когда настанет время объявить о беременности Джуди, если, конечно, они сумели правильно все сделать.

- Я что хочу сказать, его смерть - это как дар Божий. Именно так, я не вру.

Ускоряющийся темп ее речи подсказал Барни, что она вот-вот примет насчет него окончательное решение.

- Может, и впрямь выпить кока-колы, - сказала она.

- Прежде чем я ее принесу, я бы хотел тебе кое-что показать. Поверь, я могу тебя вполне успокоить на свой счет, и это не будет стоить тебе ни гроша. Подожди минутку.

Из кухонной стойки он достал ящичек с инструментами, а из него - отвертку. Это он мог проделать, стоя к Марго боком.

На стене кухни имелись две дверцы - вроде как от распределительных щитков и электрических пробок. На самом же деле предохранители были только в одном, при ремонте этого старого дома второй щиток был отключен.

У щитков Барни был вынужден встать к Марго спиной. Он быстро открыл левую дверцу. Теперь он мог наблюдать за Марго в прикрепленном на внутренней стороне дверцы зеркальце. Она сунула руку в большую сумку. Сунула, но обратно не вынула.

Отвинтив четыре болта, он вытащил из короба отсоединенную панель предохранителей. За панелью, в глубине стенной ниши, оставалось свободное пространство.

Осторожно засунув туда руку, Барни извлек пластиковый пакет.

Он услышал, как у Марго перехватило дыхание, когда он достал из пакета то, что в нем лежало. Это было широко известное жуткое приспособление - хоккейная маска, которую надевали на доктора Лектера в Балтиморской спецбольнице для невменяемых преступников, чтобы лишить его возможности кусаться. Это был последний и наиболее ценный предмет из коллекции вещей Лектера, которые Барни стащил из больницы.

- Ух ты! - произнесла Марго.

Барни положил маску лицом вниз на стол, на лист вощеной бумаги, прямо под ярким светом кухонной лампы. Он прекрасно знал, что доктору Лектеру никогда не разрешали мыть эту маску. Высохшая слюна образовала плотный налет

возле отверстия для рта. Там, где к маске крепились ремешки застежки, висели три волоса, зацепившиеся за пряжку и вырванные с корнем.

Одного взгляда на Марго было достаточно, чтобы убедиться, что покамест с ней все в порядке.

Барни достал из кухонного шкафа аптечку первой помощи. В небольшом пластиковом пакете оказались тампоны, баночка дистиллированной воды, чистые пузырьки из-под таблеток.

С огромной осторожностью он снял несколько чешуек засохшей слюны с помощью смоченного водой тампона. Тампон он положил в чистый пузырек. Вытащил волосы из пряжки и положил в другой пузырек.

Потом прижал большой палец к клейким концам двух кусочков липкой ленты, оба раза оставив четкие отпечатки, и заклеил лентой крышки пузырьков. И передал Марго оба, сложив их в один пакетик.

- Предположим, я попаду в какую-нибудь скверную историю и совсем потеряю голову и начну на тебя "катить", ну, скажем, попробую впарить полиции про тебя какую-нибудь гадость, чтобы с меня сняли часть обвинений. Вот это - доказательства того, что я был, по меньшей мере, соучастником убийства Мэйсона Верже и даже, может быть, все сделал сам. На самый крайний случай - я дал тебе образцы ДНК доктора Лектера.

- Да тебя же все равно освободят от ответственности, еще до того как ты начнешь колоться.

- Может быть, но только по статье "заговор с целью убийства", а вовсе не за прямое соучастие в убийстве, вокруг которого поднялась такая шумиха.

Они могут мне пообещать иммунитет в смысле обвинения в заговоре, а потом
надуют меня, когда поймут, что я уже все выложил. И тогда я совсем пропал.
Так что я теперь в твоих руках.
    Барни и сам не был во всем этом до конца уверен, но полагал, что его
слова звучат достаточно убедительно.
    Она ведь могла бы в любой момент подложить эти образчики ДНК Лектера на
мертвое тело Барни, когда ей только заблагорассудится, и оба они прекрасно
это понимали.
    Марго смотрела на него, как могло показаться, очень-очень долго, не
отводя взгляда своих ярко-голубых глаз мясника.
    Потом она положила на стол свой пакет.
    - Здесь куча денег, - сообщила она. - Хватит, чтобы увидеть всех
Вермееров на свете. По одному разу. - Она выглядела теперь какой-то очень
легкомысленной и странно счастливой. - У меня в машине сидит кошка
Франклина, так что мне пора бежать. Франклин скоро выписывается из больницы,
и в Маскрэт-Фарм нагрянет целая толпа народу - сам Франклин, его приемная
мамаша, сестрица Ширли, еще какой-то малый по имени Стрингбин и еще Бог
знает кто. Мне эта драная кошка обошлась в целых полсотни. Оказалось, она
все это время жила по соседству со старым домом Франклина, правда под другой
кличкой.
    Она не стала класть пластиковый пакетик к себе в сумку, а так и понесла
его в другой руке. Барни понял, что она просто не хочет ему демонстрировать
то, что было в этой сумке приготовлено для него на случай иного исхода их
разговора.

У двери он сказал:
- Думаю, я заслужил поцелуй.
Она поднялась на цыпочки и быстро поцеловала его в губы.
- Хватит и этого, - резко сказала она. Ступени заскрипели под ее тяжестью, когда она спускалась вниз.
Барни запер дверь и несколько долгих минут стоял, прижавшись лбом к прохладному боку холодильника.

ГЛАВА 99

Старлинг разбудили доносившиеся издали звуки камерной музыки и резкие и острые ароматы готовящейся пищи. Она чувствовала себя чудесно отдохнувшей, посвежевшей и очень голодной. Легкий стук в дверь - и в комнату вошел доктор Лектер в черных брюках, белой рубашке и галстуке-эскот с широкими концами. В руках он держал длинный чехол для одежды и чашку кофе-"капуччино".
- Хорошо поспали?
- Спасибо, просто отлично.
- Шеф-повар сообщил, что обед будет подан через полтора часа. Коктейли - через час. Вас это устраивает? Еще я подумал, что вам может понравиться вот это - примерьте, подойдет ли. - Он повесил чехол в стенной шкаф и вышел, не произнеся более ни звука.
Она не стала заглядывать в шкаф, пока не приняла ванну, а когда заглянула, ей ужасно понравилось то, что она там обнаружила. А обнаружила она там длинное вечернее платье кремового шелка с узким, но глубоким декольте, а также изумительный вышитый жакет.
На подзеркальнике лежали серьги и кулон с изумрудами-кабошонами. Неграненые камни так и играли огнем.
С волосами у нее никогда не было проблем. В этом платье она чувствовала

себя чрезвычайно удобно. Несмотря на то что она совершенно не привыкла к одежде такого высокого уровня, она не стала рассматривать себя в зеркале, только глянула разок, все ли на месте.

Хозяин дома при строительстве установил в гостиной камин совершенно гигантских размеров. Войдя в гостиную, Старлинг обнаружила, что в камине уже горит приличных размеров полено. Шурша шелком, она приблизилась к его разверстому зеву, из которого исходило тепло.

Из угла доносятся звуки клавесина. У инструмента сидит доктор Лектер во фраке и белом галстуке.

Он поднял глаза, посмотрел на нее, и у него перехватило дыхание. Руки тоже замерли над клавишами. Струны клавесина звучат недолго, и во внезапной тишине, воцарившейся в гостиной, обоим было слышно, как Ганнибал Лектер перевел дыхание.

У камина их уже ожидали два бокала с коктейлями. Ими доктор Лектер и занялся. Мартини с ломтиком апельсина. Один бокал доктор передал Клэрис Старлинг.

- Даже если я буду вас видеть всю жизнь, каждый день, я навсегда запомню сегодняшний вечер. - Его темные глаза обволакивали ее всю целиком.

- Сколько раз вы меня видели? Когда я не знала об этом?

- Только три.

- Да, но ведь...

- Это как бы вне времени. То, что я мог увидеть, ухаживая за вами, никоим образом не является вторжением в вашу личную жизнь. Все это отложено на особую полку вместе с вашей медицинской картой. Должен сознаться, мне

приятно смотреть на вас, когда вы спите. Вы совершенно прелестны, Клэрис.

- Внешний вид - это всего лишь случайность, доктор Лектер.

- Даже если привлекательность создана тяжкими трудами, вы все равно прелестны.

- Спасибо вам.

- Никогда не говорите "спасибо вам"! - Чуть заметного поворота головы было ему вполне достаточно, чтобы выплеснуть свое неудовольствие, как бросают в камин опустевший бокал.

- Я говорю то, что думаю, - сказала Старлинг. - Может быть, вам больше понравилось бы, если б я сказала: "Я очень рада, что вы обо мне так думаете". Это было бы несколько более вычурно, но точно так же истинно.

Она подняла свой бокал на уровень глаз, глядевших тем самым взглядом в дальнюю даль, как глядят в прериях, словно закрываясь, отгораживаясь им ото всех.

В этот момент доктору Лектеру пришло в голову, что, несмотря на все его познания, несмотря на вторжение в ее личность, он никогда не сможет точно предвидеть ее поступки и хоть как-то обладать ею. Он мог выкормить гусеницу, он мог нашептывать что-то хризалиде-гусенице, но то, что вылупилось из кокона в результате, начинало следовать собственной природе и было совершенно вне его контроля. И еще он подумал, а не пристегнута ли у нее к ноге под платьем кобура с пистолетом 45 калибра...

Тут Клэрис улыбнулась ему, кабошоны заиграли огнями, отражая пламя камина, и монстр тут же полностью погрузился в самовосхваления по поводу

собственного исключительного вкуса и предусмотрительности.
- Клэрис, обед призван удовлетворить весьма взыскательный вкус и
обоняние - это очень древние ощущения, их центры расположены в самой глубине
мозга. Центры вкуса и запаха находятся в той части головного мозга, которая
реагирует раньше, чем другая, где находится центр, управляющий жалостью. А
жалости нет места за моим столом.
Однако в то же самое время в коре головного мозга играют и другие
образы - обеденные церемонии, зрелища блюд, обмен мнениями, имеющие место за
столом; все они играют, как чудеса, что изображены на плафоне любой церкви.
И эта игра может быть гораздо более занимательной, чем любое театральное
представление. - Он приблизил лицо к ее глазам, вгляделся, стараясь прочесть
ее мысли. - Я хотел бы, чтобы вы поняли, насколько вы обогащаете мою трапезу
своим присутствием, Клэрис, и какой награды вы заслуживаете за это. Вы в
последнее время изучали свое отражение в зеркале? Думаю, что нет.
Сомневаюсь, что вы вообще когда-либо это делаете. Пройдемте в холл и
встаньте там перед трюмо.
Доктор Лектер взял канделябр с каминной полки.
Высокое зеркало было одной из лучших антикварных вещей в доме,
восемнадцатый век, правда, чуть мутноватое и потрескавшееся. Оно было
вывезено из замка Во-ле-Виконт, и один бог ведает, что ему пришлось увидеть
на своем веку.
- Смотрите, Клэрис. Это прелестное отражение и есть то, чем вы

являетесь. Нынче вечером вам некоторое время придется наблюдать себя со стороны. Вы увидите, что такое справедливость, вы сами скажете, что такое истина. У вас всегда хватало мужества и смелости говорить то, что вы думаете, однако вам всегда мешали всяческие ограничения. Еще раз повторяю вам, жалости нет места за моим столом.

Если вы услышите какие-то высказывания, которые покажутся вам неприятными, помните, что сам контекст нашей беседы превращает их в нечто среднее между фарсом и невероятно забавной шуткой. Если вы услышите нечто, кажущееся вам до боли истинным, не верьте - это лишь кажущееся обстоятельство, это пройдет. - Он отпил из бокала. - Если почувствуете, что где-то внутри нарастает боль, помните, что боль очень быстро перерастет в облегчение. Вы меня понимаете?

- Не очень, доктор Лектер, но я запомню ваши слова. И вообще, к черту все это самосовершенствование. Я хочу просто пообедать в приятной компании.

- Это я вам обещаю. - Он улыбнулся - зрелище, которое многих пугает.

Они больше не смотрели на ее отражение в мутноватом зеркале; они смотрели друг на друга сквозь пламя тонких свечей, горящих в канделябре, а зеркало наблюдало за ними обоими.

- Посмотрите сюда, Клэрис.

Она заглянула в глубину его глаз, увидела красные искры в его зрачках и почувствовала возбуждение, какое испытывает ребенок, приближаясь к ярмарке.

Из кармана пиджака доктор Лектер достал шприц с тонкой как волос иглой

и, не глядя, на ощупь, вонзил иглу ей в руку возле плеча. Когда он извлек
иглу, ранка даже не кровоточила.

- Что вы играли, когда я вошла? - спросила она.

- "О, если б ныне правила любовь".

- Это очень старая вещь?

- Ее сочинил король Генрих VIII где-то около 1510 года.

- Вы мне еще поиграете? Может быть, сыграете эту песнь до конца?

ГЛАВА 100

Ветерок, поднятый ими при входе, поколебал пламя свечей и горелок
подогревателей. Старлинг видела столовую только мимоходом и теперь удивилась
тому, как чудесно она преобразилась. Ярко освещенная, приглашающая войти.
Высокие хрустальные бокалы, отражающие огни свечей над кремовыми салфетками
под их приборами, все пространство сокращено до уютных интимных размеров,
большая часть стола отгорожена от них своего рода ширмой из цветов.

Доктор Лектер извлек столовое серебро из подогревателей в самую
последнюю минуту, и когда Старлинг потрогала свой прибор, то ощутила, что
ручка ножа здорово нагрелась и горяча, как больной в приступе лихорадки.

Доктор Лектер разлил по бокалам вино и позволил ей для начала отведать
лишь немного amuse-gueule - одну белон-скую устрицу и кусочек колбасы. Сам
же он восседал над бокалом с вином и наслаждался видом Клэрис в созданном им
антураже.

Свечи были поставлены как раз на нужной высоте. Их пламя освещало ее
глубокое декольте, к тому же ему не нужно было следить за ее рукавами, чтобы
они не попали в огонь.

- Что у нас на первое?

Он прижал палец к губам:

- Не задавайте никаких вопросов - это может испортить весь сюрприз.

Они немного поговорили об обработке вороньих маховых перьев и о том, как это влияет на звук клавесина, и она лишь на секунду вспомнила ту ворону, что крала разные вещи с тележки матери, в мотеле, много лет назад. Теперь, после стольких лет, она решила, что это воспоминание совершенно неуместно в такой приятный вечер и усилием воли отогнала его прочь.

- Ну, проголодались?

- Да!

- Тогда приступим. Первая перемена.

Доктор Лектер перенес один поднос с сервировочного столика на обеденный, поставив его рядом со своим прибором и подкатил поближе сервировочную тележку. Здесь стояли его кастрюли, сковородки и подогреватели, а также разные приправы в небольших хрустальных сосудах. Он зажег горелки подогревателей и начал с того, что положил хороший кусок прекрасного шарантского масла в медный сотейник и, помешивая распускающееся масло, довел его до светло-коричневого цвета. Когда масло было готово, он отставил сотейник на подставку.

И улыбнулся Старлинг, показав свои очень белые зубы.

- Клэрис, помните, что мы говорили о приятных и неприятных высказываниях, о некоторых вещах, которые представляются очень смешными только в определенном контексте?

- Масло пахнет потрясающе. Да-да, я помню.

- А помните, кого вы видели в зеркале и как великолепно она выглядела?

- Доктор Лектер, если вас это не обидит, я должна заметить, что это

начинает напоминать детские игры в вопросы и ответы. Да, я все прекрасно помню.

- Вот и отлично. За первым блюдом компанию нам составит мистер Крендлер.

Доктор Лектер переставил огромный букет цветов с обеденного стола на сервировочный.

Заместитель помощника Генерального инспектора Департамента юстиции США Пол Крендлер собственной персоной сидел за столом в тяжелом дубовом кресле. Крендлер широко раскрыл глаза и осмотрелся. На голове его была повязка, в которой он обычно бегал, сам же он был одет в прекрасно сшитый смокинг для покойника с прикрепленными к груди передней частью сорочки и галстуком. Такие одеяния имеют на спине разрез сверху донизу, так что доктору Лектеру не составило труда надеть этот смокинг на Крендлера, чтоб он сидел нормально, закрывая бесчисленные ярды липкой ленты, которой он был прикручен к креслу.

Веки Старлинг, возможно, чуть опустились, а губы слегка вытянулись, как она иногда делала, когда упражнялась на стрельбище.

А доктор Лектер между тем взял с сервировочного столика серебряные щипцы и отодрал кусок ленты, которым был заклеен рот Крендлера.

- Еще раз, добрый вечер, мистер Крендлер.

- Добрый вечер. - Крендлер как будто был немного не в себе. На столе перед ним стояла небольшая супница.

- Не хотите ли поздороваться и с мисс Старлинг?

- Привет, Старлинг. - Он, кажется, несколько повеселел. - Я всегда хотел поглядеть, как вы едите.

Старлинг изучала его с расстояния, будто сама превратилась в огромное старое трюмо, наблюдающее за всеми.

- Привет, мистер Крендлер.

Потом повернулась к доктору Лектеру, поглощенному возней с кастрюльками и сковородками:

- Как это вам удалось его поймать?

- Мистер Крендлер сейчас едет на очень важное совещание, посвященное его будущему в политических сферах, - сообщил доктор Лектер. - Его пригласила Марго Верже - она сделала мне такое одолжение. Нечто вроде quid pro quo. Мистер Крендлер бегал в Рок Крик Парке, и там его должен был забрать вертолет, посланный Верже. Вместо этого он попал в руки ко мне. Не угодно ли вам прочесть молитву перед едой, мистер Крендлер? Мистер Крендлер!

- Молитву? Да-да. - Крендлер прикрыл глаза. - Благодарим Тебя, Отче наш, за блага, что Ты даешь нам, что отпускаешь нам грехи наши... Старлинг уже большая девочка, чтобы продолжать трахаться с собственным папашей, хоть она и с Юга... Отпусти ей этот грех и допусти ее пред лицо Твое... Во имя Иисуса Христа, аминь.

Старлинг отметила, что в течение всей молитвы глаза доктора Лектера были благочестиво прикрыты.

Ей вдруг стало легко и свободно:

- Пол, должна вам сказать, что апостол Павел - ваш тезка - не справился бы лучше, чем это сделали вы. Он ведь тоже ненавидел женщин. Так что его бы следовало назвать не Павел, то есть Пол, а скорее Пол-удурок.

- Теперь вы уже совершенно все себе испортили, Старлинг. Вас больше

никогда не восстановят.
- Так это вы, оказывается, работу мне предлагали, в своей молитве?! Как
тактично! Вот уж никогда бы не подумала!
- Я намерен попасть в Конгресс. - Крендлер неприятно улыбнулся. -
Заходите ко мне в мой избирательный штаб, там, вероятно, найдется для вас
какая-нибудь работенка. Из вас вполне выйдет неплохая секретарша. Печатать
умеете? Документы подшивать можете?
- Конечно.
- А стенографировать?
- Я пользуюсь компьютерными программами идентификации голоса, -
ответила Старлинг. И продолжала рассудительным тоном: - Прошу меня простить,
что говорю за столом о работе, однако вам не хватит ловкости, чтобы
пробраться в Конгресс. Умишко-то у вас хуже чем второразрядный, вы же только
и умеете, что подличать да передергивать. Так что вас хватит разве только на
то, чтобы подольше продержаться на побегушках у какого-нибудь крупного
проходимца.
- Не ждите нас, мистер Крендлер, - сказал доктор Лектер. - Отведайте
бульону, пока он горячий. - И он поднял крышку с супницы и поднес соломинку
к губам Крендлера.
Крендлер скорчил недовольную гримасу:
- Не нравится мне этот суп!
- На самом деле это просто отвар петрушки с настоем тимьяна, - сообщил
доктор. - Он больше предназначен для нас, чем для вас. Ну, сделайте еще
несколько глотков, и пусть он постепенно переваривается.
Старлинг будто взвешивала создавшееся положение, используя руки как

весы Фемиды.

- Знаете, мистер Крендлер, всякий раз, когда вы на меня смотрели этим вашим злобным и хитрым взглядом, у меня возникало мерзкое ощущение, что я что-то дурное сделала, чтобы заслужить такое. - Она покачала ладонями вверх и вниз, словно перебрасывая мячик туда-сюда. - Но я этого не заслужила! И каждый раз, когда вы заносили очередной отрицательный отзыв о моей работе в мое личное дело, я возмущалась, негодовала и все-таки еще и еще раз проверяла себя. Я каждый раз начинала сомневаться в себе - хоть на минуту, но сомневалась. И все время пыталась избавиться от этой проклятой уверенности в том, что начальству всегда виднее.

- Ни черта вам не виднее, мистер Крендлер. На самом деле вы вообще ничего не способны увидеть! - Старлинг сделала глоток великолепного белого бургундского и сообщила доктору Лектеру: - Очень хорошее вино. Правда, мне кажется, его уже пора снять со льда. - И вновь повернулась к Крендлеру - внимательная хозяйка, заботящаяся о своем госте: - Вы как были... тупым уродом, так им всегда и останетесь. Вообще не достойным никакого внимания, - добавила она любезным тоном. - Ну, ладно, хватит о вас за таким великолепным столом. Поскольку вы гость доктора Лектера, надеюсь, обед вам понравится.

- Да кто вы такая, в самом деле? - вдруг спросил Крендлер. - Вы не Старлинг. У вас такое же пятно на щеке, но вы не Старлинг.

Доктор Лектер между тем высыпал в разогретое и зарумянившееся на

сковороде масло мелко нарезанный лук-шалот и, как только запахло жареным луком, положил туда же мелко порубленные каперсы. Потом снял сковородку с огня и поставил вместо нее сотейник. С сервировочного столика он взял большую хрустальную чашу со льдом и серебряный поднос и поставил их подле Пола Крендлера.

- У меня ведь были кое-какие планы в отношении этой острой на язык дамы, - сообщил Крендлер. - Но теперь-то я вас уже никогда никуда не возьму. И вообще, кто вам назначил здесь встречу?

- Я вовсе и не жду, что вы полностью измените свои убеждения, как это сделал апостол Павел, - заметил доктор Лектер. - К тому же вы сейчас вовсе не на пути в Дамаск и даже не на пути к ожидающему вас вертолету, посланному Верже.

Доктор Лектер снял со лба Крендлера повязку, в которой тот бегал в парке, как снимают резиновое кольцо с банки с икрой.

- Все, чего мы хотим, так это чтобы вы держали свой ум открытым. - Очень аккуратно, обеими руками доктор Лектер снял крышку черепной коробки Крендлера, положил ее на поднос и убрал на боковой сервировочный столик. Разрез был сделан настолько аккуратно, что из него практически не выступило ни капли крови - все крупные сосуды были перевязаны, а остальные перекрыты местной анестезией; череп был распилен по всей окружности прямо в кухне всего за полчаса до трапезы.

Метод, который использовал доктор Лектер для трепанации черепа

Крендлера, был очень старый, известный еще медикам Древнего Египта, за исключением того, что у доктора было преимущество - в его распоряжении имелась секционная пила с электроприводом и с особым полотном для краниологических операций, специальный инструмент для снятия крышки черепной коробки и современные средства анестезии. Сам же мозг боли не ощущает.

Над краем рассеченного черепа Крендлера теперь был виден розовато-серый купол его мозга.

Стоя над Крендлером и держа в руке инструмент, напоминающий кюретку для удаления миндалин, доктор Лектер аккуратно срезал тонкий ломтик лобной доли головного мозга Крендлера, затем еще один, затем еще, пока не получил четыре. Он положил ломтики в чашу со льдом и водой, приправленной соком лимона, чтобы мозги чуть отвердели.

- А не хочешь покачаться на звезде? - вдруг запел Крендлер. - А не хочешь прогуляться при луне?

По канонам классической кулинарии, мозги обычно сперва вымачивают, затем прессуют и охлаждают в течение полусуток, чтобы они отвердели. Когда же имеешь дело с совершенно свежим материалом, основная задача состоит в том, чтобы не допустить их полного распада и превращения в комковатое желе.

С замечательной ловкостью доктор перенес затвердевшие ломтики на доску, слегка обвалял их в муке, а потом в свежих панировочных сухарях. Затем высыпал в почти готовый соус мелко нарезанные трюфели и завершил заправку, выжав туда лимон.

Он быстро подрумянил ломтики в соусе, пока они не приобрели с обеих сторон чуть коричневатый оттенок.

- Пахнет просто здорово! - сказал Крендлер.

Доктор Лектер положил теперь подрумяненные ломтики мозга на кусочки поджаренного хлеба, переложил их на подогретые тарелки и полил сверху соусом с нарезанными трюфелями. Аранжировку довершал гарнир из петрушки и целых каперсов прямо на стебельках, украшенный цветком настурции и небольшим количеством кресс-салата, просто для полной гармонии.

- Ну, и как? - спросил Крендлер, теперь уже снова закрытый цветами; он говорил неестественно громко - люди, перенесшие лоботомию, обычно склонны к этому.

- Совершенно великолепно, - ответила Старлинг. - Никогда еще не пробовала каперсы целиком.

Доктор Лектер решил, что ее губы, лоснящиеся от маслянистого соуса, - чрезвычайно трогательное зрелище.

Крендлер за своим цветочным экраном снова запел; это были какие-то детсадовские песенки, и он все время требовал, чтоб ему сказали, что еще спеть.

Не обращая на него ни малейшего внимания, доктор Лектер и Старлинг обсуждали будущее Мики. Старлинг уже знала об ужасной судьбе сестры доктора из их бесед о потерях вообще, но сейчас доктор говорил с явной надеждой на возможное возвращение Мики. В этот вечер Старлинг вовсе не казалось нереальным, что Мика может вернуться.

Она выразила надежду, что сможет познакомиться с Микой.

- Вы никогда не будете отвечать на телефонные звонки в моем офисе! - заорал из-за цветов Крендлер. - Вы просто деревенская шлюха!

- Посмотрим, будет ли это звучать как сцена из "Оливера Твиста", если я попрошу ЕЩЕ, - ответила Старлинг, вызвав у доктора Лектера приступ такого веселья, что он едва мог его скрыть.

На вторую порцию ушла почти вся лобная доля практически до самого двигательного центра коры головного мозга. Крендлер был уже низведен до такого состояния, что оказался способен лишь на бессвязные замечания о том, что мог видеть непосредственно перед собой, там, за цветочным экраном, да на монотонную декламацию длиннющей и совершенно непристойной поэмы под названием "Блеск".

Погруженных в свою беседу Старлинг и Лектера все это беспокоило не более, чем поздравления с днем рожденья за соседним столиком в ресторане. Но когда шум от Крендлера стал невыносимым, доктор Лектер достал из угла свой арбалет.

- Теперь я хочу, Клэрис, чтоб вы услышали, как звучит вот этот струнный инструмент.

Он дождался момента, когда Крендлер замолчал, и выпустил арбалетную стрелу, целясь над столом, сквозь экран из цветов.

- Частота колебаний арбалетной тетивы, если вам придется ее услышать еще раз - при любых обстоятельствах, - означает для вас всего лишь полную свободу, покой и независимость, - сказал доктор Лектер.

Задняя часть древка стрелы вместе с оперением оставалась видимой им по

эту сторону цветочного экрана и сейчас колебалась почти в ритме индикатора измерителя пульса. Голос Крендлера тут же замолк, и арбалетная стрела, дрогнув еще несколько раз, тоже замерла неподвижно.

- Что-то вроде ноты "до" первой октавы? - спросила Старлинг.

- Совершенно верно.

Секунду спустя Крендлер за экраном из цветов издал какой-то булькающий звук. Это был всего лишь последний спазм его голосового аппарата, вызванный повышением кислотности крови, поскольку он только что умер.

- Перейдем теперь к следующему блюду, - произнес доктор. - Но сначала - немного шербета, чтобы освежить рот перед жареными перепелами. Нет-нет, не вставайте. Мне поможет убрать мистер Крендлер, если вы извините его за то, что он нас покинет.

Все было проделано очень быстро. Зайдя за экран из цветов, доктор Лектер просто сбросил все остатки с тарелок в полупустой череп Крендлера, а сами тарелки сложил у того на коленях. Потом закрыл череп срезанной крышкой и, взявшись за веревку, привязанную к тележке, что была пристроена под креслом Крендлера, перевез его в кухню.

Затем доктор Лектер перезарядил свой арбалет. Для удобства он воспользовался тем же блоком питания, от которого работала секционная пила.

Кожица перепелов хрустела, а сами они были нафаршированы гусиной печенкой. Доктор Лектер рассказывал о музыкальном творчестве короля Генриха VIII, а Старлинг говорила о компьютерном моделировании и воспроизведении звуков различных машин и механизмов и вообще о частотных колебаниях,

вызывающих чувство удовольствия.
Потом доктор Лектер объявил, что десерт будет подан в гостиной.
ГЛАВА 101
Суфле и бокалы с вином "Шато д'Икем" у горящего камина в гостиной, кофе
на боковом столике возле локтя Старлинг.
Отблески огня пляшут в золотистом вине, его аромат ощущается даже на
фоне запаха горящих в камине поленьев.
Они говорили о чайных чашках и о времени, и еще о царствии хаоса.
- Вот так я пришел к убеждению, - говорил доктор Лектер, - что где-то в
мире должно быть место для Мики, наилучшее место, освобожденное именно для
нее. И еще я пришел к выводу, Клэрис, что самое лучшее в мире место для нее
- ваше.
Отсветы пламени из камина не столь четко раскрывали всю таинственную
глубину лифа ее платья, как до того делали горящие свечи, а лишь чудесными
отблесками играли на ее лице.
Она с минуту раздумывала.
- Позвольте мне задать вам вот какой вопрос, доктор Лектер, - наконец
произнесла она. - Если для Мики требуется наилучшее место в этом мире - а я
вовсе не говорю, что это не так - то как насчет вашего собственного места?
Оно, конечно, занято, но я уверена, что ей вы никогда не откажете. Мы с нею
могли бы быть как сестры. И если, как вы утверждаете, во мне есть место для
моего отца, то почему бы в вас не могло оказаться места для Мики?
Доктор Лектер, казалось, был очень рад - то ли эта мысль ему понравилась, то ли изощренность ума Старлинг, трудно сказать. Правда, может
быть, он испытывал смутное беспокойство оттого, что его создание оказалось

даже лучше, чем он рассчитывал.
Отставляя бокал с вином на боковой столик, она столкнула кофейную чашку, и та упала и разбилась о камин. Она даже не посмотрела в ту сторону.
Доктор Лектер смотрел на осколки. Те лежали совершенно неподвижно.
- Не думаю, что вам следует принимать решение прямо сейчас, - продолжила Старлинг. Глаза ее и кабошоны в украшениях сияли в отблесках пламени. Порыв ветра взметнул огонь в камине, от него дохнуло жаром, она ощутила его сквозь платье, и тут же у нее возникло мимолетное воспоминание - доктор Лектер, давно-давно, спрашивает сенатора Мартин, кормила ли та дочь грудью. Сияние камней, легкое движение плеч как бы обратили ее неестественное спокойствие вовнутрь: на секунду многие окна ее памяти выстроились в одну линию, давая ей возможность одним взглядом окинуть все пережитое в прошлом. И она сказала:
- Ганнибал Лектер, ваша мать кормила вас грудью?
- Да.
- А у вас никогда не возникало желания уступить эту грудь Мике? У вас никогда не возникало ощущения, что вы должны уступить ей?
Удар сердца.
- Не помню такого, Клэрис. Но если я ей уступал, я делал это с радостью.
Клэрис Старлинг сунула сложенную чашечкой ладонь в глубокий вырез платья и достала грудь; сосок тут же затвердел на открытом воздухе.
- А эту вам никому не придется уступать, - сказала она. Глядя неотрывно прямо ему в глаза, она поднесла указательный палец, тот самый палец, которым

нажимала на спуск пистолета, к губам, уронила на него каплю согретого во рту "Шато д'Икема" и перенесла ее на грудь. И капля густого сладкого вина повисла на соске как золотистый кабошон, чуть подрагивая в такт ее дыханию.

Он стремительно поднялся из своего кресла и подошел к ней, опустился на колено возле ее кресла и склонил свою темную, гладко причесанную голову над ее грудью, отсвечивающей коралловым и сливочно-бледным в отблесках пламени камина.

ГЛАВА 102

Буэнос-Айрес, Аргентина. Три года спустя.

Барни и Лилиан Херш шли по авенида Нуэво де Хулио неподалеку от Обелиска. Был ранний вечер. Мисс Херш, преподаватель Лондонского университета, находилась в годичном отпуске для научной работы. Они с Барни встретились и познакомились в антропологическом музее в Мехико. Оба друг другу очень нравятся и уже две недели путешествуют вместе, присматриваясь друг к другу, и это совместное времяпрепровождение как будто нравится им обоим все больше и больше. Они еще не успели устать друг от друга.

Они прилетели в Буэнос-Айрес во второй половине дня, слишком поздно, чтобы успеть в Национальный Музей, где экспонировалась одна из картин Вермеера, одолженная музею на время. Намерение Барни увидеть все картины Вермеера в мире очень развеселило Лилиан Херш, но это вовсе не мешало им весело проводить время. Он уже успел посмотреть примерно четверть всех существующих в мире картин Вермеера, и ему предстояло еще достаточно долго

развлекаться подобным образом.

Они искали какое-нибудь симпатичное уличное кафе, где могли бы перекусить, не заходя в помещение.

К зданию "Театра Колона", великолепного оперного театра Буэнос-Айреса, один за другим подъезжали лимузины. Лилиан и Барни остановились поглазеть на любителей оперной музыки, спешивших в театр.

Сегодня здесь давали "Тамерлана" Генделя с великолепным составом, а толпа буэнос-айресских любителей музыки, спешащая на премьеру, - весьма занимательное зрелище.

- Барни, ты как насчет оперы? Мне кажется, тебе должно понравиться. Я могу "выставиться" на билеты.

Его позабавило, что она воспользовалась американским жаргонизмом. "Выставиться"!

- Если ты мне все будешь объяснять, лучше я сам "выставлюсь", - сказал он. - Думаешь, нас туда пустят?

В этот момент к тротуару почти бесшумно подкатил огромный "мерседес-майбах", темно-синий с серебристой отделкой. Рядом тут же появился швейцар, готовый распахнуть дверцу.

Из лимузина вышел мужчина, стройный и элегантный, во фраке и белом галстуке, и помог выбраться даме. Ее появление вызвало ропот восхищения в толпе у входа. Изящная головка, волосы уложены в красивую прическу, напоминающую платиновый шлем; одета она была в облегающее платье из мягкой матовой ткани кораллового цвета с кружевной накидкой. На шее зеленым сиянием светились изумруды. Барни видел ее лишь мельком, через головы толпы; вместе

со спутником она исчезла в фойе.

Ее спутника Барни успел разглядеть получше. Волосы его были причесаны очень гладко, словно мех выдры, а нос выдавался вперед так же высокомерно-повелительно, как нос Перона. Прямая осанка делала его выше, чем он был на самом деле.

- Ты очнешься когда-нибудь? Так мы идем в оперу или нет? Если, конечно, нас пустят in mufti. Вот наконец-то мне представился случай употребить это выражение - in mufti, даже если оно сюда не очень подходит. Но мне всегда хотелось сказать, что я сегодня in mufti.

Когда Барни не спросил ее, что такое in mufti, она посмотрела на него более внимательно. Он ведь всегда спрашивал, когда ему что-то было непонятно.

- Ага, - сказал Барни с отсутствующим видом. - Я выставлюсь.

У Барни была куча денег. Он их тратил расчетливо, но не скупердяйничал. Однако в кассе оставались билеты только на галерку, где были одни студенты.

Предвидя, что до сцены будет очень далеко, он взял напрокат в гардеробе полевой бинокль.

Огромное здание театра построено в смешанном стиле итальянского Возрождения с явными признаками греческого и французского влияния, богато отделано бронзой позолотой и красным бархатом. В толпе так и сверкали драгоценные камни, словно огоньки на новогодней елке.

Лилиан пересказала Барни либретто еще до того, как началась увертюра, тихо шепча ему на ухо.

За секунду до того, как в зале погас свет, начиная с более дешевых

мест, Барни обнаружил эту пару - платиновую блондинку и ее спутника. Они только что прошли сквозь золотистые портьеры и уселись в разукрашенной ложе рядом со сценой. Изумруды на шее дамы сверкали в свете люстр, освещавших зрительный зал. Когда она входила в фойе, Барни видел ее в профиль справа. Теперь она сидела к нему левым боком.

Окружавшие Барни и Лилиан студенты - ветераны галерки, привычные к огромному расстоянию до сцены, - притащили с собой самые разнообразные средства, призванные помочь им получше видеть, что происходит на сцене. У одного из них оказалась даже мощнейшая зрительная труба, столь длинная, что все время ворошила волосы на голове у сидевшего перед ним зрителя. Барни поменялся с ним, отдав свой бинокль, чтобы рассмотреть тех двоих, в далекой от него ложе. Ему пришлось помучиться, пока он нашел их - у зрительной трубы очень ограниченное поле обозрения, - но когда он наконец их нашел, эта пара сразу оказалась до жути близко.

На щеке дамы он заметил небольшую мушку, французы называют такую "courage". Дама как раз осматривала зал, ее взгляд скользнул по галерке и двинулся дальше. Она   казалась очень оживленной,   ее коралловые губы непрестанно двигались. Вот она наклонилась к своему спутнику и что-то ему сказала - оба засмеялись. Потом она положила ладонь на его руку, взяв его за большой палец.

- Старлинг! - вырвалось у Барни, очень тихо.

- Что? - шепотом спросила Лилиан.

Барни огромным усилием воли заставил себя высидеть первый акт оперы.
Как только зажегся свет на первый антракт, он снова навел бинокль на ту ложу. Джентльмен как раз взял высокий и узкий бокал с шампанским с подноса официанта и подал его своей спутнице, затем взял бокал и для себя. Барни дал максимальное увеличение и навел бинокль на его уши.

Потом внимательно осмотрел обнаженные руки дамы. На них не было никаких следов или отметок, но, на его опытный взгляд, это были сильные, хорошо тренированные руки.

Пока Барни их рассматривал, джентльмен повернул голову, словно пытаясь уловить какой-то отдаленный звук, и повернулся лицом к Барни. Потом он поднял к глазам бинокль. Барни мог бы поклясться, что бинокль направлен прямо на него. Он закрыл лицо театральной программкой и вжался в свое кресло, словно пытаясь стать ниже ростом.

- Лилиан, - сказал он. - Я хочу попросить тебя об огромном одолжении.

- Ага, - ответила она. - Если оно вроде тех, что были прежде, я сперва хочу услышать, в чем оно заключается.

- Как только погасят свет, мы уйдем отсюда. И сегодня же вечером улетим в Рио. И не задавай никаких вопросов.

Выставленный в Буэнос-Айресе Вермеер оказался единственным, которого Барни так никогда и не увидел.

ГЛАВА 103

Последуем за этой великолепной парой из оперы? Хорошо, только очень осторожно...

В момент перехода в новое тысячелетие Буэнос-Айрес весь охвачен танго,

так что ночь прямо-таки пульсирует его ритмами. "Майбах" с опущенными оконными стеклами, чтобы было слышно музыку, медленно движется через квартал Риколета по направлению к авениде Альвеар и исчезает за оградой изысканного особняка в стиле Второй империи, расположенного неподалеку от французского посольства.

Воздух тих и прохладен. Поздний ужин сервирован на террасе верхнего этажа, но слуги уже ушли.

У слуг в этом доме всегда превосходное настроение, но у них - железная дисциплина. Им запрещено до полудня подниматься на верхний этаж дома. Или что-то менять в стиле подачи первого блюда за обедом.

Доктор Лектер и Клэрис Старлинг часто разговаривают за обедом на разных языках, помимо родного для Старлинг английского. В колледже она изучала французский и испанский, так что у нее был некоторый задел, чтобы двигаться дальше. Потом она обнаружила, что очень хорошо воспринимает новое на слух. За едой они также часто говорят по-итальянски; она обнаружила, что очень свободно ориентируется в визуальных нюансах этого языка.

Иногда, в перерывах между блюдами, эта пара танцует. Иногда они даже не заканчивают обед.

Их взаимоотношения очень во многом обязаны проницательности Клэрис Старлинг, которую она всячески развивает и поощряет. Многим они обязаны и развитию Ганнибала Лектера далеко за пределы его былого опыта. Возможно, Клэрис Старлинг теперь несколько пугает его. Секс также великолепная вещь, и они приправляют им каждый новый день своей жизни.

Палаты дворца памяти Клэрис Старлинг тоже продолжают строиться. Здесь есть помещения, общие с дворцом памяти доктора Лектера - он уже несколько раз обнаруживал ее в них, - однако ее собственный дворец растет отдельно, сам по себе. В нем полным-полно новых вещей. Она может посетить там своего отца. Там на лугу пасется Ханна. Джек Крофорд тоже там, когда ей хочется увидеть, как он сидит, склонившись над своим рабочим столом. После того как Крофорд вернулся домой из больницы, ночные боли в груди вскоре появились вновь, всего через месяц. Вместо того чтобы вызвать "скорую" и опять обречь себя на все эти бесконечные больничные мытарства, он предпочел просто перекатиться на соседнюю кровать, в мир и покой, которые сулило ему место его покойной жены.

Старлинг узнала о смерти Крофорда после очередного посещения доктором Лектером открытого для публики сайта ФБР в Интернете и подивилась тому, как он похож на фотографии "десяти самых разыскиваемых". Фото доктора Лектера, которым до сих пор пользуется ФБР, отстает от реальной действительности на целых два лица, которые за истекшее время успел сменить доктор.

После того как Старлинг прочла некролог Кроффорда, она почти весь день бродила в одиночестве и была очень рада вечером вернуться домой.

Год назад она отдала один из своих изумрудов ювелиру, чтобы вставить его в кольцо. На внутренней стороне кольца была сделана гравировка: "АМ-КС". Арделия Мэпп получила это кольцо по почте в бандероли без обратного адреса и

с запиской: "Дорогая Арделия! У меня все в полном порядке, даже больше того.
Не ищи меня. Я тебя люблю. Прости, что напугала тебя своим исчезновением.
Записку сожги. Старлинг".

Мэпп взяла кольцо с собой, когда поехала на реку Шенандоа, где Старлинг любила когда-то совершать свои пробежки. Она долго шла по берегу, сжимая кольцо в ладони, злая, с горящими глазами, готовая в любой момент зашвырнуть кольцо в воду, уже представляя себе, как оно сверкнет в воздухе и, булькнув, исчезнет в воде. В конце концов она надела кольцо на палец и засунула кулак в карман. Мэпп не очень любит плакать, поэтому она просто долго бродила по берегу, пока не успокоилась. Когда она вернулась к машине, было уже темно.

Трудно сказать, что именно вспоминает Старлинг из своей прежней жизни, что она еще хранит в памяти. Лекарства, что поддерживали ее в первые дни, не оказали никакого влияния на продолжительную последующую совместную жизнь с доктором Лектером. И продолжительные беседы при единственном источнике света в комнате - тоже.

Иной раз доктор Лектер вполне намеренно сбрасывает на пол очередную чайную чашку, чтобы та разбилась. И всякий раз он бывает вполне удовлетворен тем, что осколки не складываются вновь в целую чашку. Он уже много месяцев не видел во сне Мику.

Может быть, в один прекрасный день осколки все же сложатся обратно в целую чашку. Или Старлинг услышит где-нибудь звон арбалетной тетивы и

пробудится, сама того не желая. Если, конечно, она и в самом деле спит.

А нам настала пора уйти, пока они там танцуют на террасе, - у Барни хватило ума бежать из города, так давайте же последуем его примеру. Ведь для любого из них может оказаться фатальным открытие, что мы за ними наблюдаем.

Мы уже и так много узнали о них, а, как известно, чем меньше знаешь, тем дольше живешь.